

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор), *Б. Т. Горянов*,
член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
Е. Э. Липшиц, *Г. Г. Литаврин* (отв. секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюсюмов*,
Э. В. Удальцова (зам. отв. редактора)

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ПРОИЗВОДСТВО ШЕЛКА В ВИЗАНТИИ И ИРАНЕ В IV в.

Торговля шелком, вывозимым в древности из Китая сушей и морем, являлась звеном, связывавшим интересы Византии и Ирана, которые соперничали между собою за господствующее положение на Ближнем Востоке. Караванный путь, которым дорогой товар доставляли из Небесной империи к берегам Средиземноморья, получил название „шелковой дороги“. На всем ее протяжении памятники материальной культуры и письменности свидетельствуют о взаимном влиянии Запада и Востока. Как морские, так и сухопутные дороги с Востока приводили в Иран, который пользовался этим своим преимуществом. Противоречия в области экономических интересов не раз вызывали военные столкновения между Ираном и Византией.

Особенно широкое распространение шелка в Средиземноморском бассейне относится к III—IV вв. и сохраняется в средневековый период. Еще в I в. н. э. был освоен новый северный путь из Китая. Об употреблении шелковых тканей в Римской империи в том же I в. н. э. свидетельствует Плиний Старший. Ему было известно, что шелк изготавливают китайцы, серы (Seres). С этим привозным товаром римским женщинам (feminis nostris) достается „двойной труд“ (geminus... labor) „развивать нить и вновь ткать“ (redordiendi fila rursumque texendi).¹

Повидимому, Плиний имеет в виду необходимость развить нить шелка-сырца, метаксы. Замечание Плиния о двойном труде, выпадающем на долю „наших женщин“, указывает на изготовление шелковых тканей в империи. Тому же автору известно, что шелк производит червь, и он добавляет: „Ткани, называемые бомбициной, наподобие пауков ткнут для платья и женской роскоши“². Однако, очевидно, что в его время шелковые одежды были предметом роскоши, доступной немногим.

Как видно из сообщения Аммиана Марцеллина³, в раннем средневековье шелк стал сравнительно распространенным, но все же изысканным и дорогим товаром. „Китайцы, — пишет он, — изготавливают шелк, служивший в прошлом для употребления знати, ныне же он используется без всякого различия и недостаточными...“. Так как разведение шелко-вического червя и, следовательно, получение сырья распространилось в областях Византии лишь в VI в., это свидетельство авторитетного писателя о сравнительно широком употреблении шелка и в менее состоятельной среде следует отнести за счет усовершенствования способа производства шелка, что могло привести к его удешевлению.

¹ Plinius. *Historia naturalis*, VI, 20, 2.

² Ibid., XI, 26, 1.

³ Ammianus Marcellinus. *Res gestae*, XXIII, 6, 57.

Письменные и археологические источники указывают на расцвет в империи ткацких мастерских, работавших по изготовлению шелковых тканей, обработка, окраска и украшение которых производились в соответствии со вкусом и требованиями византийского потребителя. Имеется свидетельство того же Плиния Старшего о применении уже в I в. н. э. многониточного станка: *Plurimis vero liciis texere, quae polymita appellant, Alexandria instituit*¹. Но слова его не вполне ясны: нет полной уверенности в том, что именно следует подразумевать под *polymita*. Но слово *μίτος, μίτοι* и в настоящее время на острове Крите обозначает ремизы. Возможно, что Плиний имел в виду введение многониточного станка со многими ремизами².

Археологическим свидетельством о наличии шелка в областях, подвластных империи, являются шелковые ткани, найденные в Египте в погребениях Антиной и относящиеся к IV в. н. э.

В начале V в. в Александрии существовала императорская мастерская, в которой ткали шелковые ткани (гинекея). *Itinerarium Antonini Placentini* VI в. упоминает об общественных ткацких мастерских, в которых ткали шелковые и другого рода ткани³.

Шелковые ткани изготовлялись во многих городах Римской империи. В приморских центрах Сирии (Бейрут, Тир, Сидон) были многочисленные прядильные и ткацкие мастерские, изготовлявшие ткани из шелка-сырца, доставлявшегося туда из Индии и с Цейлона⁴.

Раскопки некрополя в Пальмире обнаружили шелковые ткани, которые, по мнению искусствоведов, вышли из рук мастеров Сирии и Месопотамии. Об этом говорят и письменные источники, как, например, сирийское „Учение Аддая“, в котором упомянуты ткачи, изготовлявшие ткани и парчу при дворе царя Осроены Абгара (IV в. н. э.)⁵.

Шелковые ткани Востока прежде всего доставлялись сухопутным путем в Иран, имевший и ряд гаваней в Персидском заливе. Благодаря этому персидские купцы, получавшие товар из Китая и среднеазиатских областей, вели широкую транзитную торговлю шелком и шелковыми изделиями. Но изготовление шелковых тканей, использование для тканья метаксы в самом Иране было связано с насаждением этого производства шахами, которые привлекли мастеров-ремесленников из Междуречья и приморской Сирии. Об этом известно Масуди (I, 124), по мнению которого производство шелковых тканей в Персии было введено при Шапуре II (309—379). Подробно об этом сообщает анонимный сирийский памятник V в. Шапур II использовал труд военнопленных, захваченных им в его походах на запад. Таким военнопленным был отец ткача Поси. „Итак этот славный Поси был по рождению из пленных, которых привел Шапур, сын Хормизда, от ромеев и поселил их в городе Бехшапуре, что в земле Фарс“⁶. По „приказу царя“ Поси имел в городе „базу“, „контору“ — *bunka*, что указывает на известную его состоятельность. „Он взял женой персиянку из того города“, которую он обратил в христианство. Своих детей он „вырастил и воспитал“ также в христианстве.

¹ Plinius. *Historia naturalis*, VIII, 74, 2.

² G. M. Crowfoot and J. Griffiths. *Coptic Textiles in twofaced Weave with Pattern in Reverse*. „*Journal of Egyptian Archeology*“, 25, 1939, I, p. 47.

³ Antoninus Placentinus. *Itinerarium saeculo sexti exeunte scriptum recensuit, vertit, notis mustravit J. Pomialovsky*. Православный Палестинский сборник, вып. 39. СПб., 1895, стр. 2.

⁴ Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв., ВВ, т. I, 1947, стр. 191.

⁵ G. Phillips. *The Doctrine of Addai, the Apostle*. London. 1876.

⁶ *Acta martyrum et sanctorum*, ed. P. Bedjan, t. II, Parisiis, 1894, p. 208.

Когда шаханшах Шапур II „построил город Карка де Ледан, он привел пленных с разных мест и поселил в нем“¹. Но этого было мало. Практика подсказывала и другую меру. Шаху „показалось хорошим“ смешать пленных с местным населением. Для этой цели „из всего народа, что в городах земель его державы“, он приказал „перевести по тридцать или около того родов“ в свой новый город и поселить их „среди них“, т. е. среди пленных. Расчет был сделан на то, что пленные „смешаются“ с этими родами.

Смешанные браки должны были создать „привязанность“, а также ослабить связь между военнопленными. При поселении военнопленных в новом городе они могли бы составить слишком большую и сплошную массу населения. Расселение среди них подданных Ирана должно было способствовать ассимиляции выведенных из империи пленных и тому, „чтобы им не легко было понемногу, путем бегства, удалиться в области, откуда их полонили“². „Так полагал Шапур по своим соображениям“, добавляет автор жития, но „путем смешения пленных с народами“ произошло другое, а именно христианство получило значительное распространение среди городского населения Ирана. Об этом свидетельствует ряд источников. „Как и прочие роды из разных мест, которых привели и поселили в городе по приказу Шапура, сына Хормизда, так и из Бехшапура, города в Фарсе, приводили. Среди тех, которых переселили из Бехшапура, был и блаженный Поси, его жена, его дети, его братья, его сестры, его домочадцы, их перевели и поселили в Карка де Ледан“³. Переселение совершалось, следовательно, целым родом, так как кроме жены и детей упоминаются братья и сестры Поси, которые составляли, таким образом, с ним одну большую семью, в которой Поси был „домовладыкой“. Такая большая семья сообща обслуживала и ту „базу“, о которой сообщал источник. Известное благосостояние Поси можно отметить и на основании того, что у него были домочадцы, „люди его дома“, которых переселили с ним вместе. Это могли быть люди, не только обслуживавшие его дом, но и подручные работники, занятые в мастерской своего хозяина.

Поси был ткачем и при этом „превосходным ремесленником“, его главной специальностью было изготовление парчи, шелка с золотом (в сирийском языке употреблено сочетание известного из греческих источников слова „метакса“ и „золото“). Он вырабатывал таким образом „украшенные“ ткани, т. е. узорчатые, с рисунками.

Шапур собрал всяких ремесленников из числа ромейских „пленных“, к которым принадлежал и Поси. Шаханшах использовал их для своих собственных шахских мастерских; как сообщает источник, „мастерские он поставил им около своего дворца в Карка де Ледан“⁴.

Одним из важнейших и чрезвычайно неясных в истории раннего средневековья является вопрос об организации ремесла. То, что в Иране ремесленники были организованы в своего рода корпорации, отмечалось нами в другой работе на основании подписей старшин разных ремесел под актами несторианских соборов⁵. Во главе отдельных отраслей производства находились старосты, старшины или главы (сирийское *sabe* и *tišane*). Известно, на какой значительной высоте в Иране находилось

¹ *Acta martyrum et sanctorum*, t. II, p. 209.

² *Ibidem*.

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibidem*.

⁵ Н. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. Л., 1946, стр. 228—229.

изготовление всякого рода металлических изделий; неудивительно поэтому, что среди подписей встречаются „старшина серебрянников“, „глава ювелиров“, „глава“ занятых работой над свинцом и другими металлами¹. Подписи этих лиц под актами соборов указывают на то, что представители корпораций были видными, богатыми и пользовавшимися влиянием в своем городе и государстве людьми. В период арабского господства в Иране, как и в византийских городах, люди одной профессии селились обычно в определенном квартале. Нет сомнения, что устройство городов Ирана эпохи халифата и в этом случае сохранило традиции предшествующего периода.

К числу лиц, организованных в корпорации, принадлежали и торговцы. Под актами собора VI в. встречается имя Камизиды бар мар Шемона, „торговца“. Особый интерес вызывает подпись „старшины торговцев“, перса, по имени Михрбузиды бар Гурии. Звание старшины встречается и в приведенных выше наименованиях старшин или глав ремесленников. Под актами собора 544 г., созданного при патриархе мар Абе I, подписан „начальник ремесленников“ или их глава; персидское звание его — каругбед — приведено в сирийской транскрипции². Каругбед был главой ремесленников, возглавлял их корпорации и представлял их перед шахом. Таким образом, „старшины“ ремесленников и торговцев „управляли“ ими, а над всеми ними стоял „начальник“ или „господин ремесленников“. Последний, как чиновник, занимал уже выдающееся положение в государстве. В связи с этим и сведения о Поси получают живой и отчетливый характер. Организация ремесленников в соответствии с их специальностью приобретает еще большую определенность.

Шапур из собранных им ремесленников в Карка де Ледан составил „одно собрание“, т. е. они составили как бы одну производственную единицу, управлявшуюся старшиной или главой³. Автор подчеркивает этот факт, так как, очевидно, каждое ремесло составляло свое „собрание“, т. е. имело отдельную организацию, здесь же она объединяла всех ремесленников, с многими разделами или видами ремесла.

Сирийский термин „собрание“, *kenusia*, встречается обычно как понятие собрания людей, их известного единства, организации, самоуправляющейся единицы. Особое „собрание“ составляла высшая сирийская школа, чем подчеркивалось, что она является не случайным сборищем людей, а некоей организацией, которой должен был быть представлен новый член, которая могла вывести недостойного члена из своего состава. „Собрание“ школы пользовалось правом выбирать лицо, которое руководило всей хозяйственной жизнью школы, своего майордома⁴.

Не случайно названа „собранием“ и организация ремесленников, которая, очевидно, выбирала своего главу или старшину. В Карка де Ледан ремесленники различных специальностей составили одно „собрание“, что было, вероятно, связано с тем, что все они были ремесленниками царского двора⁵. Их мастерские были расположены у дворца Шапура II, а не в различных кварталах города. О том, как селились ремесленники, достаточно отчетливо говорят названия улиц города, которые сохранила хроника Карка де бет Селох. Наименование улиц соответствовало на-

званиям ремесел, мастерские которых здесь помещались. Источник говорит, что Шапур „сделал“ собранных им ремесленников „одним собранием многих разделов“. Сирийское слово „тегма“ есть транскрипция греческого *τάγμα* и означает „раздел“, „легион“, как и „ранг“, „класс“. В одно „собрание“ входили, следовательно, мастера различных видов ремесла, чего обычно не бывало.

Поси как искусный ткач, превосходный мастер своего дела, „был прославлен перед царем“, который оказывал ему „честь“ и „постоянно делал ему много подарков“. Через некоторое время шах „сделал его главой ремесленников, и изо дня в день возрастал этот человек и прославлялся“¹. Затем шах сделал его „главой ремесленников других областей своей державы“.

Другой источник дает хорошо известный персидский термин, он называет Поси (Пусика) каругбедом: „... чин его был каругбед, что переводится — управляющий ремесленниками царя“². Каругбед был уже чиновником, назначенным шахом, выполнял функции государственного характера. Только должности „старшин“ и возглавлявших корпорации лиц замещались путем выборов.

В обязанности каругбеда входило инспектирование шахских мастерских в других городах Ирана. „Немного дней спустя, после того как он получил от царя эту должность чести, ему было приказано царем отправиться, чтобы посетить ремесленников, что были в городе Шадбор, называемом по-арамейски Рама“³.

Таким образом, звание каругбеда, „господина работ“ или „начальника ремесленников“⁴, в IV в. было дано христианину Поси; христианином был и Вардаяб, подписавшийся под актами несторианского собора 544 г. Это указывает на значительное место, которое заняли в городах ремесленники — христиане, сирийцы и сироязычные персы.

В настоящее время имеются и другие данные о технике шелкоткацкого производства, которые позволяют прийти к выводу, что пленные ткачи из Сирии и Междуречья ввели в Иране новые способы тканья, которые могли быть осуществлены лишь на основе более усовершенствованного инвентаря. Вопрос о характере некоторых тканей, шелковых и шерстяных, найденных в Антиное и в Пальмире, неоднократно дебатировался в научных журналах. При этом приходили к выводу, что найденные в Антиное шерстяные ткани, служившие подушечками для головы покойника, были двусторонними. Рисунок лицевой стороны повторялся на обратной, с той разницей, что на левой, оборотной, стороне цвет фона дает рисунок, а цвет рисунка — фон, т. е. белый рисунок на голубом фоне лицевой стороны дает голубой рисунок на белом фоне обратной стороны ткани⁵.

Рисунок при этом основной не выполняется, в нем участвуют только чередующие нити утка. Тканье в данном случае не очень сложное, с четырьмя ремизами. По лицевой стороне рисунок дается утком, который покрывает три нити основы, в то время как ненужная нить утка покрывает только одну нить основы. Нити двух цветов, которые пропускаются по основе, образуют рисунок как на лицевой, так и на обратной стороне. Белая нить лицевого рисунка прячется под голубой нитью, которая выполняет тот же рисунок на оборотной стороне. Од-

¹ Synodicon Orientale, p. 79—80. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, vol. 37. Paris, 1902.

² Acta martyrum et sanctorum, t. II, p. 79.

³ Ibid., p. 210.

⁴ J. Guidi. Gli Statuti della scuola di Nisibi. Giornale della di Nisibi. Giornale della Società Asiatica Italiana, v. 4, Roma, 1894, pp. 181—182.

⁵ Acta martyrum et sanctorum, t. II, p. 210.

¹ Acta martyrum et sanctorum, t. II, p. 210.

² Martyrium beati Simeonis. Patrologia Syriaca, t. II, pars I. Parisiis, 1907, col. 774—775; Narratio de beato Simeone. Patrologia Syriaca, t. II, pars I, col. 954.

³ Acta martyrum et sanctorum, t. II, p. 210.

⁴ T. Nöldcke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879, SS. 240, 502.

⁵ G. M. Crowfoot and J. Griffiths. Coptic Textiles... pp. 40—47.

нако при таком способе тканья возможно выполнение и чрезвычайно сложных рисунков. Сложные изображения этих тканей повторяются при этом систематически и совершенно точно. Ширина таких тканей достигает 85 см. Исходя из всех этих данных, Кроуфут и Гриффитс пришли к выводу, что для этих изделий был необходим более сложный ткацкий станок, горизонтальный, с четырьмя ремизными нитями, с педалями, со специальными приспособлениями, что делало этот станок механическим. Это позволило совершенно точно многократно повторять один и тот же рисунок¹. Такого рода текстильный станок с педалями создал возможность участия в трудовом процессе ноги и приводил к высвобождению руки ткача в производстве.

Ткани с таким повторяющимся рисунком авторы относят к IV в.² Исследуя направление кручения нитей этих тканей, упомянутые исследователи нашли, что нити утка имеют правое кручение, как это было обнаружено и Пфистером в тканях, найденных в раскопках в Пальмире³. Этот способ кручения существует до настоящего времени в Пальмире, Трансиордании, у племен Бени-Гасан. Левое кручение было обычным для древнего Египта, и до настоящего времени в Египте и Судане, там, где в употреблении ручное веретено, нить имеет левое кручение⁴.

Найденные в Антиное ткани с точно повторяющимся рисунком, которые были изготовлены с помощью механического ткацкого станка, имели правое кручение нити, они были привозными. Пфистер был склонен считать их иранскими⁵. Предположение Пфистера, что сложный ткацкий станок был известен до переселения в Иран ромейских ткачей, которые будто бы только там и освоили работу на нем⁶, не оправдывается ни данными, которые привел сам Пфистер, ни другими материалами. К тому же, если бы местные ткачи располагали усовершенствованным ткацким станком и работали на нем, Шапуру II не надо было бы переселять пленных ромейских ремесленников и устраивать для них мастерские. С достаточными основаниями следует считать, что ткани, найденные в Антиное, происходили из Сирии, на что указывает сходство их с пальмирскими тканями и наличие настоящего пурпура, который получали в Тире. В приморской Сирии и Месопотамии изготовление узорного шелка засвидетельствовано многочисленными данными источников. Археологические данные (Пальмира) подтверждают местное изготовление шелковых тканей, которые требовали усовершенствованного станка. Кипорное тканье из шелковых нитей и по мнению А. Стэйна осваивалось в Китае и Центральной Азии по тому образцу, который был представлен шерстяными тканями с рисунками, производившимися в бассейне реки Тарим.

В приморской Сирии и Месопотамии усовершенствованный ткацкий станок известен с III—IV вв. н. э. Можно полагать, что именно оттуда вместе с искусными ткачами он проник и в Иран. Искусный ремесленник Поси, со своими чадами и домочадцами, выполнял „ткацкую работу и фигурным золотом обрабатывал метаксу“, т. е. выделывал парчу (дибга или дибга). Выделка узорных шелковых тканей в Иране получила распространение с IV в. н. э., после переселения пленных „ромейских ткачей“.

¹ G. M. Crowfoot and J. Griffiths. *Coptic Textiles...*, p. 46.

² Ibid., p. 47.

³ R. Pfister. *Textiles de Palmyre*. Paris, 1934, p. 38; R. Pfister. *Nouveaux textiles de Palmyre*. Paris, 1937, p. 39.

⁴ G. M. Crowfoot and J. Griffiths. *Coptic Textiles...*, p. 47.

⁵ R. Pfister. *Le rôle de l'Iran dans le textiles d'Antinoé*, „*Ars Islamica*“, vol. XIII—XIV, 1948, p. 46—49.

⁶ Ibid., p. 67.

З. В. УДАЛЬЦОВА

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ИТАЛИИ НАКАНУНЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Изучение истории классовой борьбы в остготском королевстве в Италии представляет большой научный интерес, особенно в связи с теми изменениями, которые произошли в характере этой борьбы на основе крупных перемен в социально-экономической жизни страны.

В трудах некоторых буржуазных историков вопрос о борьбе народных масс в период правления остготов или просто замалчивался¹ или трактовался с реакционных позиций.

Так, например, Феликс Дан в своем обширном труде, посвященном истории германских королевств, возникших на территории Римской империи, восхваляет остготского короля Теодориха за его „твердую“ внутреннюю политику, направленную как против выступлений народных масс (в частности, рабов), так и против злоупотреблений могущественных лиц². По мнению Ф. Дана, в течение длительных войн, происходивших в Италии, многочисленные римские рабы „распустились и одичали“. В связи с гибелью массы знатных римлян-рабовладельцев многие из рабов освободились или переменили хозяев. Вместе с тем во время „беспорядков“ усилились и могущественные лица, обращавшие беззащитных людей в своих слуг или рабов.

Против „распушенности“ этих „одичавших“ без хозяев рабов, а также против злоупотреблений новой знати и выступает якобы правительство Теодориха в своих законодательных санкциях³.

При этом сам король Теодорих рисуется в книге Дана гуманным миротворцем, носителем некоего абстрактного начала надклассовой „гуманности“: он стремится к установлению в стране порядка, к подавлению выступлений народных масс и к прекращению бесчинств знати. О выступлениях народных масс, особенно рабов, автор говорит с нескрываемым презрением, считая, что вывести рабов из состояния „одичания“ и „распушенности“, в котором они оказались в результате бурных событий предшествующего времени, могла только крепкая королевская власть⁴.

В противоположность Дану, не только не отрицавшему наличия классовой борьбы в остготском государстве при Теодорихе, но даже открыто восхвалявшему этого короля за подавление народных восста-

¹ O. Bertolini. *Roma di fronte a Bizanzio e ai Longobardi*. Bologna, 1941.

² F. Dann. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV. Würzburg, 1866, S. 33.

³ Ibidem, S. 33—34.

⁴ Ibidem.

ний, некоторые буржуазные историки изображают правление Теодориха как период некоей социальной гармонии. В большинстве случаев они отрицают наличие классовых столкновений в государстве остготов и рисуют самого Теодориха покровителем и заступником народа, встречающим его горячую поддержку и одобрение¹.

Между тем источники VI в. содержат весьма важные, хотя и не слишком обильные сведения о классовой борьбе в остготском государстве. Они проливают некоторый свет на вопрос о характере и формах социального сопротивления различных слоев угнетенного населения Италии того времени.

В условиях сохранения рабства и дальнейшего ухудшения в положении колоннов² весьма распространенной формой социального протеста народных масс в остготском королевстве попрежнему остается бегство рабов и колоннов из имений их господ. Об этом свидетельствует включение остготским правительством в эдикт Теодориха ряда строгих предписаний, направленных против побегов рабов, колоннов и представителей других категорий зависимого населения Италии. Так, например, эдикт сурово карает укрывательство беглого раба или чужого колона³, причем за сокрытие того же самого беглеца во второй или в третий раз наказание увеличивается и размер материальной компенсации возрастает: если в первый раз человек, укрывший раба или колона, должен был выдать хозяину, кроме самого беглеца, еще одного раба, то при повторении этого проступка виновный обязан был возратить господину, помимо беглого раба, еще трех других рабов той же самой стоимости⁴.

Весьма показательным является то, что в римском праве аналогичные предписания были направлены только против побегов рабов, в остготском же законодательстве — также и против побегов колоннов⁵. При этом эдикт Теодориха устанавливает одинаковое наказание за укрывательство как раба, так и колона⁶. Все это свидетельствует о том, что в реальной действительности того времени весьма распространенным явлением были побеги не только рабов, но также и колоннов, что и нашло свое отражение в законодательстве остготского государства.

Охраняя интересы собственников, эдикт Теодориха предписывает при расследовании дела о побеге зависимых людей подвергать пытке беглецов для выяснения мотивов побега. Это предписание относится к рабам и, повидимому, в такой же степени, к колоннам⁷.

В связи с распространенностью побегов тех и других, для остготского правительства важно было пресекать побег всех зависимых людей, применяя по отношению к ним самые суровые меры.

В тесной связи с приведенной выше статьей эдикта Теодориха находятся и другие предписания остготского правительства, направленные против бегства рабов.

¹ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949, p. 132—134; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im frühen Mittelalter, Bd. I. Gotha, 1904, S. 119 etc.

² Э. В. Удальцова. Сельское зависимое население Италии VI в., ВДИ, 1955, № 3, стр. 85—117.

³ ETh., § 84.

⁴ Ibidem.

⁵ Cod. Just., VI, I, cap. 4, de servis fugitivis. ETh., § 84.

⁶ ETh., § 84.

⁷ Ibid., § 84. „... Mancipium tamen ipsum. . . oportet in examinatione torqueri. . .“ В данном случае термин „mancipium“, очевидно, имеет собирательное значение и обозначает как раба, так и колона; это вытекает из всего контекста данной статьи. См. Э. В. Удальцова. Сельское зависимое население Италии VI в., стр. 87.

Так, например, эдикт устанавливает, что „раб, находящийся в бегах, не может быть ни продан, ни подарен“¹. Запрещается удерживать у себя чужих рабов, беглых или переманенных². Хозяин несет ответственность за „склонного к бегству“ раба, проданного им другому лицу³. Предписание эдикта по этому поводу гласит следующее: „Если кто-либо продаст склонного к бегству раба не знающему о том лицу и если тот (раб) убежит также и от покупателя, то пусть продавец возвратит его стоимость и возместит убытки, которые могли быть причинены беглым“⁴. Эта статья эдикта, так же как и статья 84, убедительно показывает упорство и стойкость рабов и других зависимых людей в их борьбе за свою свободу: часто имело место повторное бегство рабов, против чего правительством принимаются соответствующие законодательные меры.

Это постановление эдикта Теодориха указывает на то, что остготское правительство частично перекладывало и на самих господ борьбу против бегства особенно непокорного и свободолюбивого раба. Законодательство устанавливало, что хозяин не может избавиться от „склонного к бегству“ раба путем продажи его другому лицу, а должен сам принимать меры против его повторных побегов.

Помимо упоминания о бегстве рабов и колоннов, в эдикте Теодориха имеются данные, которые говорят о побегах людей, принадлежащих и к другим категориям зависимого населения Италии.

Так, например, в эдикте особо оговариваются случаи бегства оригинариев⁵. Из статьи 80 эдикта Теодориха с очевидностью вытекает, что крупные землевладельцы принимали не только беглых рабов, но и оригинариев, которые выдавали себя за свободных людей⁶: эдикт предписывает наряду с рабами возвращать прежним хозяевам также и оригинариев⁷.

Необходимо особо отметить, что указание эдикта Теодориха на бегство и принудительное возвращение прежним хозяевам не только рабов, но и оригинариев, являлось нововведением самого остготского правительства: в римском праве не было предписаний такого рода⁸. Совершенно очевидно, что это нововведение было продиктовано необходимостью вести борьбу не только против бегства рабов, но и против колоннов-оригинариев: оно свидетельствует о распространенности побегов среди этой категории зависимого населения с земель крупных землевладельцев.

Остготское законодательство предоставило господам право отчуждать колоннов-оригинариев без земли. Поэтому имеется основание предполагать, что одной из причин, вызывавшей бегство колоннов, могло быть распоряжение господина о сгоне оригинариев с их насиженных мест и переводе их в город или в другие имения⁹.

¹ ETh., § 87: „In fuga positus servus nec vendi, nec donari potest“. Cp. Cod. Just., IX, 20, cap. 6. Paulus. Sent., lib. I, tit. 6A, § 2.

² ETh., §§ 85, 86.

³ Ibid., § 141.

⁴ Ibidem. „Quicumque fugere solitum vendiderit ignoranti, si emptorem quoque fugerit, et precium venditor reddat, et damna sarciat, quae per eundem contigerint fugitivum“. Cp. Paulus. Sent., lib. II, tit. 17, § 11.

⁵ ETh., §§ 68, 80.

⁶ Ibid., § 80.

⁷ Ibidem.

⁸ ETh., § 80, cp. Ulpian. XI, 4, fr. I de fugitivis: Cod. Just., VI, 2, cap. 4, de furtis et servo corrupto. Cp. Cassiodori Senatoris Variae, ed. Th. Mommsen, MGH. Berolini, 1894, III, 43.

⁹ ETh., § 142.

В VI в. часто происходило также и бегство рустиков; в источниках имеются, в частности, сведения о побегах рустиков с церковных земель во владения частных лиц¹.

Данные о бегстве клириков с церковных земель в конце VI в. содержатся в переписке папы Григория I, который в одном из своих писем к дефензору Сардинии пишет: „Нам было сообщено, что некоторые клирики (clerici) Каралиганской церкви отказали в повиновении своему епископу, прибегая к твоей защите против него, и поэтому становятся, о чем даже тяжело говорить, непокорными... Говорят даже, что, бросив поля своей церкви, они находятся вне церковных владений, занятые выполнением повинностей и работ на землях других лиц или записавшись на военную службу“².

Повидимому, в те времена нередки были также случаи бегства рабов и свободных людей, осужденных за какие-либо проступки: в эдикте Теодориха особо оговаривается, что расследование и наказание за преступления должно производиться там, где они совершены. Мотивировкой этого постановления служит опасение, что при переезде из одной области в другую обвиняемые могут бежать; причем указывается, что эту меру предосторожности в равной степени следует применять как по отношению к свободным людям, так и к вольноотпущенникам и рабам³.

Весьма показательным для характеристики положения разоренного свободного населения Италии и важным для выяснения его настроений является внесенное в эдикт Теодориха предписание, направленное против бегства коллегатов и куриалов с мест жительства⁴. Для свободных, но обедневших жителей Италии бегство от своего тягла из курии и коллегии, которые они не вправе были покинуть, также, повидимому, являлось методом протеста против социального неравенства и средством найти путь к освобождению⁵.

Непосредственной причиной бегства свободных людей могла являться неуплата недоимок и страх перед репрессиями правительства, строго каравшего за подобную провинность⁶. Иногда причиной бегства, по всей вероятности, служила непосильная тяжесть долгов и беспощадность кредиторов. Так, остготское законодательство указывает на то, что несостоятельные должники из числа обедневших свободных граждан бежали, спасаясь от преследования кредиторов, и искали убежища в церкви⁷.

Таким образом, в эдикте Теодориха и других источниках VI в. приводятся достаточно яркие свидетельства того, что в остготском государстве бегство рабов, колонов и угнетенного населения других кате-

¹ Gregorii I papae registrum epistolarum. MGH, t. II. Berolini, 1893, IX, pp. 203—206.

² Ibid., IX, p. 203. Ср. также, IX, p. 204: „... Дошло до нас, что некоторые из ваших клириков, побуждаемые духом гордыни, о чем тяжело говорить, перестали подчиняться вашим приказаниям и, занятые выполнением повинностей и работ на чужих землях, бросают владения твоей церкви, где они необходимы“.

³ Eth., § 103. Ср. Cod. Theod., de accusat. IX, I, cap. 10; Dig. XLVIII, 2, 7, § 4. Изложение статьи в эдикте является вполне самостоятельным. См. F. Dann. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 86. В эдикте особо упоминается о бегстве рабов, совершивших кражу. В этом случае хозяин раба не несет за него ответственности, и право наказания раба передается самому истцу (Eth., § 109).

⁴ Eth., § 69.

⁵ Правда, освободиться, видимо, не всегда удавалось, и беглецы попадали подчас в зависимость от крупных землевладельцев (Eth., § 69).

⁶ Cassiod. Var., IV, 14.

⁷ Eth., § 71.

горий продолжало оставаться одной из распространенных форм социального сопротивления народных масс: законодательство остготского государства, защищая интересы крупных земельных собственников, принимало против этого самые строгие меры.

Другой, также весьма распространенной формой социального протеста угнетенных слоев населения (рабов, колонов, оригинариев) являлись частные, локальные выступления против отдельных представителей господствующего класса, выражавшиеся в угоне стад скота крупных собственников¹, захвате их земли², уничтожении посевов³, убийстве господ⁴, нападении на их имения, иногда даже с применением оружия⁵ и, наконец, — в поджоге домов и vill крупными землевладельцев⁶.

При этом необходимо отметить, что остготское правительство применяло самые жестокие законодательные санкции именно против подобных правонарушений. Так, например, за угон стад скота эдиктом Теодориха устанавливается смертная казнь и возмещение убытков в четырехкратном размере⁷. Предписание эдикта по этому поводу гласит следующее: „Тот, кто угоняет животных (animalium) или стадо (gregem) или чужой скот (pecorum alienorum), будь то из конюшни или с выгона, — наказывается мечом и ущерб взыскивается в четырехкратном размере из его имущества (substantia)“⁸. В эдикте особо оговаривается, что если „...это будет раб (servus) или оригинарий, то их господин, вызванный вместо них в суд на основании законов, пусть немедленно представит судье задержанных для предания их (смертной) казни, или, если он это предпочтет, то пусть удовлетворит потерпевшего так, как мы сказали выше“⁹.

Остготское законодательство, в отличие от римского права, особо указывает на то обстоятельство, что угон стад скота производился не только рабами, но также и оригинариями¹⁰. Кассиодор, в свою очередь, рассказывает о случае, когда у одного знатного путешественника в Сциллатинской области местными рустиками (rustici) были угнаны кони¹¹.

Конечно, угон скота мог быть и просто актом грабежа, однако, вместе с тем, не подлежит сомнению, что это была также одна из форм социального сопротивления трудящихся. Об этом свидетельствует прежде всего то, что в остготском (как и в римском) законодательстве особенно строго карается именно угон стад скота, захват же небольшого числа животных рассматривается как кража и наказывается значительно мягче¹². Подобное разграничение указывает не только на стремление законодателя наиболее действенным образом оградить интересы крупных соб-

¹ Eth., §§ 56, 57, 58.

² Ibid., § 104.

³ Ibid., § 151.

⁴ Cassiod. Var., I, 30; II, 19.

⁵ Eth., §§ 16, 75, 77.

⁶ Ibid., § 97.

⁷ Eth., § 56.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Eth., § 56. Ср. Paulus. Sent., lib. V, tit. 18, § 2.

¹¹ Cassiod. Var., VIII, 32, § 4. Ср. IV, 49; VII, 1.

¹² Eth., §§ 56 и 57. В § 57 говорится следующее: „Если будет доказано, что угонщик (abactor) угнал, будь то из конюшен или с выгона, или похитил и насильно увел одного коня, до 2 лошадей и столько же быков, до 10 коз и до 5 свиней, то пусть он наказывается строжайшим образом (т. е. смертной казнью. — З. У.); если же будет кем-либо похищено менее указанного количества животных, в том числе и свиней, то виновный наказывается штрафом, равным 4-кратной стоимости (животного), который взимается с него, как с вора“.

ственников, владельцев больших стад скота, но и на то, что особенно суровая кара предписывалась как раз в тех случаях, когда преступление уже выходило за рамки обычных в сельском быту того времени мелких правонарушений, а перерастало в выступление социального характера: ведь угон стад скота часто был связан с применением оружия¹. Включение в эдикт Теодориха суровых санкций против угона стад скота доказывает, что подобные случаи, повидимому, были не редкостью в те времена; порою они служили проявлением народного гнева, формой социальной борьбы рабов и колонов против богатых землевладельцев, владевших обширными пастбищами и крупными стадами скота.

Привлекает особое внимание и то обстоятельство, что для рабов и оригинариев за угон стад скота — преступление, наносящее ущерб крупным собственникам, — остготское законодательство устанавливает самое суровое наказание — смертную казнь, в то время как в римском праве за подобное же правонарушение, совершенное рабом, смертная казнь в качестве меры наказания предусматривалась не обязательно. Предписывалась иногда ссылка в рудники (*in metallam*) или отправка на общественные работы (*in opus publicum*)². Следовательно, остготское государство карало в таких случаях еще строже, чем римское, что указывает на важность пресечения подобных актов со стороны рабов и колонов-оригинариев для остготской и римской знати в королевстве остготов. Особое внимание остготского правительства к вопросу об охране собственности могущественных лиц, состоящей из многочисленных стад скота, повидимому, является немаловажным свидетельством большого значения скотоводства в хозяйственной жизни Италии того времени и показателем его удельного веса в хозяйстве крупных собственников³.

Следует отметить, что это предположение подтверждается также данными Прагматической санкции Юстиниана от 554 г., в которой особо оговаривается возврат крупных стад скота их прежним владельцам из числа римской знати⁴.

Довольно широко распространенной формой социального сопротивления народных масс, выразившего в данном случае их стихийное стремление обезпечить землей тех, кто ее возделывает, были самовольные захваты рабами и колонами земель крупных собственников. Об этом сообщает следующее предписание эдикта Теодориха: „Те, кто нарушают

границы поля или вырывают межевые знаки, указывающие на границы, или выкорчевывают межевые деревья, если это рабы или колоны и делают это без ведома или приказаний господина, то они наказываются смертной казнью“¹. Они подвергаются смертной казни даже и в том случае, если захват земли произведен ими по приказанию господина².

Стоит особо отметить, что в эдикте Теодориха содержится весьма важное нововведение по сравнению с римским правом: в то время как в римских законах говорится о совершении самовольных захватов земли только рабами, в эдикте Теодориха добавляется, что подобные захваты совершаются также и колонами³. Это показывает, что как в хозяйственной жизни того времени, так и в социальной борьбе колоны занимали наряду с рабами значительное место⁴.

Весьма характерным для общей социальной направленности остготского законодательства является то, что за самовольный захват земель и нарушение границ чужого поля рабы и колоны в эдикте Теодориха наказываются значительно более сурово, чем в предписаниях римских юристов⁵. Это обстоятельство может служить ярким указанием на то, что в остготский период истории Италии правонарушения подобного рода все более приобретали характер социального протеста народных масс: отсюда — столь жестокие законодательные санкции остготского правительства.

В тесной связи с вышеприведенными постановлениями эдикта Теодориха находится и другое предписание остготского правительства, направленное против уничтожения посевов и насаждений на землях посесоров⁶, что в отдельных случаях также могло являться формой выражения ненависти народных масс к крупным землевладельцам.

Нередки, повидимому, были и случаи убийства рабами и колонами наиболее ненавистных представителей знати. Обычно это были акты мести рабовладельцам за их крайнюю жестокость. О таком случае подробно рассказывает Кассиодор в своих „Вариях“.

В одном из рескриптов короля Теодориха от 507—511 гг. предписывается строго карать рабов за убийство их господ: „И поэтому настоящим приказом мы предписываем вам поступить согласно всей строгости законов с рабами, которые со злодейским коварством убили своего господина Стефана и оставили его тело без погребения, ибо те, кто следует самым дурным примерам, караются суровыми наказаниями“⁷. Из данного рескрипта остготского правительства с очевидностью вытекает, что подобные акты мести господам со стороны рабов не были лишь единичными случаями, а имели, повидимому, известное распространение, вследствие чего для

¹ Об этом прямо говорится в римском законодательстве: „Закоренелыми угонщиками являются те, кто угоняет лошадей или стада, из конюшни или с пастбища, в том случае, если они делают это часто или делают с оружием в руках“ (Paulus. Sent., lib., V, tit. 18, § 2).

² Paulus. Sent., lib. V, tit. 18, § 2. В остготском законодательстве устанавливается и более высокий штраф за угон скота: эдикт предписывает взыскивать 4-кратную стоимость каждого животного, а римское право — 3-кратную. Естественно, что столь высокий штраф взимался со свободных и, повидимому, даже знатных людей, которые угоняли чужие стада, в то время как для рабов и оригинариев за такое же преступление устанавливалась смертная казнь.

³ Подобное предположение находит полное подтверждение в труде Кассиодора. Так, например, Кассиодор в одном из своих писем рассказывает о развитии скотоводства в области Бруттия, изобилующей прекрасными пастбищами, покрытыми сочной травой даже в самое жаркое время года благодаря обилию источников, стекающих с гор. По описанию Кассиодора, равнины Бруттия были покрыты тучными пастбищами, перемежающимися с виноградниками. „Страна, — пишет автор, — изобилует стадами различных животных, но особенно славится табунами коней“. См. Cassiod. Var., VIII, 31, § 5. Кассиодор рассказывает также и о тучных пастбищах в Сциллактинской области, близ источника Аретузы (Ibid., VIII, 32, § 1).

⁴ Justiniani Novellae quae vocantur sive Constitutiones quae extra codicem supersunt. Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal, pars II. Lipsiae, 1881, Nov. CLXIV. Pragmatica Sanctio, § 4, 13.

¹ Eth., § 104.

² Ibidem.

³ Ibidem. Ср. Paulus. Sent., lib. V, tit. 22, § 2.

⁴ Э. В. Удальцова. Сельское зависимое население Италии VI в., стр. 101 и сл.

⁵ Paulus. Sent., lib. V, tit. 22, § 2. В эдикте Теодориха для рабов и колонов, совершивших подобное преступление, в качестве наказания устанавливается смертная казнь; согласно нормам римского права, рабы за аналогичное правонарушение ссылались в рудники, а свободные люди незначного происхождения (*humiliores*) наказывались конфискацией $\frac{1}{3}$ имущества и ссылкой.

⁶ Eth., § 151. Ср. Paulus. Sent. II, 31, § 25. В остготском законодательстве наказание также увеличивается по сравнению с тем, которое предписывало римское право: возмещение убытков в эдикте Теодориха устанавливается не в 2-кратном размере, как в римском праве, а уже в 4-кратном. В случае совершения подобного проступка рабами и колонами производилось возмещение убытков господином, либо виновные предавались казни.

⁷ Cassiod. Var., II, 19.

устрашения других рабов виновных наказывали беспощадно. Об убийстве рабами свободных людей Кассиодор сообщает и в других местах своего обширного труда¹.

Народное возмущение против притеснений знати порою выливалось и в стихийные выступления, связанные с поджогом имений крупных землевладельцев их рабами и колонами.

О том, что поджоги домов и вилл богачей из числа римской и остготской знати являлись иногда своеобразным выражением социального протеста народных масс, свидетельствует внесение в эдикт Теодориха суровых санкций против поджогов, особенно таких, которые совершены рабами и колонами. „Тот, кто из вражды подожжет хижину, дом или чужую виллу, если это раб, колон, рабыня или оригинарий, то он сжигается на костре. Если же это сделает свободный, то пусть он возместит тот ущерб, который был причинен в результате вызванного им пожара, пусть восстановит здание и в наказание за такой проступок пусть уплатит стоимость сожженного имущества. Если же он по своему имущественному положению не имеет возможности этого сделать, то после наказания палками он отправляется в вечное изгнание“², — говорится в статье 97 эдикта Теодориха.

Анализ этого предписания и сравнение его с аналогичными постановлениями римского права показывают, что в этой статье эдикта нашли свое отражение весьма существенные изменения в общественных отношениях Италии VI в. по сравнению с предшествующим временем. В самом деле, в то время как в римском праве говорится лишь о поджоге, совершенном свободными людьми знатного или незнатного происхождения³, в остготском законодательстве основной акцент перенесен на пресечение поджогов, совершаемых зависимыми людьми — рабами, колонами и оригинариями: они резко противопоставляются свободным и подвергаются за это преступление самому суровому наказанию, известному в эдикте Теодориха, — сожжению. При этом знаменательно, что вообще эдикт Теодориха карает сожжением лишь самые тяжкие, с точки зрения правительства, преступления, т. е. либо выражающие социальный протест народных масс, как-то — открытые вооруженные восстания народа⁴, либо такие преступления, которые затрагивали классовые привилегии и предрассудки, как, например, сожительство раба со свободной и знатной женщиной⁵. Эти преступления вызывали особые опасения и ненависть в среде господствующего класса остготского королевства, и потому совершившие их карались столь беспощадно.

Вместе с тем, на наш взгляд, остготское правительство отнюдь не случайно в своих законодательных постановлениях особо отмечало участие в поджогах домов знати зависимых людей — рабов, колонов и оригинариев, в то время как римское право о них совсем не упоминало.

¹ Cassiod. Var., I, 30.

² Eth., § 97: „Qui casam, domum, aut villam alienam inimicitiarum causa incendit: si servus, colonus, ancilla, originarius fuerit, incendio concremetur: si ingenuus hoc fecerit, restituat quicquid dispendii acciderit per illud, quod commovit, incendium, aedificiumque renovet, et aestimationem insuper consumptarum rerum pro poena talis facti cogatur exsolvere; aut si hos sustinere pro tenuitate nequiverit, fustibus caesus perpetui exilii relegatione plectatur“.

³ Paulus. Sent., lib. V, tit. 20, § 2: „... те, кто из вражды подожгут хижину или виллу, если они низкого происхождения (humiliores), то они ссылаются на рудники или на общественные работы, если же они люди знатные (honestiores), то они ссылаются на остров“. Ср. ibid., lib. V, tit. 3, § 6 et lib. V, tit. 20, § 1.

⁴ Eth., § 107.

⁵ Ibid., § 61.

Очевидно, в период издания эдикта Теодориха поджоги имений крупных землевладельцев именно лицами, принадлежавшими к наиболее угнетенным слоям населения Италии, были весьма распространенным явлением; эти акты были выражением социальной борьбы, что и вызывало такие жестокие кары правящих верхов.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в остготском законодательстве не проводится никакого различия в наказании за совершение поджога рабом, колоном или оригинарием; все эти категории зависимых людей фактически уравниваются перед лицом закона в тех случаях, когда речь идет об их участии в выступлениях, направленных против знати. Кстати сказать, этот „частный случай“ вполне соответствует и общей тенденции остготского законодательства к уравниванию в юридическом отношении положения рабов и колонов¹.

Повидимому, также не случайно и упоминание в эдикте почти всех категорий зависимых людей — рабов, колонов и оригинариев (не названы лишь рустики), что, быть может, свидетельствует об их совместном участии в социальной борьбе того времени. Не случайно и резкое противопоставление в данной статье эдикта свободных и зависимых людей².

Далее, в то время как закон неумолимо карал поджоги, совершенные рабами, колонами или оригинариями, по отношению к аналогичным преступлениям свободных, особенно состоятельных людей он был значительно более милостив. Однако и относительно свободных людей в эдикт внесены весьма существенные изменения по сравнению с предписаниями римского права. Если в постановлениях последнего, трактующих случаи поджогов чужого имущества, речь шла о совершении подобных преступлений знатными (honestiores) и незнатными (humiliores) людьми³, то в эдикте Теодориха знатные лица (honestiores) совершенно не упоминаются, а деление на знатных и незнатных заменяется делением на состоятельных людей, имеющих возможность возместить из своих средств принесенный пожаром ущерб, и на бедняков, которые не в состоянии это сделать и поэтому подвергаются позорному телесному наказанию и вечной ссылке⁴.

Замена именно в этой статье эдикта Теодориха, острием своим устремленной на подавление социального протеста народных масс, деления свободных людей на знатных и незнатных противопоставлением богатых и бедных вряд ли может быть объяснена лишь влиянием германского права, как полагал в свое время Ф. Дан⁵. На наш взгляд, это нововведение было в первую очередь направлено против выступлений широких народных масс Италии, в том числе и обедневших свободных крестьян, среди которых также нередко были стихийные вспышки недовольства различными притеснениями богатых землевладельцев. Вследствие этого свободные бедняки, дерзнувшие поджечь усадьбу или дом крупного землевладельца, карались позорным наказанием палками и вечной ссылкой, в то время как состоятельные люди за поджог владений соседа могли отделаться лишь материальной компенсацией убытков.

¹ Э. В. У даль ц о в а. Сельское зависимое население Италии VI в., стр. 119—120 и сл.

² Eth., § 97.

³ Paulus. Sent., lib. V, tit. 20, § 2.

⁴ Eth., § 97.

⁵ F. Danp. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 84—86. Конечно, влияние германского права в данном случае отнюдь не исключено, но ошибочно приписывать этому влиянию значение главного и единственного фактора, вызвавшего указанное юридическое нововведение.

Угнетенные народные массы остготского королевства, рабы и колоны, в своей борьбе за освобождение иногда объединялись и совершали даже вооруженные нападения на имения крупных землевладельцев. Об этом красноречиво говорят суровые санкции остготского правительства, применявшиеся против участников „насилий“, совершаемых вооруженной „толпой“ (multitudo). Социальная направленность остготского законодательства проявляется в подобных предписаниях с особенной яркостью.

Вот одно из таких предписаний эдикта Теодориха: „Тот, кто с вооруженными людьми, оружием, палкой, камнем изгнал бы кого-нибудь из его владения, дома или виллы, захватил, осадил, запер, или тот, кто для этого предоставил своих людей, поместил, привел, устроил беспорядки, мятежи (seditiones), пожар (incendium), пусть будет присужден к наказанию за совершение насилия (ad violentiae roenam), о котором писалось выше (т. е. к смертной казни. — Э. У.)“¹.

Из этого постановления эдикта Теодориха можно заключить, что вооруженные нападения на дома или виллы какого-либо землевладельца совершались иногда представителями знати с целью захвата чужого имущества и при помощи зависимых от них людей². Однако из предписания эдикта явствует также и то, что подобные нападения совершались и самими угнетенными людьми и, стихийно возникнув в результате народного возмущения, сопровождались серьезными беспорядками, „мятежами“ и пожарами³. Это всецело подтверждается и другим предписанием того же эдикта Теодориха, в котором предусматривается случай, когда „насилие“ (violencia) совершено рабами — по приказанию своих господ или по их собственной инициативе: „... Если окажется, что рабы совершили насилие по своей собственной злонамеренности, то они наказываются смертной казнью“⁴.

В другой статье эдикта Теодориха мы находим указание на то, что кроме рабов и колонов в вооруженных выступлениях принимали участие и свободные люди „низкого“ происхождения. В этом предписании эдикта говорится, что бывают случаи, когда люди низкого происхождения собирают войска с целью запугать кого-либо; за это они после позорного наказания палками подвергаются вечной ссылке⁵. Быть может, подобные указания эдикта свидетельствуют об участии в народных выступлениях того времени некоторой части воинов, привлекавшихся для вооруженных нападений на имения крупных землевладельцев.

Само собой разумеется, остготское правительство в случаях вооруженного нападения „толпы“ на имения крупного собственника всецело защищало интересы последнего; это нашло свое выражение в предоставлении владельцу имения права вооруженной защиты от нападения и безнаказанной расправы с нападающими⁶.

¹ Eth., § 75: „Qui etiam armatis hominibus, ferro, fuste, lapide, de possessione quemquam domo, villa expulerit, expugnaverit, obsederit, clauserit, aut si forte propter hanc rem quis homines suos praestiterit, locaverit, conduxerit, turbam, seditiones, incendium fecerit, ad violentiae poenam, quae est superius adscripta, teneatur...“ Ср. Paulus. Sent., lib. V, tit. 26, § 3.

² Eth., § 75, 77.

³ См. интересную и весьма ценную работу М. Я. Сюзюмова «О социальной сущности законодательства „Василик“». ВВ, т. VI, 1953, стр. 72—88.

⁴ Eth., § 77: „... si violentiam eos sua temeritate commisisse claruerit“. В эдикте Теодориха за подобные преступления устанавливается более суровое наказание, чем в римском праве: согласно предписаниям римских юристов, виновные в этом преступлении не подвергались смертной казни, а ссылались в рудники (Cod. Theod., IX, 10, 4).

⁵ Eth., § 89. Ср. Paulus. Sent., lib. V, tit. 25, § 12.

⁶ Eth., § 16.

Таким образом, можно бы предположить, что в остготском государстве в правление короля Теодориха, повидимому, не были редкостью даже и вооруженные нападения угнетенных, в первую очередь рабов и колонов, на имения крупных землевладельцев.

В источниках, относящихся ко времени правления короля Теодориха и его ближайших преемников, сохранились известия не только о таких вооруженных нападениях на владения знати и поджогах их домов и вилл, но и об открытых народных восстаниях. Недаром эдикт Теодориха вводит новое, совершенно самостоятельное и отнюдь не почерпнутое из римского права законодательное постановление, направленное против народных восстаний. Это чрезвычайно важное предписание эдикта гласит: „Тот, кто окажется виновником мятежа (seditionis) в народе или в войске, — предается сожжению“¹.

Страх перед народными восстаниями, стремление самыми беспощадными мерами пресечь выступления народных масс обусловили издание этого предписания, согласно которому руководители и организаторы народных восстаний приговаривались к самой тяжкой каре — сожжению.

Остготское правительство было серьезно обеспокоено не только народными волнениями, но также и восстаниями в армии². Имеются основания думать, что внесение в эдикт Теодориха особого предписания, карающего сожжением вождей восстаний в войске, было вызвано не только мятежами солдат и отдельных военных командиров, но и участием воинов в народных движениях того времени: это вселяло особенно сильные опасения правителям остготского государства.

Об открытых народных выступлениях против остготского правительства в правление короля Теодориха упоминает также и Кассиодор³.

Народные волнения в остготском государстве принимали столь опасные для правительства формы, что король Теодорих даже отправил в 509/510 гг. особое послание римскому сенату, где с горечью писал: „... спокойствие государства потрясается недозволенными мятежами“⁴. В правление Теодориха значительное вооруженное восстание вспыхнуло в Сирмиенской Паннонии; для усмирения восставших были посланы остготские войска во главе с комитом Колоссеем⁵. С большим трудом Колоссею удалось подавить восстание и установить в этой области относительный порядок⁶. В первые годы царствования Теодориха неспокойно было и в Сицилии, так что король был вынужден послать туда патриция Кассиодора для ведения переговоров с восставшими. Кассиодор весьма ловко сумел добиться соглашения и, пойдя на некоторые уступки, усмирил „мятежные души“ сицилийцев⁷.

Нередко народные волнения в остготском государстве принимали характер открытых выступлений, связанных с уличными „беспорядками“

¹ Eth., § 107: „Qui auctor seditionis vel in populo vel in exercitu fuerit, incendium concremetur“.

² Ф. Дан (F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 87) признает большое политическое значение предписания эдикта Теодориха, направленного против „мятежей“ в народе и войске; однако, следуя своим общим националистическим воззрениям, он стремится подчеркнуть, что столь жестокое наказание за мятеж, как сожжение, не было заимствовано Теодорихом из германского права.

³ Cassiod. Var., I, 20, 30—33; 44; III, 23—24; IV, 43; VI, 6, 8; IX, 17, etc.

⁴ Cassiod. Var., I, 44: „... quia quorundam illicitis seditionibus civitas turbatur...“

⁵ Ibid., III, 23—24.

⁶ Ibid., III, 24. Ср. Cassiod. Var., IV, 13.

⁷ Ibid., I, 3.

и обычно вызванных недостатком хлеба и других съестных припасов¹. В отдельных случаях они сопровождались пожарами².

Массовые вооруженные выступления народа продолжались и при ближайших преемниках короля Теодориха. Так, например, при короле Аталарихе вспыхнуло народное волнение, которое явно носило характер политического выступления против правительства³.

Кассиодор сообщает о народных волнениях, происходивших как в крупных городах остготского государства, так и в провинциях. Большой интерес представляют данные Кассиодора об открытых восстаниях народных масс в городах⁴. Обычно эти вспышки стихийных народных выступлений были связаны с борьбой цирковых партий, особенно с действиями партии прасинов⁵. Во время волнений в цирке народный гнев зачастую обрушивался на знатных патрициев. Известны случаи убийства последних⁶. По данным Кассиодора, в 509—511 гг. были серьезные народные волнения в Риме, в которых самое активное участие принимали римский плебс, ремесленники, работники мастерских. Восстание сопровождалось пожарами, восставшим народом были подожжены дома знати, общественные мастерские, синагога и другие здания⁷.

В других источниках VI в. также содержатся сведения о народных волнениях в Риме, Вероне, Равенне и других городах Италии в правление короля Теодориха⁸.

Политика веротерпимости, проводившаяся Теодорихом и столь прославляемая некоторыми его современниками⁹, не мешала этому королю беспощадно расправляться с язычниками и еретиками, жестокими мерами пресекать всяческие антицерковные выступления, вести постоянную борьбу с движениями, направленными против господствующей церкви. Фактически остготское правительство осуществляло политику веротерпимости лишь по отношению к католикам, в целях поддержания мирных отношений с католическим духовенством и из опасения восстановить против себя большинство населения Италии. Что же касается каких-либо проявлений свободомыслия и оппозиции церкви, то они подвергались жестокому преследованиям в королевстве остготов. В эдикте Теодориха имеется специальное постановление, направленное против антицерковных движений, связанных с возрождением языческих верований: „Если кто-либо будет уличен в совершении языческих обрядов, будь то ариолы или умбрии (*arioli etiam atque umbrarii*), в случае, если они будут обнаружены и уличены путем справедливого расследования, то они караются смертью“¹⁰. Данные источников VI в. позволяют предположить, что распространение еретических воззрений, а иногда и возрождение языческих верований среди некоторой части народных масс Италии имели место еще в конце VI в. и являлись, по видимому, своеобразными формами социального протеста угнетенных слоев населения.

¹ Cassiod. Var., VI, 6, 8.

² Ibid., IV, 43.

³ Ibid., IX, 17.

⁴ Ibid., I, 30, 31, 32, 33.

⁵ Ibid., I, 20, 33.

⁶ Ibid., I, 32.

⁷ Ibid., IV, 43.

⁸ Consularia Italica. MGH, Scriptores, t. IX. Berolini, 1892, § 80, 81, 82.

⁹ Anonymus Valesianus, pars posterior, MGH, Scriptores, t. IX, p. 322—323.

Cassiod. Var., V, 33, XI, 18, 27, 33.

¹⁰ Eth., § 108: „Si quis pagano ritu sacrificare fuerit deprehensus, arioli etiam atque umbrarii, si reperti fuerint, sub iusta aestimatione convicti, capite puniantur...“.

Об ариолах см. Lex Wisigoth., VI, 2, cap. 1, 3. Edict. Langobard. Liutprand., cap. 84—85. F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 87—88.

Об этом свидетельствует крайняя встревоженность католической церкви и папского престола тем, что рустики и клирики в церковных владениях Сардинии покидают католичество и возвращаются к языческим верованиям¹. Католическая церковь вела против этого самую беспощадную борьбу, подвергая „отступников“ жестоким наказаниям. В одном из своих писем от 599 г. папа Григорий I предписывает Януарию, епископу Сардинии, вести постоянный пастырский надзор за язычниками и „святотатцами“, открыто проповедовать в народе против них и призывать их отказаться от своих заблуждений под страхом не только „божьей кары, но наказания в земной жизни“². В случае, если они не пожелают раскаяться, то по отношению к ним следует применить самые суровые меры: если это рабы, то их необходимо наказать бичеванием и такими пытками, какие смогут привести их к исправлению; если же это свободные люди, то они должны быть подвергнуты заключению, чтобы их телесные страдания возвратили им здоровье их душ³.

О распространении еретических движений в Италии VI в. сообщают и другие источники того времени. Так, например, по словам историка равеннской церкви Агнелла, в 60-х годах VI в. в Равенне „обнаружилась ересь манихеев, которых православные христиане, связав, выбросили за пределы города и в местечке, которое называется Fossa Sconii, расположенном на берегу реки, побили камнями, и умерли они во грехах своих, а нечестье было удалено из Равенны“⁴.

Следовательно, на основании источников VI в. мы можем прийти к заключению, что прославленная веротерпимость остготского правительства Теодориха отнюдь не распространялась на народно-еретические движения, которые пресекались остготским правительством со всей жестокостью. В то же время необходимо признать, что в VI в. в Италии уже росла оппозиция господствующей церкви, вызванная насилиями и злоупотреблениями духовенства.

Подводя некоторые итоги исследованию вопроса о классовой борьбе в остготском государстве при первых остготских королях, мы можем прийти к заключению, что становление новой феодальной формации и изживание еще довольно значительных пережитков рабовладения в остготском государстве в Италии протекало в обстановке напряженной классовой борьбы. Серьезные социально-экономические и политические сдвиги в общественном строе Италии определили характер и общую направленность народных движений. Сложность и противоречивость общественных отношений определили и сложный, порою противоречивый характер социальной борьбы в остготском государстве.

С одной стороны, данные источников неопровержимо свидетельствуют о том, что в классовой борьбе того времени еще значительное место занимают выступления народных масс против пережитков рабовладения и попыток остготской знати, заключившей временный союз со старой римской рабовладельческой аристократией, использовать в своих интересах остатки рабовладения и даже укрепить их, низводя некоторые категории зависимых людей до положения рабов. Совершенно есте-

¹ Gregorii I papae registrum epistolarum, IX, ep. 204.

² Ibidem.

³ Ibidem: „... Si quidem servi sunt, verberibus cruciatibusque quibus ad emendationem pervenire valeant, castigare. Si vero sunt liberi, inclusione digni districtaque sunt in paenitentia dirigendi, ut, qui salubra et a mortis periculo revocantia audire verba contemnunt, cruciatus saltem eos corporis ad desideratam mentis valeat deducere sanitatem“.

⁴ Agnelli qui et Andreas liber pontificalis ecclesiae Ravennatis. MGH, Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX. Hannoverae, 1878, p. 331.

ственно, что подобная политика остготского правительства встречала самое упорное сопротивление со стороны народных масс Италии. В борьбе против этой политики правящего класса объединились различные слои угнетенного населения — рабы, оригинарии, колонны и даже рустики, которым угрожала реальная опасность значительного ухудшения их положения.

С другой стороны, в социальной борьбе того времени все большее и большее место начинают занимать выступления народных масс и против эксплуатации со стороны растущей и крепнущей феодализирующейся знати, — как остготской, так и римской. Новая землевладельческая знать все чаще и чаще захватывала земли свободных земледельцев и превращала последних в зависимых людей. Крупные землевладельцы из числа феодализирующейся знати, а также высшее духовенство (как католическое, так и арианское) все в больших масштабах использовали для обработки своих земель труд колоннов или рустиков: те и другие становились мало-помалу одним из основных объектов эксплуатации¹.

В связи с увеличением в хозяйственной жизни Италии удельного веса труда колоннов, рустиков и свободных мелких земледельцев, естественно, несколько меняется и социальный состав участников народных движений. Несмотря на его пестроту и некоторую неясность сообщений источников по этому поводу, все же можно установить, что наряду с рабами в классовой борьбе в остготском государстве все более и более активную роль играют различные категории колоннов. На это указывают особое упоминание колоннов и оригинариев в законодательных постановлениях остготского правительства, а также данные эпистолярной литературы и других источников.

Вместе с тем формирование нового класса землевладельческой знати сопровождалось обезземеливанием мелких свободных земледельцев, насилиями и притеснениями по отношению к этой категории населения. Рост экономической мощи и политического влияния крупных землевладельцев, сопровождавшийся захватами земель свободных крестьян и превращением их в зависимых людей, различные поборы и вымогательства со стороны государственных чиновников и духовенства способствовали вовлечению разоренного италийского и остготского свободного крестьянства в социальную борьбу.

В остготском государстве не затихала борьба и беднейших слоев городского населения. В правление короля Теодориха и его ближайших преемников распространенным явлением были выступления городского плебса в крупных городах Италии — Риме, Равенне, Вероне и др. Иногда эти выступления городских масс Италии были связаны с политической и партийной борьбой, сосредоточивавшейся вокруг цирковых зрелищ, но чаще всего носили характер стихийных движений против правительства, вызванных недостатком продовольствия или злоупотреблениями правительственных чиновников.

Формы социального сопротивления народных масс, как мы видели, были весьма многообразны — от бегства рабов и колоннов и актов индивидуального террора против господ до открытых народных возмущений с применением оружия. Однако в этот период выступления народных масс еще не выливаются в широкое, массовое движение, охватывающее значительную территорию. Для этого потребовался новый немаловажный толчок в виде византийского завоевания и попыток реакционных кругов объединиться с целью реставрации рабовладельческого строя,

что в свою очередь привело к сплочению всех сил угнетенных слоев населения и к широкой народно-освободительной войне, развернувшейся в Италии в середине VI в.

Остготское правительство довольно ясно отдавало себе отчет в том, какая опасность грозила ему со стороны народных масс Италии, оказывавших все более решительное сопротивление угнетателям: поэтому принимались весьма энергичные меры для подавления выступления трудящихся. В целях борьбы с враждебными верхам выступлениями политического характера и политическими „преступниками“ правительство короля Теодориха использовало римский закон об оскорблении величества (*Lex Julia majestatis*).

В эдикт Теодориха включен ряд постановлений, свидетельствующих об этом. Так, например, в случае если кто-либо совершил преступление, связанное с оскорблением величества, то он предавался казни, а все его имущество конфисковалось, в то время как имущество лиц, виновных в совершении иных, даже весьма тяжких преступлений, обычно передавалось их наследникам¹.

Домочадцам (*familiares*), в том числе вольноотпущенникам и рабам, разрешалось выступать в качестве свидетелей против своих господ только в случае обвинения их в совершении преступления оскорбления величества².

В целях поддержания „порядка“ в стране и подавления всякого сопротивления народных масс широко использовался аппарат государственного управления.

В период правления первых остготских королей значительным изменениям подвергся политический строй самих остготов. Важнейшее из этих изменений состояло в том, что фактически был упразднен такой важный орган управления древних германцев, как народное собрание³.

Эта эволюция являлась прямым следствием глубоких перемен в социально-экономическом строе остготов, связанных с ростом крупного землевладения и усилением феодализирующейся знати: последняя оттеснила на задний план политической жизни рядовых воинов, некогда составлявших основное ядро народного собрания. По мере роста экономического и политического влияния остготской землевладельческой и служилой знати права народного собрания фактически узурпируются советом знати, и само народное собрание теряет свое былое значение. Оно остается в памяти современников лишь в виде довольно туманного символа былой свободы; к этому символу прибегают порой как к некоей риторической фигуре, нужной для обличения „язв“ современного общества и прославления прошлого. Так, в одном из посланий короля Аталариха, имевшем целью призвать знатных жителей Южной Италии к выполнению своих общественных обязанностей в городах королевства, восхваляется собрание граждан и при этом подчеркивается, что „прекрасен облик того государства, которое, как доказано, имеет народное собрание. Ведь в этом случае в нем сияет блеск украшения свободой и оно служит необходимым (органом) для выполнения наших приказаний“⁴. Составитель этого послания — Кассиодор прибегает к ярким

¹ Eth., § 113.

² Eth., § 49; Cod. Theod., IX, 6 const. 3; о „familiares“ в значении „слуги“ см. Cassiod. Var., IV, 44.

³ О. Л. Вайнштейн („Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха“, ИМ, 1938, № 6) показал, что в остготском королевстве кроме остготов было немало аланов, сарматов, ругиев, сциров, герулов и других племен.

⁴ Cassiod. Var., VIII, 31, § 1.

сравнениям и метафорам для восхваления собрания граждан и порицания индивидуализма и отказа от общественной жизни. Лишь диким зверям, пишет он, дано рыскать по полям и лесам, людям же свойственно чтить отеческие очаги. Мирные птицы летают стаями, в то время как хищные ястребы и орлы-охотники любят летать в одиночку и, устраивая тайные засады, не ищут невинных собраний¹. Те желания смертных бывают отвратительны, которые скрываются в тайне от людей². Все это, разумеется, — лишь риторические фразы. В реальной же действительности мало-помалу королевский двор сделался центром политической жизни остготского государства³. Императорская консистория стала теперь советом при короле, в ней участвовали главным образом римляне, а готы составляли там меньшинство.

Однако рядом с консисторией существовал и совет при короле (*maiores domus regiae*), состоящий исключительно из готов. Этот совет занимался преимущественно военными делами, но также и вопросами внешней и внутренней политики и государственного управления. Значительно усилилась и власть самого короля и расширились его prerogative⁴.

В области государственного устройства, так же как и в сфере социально-экономических отношений, все явственнее проявляется синтез определенных элементов общественного строя остготов и римских государственных институтов. Аристократизация политического строя остготов и уничтожение былых демократических учреждений, являвшихся прямым следствием начавшегося формирования феодальных отношений в стране, в то же время способствовали временному сближению остготской знати с римской аристократией в сфере государственного управления и использованию остготским правительством римского государственного аппарата для подавления сопротивления народных масс.

Как известно, королевская власть при организации управления в остготском государстве широко использовала не только римское законодательство, но также и римскую административную систему и услуги римских государственных чиновников. Административное деление Италии и муниципальная организация продолжают оставаться почти неизменными. В провинциях Италии в значительной степени сохраняется старая римская система управления и римская гражданская администрация. Последняя при этом, по данным Кассиодора, управляла не только римлянами, но в сфере гражданских дел и финансов ей были подчинены также и готы. Так, например, римские чиновники ведали сбором податей как с римлян, так и с готов и других „варваров“⁵. Однако несмотря на то, что остгот-

ское правительство широко использовало римскую административную систему, полного доверия к своим римским подданным оно не имело и постоянно опасалось их недовольства, которое всегда могло перерасти в открытое возмущение. Поэтому правительство Теодориха не ограничились возобновлением римского закона об оскорблении величества и суровым преследованием всех политических „преступников“, но под давлением остготской знати создало новый, имевший большое значение, институт так называемых *saiones* (*agentes in rebus*) или *comitiaci*¹. Важнейшей функцией сайонов был политический надзор за всеми „подозрительными“, преимущественно из числа римских подданных остготского короля. Эту должность могли выполнять только готы, римляне же от нее отстранялись. Сайоны пользовались большим влиянием в остготском государстве; институт сайонов являлся важным политическим институтом германского происхождения, используемым остготским правительством преимущественно для надзора за администрацией и главным образом в целях борьбы с политическими выступлениями против правительства и народными восстаниями в стране.

Недоверие к римлянам, усилившееся в результате серьезных народных волнений в Риме, привело даже к тому, что остготское правительство запретило римлянам носить оружие. Об этом прямо сообщает один анонимный хронист (т. н. Аноним из Валезия), который пишет: „...и запретил он (Теодорих. — Э. У.) римлянам иметь какое-либо оружие, даже нож“².

Вся военная организация государства была сосредоточена в руках готов³. Старая римская система набора рекрутов среди римского населения была отменена. Землевладельцы не должны были больше поставлять рекрутов из числа своих колонов, а городские общины — из беднейшего населения городов⁴.

Все большей политической и военной властью в стране начали пользоваться *comites Gothorum*. Во всех провинциях Италии рядом с гражданской администрацией из римлян стоял военный правитель из готов (*comes Gothorum provinciae*). Ниже его на иерархической лестнице находился правитель области или городской общины, также назначаемый из готов (*comes Gothorum civitatis*), рядом с которым стояли дефензоры и кураторы из числа римлян.

Comites Gothorum весьма существенным образом ограничивали сферу влияния римской гражданской администрации. Власть *comites Gothorum* распространялась и на область судопроизводства, ибо готские войны и члены их семей подлежали их суду. Кроме того, всякое судебное дело, в котором одной из тяжущихся сторон выступал гот, также подлежало рассмотрению суда *comites Gothorum*.

Если в судебном процессе одновременно участвовали и готы и римляне, то дело разбирали *comites Gothorum* в присутствии римских

¹ Cassiod. Var., VIII, 31, § 2—3.

² Ibid., § 3.

³ См. Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1922, стр. 205—206.

⁴ См. Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства, стр. 205—208. Э. Штейн полагает, что король Теодорих никогда не обладал всей полнотой власти римского императора, ибо он не пользовался двумя важнейшими prerogative римского императора — правом издавать новые законы и даровать римское гражданство (E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 118). Штейн особо подчеркивает то обстоятельство, что Теодорих оставался имперским чиновником и командиром войск (ibid., p. 117). Этот остготский король лишь в исключительных случаях чеканил золотую монету со своим изображением, и то она не находилась в обращении (ibid., p. 119).

⁵ Cassiod. Var., I, 19. В труде Кассиодора весьма явственно проявляется преклонение перед римской государственной организацией времен империи, довольно часто, правда, в риторической форме, говорится о гражданском долге, требующем подчинения частных интересов общественным. Ibid., IV, 43; XII, 7; X, 14.

¹ Cassiod. Var., V, 5, XI, 35, L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im frühem Mittelalter, Bd. I., S. 9, 126 etc. E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 122—123.

Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства, стр. 213—214. П. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880, стр. 95—96.

Иногда сайоны являлись начальниками военных отрядов (Cassiod. Var., V, 23, 30); имели судебные функции по различным особо важным делам (Ibid., VIII, 27); заведовали снабжением (Ibid., II, 13, 20; IV, 14, 39; XII, 3); выполняли особые королевские приказания (Ibid., V, 27); осуществляя охрану лиц, пользовавшихся защитой короля (Ibid., IV, 27) и т. д.

² Consularia Italica, § 83.

³ Cassiod. Var., II, 24; XII, 8, 14.

⁴ Ibid., XII, 8, 14.

юрисконсультов. В компетенцию комита готов, кроме того, входило строительство общественных зданий, наблюдение за торговлей и транспортом, взимание налогов и некоторые другие финансовые функции.

Хотя по своему правовому положению *comites Gothorum* и были приравнены к высшим чиновникам римской гражданской администрации, но на деле, распоряжаясь военными силами, *comites Gothorum* пользовались большим влиянием на весь ход политических дел в государстве. Однако сами комиты готов находились под надзором королевских сайонов, которые не только помогали комитам¹, но и контролировали их².

Таким образом, в остготском государстве мы видим сложное переплетение римских государственных институтов с чисто германскими учреждениями, причем последние получили с течением времени преобладание благодаря их военному характеру. Наряду с сайонами и комитами готов в политической жизни немаловажную роль играл и еще один чисто германский институт, т. н. *tuitio* — право покровительства со стороны короля, обеспечивающее частному лицу полную личную неприкосновенность. Готская знать широко использовала этот институт в своих политических интересах.

Мало-помалу влияние готов стало все больше распространяться и на римскую администрацию. И в самом Риме готы контролировали римлян. Так, например, в 511 г. один из военачальников Теодориха, гот Аригерн, входил в состав муниципалитета города Рима. Префектура города находилась под постоянным и непосредственным контролем сайонов. К концу правления Теодориха городская префектура Рима превратилась из могущественной силы лишь в призрачное имя.

Таким образом, несмотря на сохранявшееся еще влияние римских учреждений и римской администрации, по мере укрепления экономических и политических позиций остготской знати она получила явное преобладание во всех наиболее важных областях государственного управления.

Итак, на основании данных источников, мы можем прийти к выводу о взаимном влиянии германских и римских государственных институтов в остготском королевстве и о дальнейшей аристократизации и феодализации государственного управления в процессе складывания раннефеодальной монархии в остготском государстве.

Не касаясь подробно вопроса о государственном устройстве Италии в период остготского владычества, который должен быть предметом специального исследования, мы лишь в самых общих чертах охарактеризовали тот аппарат классового насилия, который был использован остготской и римской знатью в их борьбе с нарастающим сопротивлением народных масс. Это было необходимо для воссоздания более полной и четкой картины той социальной борьбы, которая происходила в остготском государстве в VI в.

¹ Cassiod. Var., IV, 27.

² Ibid., IX, 10.

М. Я. СЮЗУМОВ

О ХАРАКТЕРЕ И СУЩНОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБЩИНЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ЗАКОНУ *

Почти восемь десятилетий вопрос о сущности византино-славянской общины не сходит со страниц исторических работ по византиноведению. Русские византилисты XIX в. сделали очень много для ее изучения: они проанализировали и осветили отдельные стороны жизни византино-славянской общины, но в силу слабости своей методологии не смогли раскрыть ее сущность, происхождение, развитие, ее роль в истории феодализации Византии.

Советская историография, используя материал, собранный византистами XIX в., критически перерабатывая в свете марксистско-ленинской методологии положительные результаты, достигнутые дореволюционным византиноведением, поставила вопрос о византино-славянской общине во всей широте. Наиболее значительным исследованием, посвященным византино-славянской общине, является работа Е. Э. Липшиц „Византийское крестьянство и славянская колонизация“¹.

В этой работе Е. Э. Липшиц, анализируя Земледельческий закон, показала, как славянская иммиграция, в ходе которой получили распространение славянские родовые институты, в бурное время разгрома юстиниановской великодержавной Византии преобразовала византийскую деревню и в значительной степени обеспечила большую внутреннюю устойчивость империи. Главный вывод исследовательницы сформулирован следующим образом: „Земледельческий закон, очевидно, имел назначением фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв. и сказавшихся в глубоком внедрении в него общинных порядков“... И далее: „Закон с полным основанием может рассматриваться, как замечательный памятник новых — более прогрессивных, чем колонат, — общинных отношений, установившихся в аграрном строе ранне-феодальной Византии“².

Вопрос о сущности византино-славянской общины затрагивали также в своих работах Н. В. Пигулевская, М. В. Левченко, Б. Т. Горянов, А. П. Каждан. Несмотря на глубокий интерес советских историков к этому вопросу, некоторые проблемы, на наш взгляд, остались спорными, что требует проведения развернутой дискуссии по этим, не получившим еще окончательного разрешения проблемам.

Спорным является прежде всего вопрос о системе землепользования, господствовавшей в византийской деревне.

* Статья М. Я. Сюзумова печатается в порядке обсуждения.

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС. М.—Л., 1945.

² Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 143.

Е. Э. Липшиц, основываясь на употреблении в Земледельческом законе термина *νεώγειν*, а также на содержании статей этого памятника, говорящих о расчистке леса, о сжигании корней перед пахотой, считает господствующей системой лядную. Конечно, распашка целины и залежной земли имела место в византийской деревне. Но можно ли считать освоение новых участков земли доказательством наличия, тем более — господства лядной системы? В нашей византиноведческой литературе уже высказывалось сомнение на этот счет¹.

Действительно, ни в Земледельческом законе, ни в агриграфических памятниках нет данных об оставлении крестьянами своих участков и о переходе на другие, — а именно это как раз характерно для лядной системы. Совмещение же зернового хозяйства с развитым виноградарством говорит скорее о том, что пашня была постоянной, причем часть ее ежегодно оставалась под пар (двухполье).

Термин „новь“ в Синописе XI в. определялся так: *νεατὴ γῆ ἐστὶν ἡ προτιμωθεῖσα ἢ ἐπὶ ἐνιαυτὸν ἀρτυρασαὶ ἢ οἱ γράϊκας νέαςιν καλοῦσιν*².

На Западе в это время термин *novale* („новь“) обозначал пашню, в течение года пребывавшую под паром. Исидор Севильский писал: „Новь — поле, вспаханное впервые или которое отдыхает через год ради восстановления сил. Таким образом, новь поочередно бывает то с урожаем, то пустует“³. В статье 12 Земледельческого закона глагол *νεώω*, очевидно, нужно переводить не „распашет нови“ а „вспашет землю, находившуюся под паром“⁴.

Лядная система представляет собою весьма низкую ступень развития земледелия. Для доказательства наличия лядной системы можно было бы сослаться на тот факт, что в Земледельческом законе нет и намек на тяжелый плуг, который переворачивал отвалом глыбы земли. Но выгодно ли было его применять в гористой местности на Балканах и в Малой Азии? — Ведь и на Западе в гористых местностях техника была значительно иной, чем на равнинах. В трактате Альберта Великого „О растениях“ имеется специальная глава об обработке поля в гористой местности: „Некоторые более сообразительные люди засеивают перегной не вспаханным, твердым и лишь только после того, как посеян, переворачивают его либо плугом, либо мотыгой, либо каким-либо заступом“⁵.

Чтобы судить о высоте техники сельского хозяйства в византийской деревне, необходимо было бы разобрать этот вопрос с агрономической точки зрения, приняв во внимание особенности местности: только тогда можно решить, был ли вообще в условиях византийского ландшафта выгоден плуг с отвалом, поднимающий и переворачивающий глыбы.

¹ См. М. Сюзумов. Проблемы иконоборчества в Византии. „УЗ Свердловского Государственного педагогического института“, 1948, т. IV, стр. 77, прим. 51; см. также рецензия А. П. Каданана на I том „Византийского Временника“, „Изв. АН СССР“, серия ист. и фил., 1948, № 1, стр. 116; его же. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 41—42.

² Jus, V, p. 590. Ср. М. Сюзумов. Проблемы иконоборчества в Византии, стр. 77, прим. 51.

³ Перевод О. А. Добиаш-Рождественской. См. „Агрикультура в памятниках западного средневековья“. М., 1936, стр. 11.

⁴ „Если земледелец, взявшийся обработать участок исполу *сὺ νεώγει*, но разбросает семя на поверхности...“ В данном случае было бы странным предполагать, что крестьянин разбросал семена на неподнятой целине — ведь он никакого урожая не получил бы. Очевидно, *νεώγει* нужно переводить не „распашет нови“, а просто не „вспашет“ (ограничиться только боронованием). В ст. 1 *ἐν νεώτῳ* несомненно обозначает пахоту; понятие „нови“ включено в перевод Е. Э. Липшиц искусственно.

⁵ Альберт Великий. О растениях, трактат; I, гл. 7. В кн. „Агрикультура в памятниках западного средневековья“.

* * *

Важнейшей проблемой, которая еще требует изучения, остается вопрос о социальном характере общины, зафиксированной Земледельческим законом: являлась ли эта община свободной или же зависимой? Другими словами, входила ли эта община в состав феодального поместья, или же последнее еще не охватывало деревню Земледельческого закона? Были ли *γεωργοί* свободными или феодально-зависимыми людьми? Разумеется, в измененном виде статьи Земледельческого закона применялись и несколько столетий спустя, т. е. по отношению к феодально-зависимой деревне. Но как обстоит дело в VII—X вв.? Анализ статей Земледельческого закона и аргументация Е. Э. Липшиц по этому вопросу отличаются некоторой неуверенностью; чувствуется, что исследовательница словно не решается сделать вывод о том, что Земледельческий закон — это памятник того периода, когда в византийской деревне преобладал свободный крестьянин-общинник, что и Византия пережила эпоху, аналогичную тому периоду в истории Запада, когда „между римским колониом и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин“¹.

До появления работы Е. Э. Липшиц постоянно, хотя и абсолютно без всяких оснований, высказывались утверждения, будто в Земледельческом законе регулируются отношения между помещиками и зависимыми крестьянами. Е. Э. Липшиц четко показала, что *κύριος* в Земледельческом законе — не помещик, а крестьянин, такой же *γεωργός* — непосредственный производитель. Но, как бы отдавая дань теориям прошлого, она считает, что упоминаемый в ст. 9 и 10 „земледелец“ — *χωροδότης* — это помещик, в первую очередь — монастырь, а „мортит“ — зависимый человек, сидящий на монастырской земле.

Против этой аргументации Е. Э. Липшиц можно было бы выдвинуть ряд возражений. Во-первых, неясно, почему *χωροδότης* не может быть таким же *κύριος*, как и во всех прочих статьях закона. Если в рядом расположенных статьях 11, 14, 16 о крестьянине, получающем землю, говорится *ὁ λαβὼν, λαμβάνων*, то совершенно несомненно, что дающий землю должен называться *χωροδότης*. Во-вторых, наличие формулы „да проклянет бог“ совсем не свидетельствует в пользу того, что в этих статьях памятника речь идет о монастыре: формулами с проклятиями заканчивались различные договоры, и употребление формулировки „священного писания“ говорит лишь о влиянии библейских мотивов на „юридическое мышление“ составителей Земледельческого закона. В-третьих, известие об обязанностях славянских общин содержать проезжающих послов, чиновников, стратигов, которое приводит Е. Э. Липшиц², ничего общего с вопросом о *χωροδότης, морτίτης* не имеет. Аналогичное замечание, в-четвертых, вызывает и ссылка автора на прикрепление славянских общин к митрополии. Здесь речь идет не об арендных отношениях: митрополия в данном случае выступает не как землевладелец, а как район церковного управления христианизированными славянскими племенами. Церковные учреждения в Византии содержались приходом независимо от того, в чьих руках была земля, причем средства на их содержание обеспечивались не путем сбора обязательной десятины, как на Западе, а поставкой определенного

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951, стр. 161.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, М.—Л., 1945, стр. 124.

для данной деревни количества продуктов и взносом определенной суммы денег. Существовал особый взнос „каноникон“, уплата которого впоследствии была строго регламентирована законодательством¹. Е. Э. Липшиц смешивает две разные составные части церковных доходов: 1) феодальную ренту, собираемую собственником земли с феодально-зависимых, крепостных, и 2) сборы на содержание церкви, производимые среди верующих. Феодальная рента взималась с крестьян, верховная собственность на землю которых находилась в руках церкви. Морта — арендная плата — в дальнейшем могла быть и стала одной из форм эксплуатации зависимого крестьянства. Но именно о собственности церкви на землю в Земледельческом законе нет никаких упоминаний.

Мы можем прийти к определенному выводу, что в Земледельческом законе не имеется в виду никаких крупных сеньоров, которым бы принадлежала верховная власть над общиной. Византийская община состояла из свободных, богатых и бедных крестьян-хозяев (*κύριος*) и свободных же арендаторов крестьянской и общинной земли.

* * *

В работе Е. Э. Липшиц заметна явная тенденция видеть в Земледельческом законе законодательство, способствующее росту крупного землевладения внутри крестьянской общины. По мнению исследовательницы, более зажиточные крестьяне „простирали уже свои щупальцы для захвата владений своих малосостоятельных соседей“². Е. Э. Липшиц имеет здесь в виду статьи 11—15 памятника: „неимущие вынуждены отдавать свои участки для обработки другим лицам на условиях получения половины плодов урожая“. Но мы решительно отказываемся понять, как можно в лице половника *ἡμισιστῆς* видеть кулака, захватывающего участки малосостоятельных соседей: получить поле, самому вспахать его, засеять своим зерном, убрать урожай и отдать половину урожая хозяину-бедняку, — это такие кабальные условия, которые может принять на себя или еще более обездоленный работник, или же человек, взявшийся — в порядке общинной благотворительности — поддерживать семью „изнемогшего“ или бежавшего временно (например, на заработки) хозяина.

При истолковании указанных параграфов Земледельческого закона нужно иметь в виду два обстоятельства: 1) участок земли остается за хозяином, т. е. никаких видов на приобретение участка половник не сможет иметь; 2) в статьях 12, 13, 14, 15 имеется в виду не длительная аренда исполу, а договоренность лишь на один сезон (в противовес условиям аренды мортита, формулировка которой носит более общий характер). И то и другое обстоятельство, следовательно, не служит к выгоде съемщика; напротив, это сделано в интересах обедневшего и оставившего участок хозяина.

По нашему мнению, Земледельческий закон, фиксирующий обычное право сельской общины, являлся документом, препятствующим росту крупного землевладения внутри общины. Подобно тому, как цеховые

¹ Γ. Ράλλη καὶ Μ. Πότλη. Σύντομα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κηρόνων... V, Ἀθήνη, 1852—1859, р. 303: „каноникон для того назначен архиереям, чтобы каждый (архиерей), обходя приходы и поучая, питался им“ (т. е. канониконом). Точно определялся „каноникон“ с деревень разного типа, см. Jus, III, р. 322 (1057); *ibid*, III, р. 365 (при Алексее Комнине).

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 123. Подобного же мнения придерживался еще Б. А. Панченко (Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, IX, 1904, стр. 44).

уставы средневековья предусматривали меры противодействия, боролись против возможностей концентрации производства в руках более зажиточных мастеров, — обычаи общины должны были быть направлены к поддержке ее временно обедневших членов. Нам кажется, что именно в этом смысле и нужно понимать статьи 9—15 Земледельческого закона.

В самом деле. Нормальной формой аренды в деревне была морта на условии уплаты арендатором десятого снопа. Но аренда, предусматривавшая отдачу половины урожая хозяину, носит совершенно другой характер, и Земледельческий закон содержит достаточно данных для объяснения такой невыгодной для съемщика формы аренды. Если хозяин имеет лично им обрабатываемый участок земли, но заболел или задолжал и должен бросить и поле и семью, временно уйти в чужие края (хотя бы на заработки), то отдать этот участок на условиях мортты — значит оставить семью необеспеченной и вообще надолго потерять личное хозяйство. В таком случае община, чтобы сохранить хозяйство своего сочлена, разрешала сдать его участок в аренду из половины урожая, — или кому-либо бродячему пришельцу, вынужденному соглашаться на любые условия; или же соседям, которые брались помочь „изнемогшему“ на условиях обработки участка исполу.

Нельзя видеть в *ἄπορος, ἀπορήσας* особой, обездоленной прослойки византийской деревни — „деревенской бедноты“, которая всегда является безземельной или имеет ничтожные участки земли. Трудно согласиться с Е. Э. Липшиц в том, что апор оставляет свое поле за неимением средств для его обработки¹. В условиях, когда орудия производства были очень несложными, их отсутствие, на наш взгляд, при наличии земельного участка не могло иметь особого значения. Даже тот, кто был лишен рабочего скота, не бросал свой участок: статья 37 Земледельческого закона говорит о заимствовании рабочего скота у соседей. В крайнем случае крестьянин, обладавший участком земли, мог бы обрабатывать землю мотыгой. *Ἀπορήσας* оставлял свое поле либо потому, что надеялся на более выгодные заработки (особенно, если знал какое-нибудь ремесло), либо бежал от кредиторов, либо, наконец, являлся неплательщиком налога².

Ἀποροι Земледельческого закона — не деревенская неимущая беднота. Это все-таки хозяева земли, хозяева виноградника, члены общины, которым последняя гарантирует их собственность и некоторый доход. С достаточной определенностью об этом свидетельствует статья 13: „Если земледелец возьмет у какого-либо обедневшего (славянский перевод: „изнемогшего“) земледельца виноградник для обработки исполу и не обрежет его, как полагается, не обкопает его, не огородит, то пусть ничего не получает из урожая“. Совершенно ясно, что здесь говорится не о человеке, который сдал свой участок в аренду из-за отсутствия необходимых средств для обработки земли: „обрезать“, „окопать“, „обнести частоклом“ может и лицо, не имеющее рабочего скота. Речь идет в данном случае о человеке, который не может лично рабо-

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 123. Термин *ἄπορος τῆς κομῆς* в 7 и 12 новеллах кодекса Юстиниана обозначает землю необработанную, брошенную, что соответствует понятию *ἀπορήσας* — бросивший обрабатывать землю.

² В житии Филарета Милостивого крестьянин, у которого пал вол, „помня неустовство заимодавцев и тяжесть процентов“, взывает: „Как прокормлю жену, девять детей, как внесу царские налоги, как возвращу долги?... Лучше уйду из этой страны, пока не узнают кредиторы и не растерзают, как дикие звери“. Житие Филарета Милостивого. ИРАИК, V, 1900, стр. 66.

тать, не может даже лично следить за состоянием виноградника¹. Земледельческий закон стоит на страже интересов собственника — члена общины и не дает хищнически использовать и запускать виноградник.

Такую же защиту интересов общинника можно констатировать и в некоторых других статьях этого памятника.

Статья 12 гарантирует хозяину, сдавшему участок для обработки исполу, определенный доход: если взявший участок не обрабатывает его, как следует, разбрасает зерно на поверхности, то, конечно, он наказывает этим не только сам себя, но и хозяина: урожай будет незначителен. Земледельческий закон считает эту небрежную обработку „коварным надругательством над хозяином земли“ — и совсем лишает арендатора доли урожая.

Согласно статье 14, крестьянин, по необходимости временно оставивший участок и предварительно договорившийся с другим крестьянином об обработке поля исполу, может быть спокоен за свой доход: если взявшийся обрабатывать его участок исполу передумает и не приступит к работе, община заставит его отдать хозяину участка двойное количество урожая (по сравнению с обычно получаемым с данного участка).

Статьи 18, 19, 21 гарантируют обедневшему крестьянину, вынужденному бежать (из-за невозможности платить налоги), его участок; по возвращении хозяина земля должна быть ему передана обратно, даже в том случае, если на участке произведены солидные работы (построен дом и т. д.). Единственно, что может сделать пользовавшийся чужим участком, чтобы избежать его возврата прежнему владельцу, — предоставить ему другой, равноценный участок.

В данном случае мы можем видеть не отсутствие ярко выраженного принципа частной собственности, как полагает Е. Э. Липшиц², но конкретную форму того, как община заботилась о сохранении хозяйства за сочленом, бросившим свой участок земли, чтобы эта земля не пустовала во время отсутствия хозяина. Элементы взаимопомощи, стремление затруднить одному члену общины наживаться за счет другого — это характерные черты ремесленной корпорации, но эта же особенность проявляется и в византино-славянской крестьянской общине.

Можно продолжить далее анализ статей Земледельческого закона, в которых выражается указанная тенденция.

Статья 37 гласит, что если у хозяина участка будет ощущаться недостаток в рабочем скоте, и он выпросит вола у соседа, и если вол подохнет на той работе, на которую его выпросили, то выпросивший не подвергается взысканию. „Благотворительный“ смысл этой статьи несомненен: она защищает обедневшего общинника, вынужденного выпрашивать вола у соседа, от последствий какого-либо несчастного случая. Еще более ярко выражена направленность Земледельческого закона на оказание помощи обедневшему члену общины в статье 67: „Если окажется, что взявшие земельный участок за проценты по истечении

семи лет пользуются доходом с него, то пусть судья разочтет сумму дохода за семь лет и выше и пусть половину дохода зачтет в погашение долга“. По смыслу этой статьи, какова бы ни была сумма долга, он рано или поздно путем зачисления половины дохода, будет погашен, участок земли вернется хозяину без затраты с его стороны каких бы то ни было усилий, так что для него не будет необходимости идти в кабальную зависимость по причине своей задолженности. По своей сущности эта статья 67 ничем не отличается от статей 13 и 14: в условиях византийской общины земледелец, взявший за проценты участок земли, является не более, чем половником, так как при длительном пользовании землей половина урожая идет в погашение долга, т. е. хозяину участка, и только другая половина урожая идет и на погашение процентов по долгу и на покрытие расходов по обработке участка.

Характерна также статья 49: „если кто найдет свинью на потраве, или овцу, или собаку и на первый раз передает животное хозяину, затем во второй раз, передав, сделает увещание хозяину, а за третий раз отрезет ухо или ранит стрелой, то он не будет в ответе“. За изувечение на потраве вола надлежит отдать другого (статья 48 соответствует статье IX, 1 Салической правды). Ряд подобных статей (38, 53, 86) свидетельствует о том, что община не желала, чтобы случайная потрава была бы причиной гибели скота и тем самым — обеднения члена общины. Всякий ущерб, причиненный ему, если это не преднамеренное преступление (ст. 64, 65, 68), возмещается потерпевшему, но так, что при этом на виновного не налагаются непосильные штрафы вроде тех, которые встречаются в Салической правде и которые явно направлены на разорение общинника¹. В Земледельческом законе постоянно заметно стремление сохранить в неприкосновенности хозяйство каждого члена общины, а при несчастном случае, если он произошел с кем-либо, не губить пострадавшего. Интересно в этой связи, что статьи 56 и 69 снимают ответственность за случайно произведенный поджог чужого имущества, если выясняется, что огонь перекинулся на чужие владения не по небрежности, а в результате случайной перемены направления ветра.

Почему обедневшему крестьянину, впадшему в задолженность, предоставляются такие исключительные льготы? — Только потому, что он — собственник участка земли и член общины. Земледельческий закон, в качестве своего рода кодекса норм „поведения“ членов общины, повсюду требует добрососедских отношений, не допуская обогащения одних общинников за счет других.

В ряде статей Земледельческого закона четко выявляется стремление обеспечить за членом общины продукт его труда (конечно, речь идет лишь о полноправном члене общины, а не о мистии или рабе). Так, в статье 32 говорится о праве на выращенное дерево; в указанной выше статье 21 устанавливается сохранение права на постройки и пр., произведенные на чужом временно заброшенном участке (при условии замены участка другим). Земледельческий закон стремится сохранить за членами общины их участки земли, но в то же время не

¹ Подобный мотив приводит Н. П. Грацианский при объяснении титула *De migrantis Saliensis* Салической правды: „Надо полагать, что эти мотивы — чисто хозяйственные: может быть, обитатель деревни по состоянию здоровья или по преклонному возрасту сам не в состоянии был обработать свою землю и прокормить свою семью, и потому входил в какое-то соглашение с пришлым человеком, отдавая ему часть своего владения на каких-то выгодных для себя условиях“. Н. П. Грацианский. К толкованию термина *villa* в Салической правде. Сб. „Средние века“, вып., II, 1946, стр. 80.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 122.

¹ См. Н. Грацианский. О материальных взысканиях в Варварских правдах. ИМ, 1940, № 7. Ничего подобного в Земледельческом законе нет. С одной стороны, это можно объяснить тем обстоятельством, что эксплуатация крестьянства происходила в Византии не посредством сбора судебных штрафов, а в форме прямого налогового обложения; с другой стороны, нельзя не видеть у византино-славянской общины большей силы и сплоченности по сравнению с франкской.

допускает игнорирования трудовых затрат, если они произведены на чужой земле при особых условиях¹.

Все это доказывает наличие внутренней сплоченности византино-славянской общины. Именно соседская солидарность ее сочленов обеспечивала общине силу сопротивляемости росту крупного землевладения. Безусловно, эта внутренняя сплоченность не есть результат организованной правительством круговой поруки. Если некоторые статьи (13) и могут быть объяснены подобным образом, то рассмотренная выше статья 67 никакого отношения к круговой поруке не имеет.

Ничего подобного мы не находим в Салической правде и в других „варварских“ правдах². Стремление не допустить полного разорения сочлена общины, „уважение“ к затраченному труду, которое наблюдается в обществе Земледельческого закона — все это, надо думать, и есть результат воздействия обычного права славянской общины, которая своей внутренней сплоченностью превосходила германскую марку.

Земледельческий закон рисует картину совсем других социальных отношений, по сравнению с теми, которые господствовали в византийской деревне IV—VI вв., т. е. до начала славянской иммиграции. Чтобы ярче оттенить своеобразие норм Земледельческого закона, защищавших интересы общинника, стоит напомнить слова Григория Богослова, характеризующие совсем иной порядок вещей: „Ты богат, употребляешь все меры, чтобы никто не был тебе соседом! Хочется тебе завладеть полем, которое принадлежит ближнему... Ты заимодавец, а потом и истязатель; грозят бедняку пытки, оковы, — и отдает все бедняк... Ты говоришь: вол твой сделал моим волам обиду, громче мычал, вызывал на драку... Тень от твоих деревьев причиняет мне ущерб. Раб твой ходил по моему полю... Представлены будут на это свидетели, и пропали у тебя и вол, и сад, и раб!“³. Григорий Богослов произносил свою проповедь „против богатолюбцев“ не в деревенской общине, а в городе, обращаясь к богатым собственникам пригородных имений — проастиев, где не было никаких признаков общинной сплоченности и где господствовал только один принцип полной собственности господина на раба, движимое имущество и землю.

* * *

Вернемся, однако, к выдвинутому Е. Э. Липшиц положению о том, что в византийской деревне существовали условия, способствовавшие укреплению более зажиточной прослойки крестьянства. Разумеется, такие условия были налицо, но мы их не сможем выявить на основании данных Земледельческого закона: эти условия связаны были с тем, что византийская община развивалась в недрах централизованного государства, с законодательством, покоящимся на принципе частной собственности, в условиях, когда имелось относительно развитое товарное обращение, в условиях разорительного для крестьян тяжелого налогового обложения.

¹ Из этого, между прочим, видно, что старинное положение римского права *superficiis solo cedit* во времена Земледельческого закона не соблюдалось. Относительно более позднего периода см. F. Dölger. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*. München, 1948, № 112.5; 188.

² Только в титуле IX, add. 2 Салической правды выдвигается принцип: *cuius labor est*. В Баварской правде этот принцип проступает более явно (XVII, 2).

³ Творения Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, т. II, изд. Сойкина, стр. 235.

В самом деле: каковы были возможности мобилизации земельных участков внутри общины?

В Византии IV—VI вв. купля—продажа земельных участков среди свободного крестьянства в митрокомиях была вполне обычным явлением. Начало общинности проявлялось не в запрете продавать участок, а в запрете продавать участок земли лицу, не принадлежащему к общине¹. Известный закон 468 г. *Non licere habitatoribus metropoliae loca sua ad extraneum transferre*² нельзя рассматривать как закон, данный сверху, — надо думать скорее, что он представлял собою просто легализацию соответствующей нормы обычного права. Византийская сельская община (митрокомия), с одной стороны, сама не могла в обстановке развитого в империи товарного обращения обходиться без купли—продажи земли; с другой стороны, необходимость сохранения общинной территории в руках членов общины вызывала стремление противодействовать переходу крестьянских участков к землевладельческой знати. Предпочтительная продажа земли своим близким являлась одним из выражений общинной сплоченности. Вместе с тем, этот самый принцип, казалось бы способствующий закреплению земельных участков за членами общины, приводил к концентрации земли в руках более зажиточной прослойки деревни, помогал ее определенным кругам умножать свои богатства за счет более слабых элементов общины. Так было в Византии IV—VI вв. Но как обстояло дело в деревне, о которой идет речь в Земледельческом законе?

В самом Земледельческом законе нет ни слова о купле—продаже земельных участков. Однако было бы поспешным делать из этого вывод об отсутствии у членов византийской общины права продавать свои участки. Во-первых, это противоречило бы общегосударственному законодательству, — а ведь местные обычаи не могли нарушать его основных принципов. Во-вторых, факты продажи земли крестьянами — членами общины говорят о том, что в обычном праве не было никаких запретов в этом отношении. Вопрос состоял лишь в том, можно ли продавать *extraneo*: относительно этого существовала неясность, как удостоверять в X в. Роман Лекапин в своей новелле от 932 г.

Если в Земледельческом законе ничего не говорится о возможностях продажи земли, это объясняется той же причиной, по которой в этом памятнике не затрагиваются, например, вопросы наследования, завещаний, обходятся казусы, связанные с такими преступлениями, как убийство, изнасилование, „святотатство“, „мятеж“, а именно: все дела этого рода не входили в компетенцию деревенских акроатов. Как завещания, так и акты купли—продажи земельных участков должны были нотариально оформляться, и потому они выходили за рамки тех отношений, в которых действовали положения Земледельческого закона. Следовательно, вопрос о возможностях мобилизации земли мы должны изучать не по текстам Земледельческого закона, а по другим документам. В данном случае этой цели должно служить законодательство о предпочтительной покупке.

Возникает вопрос: можно ли предполагать существование общинного землевладения в условиях, когда имеется налицо право свободной

¹ При Константине общине предоставлено было право отстранять чужаков от покупки земель в деревнях: *proximis consortibusque concessum erat, ut extraneos ab emptione removerant* (Cod. Theod., III, I, 6); однако трудно решить, кто подразумевался под словом *proximi* — родственники или соседи. Ibid., III, 1, 6.

² Cod. Just., XI, LV (LVI).

продажи тех участков земли, которые находятся во владении крестьянина — члена общины?

Основным пороком концепции Б. А. Панченко¹ было то, что он считал несовместимым соединение начал частной и общинной собственности на землю. Между тем изучение общинного строя как в Византии, так и на Западе показывает, что такое совмещение вполне возможно². Такое совмещение является показателем начинающегося разложения общинного устройства, но община при этом могла еще долго сохранять большое значение, во-первых, вследствие того, что не вся принадлежавшая ей территория была разделена между членами общины, — оставалась неподделенная территория; во-вторых, — в результате действия обычного права, по которому продажа земли первоначально должна была ограничиваться рамками общины, а затем — „правом предпочтения“ членам общины при продаже земли общинником.

Закон, запрещающий в митрокомах продавать землю чужакам, был почти дословно перенесен в Василики³. Но этот старый закон теперь не отражал сложности обстановки X в. Понадобилось более значительное приближение государственного законодательства к обычному праву⁴. Поскольку законы не создают искусственно общественных отношений, а отражают сложившийся порядок вещей, — естественным результатом изменения положения в деревне в связи со славянской иммиграцией и укреплением начала общинности, должно было явиться соответствующее изменение правовых норм: обычное право общины не могло не повлиять на официальное законодательство.

Прямым следствием расселения славян в империи и воздействия славянского обычного права явились новеллы о протимесисе. Положения о протимесисе в деревне ярко выражены в новелле императора Романа Лекапина от 922 г. Было бы неисторичным рассматривать её как своего рода законодательную „выдумку“ императора. В данном случае перед нами — обычное право крестьянской общины, которое и зафиксировано в императорском законодательстве. Нельзя забывать, что X век был временем новой кодификации права, временем приспособления юстиниановского законодательства к новым историческим условиям, сложившимся к этому времени в результате славянской иммиграции; последняя в незначительной степени изменила обстановку в городе, но оказала очень большое влияние на социально-экономический строй деревни.

Византийская митрокопия в IV—VI вв. была свободна от пережитков родового быта: она состояла из независимых хозяев земельных участков, из людей, объединенных самоуправлением деревни. Но в период славянской иммиграции византийская деревня начинает испытывать воздействие порядков славянской общины, в которой пережитки родовых отношений были еще более или менее живыми. Обычное, неписанное право деревни изменилось; в ней появились новые обычаи. Естественно, что юстинианово право не могло не расходиться с существовавшим в византийской общине обычным правом, которое теперь несло на себе

известный отпечаток родовых отношений (конечно, неизмеримо более слабый, чем, например, Салическая правда).

Именно это противоречие (между обычным правом и императорским законодательством) и имел в виду Роман I. Его новелла прямо начинается с упоминания о том, что древний закон (юстинианово право) не считался с интересами родственников и соучастников¹. Очевидно, это обстоятельство создавало определенные трудности в деревне, где долго бытовали нормы обычного права. Роман I отмечает также другой закон, от 468 г., который вообще запрещал продажу земель чужакам. Но и в этом законе интересы родственников не были предусмотрены (потому что в деревне V в. кровно-родственные узы не имели уже особого значения).

Новелла Романа Лекапина представляла собой попытку примирить противоречия между обычным деревенским правом и императорским законодательством. В деревне родственные связи имели еще известное значение. В стратегиках того времени рекомендовалось составлять лагерные товарищества *κατὰ συγγένειαν*². Поэтому новелла Романа от 922 г. не являлась простым воспроизведением запрета, содержавшегося в законе 468 г.: протимесис приобрел особый характер, соответствующий обычному праву и родственным связям, существовавшим в деревне.

В первую очередь право на покупку земли получили *οἱ ἀναμιζ συγγένειοι συγγενεῖς*, т. е. родичи, не потерявшие некоторой хозяйственной общности: не родственники вообще (по наследственному праву), а именно хозяйственно связанные между собой родичи. Второе место в законе о предпочтении занимают *οἱ συμπλεγγόμενοι κοινωνοί*, т. е. лица хотя и не являющиеся родственниками, но имеющие между собой некоторую хозяйственную общность, связанные совместным владением (соучастники в разработке земли, совладельцы поля или участка). На третье место поставлены вообще соседи. На четвертое — *οἱ ὁμοτελεῖς* (позднее: вписанные в писцовую книгу под именем одного и того же господина; первоначально этим термином обозначались лица, вписанные в одну и ту же писцовую книгу по уплате налогов, т. е. такие, которые были приписаны к одной общине, даже если они имели владения и вносили взносы и в других местах). На пятом месте значатся вообще живущие в данной митрокопии *οἱ ἀπλῶς πλησιάζοντες*.

В принципе предпочтение в праве на покупку дается людям, близким так или иначе в хозяйственном отношении к продавцу земли, и это вполне соответствует общинным порядкам деревни³. В самом деле: допустим, что кто-либо имеет свое дерево на чужом участке (случай, предусмотренный статьей 32 Земледельческого закона), — такое лицо, как обладающее некоторой хозяйственной близостью к продавцу этого участка, должно, естественно, иметь предпочтение перед другими покупателями (предпочтение второго разряда).

Этот закон о предпочтении, с одной стороны, должен был в нормальных условиях сохранять землю в руках членов общины, но в то же время он создавал условия, необходимые для концентрации земельных участков в руках зажиточных крестьян митрокопии. Ведь для того,

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 62.

² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 172—173.

³ Basil., XIX, 5 и LV, 5.1.

⁴ А. П. Каждан в статье „Крестьянское движение в Византии X в. и аграрная политика императоров Македонской династии“ (ВВ, т. V, стр. 95—96) считает легализацию обычного права уступкой крестьянству, сделанной в результате крестьянских восстаний. Но до 922 г. в X в. не было сколько-нибудь опасных для правительства выступлений крестьянства.

¹ . . . μηδεις παρὰ συγγενῶν ἢ κοινωνῶν ἐμποδίζεται πωλεῖν. (Jus, III, p. 238).

² Стратегикон Никифора, изд. Ю. Кулаковского, гл. I, 1. (ЗАН, VIII серия, по ист.-фил. отд., т. VIII, № 9).

³ В значительно более узком плане мы видим право предпочтения в германских правах — особенно Leg. Saxon., MGH Leg., V, cap. 62: Liber homo, si hereditatem suam necessitate coactus vendere voluerit, offerat eam primo proximo suo; si ille eam emere noluerit, offerat tutori suo, vel ei, qui tunc a rege super ipsas constitutus est; si nec ille voluerit, vendet eam cuicumque libuerit.

чтобы купить участок, родственник должен был оплатить его полную стоимость в течение 30 дней (после объявления, сделанного в присутствии свидетелей, о намерении произвести такую покупку). Ясно, что оплатить стоимость участка в такой короткий срок могли только лица, располагавшие значительной суммой денег. Безусловно, в числе разного разряда предпочитаемых, реальную возможность купить землю имели лишь те, которые были в состоянии внести продавцу нужную сумму в течение одного — четырех месяцев. Фактически это делало законы о предпочтении формой легального перехода участков в руки зажиточной верхушки деревни, которая имела в дальнейшем некоторую возможность перейти в разряд *ἀξιωματικοί* и *δουλοί*, т. е. в ряды господствующего класса.

Византийская община имела свою специфику, отражающую особенности социально-экономического строя Византии, в которой город на протяжении всей ее истории имел большое экономическое и культурное значение. Товарное хозяйство, а вместе с ним и юстинианово право, основанное на частной собственности, сохранялись в византийском городе и оказывали влияние на сельское окружение.

В законах о *πρότιμης* мы видим, таким образом, характерное обычное право земледельческой общины, развивающейся в обществе, в котором давно укоренилась частная собственность на землю. При этом противомесис, как отражение обычного права в законодательстве, с одной стороны, охранял целостность общины, не допуская в нее постороннего, но, с другой стороны, создавал предпосылки для складывания внутри общины крупного землевладения, что и приводило к ее внутреннему разложению и к формированию феодальной собственности. Кодификация обычного права в новелле 922 г. вызывалась особыми причинами: выгоды фиска, потребности военного характера (что и отмечалось автором новеллы). Но в то же время это сохранение обычного права было выгодно городской чиновно-ростовщической знати, использовавшей налоговый и судебный аппарат в своих интересах.

* * *

Перейдем к вопросу о периодических переделах земли в византийской общине. Е. Э. Липшиц при рассмотрении его проявляет крайнюю осторожность и нерешительность: в ее изложении этот вопрос по существу предстает как спорный. На самом деле его следует решать со всей категоричностью: периодических переделов земли в общине во время составления Земледельческого закона не было.

Статья 8 этого памятника говорит о *μερισμός*. Под этим термином несомненно имеются в виду несколько способов „раздела“ земли. Во-первых, *μερισμός* — первоначальный раздел: он производится тогда, когда крестьянская община утверждается на заброшенной латифундии. Но, конечно, не вся земля сразу делится между общинниками, некоторая часть ее остается неразделенной¹. Поэтому необходим добавочный раздел. Это — второе значение термина *μερισμός* (ст. 32, 82). Возможно также и третье: *μερισμός* — раздел внутри разросшейся семьи. Но особенно важно учитывать четвертое возможное значение этого слова: *μερισμός* в смысле принудительного распределения участка, брошенного обедневшим крестьянином, распределения, произведенного в порядке

¹ Иногда община, как таковая, продавала неподеленные участки земли. Новелла 947 г. запрещала динатам покупать такую землю у общин *ἀπὸ τῆς τῶν χωρίων ὁμάδος ἢ τοῦ καθ' ἑκάστου*. (Jus, III, p. 253).

ἐπιβολή, в порядке привлечения крестьян к взаимной ответственности за налоги, падающие на брошенные участки земли¹.

Такой раздел был, разумеется, едва ли желателен крестьянам. Прав на землю (во всяком случае, до истечения срока в 30 лет) он не давал, полностью использовать участок в хозяйственных целях тоже было невозможно (ст. 21 Земледельческого закона). Этот раздел осуществлялся применительно к возможностям крестьян, сообразно их собственным участкам земли; производился он часто, поскольку бегство из деревень, призывы в поход, всякого рода несчастья, выведившие крестьянскую семью из состава плательщиков, были постоянным явлением. Именно в этом смысле, думается, нужно понимать не только ст. 8, но и знаменитое „Второе определение“ магистра Космы. В свое время Ф. И. Успенский переводил его так, что в этом „определении“ будто бы имелись в виду периодические переделы земли каждые 30 лет. Но этот перевод имел серьезные недостатки: он 1) допускал некоторые отступления от текста, в который вносились исправления, и к тому же предполагалась испорченность текста; 2) прямо противоречил букве Земледельческого закона (ст. 3) и 3) совершенно не соответствовал данным памятников X в., которые свидетельствуют о массовой продаже крестьянами своих участков.

Чтобы объяснить это „решение Космы“, я попытаюсь дать свое толкование текста памятника. Вопрос, предъявленный Косме, до нас не дошел. О его содержании можно лишь предполагать на основании ответа, данного магистром. Полагаем, что вопрос состоял в следующем: „Если было произведено распределение участков в порядке *ἐπιβολή*, но некоторые из получивших данные прирезки возбуждают ходатайство о пересмотре этого раздела, можно ли произвести новый раздел?“ Ответ гласил: „Если весь участок (т. е. распределенный по долям в порядке коллективной ответственности за поступление налогов с заброшенной земли) представляет собой единый объект обложения *ὑποταγή*, и поэтому за данный участок следует определенная единая подать, и если распределенные доли составляют совместное владение (компактную единицу), и если со времени распределения по долям прошло менее 30 лет, то надлежит, чтобы весь объект обложения был снова объединен, чтобы были сняты все межевые знаки, и пусть тогда будет произведен передел между каждым из них (т. е. получивших доли в порядке совместной ответственности за налоги) соразмерно наследственным участкам (*κλήρους*), причем пахотная земля данного участка (*γῆς τοῦ ἀγροῦ*) должна быть разделена не только по ее качеству, но и сообразно количеству приходящейся на этот участок суммы налога (*ποσότητος*). *Ποσότης* в данном источнике, по нашему мнению, можно перевести как „сумму налога“ — *ποσότης*. Таким образом, из нашего толкования „Второго определения“ магистра Космы вытекает, что заброшенный участок распределяется между некоторыми членами общины, причем распределение производится (и это вполне понятно) соответственно хозяйственной мощи крестьянина (*ἀπὸ κλήρων ἰσότητι γῆς*): чем больше земли у крестьянина, тем крепче его хозяйство и тем большую долю заброшенной земли он получает при наличии коллективной ответственности членов общины за уплату налогов (разумеется, во внимание принимается и та часть налога, которая падает на его долю). При таком толковании „решения“ Космы многие спорные мо-

¹ См. Податной устав, перев. Е. Э. Липшиц. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 150—152 (ст. 12—15).

менты отпадают сами собой, и, главное, — исчезают противоречия между постановлением Косьмы, ст. 3 и 5 Земледельческого закона и новеллами X в. К тому же в этом толковании постановление Косьмы является лишь дополнением к ст. 18 Земледельческого закона.

* * *

Кроме полноправных членов общины, в ней были и пришельцы, которые явились уже тогда, когда земля находилась в наследственном владении старых членов общины. Мы имеем в виду „чужаков“, пришлых *προίκους*. В Земледельческом законе ничего не говорится о париках, но их предшественниками можно считать мистиев: мистии первоначально не были связаны с землей, они выступали как наемные работники.

Согласно Земледельческому закону, мистий нанимался к хозяину, по какой-либо причине не имеющему возможности лично обработать свой участок. Но поскольку он нанимался выполнить работу в законченном виде (по римскому праву *locatio operis, ἀποτέλεσμα*. Dig., 16, 5, 1), т. е. засеять, собрать урожай, постольку такой наемный работник фактически превращался в съемщика на определенных условиях.

„Если кто возьмет землю от земледельца, не имеющего возможности провести посев, — и договорится только вспахать и бороновать (раздробить), то разрешается заключить условия по договоренности; если же включается и посев, то и в данном случае предоставляется право заключить условия по договоренности“ (ст. 11). Земледельческий закон в данном случае не устанавливает условий найма: пришлось бы предусмотреть слишком много вариантов — используется ли хозяйский инвентарь и рабочий скот, или же все это принадлежит „работнику-съемщику“ и т. д.

Статья 16 дополняет только что приведенную статью Земледельческого закона: „если земледелец, взявший на себя обработку виноградника или поля, договорится с хозяином (т. е. в смысле ст. 11) и, взяв задаток, приступит к работе, но, прервав, оставит ее, то пусть он даст надлежащую цену поля, а поле пусть имеет хозяин его“. Здесь также имеется в виду „мистот“, наемный работник.

Иногда мистий может вместо того, чтобы работать в качестве наемника, занять на свой риск брошенный участок (ст. 21). Его счастье, если оставивший участок не явится в течение срока давности (30 лет): тогда участок перейдет в руки мистия, он делается полновластным *χρῖος*. Но, если хозяин вернется, мистию придется снова обратиться в наемного работника.

Вопрос о социальной сущности прослойки мистиев является весьма спорным. Е. Э. Липшиц считает возможным предполагать в мистии „свободного в феодальном смысле, но фактически зависимого человека“¹. Б. Т. Горянов, идя еще дальше, говорит даже о мистиях, принадлежащих монастырю².

С этой трактовкой категории мистиев³ невозможно согласиться. Мы считаем мистия юридически и фактически свободным человеком,

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация стр. 129.

² Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, т. III, 1950, стр. 37. — Приводимая ссылка *ἐν τοῖς τοιοῦτοις κτήμασι προσκαθημένων μισθίων μονιχῶν*) совершенно ничего не говорит о принадлежности мистиев монастырю.

³ См. наши комментарии к „Книге Эпарха“. „УЗ Свердловского Гос. пединститута“, вып. VI. Свердловск, 1949, стр. 72—73, а также статью А. П. Каджана „Рабы и мистии в Византии IX—XI вв.“ „УЗ Тульского Гос. пединститута“, вып. 2, 1951, стр. 79.

поскольку вообще бедняк, вынужденный поступать на работу за плату, может быть свободным. Наемный работник в средние века, конечно, коренным образом отличался от рабочего капиталистической эпохи, но тем не менее в их экономическом положении имеется нечто общее: средневековый работник также был неимущим и существовал на заработную плату.

Что в деревне имелся определенный разряд земледельцев, живущих на заработную плату, это совершенно несомненно. Земледельческий закон устанавливает заработную плату поденщика — 12 фоллов (25 коп. зол.) в сутки (ст. 22, 62). Существовала также плата за рабочий день работника, нанявшегося работать со своим волом или другим животным (ст. 36).

Мистий — крестьянин-переселенец, не имеющий определенного участка, или, во всяком случае, такого, который был бы достаточным, чтобы прокормить семью. В Земледельческом законе упоминается о наемном пастухе и наемном стороже. В данном случае мы имеем дело с *locatio operarum* римского права (Dig., 19, 2, 37).

Не исключена возможность, что мистий превращался в мортита. Если мистий обрабатывает целину, три года он пользуется землей бесплатно, — на четвертый год хозяин участка вправе взять этот участок обратно. Если хозяин не располагает достаточными средствами для того, чтобы обрабатывать этот добавочный участок, он может отдать его в аренду на обычных условиях (т. е. из одной десятой доли).

Безземельный и малоземельный крестьянин, нуждающийся в дополнительном заработке, — необходимый элемент в средневековой деревне. Мистий в деревне является предтечей не современного сельскохозяйственного рабочего, но, скорее, средневекового коттера.

Был ли мистий несвободным? — Как „Книга Эпарха“, так и агрографическая литература рисуют мистия свободным человеком¹.

Е. Э. Липшиц утверждает, что мистий нередко продавался и покупался². Это утверждение покоится только на статье VIII, 7 „Книги Эпарха“ — о запрещении (под страхом отсечения руки) продажи мистия иностранцам. Но необходимо отметить, что наказание — отсечение руки — есть кара за продажу в рабство свободного человека. Никакой полной или неполной собственности на мистия наниматель не имел. Он мог использовать мистия „вместо раба“, как сказано в схолиях к Василикам³, только на срок соглашения с ним. Разумеется, неимущий мистий мог легко попасть в число зависимых людей. Но в таком случае он уже переставал быть мистием, а переходил в другую социальную прослойку. Действительно, в XI—XII вв. мистии уже переходят в разряд малоземельных и безземельных, постоянно живущих в поместье крестьян. Однако говорить о том, что мистий еще в VII—VIII вв. находился на положении закабаленного, нет оснований. Все это, конечно, не уничтожает того факта, что мистий являлся наиболее обездоленным человеком в византийской деревне.

Может возникнуть вопрос: почему мистий должен был брать работу в деревне у других хозяев в то время, как в распоряжении общины имелась необработанная новь, лесные участки? Почему община, если существовали переделы хотя бы неразделенной земли, не передавала

¹ Книга Эпарха, гл. VI, 2—3; XXII.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 127.

³ *οἱ ἐν τάξει δοῦλων ὑπηρετοῦντες αὐτῶ ἐλευθεροί* (Basil., XVI, VIII, 4); *τοὺς μισθίους — οὓς ἐν τότῳ δοῦλων ἔχομεν*... (Basil., LX, XVII, 7, σγ. 28).

этих участков мистию? — Ответ на эти вопросы состоит в том, что мистий не являлся полноправным членом общины и, следовательно, не имел прав на общинную землю. В интересах „хозяев“ было иметь в деревне известное число обездоленных мистиев, из среды которых можно было нанимать пастуха (ст. 34), сторожа для огорода (ст. 33), работника на те или иные работы по договоренности с хозяином (ст. 16) — причем нанимать на условиях обработки исполу. Как явствует из статьи 16 Земледельческого закона, малоземельный крестьянин, берущийся обработать поле или виноградник, получает задаток. Это положение о задатке — ἀρραβίων — вполне соответствует аналогичному положению статьи XXII, 1—2 „Книги Эпарха“, где говорится о задатке строительному рабочему. В „Книге Эпарха“ предусматривается случай, когда наемный рабочий, получив задаток, бросает работу. Из статей Земледельческого закона можно вывести заключение, что сельскохозяйственный мистий был несколько обеспеченнее городского строительного рабочего. Городского строителя за его проступки не штрафуют, не взыскивают с него ущерба (очевидно, безнадежно взыскивать с человека, ничего не имеющего), — его просто лишают платы и бьют. В деревне же работник, не выполнивший работ в поле и сорвавший тем посев или уборку урожая, принуждается возместить убыток („пусть даст стоимость поля“, т. е. примерную доходность участка). У деревенского мистия, можно думать, иногда имелась хижина, небольшой участок, может быть, даже домашний скот и свой инвентарь (в пределах этого имущества мистий ответственен); его не бьют, как городского рабочего, за нарушение условий найма, а штрафуют. Но иногда мистии — пришлые люди, для которых в имениях строились специальные помещения¹.

Получение ἀρραβίων — задатка — соответствует получению городским подмастерьем зарплаты авансом за месяц вперед². Причина истребования задатка в том и другом случае совершенно тождественна: у мистия нет средств для пропитания, без задатка он не в состоянии работать. („Не имеющие заработка работники остаются без пропитания“)³. Деревенский мистий, очевидно, не имея достаточного надела, к весне начинал голодать и без ἀρραβίων вряд ли мог быть трудоспособным.

* * *

Были ли крестьяне времени Земледельческого закона крепостными? А. П. Каждан считает крестьян-общинников лично свободными, но прикрепленными к земле⁴, между тем, совершенно неясно, на каких фактах основывается это положение. А. П. Каждан называет крестьян-общинников „государственными крестьянами“. Этот термин, применяемый обычно для обозначения известной категории крестьян в крепостнической России, будучи перенесен в литературу по византиноведению, может создать много неясностей в самом понимании слова „лично свободный“. Вряд ли имеет смысл называть крестьян „государственными“ лишь на том основании, что они платили налоги и выполняли общегосударственные повинности. Что же касается вопроса о прикреплении к земле по существу, то необходимо заметить, что согласно Земледельческому закону крестьяне были совершенно свободны уходить из деревни, — насильно

их не возвращали. По статье 19, оставивший свой участок может даже платить налоги за брошенную землю (если правильна редакция этой статьи, которая оспаривалась Б. А. Панченко). В податном уставе указывается, что власти были серьезно обеспокоены возможностью бегства из деревни крестьян в случае непосильности обложения в порядке коллективной ответственности (в выплате налогов), но нигде не говорится о необходимости возвращать насильно бежавших крестьян. Речь идет не о бегстве, а о временном оставлении своего участка (ст. 5, 12, 14).

Никакого прикрепления к земле лично свободных крестьян в X в. невозможно подтвердить документальными данными. „Государственными крестьянами“ можно считать только δηροσιάριοι πάροικοι более позднего времени (ВВ. III, 1950, стр. 25).

* * *

Обратимся теперь к вопросу, многократно трактованному в работах наших византистов, об отождествлении византийской общины с „азиатской“. Такое отождествление введено Е. Э. Липшиц. Приведа высказывание К. Маркса о самодовлеющих азиатских общинах, Е. Э. Липшиц писала: „Думается, что именно в этой специфической особенности византийского „восточного“ феодализма, отличающей его от западноевропейского, и следует искать одну из определяющих причин своеобразного консерватизма и устойчивости форм всей византийской цивилизации, находящейся... в поразительном контрасте с быстрой сменой императоров на византийском престоле. Так же, как и в восточных деспотиях, в Византии община надолго становится важнейшей опорой бюрократического централизованного государства, а вместе с тем и основанием самых грубых форм византийского деспотизма“¹. Аграрную политику императоров Македонской династии Е. Э. Липшиц объясняла именно тем, что византийская община являлась опорой византийского деспотизма, и государство сознательно, притом не без успеха, поддерживало поэтому общину².

Выступление Е. Э. Липшиц имело успех в нашей литературе. Тезис об азиатском характере византийской общины особенно последовательно развивает Б. Т. Горянов³, считая при этом, что вся земля в Византии, по крайней мере, в теории, являлась государственной собственностью (иначе говоря, в Византии, по крайней мере, теоретически не существовало частной земельной собственности). Византийскую общину сближает с восточной также и М. М. Фрейденберг⁴.

Необходимо со всей решительностью отвести попытки отождествления византийской общины с „азиатской“ (К. Маркс имел в виду индийскую общину).

Во-первых, восточная община развивается в условиях господства государственной собственности на землю и полного отсутствия частной земельной собственности. Такого положения в Византии никогда не было. Неверно, что теоретически земля в Византии принадлежала государству. И по юстинианову праву и по Василикам совершенно четко разграничивалась государственная собственность на землю и частная собст-

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 143.

² Там же, стр. 142.

³ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, т. III, стр. 45—46.

⁴ М. М. Фрейденберг. Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952, стр. 3.

¹ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 36—37.

² Книга Эпарха, VI, 2.

³ ἀρσοὶ ὄντες οἱ τεχνῖται ἐν ἀπορίᾳ τροφῆς γένοιτο.

⁴ А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии X в. и аграрная политика императоров Македонской династии, стр. 85.

венность. И в теории права и в судебной практике строго различались понятия βασιλικὸν χωρίον, δημόσιον χωρίον, ἑτέρῳ τινος προσώπου χωρίον (Nov. Leonis VI, 51), а также ἐν τῇ πάντων ἐξουσίᾳ εἰσι (заливы, большие реки). Переход в казну земель оформлялся постановкой пурпуровых флагов — σήμαντρα, σάνιδες. В податном уставе говорится, при каких условиях земля, принадлежащая частным лицам, могла превращаться в государственную, и обратно — о продаже государственной земли частным лицам (ст. 5 и 14). Государство не могло взять у собственника землю, даже если этого требовали важные обстоятельства. Ярким примером является покупка Юстинианом участков земли для постройки храма св. Софии: с какой трудностью удалось императору купить необходимые участки!¹

Во-вторых, экономической основой „восточного деспотизма“ и восточной общины является ирригационная система, регулируемая государством. Ничего подобного в Византии не было: единственной территорией, природные условия которой требовали регулируемой государством ирригации, являлся Египет, в середине VII в. завоеванный арабами. Поскольку экономической основа „азиатского деспотизма“, выявленная К. Марксом, была совершенно иной, чем экономический фундамент византийского бюрократического государства VIII—X вв., говорить столь категорически о „византийском деспотизме“, как это делает Е. Э. Липшиц, относить Византию к восточноазиатским деспотиям — значит поступать вопреки фактам: сближение Византии с „азиатскими деспотиями“ неубедительно и лишено оснований. В самом деле: странно было бы видеть в самодержавном Льве VI, который только с большим трудом сумел оформить свой брак с Карбонопсиной и должен был все время вести осторожную борьбу с партией Николая Мистика, — восточного деспота. Сильный синклит, влияние патриарха, определенное значение юридической традиции юстинианова права — все это настолько отражалось на характере власти императора, что рассуждать о византийском деспотизме вряд ли можно с большей основательностью, чем относить к числу деспотических государств любую западную монархию.

Самое признание византийских форм государственности в VIII—X вв. „грубейшими“ (по сравнению с западноевропейскими тех же веков), требует доказательств. Положение Е. Э. Липшиц об устойчивости византийской цивилизации „в поразительном контрасте с быстрой сменой императоров“ кажется совершенно непонятным. Византийская община вовсе не была такой устойчивой, как индийская, общественный строй Византии развивался в том же направлении, как и в Западной Европе. Можно, наоборот, скорее поражаться неизменности внешних форм императорской власти при радикальных переменах общественного строя.

Византино-славянская община в основном мало отличалась от западноевропейской марки. Станным представляется вывод Е. Э. Липшиц о том, что византийская община была оплотом деспотизма. Почему же западноевропейская марка не стала оплотом деспотизма? — Конечно, в последующее время монархия могла пользоваться инертностью крестьян в борьбе против прогрессивных сил. Но, во всяком случае, не община ощущала потребность в разветвленном бюрократическом аппарате Византийской империи, в сложном праве Дигест и Василик. В этом нуждалось общество со сравнительно развитым товарным производством и товарным обращением, которое в Византии в период раннего средневековья находилось на неизмеримо более высоком уровне, чем на Западе.

¹ Scriptores originum Constantinopolitanarum, ed. Preger. Lipsiae, 1901, p. 77.

* * *

В этой связи считаем необходимым определить свое отношение к часто высказываемому мнению о том, что налоговое обложение в ранней Византии в сущности было централизованной рентой. С этой теорией выступил А. П. Каждан¹; по существу, она является выводом из теории, отождествляющей византийскую общину с азиатской. Между тем, всякие попытки признать феодальной рентой различные виды обложения населения в период до создания феодальной собственности, по нашему мнению, являются неправомерными. Рента взыскивается собственником земли, а налог — государством-сувереном. В „азиатском“ государстве, где вся земля является его собственностью, налог совпадает с рентой, — в Византии такого положения как раз не существовало.

Смещение налога с ренты может только затемнить вопрос о сущности феодальной собственности в Византии.

Поземельные налоги, собираемые в принудительном порядке государством-сувереном данной территории, существовали в средневековом государстве любого типа, они ничего специфически феодального не имеют. Конечно, в Византии, как и в других средневековых государствах, в определенные периоды истории господствующий класс, используя государственный аппарат, проводил политику превращения свободных общинников в зависимых крестьян. В результате такой политики государственный налог превращался в феодальную ренту.

Нельзя оставить без внимания и те факты, которые характеризуют изменения, происшедшие в результате укрепления общинного права в византийской деревне. Хотя налоговый гнет остался тяжелым, но в византийской исторической литературе уже не встречаются потрясающие известия, подобные тем, которые имелись у Прокопия, о массовом бегстве населения за пределы Римской империи². Наоборот, мы встречаемся с фактами перехода в Византию мусульманских племен. Ибн-Хаукаль сообщает, что племя Бени-Хабаб, не вытерпев увеличения повинностей и разного рода притеснений, переселилось в Византию со всем своим имуществом, рабами, приняло христианство и поселилось на правах стратиотов³.

Те меры, которые предприняты были Македонской династией в защиту стратиотского землевладения, а также положение внутри общины — все это сделало возможными частые переходы арабов в Византию⁴. Сюда можно присоединить и сообщения о массовом переходе племени мардаитов в Византию в конце VII в.⁵

Как сообщает Никифор в „Бревиарии“, 208 тыс. славян переселились в Византию и поселились в Малой Азии⁶. Об этом же пишет Феофан⁷, объясняя переход славян в пределы Византии событиями, происшедшими в Болгарии при хане Телизе. Нужно думать, что мероприятия иконоборцев, которые конфисковывали монастырскую собственность и вводили в законодательство нормы обычного права славян-

¹ А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии X в. ..., стр. 83, 97.

² Прокопий. Тайная история, гл. 11. ВДИ, 1939, т. V.

³ В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 98 и сл.

⁴ Там же, стр. 106.

⁵ Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 363—364.

⁶ Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия, пер. Е. Э. Липшиц. ВВ, т. III, 1950, стр. 378.

⁷ Theophanes. Chronographia, p. 432.

ской общины, сделали возможным переход значительного числа трудящихся в пределы той самой Византии, откуда народ массами бежал в IV—VI вв.

Самый факт создания фемного войска, призыва в армию *πρωῦβ* говорит о большей возможности вовлекать в военные действия по обороне империи крестьянские массы, по сравнению с той, которая имела в IV—VI вв. Мы можем считать бесспорным факт относительного облегчения участи крестьян в Византии в период славянской иммиграции, в период распространения в деревне славянского обычного права, сначала в Земледельческом законе, потом — в новелле 922 г. Именно это облегчение положения крестьянства создало возможность для более широкого развития в дальнейшем товарных отношений (IX—X вв.). Большая устойчивость деревни укрепила и внутреннее и международное положение Византии как раз в то время, когда ее культурное воздействие оказалось наиболее действенным как на Западе, так и в Восточной Европе, т. е. в IX—X вв.

Нам думается, что правильно понять византийское законодательство относительно общины и крестьянства конца X—начала XI в. можно, лишь приняв во внимание сущность того переходного периода в истории Византии, когда землевладение, основанное на эксплуатации рабского труда, уже получило решающий удар, но когда феодальные институты в деревне находились еще в процессе формирования, т. е. преобладающее место в аграрной жизни Византии занимала свободная крестьянская община.

Укрепление начал общинного строя в крестьянской среде в VII—VIII вв. проходило по-разному на Балканах и в Малой Азии.

В районах славянской иммиграции на Балканском полуострове цементирующим элементом в упрочении общинного строя были пережитки славянских родо-племенных порядков, которые сделались общими как для славянских, так и для греческих деревень. В Малой Азии влияние славянских институтов могло иметь место лишь в небольшой степени. Поскольку для внутреннего укрепления общины было необходимо какое-то „вязущее“ начало, постольку здесь роль такой „внутренней спайки“ выпала на долю религиозной секты. В этой связи становится понятным, почему сектантское движение в VII—VIII вв. охватывало малоазиатские районы и в то же время почти совершенно не было заметно в европейских районах Византии.

Как в балканских, так и в малоазиатских деревнях устанавливались и укреплялись общинные порядки; эти порядки получали свое выражение в обычном праве. При этом в малоазиатских общинах, где не институты родо-племенного строя, а религиозная спайка объединяла общину, сохранилось много сходного с порядками юстиниановской митрокомии. Иконоборческое правительство, стремясь получить опору внутри страны, легализовало в Земледельческом законе те общинные порядки, которые фактически были уже „освоены“ и закреплены обычным правом. Естественно, что в акте, легализующем эти порядки, можно усмотреть компромисс между началами сильной, сплоченной общинным землевладением славянской сельской общины и теми порядками, которые сложились в малоазиатской общине, внешне сплоченной в виде религиозной секты. Этим объясняется и то, что по своей общей направленности Земледельческий закон отразил сущность отношений сплоченной славянской общины, но в то же время сохранил традиции митрокомии — элементы частной собственности на землю, терминологию юстинианова права. Отсюда — бесспорное сходство статей Земледельческого закона с положениями

юстинианова права, с терминологией, сохранившейся в египетских папирусах VI—VII вв.

Исаврийское законодательство легализовало не все нормы обычного права, действовавшего в деревне. Ни в Эклоге, ни в Земледельческом законе нет никаких указаний на порядок отчуждения земель общины. Даже закон VI в.¹ о порядке продажи земель в митрокомиях не был подтвержден. Это обстоятельство давало возможность динатам игнорировать местное обычное право. По мере укрепления своих позиций военнотрудовая фемная знать к концу VIII в. повела наступление против свободной общины — как в форме борьбы против славянских племен на Балканах, так и в форме начавшегося преследования религиозных сект. Вместе с тем получает распространение усиленная практика захвата общинных земель, происходит закабаление крестьянства. На месте разрушающейся общинной укрепляется феодальная собственность. Ее дальнейшее развитие приводит к обострению классовой борьбы. Так, в IX в. происходят восстания Фомы Славянина и павликианские войны. Разгром восстания Фомы Славянина и павликиан привел к такому усилению динатов, что они еще свободнее стали игнорировать действующее право, а правительство оказалось перед опасностью распада централизованного государства. Кодификация права в конце IX в. имела в виду не только укрепление имущественных прав господствующего класса, не только наступление на народные массы, — она имела целью также упрочение бюрократической монархии против усиливающейся на местах политической роли крупного землевладения. Эти же цели преследовала и знаменитая новелла Романа I от 922 г., которая была естественным продолжением предпринятой при Льве VI кодификации права. Легализация местного обычного деревенского права, регулировавшего мобилизацию земельных участков внутри общины, имела те же цели, что и кодификация права в целом.

Борьба за сохранение в деревне начал общинного права велась, однако, только до тех пор, пока дальнейшее укрепление феодальной собственности не привело к существенным изменениям в государственном аппарате Византии, когда Византия стала превращаться в феодальную монархию, когда с торжеством феодальных институтов интересы столичной бюрократической знати перестали расходиться с интересами знати провинциальной, военно-землевладельческой. Тогда стали появляться и новые редакции Земледельческого закона, приспособившие порядки деревни к потребностям сеньориального режима, тогда новеллы X в. перестали стеснять захват общинных земель и препятствовать окончательному торжеству феодальной собственности.

¹ Cod. Just., XI, 56.

А. П. КАЖДАН

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ВИЗАНТИИ VIII—X вв.*

Основоположники марксизма рассматривали феодализм как одну из антагонистических формаций. Классовый антагонизм всегда выражается в том, что часть общества, господствующий класс его, присваивает себе богатства, созданные непосредственными производителями. Прибавочный продукт непосредственных производителей феодального общества, создаваемый ими в условиях господства мелкого, натурального хозяйства, присваивается господствующим классом феодального общества в силу монополии этого класса на средства производства и прежде всего на землю. В соответствии с этим непосредственный производитель выступает в роли „простого придатка к земле“¹. Земля, по словам К. Маркса, противостоит крестьянину „как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике“².

Характерной чертой феодальной собственности на землю являлась ее своеобразная двойственность, вытекавшая из мелкой организации производства, когда средства труда (земледельческие орудия, скот) были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными на единоличное употребление; они, как правило, принадлежали самому производителю. Поэтому феодальный обычай признавал за крестьянами владельческие, квази-собственнические права на землю: К. Маркс прямо говорит, что на свои участки „крестьяне имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы“³. В другом месте он развивает эту же мысль, отмечая, что „даже крепостные не только являлись собственниками, — правда, обязанными платить оброк, — небольших участков земли, примыкавших к их дворам, но и участниками в коллективной собственности на общинные земли“⁴.

В двойственности феодальной собственности раскрывается, таким образом, важнейшее антагонистическое противоречие феодального общества: противоречие между мелким производством и крупной земельной собственностью. При этом крупная земельная собственность феодального общества выступает, как правило, как собственность коллектива феодалов, которым противостоят крепостные крестьяне. Корпоративность

феодальной собственности выражалась в ее иерархической структуре, объединявшей „разбойничье дворянство“ и дававшей ему власть над крепостными.

Феодальная собственность на землю сложилась и в Византии. И здесь процесс разложения общины и выделения аллодиальной собственности привел в конечном счете к образованию феодального поместья, крестьянской зависимости и феодальной ренты. Однако феодальная собственность в Византии VIII—X вв. обладала определенными специфическими чертами, отличавшими ее от „классических“ форм средневековой собственности на землю. Одна из отличительных черт византийской феодальной собственности этого времени состояла в том, что реализация этой собственности (т. е. присвоение ренты) принимала в значительной мере централизованный характер¹, — следовательно, феодальной собственности здесь была присуща в большей степени централизованная (деспотическая), нежели иерархическая структура.

В настоящей статье автор предпринимает попытку рассмотреть причины и пути складывания этого типа феодальной земельной собственности. При этом сразу же необходимо оговориться, что генезис феодальной собственности в Византии был необычайно многообразен: автор не задается целью всесторонне осветить этот процесс и рассматривает — сознавая известную искусственность подобного подхода — лишь одну из его сторон.

Корни своеобразия процесса становления феодальной собственности в Византии и складывания здесь к VIII—X вв. централизованной структуры феодальной собственности, а в соответствии с этим и деспотической государственной власти, следует, как нам кажется, искать в особенностях славяно-византийской общины.

Ф. Энгельс писал о двух типах государственной власти средневековья, обусловленных „той формой, которую имеют к этому времени общины“². Один из этих типов мы можем наблюдать на завоеванной германцами римской территории, где общинные связи рано были ослаблены развитием аллодиальной собственности. Другой тип — деспотическая государственная власть — складывается в том случае, если государство возникает „в период, когда община обрабатывает землю сообща или, по крайней мере, передает во временное пользование отдельным семьям, где, таким образом, еще не создалась частная собственность на землю“³. Следовательно, по мнению Энгельса, относительная устойчивость общины является тем фактором, который обуславливает формы средневекового государства, обуславливает в каждом отдельном случае возникновение деспотического или иерархического государственного строя. Из этого вытекает, что вопрос о специфических чертах византийской общины имеет первостепенное значение для понимания развития византийского общества.

Славянские и арабские вторжения конца VI—начала VIII в., сливавшиеся с народными движениями в Византии, имели своим результатом разгром крупной земельной собственности рабовладельческого

¹ М. М. Фрейденберг („Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв.“ Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952, стр. 7) также считает „централизованную систему эксплуатации крестьянина“, „централизованную ренту“ характерной чертой Византии IX—X вв. Э. В. Удальцова полагает, что до XI в. „в платежах крестьян преобладает централизованная рента“ (История средних веков, т. I. Госполитиздат, 1952, стр. 565).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 391.

³ Там же.

* Статья А. П. Каждана печатается в порядке обсуждения.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1951, стр. 630.

² Там же, стр. 807.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 723.

⁴ Там же, стр. 722, прим. 191.

типа: они создали предпосылки для формирования славяно-византийской общины. Условия, в которых складывалась славяно-византийская община, в значительной мере отличались от той обстановки, в которой оказались франкские, лангобардские и иные общины в провинциях бывшей Западной Римской империи. На востоке империи римское влияние на протяжении столетий не уничтожило и не могло уничтожить старых, доэллинистических форм общинной собственности¹. Славянское вторжение влекло за собою возрождение общины, укрепление общинных связей², и со своей стороны местные — фракийские и малоазийские — общинные порядки оказывали существенное воздействие на характер землевладения славян. Следовательно, синтез славяно-византийских общественных отношений протекал в несколько своеобразных условиях: византийское влияние не может быть сведено только к расшатыванию общинных связей и оформлению рождающейся частной собственности, — традиционные, восходящие к доэллинистическим временам общественные отношения содействовали консервации общинных порядков у вторгшихся в Византию племен. Это обстоятельство позволит нам ожидать относительной прочности византийской общины.

Основная масса земель в византийской деревне VIII—X вв. находилась в частном владении. В X в. византийские крестьяне могли продавать свои земли (частями или целиком), сдавать в аренду, передавать в приданое, завещать, обменивать, дарить. Однако права владельцев на их земли были в значительной степени ограничены. Ограничение владельческих прав крестьян-общинников шло по нескольким линиям.

Весьма ограничивали свободу распоряжения крестьян своими участками и препятствовали выделению аллодиальной собственности пережитки родовых отношений³. Даже византийское законодательство, сознательно сохранявшее частновладельческие нормы римского рабовладельческого права, восприняло некоторые положения, восходящие несомненно к обычаям большой семьи. Так, XIX новелла императора Льва VI защищает принцип равного раздела наследства между сыновьями покойного; такой раздел она рассматривает как присущий природе, тогда как иная форма наследования открывает, по словам автора новеллы, путь для несправедливости отца по отношению к сыну, а последнего принуждает к лжи и обману⁴. Эклога, измененная по Прохирону (II, 31), устанавливает, что имущество умершего мужчины наследуют его сородичи (οἱ τῆς γυναικὸς καὶ τοῦ συγγενεῖς), — в этой формулировке отчетливо видна сила родственных связей.

Ограничение владельческих прав крестьян проявлялось далее в существовании так называемого права на чужую землю, проступающего в нормах Земледельческого закона. Из этого памятника следует, что наказание за нарушение владельческих прав в Византии VIII в. было несравнимо меньшим, нежели во франкском обществе эпохи составления Салической правды: если Салическая правда карает за запашку чужого

¹ О сохранении общин в эпоху Римской империи см. А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 257. Об общинах в V—VI вв. см. Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 40; М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. ВС, 1945, стр. 28 и сл.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, ВС, 1945, стр. 142.

³ См. А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. ..., ВВ, т. V, 1952, стр. 79, прим. 2; М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. ВВ, т. VII, 1953, стр. 165.

⁴ Jus, III, p. 93.14.

поля высоким штрафом, то Земледельческий закон (ст. 1—2) устанавливает, что крестьянин, вспахавший и засеявший чужое поле, только теряет свой труд и зерно. Даже если он при этом вырубит деревья, стоявшие на чужом наделе, то и тогда он карается только лишением урожая¹. Иначе говоря, нарушение границ чужого владения не рассматривается здесь как преступление, как деликт, порождающий *actio furti*, но лишь как нанесение ущерба. Права крестьянина-общинника проступают в византийском обычном праве VIII в. куда более отчетливо, чем в самой ранней из западных правд, хотя в целом Земледельческий закон не является столь архаическим памятником, как Салическая правда.

Грамота 990 г. из византийской Италии показывает, насколько слабо было здесь развито право частной собственности еще в конце X в. В этой грамоте рассказывается, что некто Калоиоанн — грек, насколько можно судить по имени, — имел небольшой надел земли в районе Бари. Эта земля была им заброшена, и ее занял армянин Мелий, сын Симагона, от которого она перешла к другому армянину, Крикору. Крикор возделал эту землю и стал получать с нее урожай². Когда после этого Калоиоанн возбудил тяжбу, ему не удалось доказать своих прав на возделанную Крикором землю: он был вынужден отказаться (*donabi atque relaxabi*) от этой земли. Только та земля, которую новый владелец еще не возделал, была возвращена прежнему хозяину и отделена от участка Крикора специальной оградой. Эта грамота подтверждает и конкретизирует данные Земледельческого закона: видимо, и в X в. для византийского обычного права факт действительного владения был более важным, нежели титул собственности.

Более того. Земледельческий закон не только не знает ответственности *ex delicto* за нарушение границ чужого владения, но и разрешает прямое использование чужого надела: ст. 61 позволяет входить в чужой сад и виноградник, если только это делается не ради кражи, а лишь для того, чтобы полакомиться плодами³.

И в X в. крестьяне могли пользоваться чужими пастбищами и лесами, особенно если они еще недавно представляли собой общинные земли. Человек, приобретающий общинную собственность, обязан был предоставить соседям известные права на эту землю. Покупатель не должен был препятствовать никому ни в рубке дров, ни в пастьбе скота на купленной им земле, ни в сборании каштанов и сенокосе⁴. В новелле 947 г. рассказывается о продаже земли динатом: в этом случае крестьяне пользовались правом преимущественной покупки соседних земель (*ἐν οἷς εἰσὶν ἀνακεκοινομένην*), коль скоро они не могли вести хозяйство без принадлежавших динату пастбищ, водных источников и горных склонов⁵. Повидимому, в данном случае речь идет о прежних общинных угодьях, титул собственности на которые был присвоен феодалом; однако динат

¹ Земледельческий закон, ст. 20.

² Codice Diplomatico Barese, t. IV, Bari, 1900, № 4, 12—13.

³ Ср. Эклога, измененная по Прохирону, XVIII, 14. Повидимому, эта норма уже потеряла силу к IX в. В житии Илариона Грузина (М. Сабинин. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, т. II. СПб., 1872, стр. 116) расхваливается высокобродетельный поступок сторожа одного солунского виноградника: этот сторож разрешил Илариону войти и сорвать кисть винограда. Строго запрещает пользоваться чужими плодами без разрешения владельцев земли и LVI новелла Льва VI (Jus, III, p. 151.14). Наконец, житие Феодора Гаврского, относящееся по содержанию к XI в. (изд. А. И. Пападопуло-Керамес. ВВ, т. XII, 1906, стр. 136.4), рассказывает о суровом наказании, постигшем воина за то, что он похитил и съел кисть винограда.

⁴ Lavra, № 4.14—21; ср. *ibid.* № 3.26—32.

⁵ Jus, III, p. 256.6—9.

обязан был предоставлять крестьянам возможность пользоваться той землей, которая прежде принадлежала общине.

В других случаях права соседей выступают в более ограниченной форме. Грамота 987 г., относящаяся к району Милета, устанавливает, что соседи не имеют права без ведома хозяев вступать на чужую территорию (*περιουρή*) и рубить там дрова, — однако она предусматривает, что с разрешения хозяев они могут рубить там дрова, но исключительно для собственных нужд, а не на продажу¹. Последняя оговорка показывает, что обычай вынуждал хозяев прежней общинной территории предоставлять соседям возможность пользоваться ею. В частности, лаврская грамота 985 г. свидетельствует о том, что владельцы пастбищ разрешали соседям выгонять скот на эти пастбища². Наконец, согласно грамоте 1015 г., владелец прежней общинной территории оказывался обязанным предоставить соседям право рыбной ловли в собственных владениях³.

В Земледельческом законе (ст. 32) отражена другая форма проявления права на „чужую собственность“: в византийской деревне не действовал принцип римского права: *superficiis solo cedit*, и поэтому сплошь да рядом на земле, находившейся в собственности одного крестьянина, росли деревья, принадлежавшие другому⁴.

В документах X в. право на „чужую“ землю выступает преимущественно в форме так называемого права близости, реализовавшегося в праве предпочтения или преимущественной покупки. В грамоте из архива лавры св. Афанасия, относящейся к 952 г., упомянут участок, который „с трех сторон“ был окружен владениями других лиц, стремившихся осуществить по отношению к нему право близости⁵. Существование прав соседей („право близости“) отмечено в житии Григория Декаполита (середина IX в.), где рассказывается о спорах, возникших между монахом Захарией и некоей женщиной из-за права близости (*τῆς γειτονίας εὐεχῆς*). Причиной этих споров явилось, насколько можно судить по житию, то обстоятельство, что Захария воздвиг строение на земле, близкой (*πλησίον*) к владениям этой женщины⁶.

Права соседей охарактеризованы в CXIV новелле Льва VI, но особенно подробно говорят об этих правах новеллы императоров X в. Новелла Романа Лекапина, выделяющая различные категории „соседей“, называет их всех в числе лиц, пользующихся правом предпочтения⁷.

О праве предпочтения подробно рассказывается в Пире. Пира (XXXVIII, 11) указывает, что право предпочтения вытекает из права близости. В Пире мы найдем описание конкретного казуса, когда некто купил строения, минуя субъекта права близости; когда же этот последний вчинил иск покупателю, тот передал землю в дар церкви; в силу принципа предпочтения судья признал это дарение недействительным

¹ MM, IV, p. 311.8—17.

² Афонские акты, изд. Александром Лаврским. ВВ, т. V, 1898, прилож., стр. 492.2—4.

³ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 103.39.

⁴ Ср. J. de Malafosse. Les lois agraires à l'époque byzantine. „Recueil de l'Académie de législation“, 19, 1949, p. 48. В отличие от этого Василики (L, 1.6, § 10) держатся принципа римского права.

⁵ Lavra, № 2.

⁶ F. Dvornik. La vie de S. Grégoire le Décapolite. Paris, 1926, p. 63. 22—24.

⁷ Jus, III, p. 238.16—17. Подробно о праве предпочтения см. В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, 202, стр. 175 и сл.

(Πείρα, V, 10). Пира (L, 1) устанавливает длительный срок, на протяжении которого мог быть вчинен иск о нарушении права близости — 10 лет¹; только на землях, носивших название *κλάσμα* и представлявших собою, повидимому, запустевшие и заброшенные участки, покупатель пользовался льготными условиями — срок действия права предпочтения сокращался до 4 лет (Πείρα, II, 2).

Широкое распространение прав на чужую землю в византийской общине свидетельствует о сравнительной замедленности процесса выделения аллодиальной собственности, которая и в X в. оставалась опутанной многочисленными ограничениями. В византийской деревне мы встречаем тот тип общины, когда, говоря словами К. Маркса, „отдельный человек трудится со своей семьей независимо на отведенном для него наделе“² и все же его земля остается в сфере действия общины: она остается подчиненной действию разнообразных прав, принадлежащих как всем общинникам, так и в первую очередь соседям. Эти права в совокупности могут быть охарактеризованы как права на чужую землю: они проявляются в разрешении пользоваться чужими плодами, чужим пастбищем, чужим лесом, в возможности сажать деревья на чужой земле и претендовать на право преимущественной покупки. Вся эта система прав на чужую землю, коренящаяся в последнем счете в рутинности сельскохозяйственной техники, в свою очередь укрепляла экономические связи между общинниками, объединяла и сплачивала их.

Сила византийской общины проявлялась, в частности, в наличии юридической конструкции общего владения, которое представляло собою как бы сколок с прав общинников. Однако принципиальное отличие общего владения от общинной собственности заключается в том, что первое внешне конституируется как основанное на личных, договорных отношениях — и это вводит в заблуждение многих правоведов, применяющих формально-юридический метод. Эти правоведы, рассматривающие византийскую поземельную собственность как тождественную капиталистической свободной частной собственности, усматривают в византийском общем владении лишь один из типов обязательственных отношений, договор, проявление чистой воли: тем самым они приходят к выводу, что этот тип общего владения является *следствием* частной собственности, результатом свободы распоряжения частной собственностью. Однако данная форма договорных отношений не является простой случайностью; неверно думать, будто эти договоры можно по желанию заключать или не заключать, будто их содержание зависит от индивидуального произвола сторон. Существование и широкое распространение в Византии таких форм обязательственных отношений, которые принимают облик отношений общего владения, не может быть объяснено „простой случайностью“, деятельностью свободной воли: оно является выражением силы традиционных общинных отношений и, в конечном итоге, проявлением невозможности для земледельца вести индивидуальное хозяйство — даже в условиях распада общины.

Одной из форм общего владения является совместное владение по контракту. В новеллах X в. участники такого соглашения обозначались термином *συμπλεγμαμένοι κοινωνοί*³. Само же общее владение по контракту

¹ В отличие от этого новелла Льва VI разрешала соседям лишь в течение 6 месяцев после продажи „близкого“ участка претендовать на осуществление права предпочтения (Jus, III, p. 220.29).

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Пролетарская революция, № 3, 1939, стр. 152.

³ Jus, III, p. 238.21.

обычно называлось *κοινώνια*, иногда же *κοινότης*¹, т. е. термином, обозначающим также сельскую общину.

Общее владение по контракту возникало из общей покупки² или из приглашения постороннего лица к совместному владению³. В более позднее время возникновение общего владения по контракту могло иметь место в результате пожалования⁴ или обмена части своей земли с таким условием, чтобы весь участок (часть которого отныне считалась принадлежащей другому владельцу) все же продолжал считаться неразделенным⁵.

Общее владение по контракту заключалось в совместном использовании земли. Пира (L, 4) говорит об установлении в таком случае владения двух лиц „без межи“ (*ἄνευ διαστολῆς*). Византийский комментатор новеллы Романа Лекапина подробно описывает характер использования земли, находящейся в общем владении: „И мы владели этим имуществом нераздельно, совместно и сообща... То я засеивал это поле, а ты мое; то ты засеивал это поле, а я то, что прежде засеивал ты, иногда же мы вместе и нераздельно засеивали одно и то же поле“⁶.

Объектом общего владения могли быть угодья разных типов. Новелла 922 г. говорит об общем доме, поле и винограднике⁷. Лев VI в СII новелле говорит даже о создании *κοινώνια* для рыбной ловли, причем законодатель устанавливает, что те, кто не желает добровольно вступать в такие объединения, должны привлекаться туда против воли⁸.

Византийское общее владение по контракту отличается от *societas* римского права отсутствием полной свободы распоряжения недвижимостью. Если римское право разрешает каждому из сотоварищей свободно отчуждать свою долю, то византийское право распространило и на общее владение по контракту право предпочтительной покупки: согласно новелле 922 г. совладельцы по контракту также пользовались правом предпочтения⁹.

Второе отличие византийского общего владения от римского товарищества может быть прослежено только на материале поздних актов. По римскому праву смерть одного из сотоварищей *необходимо* ведет к разрыву отношений общей собственности, — согласно византийскому праву после смерти одного из контрагентов его права переходили наследникам — жене или детям¹⁰. Существовал ли этот обычай уже в X в., мы с уверенностью сказать не можем — во всяком случае „Василики“ (XII, 1.4), сохраняя норму римского права, устанавливают, что общая собственность разрывается смертью одного из сотоварищей.

¹ Jus, III, p. 202.7.

² Ibid., p. 238.12.

³ Πεῖρα, L, 4.

⁴ Actes de Pantocrator, publiés par L. Petit. BB, т. X, 1903, прилож., № 5.17.

⁵ Actes de Chilandar, publiés par L. Petit. BB, т. XVII, 1911, прилож., № 97.12.

⁶ Jus, III, p. 234—235.

⁷ Ibid., p. 238.13.

⁸ Ibid., p. 202—203. См. H. Monnier. Les nouvelles de Léon le Sage. Bordeaux, 1923, p. 121 sq. Подобно этой новелле и Василики иногда отстаивают общую собственность. Так, Basil., XII, 1.5 рекомендует установление общей собственности между богатым и бедным, чтобы бедняк своим трудом (*διὰ τῆς σπουδῆς*) возместил недостаток в средствах.

⁹ П. В. Безобразов. Рец. на ст. Testaud. Les rapports des paysans et des petits propriétaires ruraux dans l'empire byzantin au Xe siècle и на ст. R. Gaigierot. Des bénéfices militaires dans l'empire romain et spécialement en Orient au Xe siècle. BB, т. VII, 1900, стр. 161.

¹⁰ Actes de Chilandar. BB, т. XVII, 1911, прилож., № 97 и № 112.36.

Таким образом, византийское общее владение по контракту отличалось от римского товарищества большей прочностью, наличием больших прав у совладельцев — иначе говоря, своей близостью к общинной собственности.

Устойчивость византийской общины, равно как и широкая распространенность системы общего владения по контракту препятствовали выделению аллодиальной собственности: развитие дуализма, присущего всякой сельской общине, оказалось здесь замедленным и ограниченным. Но это не значит, что византийская община VIII—X вв. являлась коллективом равноправных и равных в имущественном отношении лиц: сила византийской общины подрывалась изнутри процессами внутреннего расслоения, может быть, более медленными, нежели на Западе, но столь же неумолимыми.

Уже в период составления Земледельческого закона византийская деревня не была поселением равноправных общинников: в ее недрах сложилось, как показала Е. Э. Липшиц¹, множество оттенков и градаций, свидетельствующих о рождении имущественных и социальных противоречий. Этот процесс расслоения византийской общины пошел, естественно, в IX—X вв. еще дальше. Трактат об обложении свидетельствует, что крестьяне не получают в деревне равных наделов: малоземелье вынуждает их иной раз переселяться на новое место². Особенно ярко отражает имущественное расслоение византийской деревни новеллы императоров X в. Они прямо говорят о наличии в пределах деревни богатых (*εὐπόρων*) и бедных (*ἀπορούτων*) членов³; они рассказывают о продаже земли крестьянами и о сдаче ее в аренду⁴. При этом новелла 947 г. подчеркивает, что крестьяне продавали землю своим односельчанам (*πρὸς τοὺς συγχωρίτας*), а также жителям соседних деревень, входящих в состав той же митрокомии⁵. В другой новелле говорится, что крестьяне отчуждали иной раз весь свой надел целиком⁶.

Продавая свои земли, разоряющаяся беднота византийской деревни подчас превращалась в мистиев, сельских „батраков“. Мистий рассматривается в источниках обычно как чужеземец — повидимому, крестьянин, разоряясь, покидал свою общину и поселялся в чужой деревне. В других случаях крестьяне уходили на заработки в города. Иной раз бедность заставляла крестьян продавать в рабство собственных детей⁷.

Разорение византийского крестьянства в значительной степени ускорило ростовщичество. Оставляя сейчас в стороне спорный вопрос о степени развития денежного обращения в Византии VIII—X вв., отметим, что византийские источники постоянно упоминают ростовщиков. Уже Земледельческий закон знает так называемый ручной заклад: ростовщики брали в заклад поле своего должника, используя урожай этого поля в качестве процентов. И хотя Земледельческий закон (ст. 67)

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 123.

² Tract., S. 115.24 (Fr. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, München, 1927, SS. 113—123).

³ Jus, III, p. 249.28—29.

⁴ Ibid., p. 283.17—18 и 240.4.

⁵ Ibid., p. 256. 3—5.

⁶ Ibid., p. 246.5—6.

⁷ Cedrenus. Compendium historiarum, t. II. Bonnæ, 1839, p. 503; AB, 11, 1892, p. 23.9. AASS Novembris, III, p. 511 и 513. Законодательные памятники запрещали порабощение свободных людей из-за бедности. Согласно Василикам, продажа детей из-за нужды считалась недействительной (Syn. Basil. A. III. 17). Василики опускают большинство постановлений Дигест, разрешающих самопродажу — и все же в одном месте (Basil., XXVIII, 4.21, § 6) признают возможность самопродажи свободного.

требует, чтобы урожай с заложенного поля шел не только в счет процентов, но и в погашение долга, можно не сомневаться, что и в VIII в. ростовщики нередко присваивали себе владения своих должников.

О широком развитии ростовщических операций свидетельствуют памятники римско-византийского права: книги *Василик*, затрагивающие вопросы заклада, очень широко использовались византийскими юристами — в одной только Пире имеется свыше ста ссылок на XXIII и XXV книгу *Василик*. Эпанагога (XXXV, 1) рисует суровость византийских ростовщиков: они, оказывается, под предлогом взимания долга вырывали из могил трупы должников, подвергая их ограблению¹.

Постоянно говорит о долговых операциях Пира (XIX, XXVI, XXVII, XXIX, XXX, XXXVIII и др.). Особенно интересен случай, о котором рассказывает Пира, VI, 2. Некто был вынужден трижды заложить дом: один раз, чтобы получить деньги в долг, вторично — при выполнении государственных повинностей, в третий раз — при заключении брака. Пира (IV, 3) упоминает другой казус: продажу дома для того, чтобы уплатить долг. Наконец, Пира несколько раз рассматривает вопрос о присвоении кредитором залога (XIX, 22, 28 и др.).

Акты из Южной Италии свидетельствуют о широком распространении ростовщичества в этой византийской провинции. В грамоте 997 г. рассказывается о смерти некоего землевладельца, оставившего после себя долги, которые его семья была не в состоянии уплатить²; в грамоте 999 г. идет речь о продаже земли для уплаты долга³. Наконец, разнообразные литературные памятники IX—X вв. нередко упоминают крестьян, обремененных долгами и мечтающих скрыться от своих кредиторов.

Голод, который был частым гостем византийской деревни, также ускорял разорение крестьянства. На протяжении столетия — от Василия Македонянина до Никифора Фоки (867—969) — мы можем отметить ряд голодных лет. Голод и голодные бунты были в правление Василия I (867—886). Житие Луки Столпника повествует о голоде, который империя переживала, когда Лука был юношей, т. е. в начале X в.⁴ Особенно тяжелым был недород 928 г., за которым последовал ряд голодных лет. Неурожай и голод имели место также в правление Романа II (959—963) и Никифора Фоки (963—969).

Нередко, наконец, к разорению крестьянина вело прямое насилие. Наряду с крестьянами-бедняками, превращавшимися постепенно в мистив и нищих, вынужденными продавать детей в рабство, на другом полюсе византийской деревни появлялись богатые землевладельцы. Повидимому, уже в период составления *Земледельческого закона* они использовали в своем хозяйстве труд рабов. Применение рабского труда, которое на первых порах уживалось с общинными отношениями, в конечном счете расшатывало общину. С одной стороны, появление рабства означало возникновение в славяно-византийской общине социального неравенства, закрепленного и оформленного в законодательстве. Раб не рассматривался как субъект права и потому, как правило, не являлся ответчиком за совершенное им преступление: возмещать украденное рабом обязан был его господин. Но если раб не нес материальной ответственности за преступление, его подвергали в наказание биче-

ванию и пыткам¹. С другой стороны, как правильно подчеркивает М. Я. Сюзюмов, рабство содействовало росту имущественного неравенства между самими общинниками и облегчало прямое насилие богатых по отношению к бедноте².

Тенденции, наметившиеся в *Земледельческом законе*, получили дальнейшее развитие в IX и X вв. В новеллах X в. рассказывается о страстих и крестьянах, которые покупали владения односельчан, а также брали их в аренду или эмфитевсу. Особенно яркий материал, рисующий богатейшего крестьянина, находим мы в *Трактате об обложении*. Там мы читаем, что некоторые члены общины, обладавшие большим количеством скота и рабами, предпочитали покинуть свою родную деревню и переселялись на хутора³. Так развитие отчуждения, аренды и заклада земли влекло за собой перераспределение земельного фонда в среде общинников, а затем — выделение из самой общины мелких вотчинников, представителей новой социальной категории, отрицающей по существу прежнюю систему общинных отношений. Как и на Западе, в Византии аллодиальная собственность явилась предпосылкой исчезновения первоначального равенства земельных владений.

Неравенство порождало столкновения внутри самой общины. *Трактат об обложении* знает о существовании трений между деревенскими богатеями и остальной массой крестьянства. Становясь на сторону первых, автор *трактата* утверждает, что они оказываются вынужденными покинуть родную деревню и переселиться на хутор только потому, что их богатство вызывало недобольство некоторых „дурных“ людей. Еще более отчетливо говорит о столкновении в крестьянской среде новелла 922 г., лишаящая права предпочтения тех членов общины, которые запятнали себя преступлениями по отношению к продавцу земли или к его семье. Новелла перечисляет эти преступления: нанесение имущественного ущерба, покушение на жизнь, причинение тяжкого бесчестия — и подчеркивает, что они совершались не в силу случайности, но преднамеренно⁴.

Эти слова новеллы хорошо иллюстрируются рассказом жития Лазаря Галесийского, которое, правда, было написано уже в XI в. Агиограф повествует о том, как соседи, разграбив все имущество осиротевших детей, выгнали их из дому⁵. Постоянные тяжбы из-за земли, которые ведут между собой крестьяне⁶, отражают нарастание противоречий внутри общины. О распространенности земельных тяжб свидетельствует в первую очередь „Сказание о 42 аморийских мучениках“, где автор рисует как обычное явление бытовую картинку тяжбы из-за поля⁷. Новеллы императоров X в. подчеркивают, что византийские землевладельцы, стремясь обойти затруднения в распоряжении землей и, прежде всего, право предпочтительной покупки, заключали фиктивные сделки дарения, обмена, передачи приданого и т. п., за которыми, на самом деле, скрывалась продажа земли⁸.

¹ См. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 129; М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „Уз Свердловского пединститута“, т. IV, 1948, стр. 63.

² М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии, стр. 64.

³ *Tract.*, p. 115. 30.

⁴ *Jus*, III, p. 239. 29—32.

⁵ *AASS Novembris*, III, p. 529. D.

⁶ *Jus*, III, p. 257. 19.

⁷ В. Васильевский и П. Никитин. Сказания о 42 аморийских мучениках. „ЗАН по ист.-фил. отд.“, т. VII, 1905, № 2, стр. 69. 20.

⁸ *Jus*, III, p. 240. 12—15.

¹ Мы оставляем в стороне упомянутое в Эпанагоге и Прохироне законодательство Василия I о взимании процентов. О ростовщических операциях см. также Эклогу, измененную по Прохирону, XII, 1—15.

² *Codice Diplomatico Varese*, t. IV, № 6. 7—11.

³ *Ibid.*, № 7.5.

⁴ *AB*, 28, 1909, p. 19. 8.

Развитию частной собственности несомненно содействовало византийское законодательство и прежде всего — редуция римского права. Вразрез с нормами византийского обычного права Василики (XIX, 6. 20) устанавливали, что каждый человек имеет возможность свободно продать принадлежащую ему долю; никто — ни родственники, ни сотоварищи по общему владению (*κοινωνοί*, — можно понять и „общинники“) — не должны были ему в этом препятствовать¹. Василики сохраняют также нормы римского законодательства, касающиеся свободы завещания (кн. XXXIX), долгового права и залога. Все это позволяет присоединиться к выводу М. Я. Сюзюмова, который считал, что Василики активно содействовали наступлению на мелкого земельного собственника².

Таким образом, выделение аллодиальной собственности, которое было обусловлено действием объективных законов, отражающих процессы экономического развития, несомненно имело место в византийской деревне VIII—X вв. Однако оно протекало менее интенсивно, нежели во Франкском государстве, в силу того, что общинные отношения оказались в Византии более устойчивыми. Это имело своим результатом относительную слабость рождающегося класса византийских феодалов: владения их (во всяком случае, до X в.) были сравнительно невелики, и значительная масса крестьянства еще оставалась не втянутой в сферу вотчинной эксплуатации. В то же время и процесс консолидации класса феодалов еще не был завершен.

В этих условиях наряду с частным закрепощением крестьянства и даже, повидимому, в большей степени происходило общегосударственное его закрепощение: государство действовало как орган, выражающий интересы господствующего класса, отдельные представители которого не обладали достаточной экономической и политической мощью, чтобы преодолеть сопротивление общины. Византийское государство, являвшееся определенной формой политической надстройки, будучи порождено базисом, в свою очередь, содействовало его оформлению и укреплению. В результате этого значительная часть свободных общинников была превращена в „государственных крестьян“, эксплуатация которых осуществлялась в форме присвоения централизованной ренты, выступавшей в разнообразных проявлениях: барщина, натуральный оброк, денежная рента, постой, штрафы и т. п. Славяно-византийская община, которая была расштатана, но не разрушена развитием аллодиальной собственности, оказалась поставленной под контроль государства: иначе говоря, общинная собственность была подчинена феодальной государственной собственности на землю. С общиной произошла существенная метаморфоза: из коллектива, обеспечивающего права крестьян на землю, она превратилась в организацию, в первую очередь обеспечивающую феодальному государству повинности крестьян.

При этом подчинение общины государством не вызывало изменений в характере производства: оно оставалось попрежнему мелким, разобщенным, самостоятельным производством отдельных крестьян, которые вместе с семьей трудились на своих участках. Дело сводилось только к тому, что прибавочный продукт, который прежде шел на обеспечение общинных нужд и на создание общинных запасов, теперь поглощался государством. Отсюда вытекало неминуемое обнищание крестьянства,

¹ Схолия к этому месту указывает, что данное постановление было отменено новеллой Константина VII. В дальнейшем в Типукике схолия влилась непосредственно в текст.

² М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства Василик. ВВ, т. VI, 1953, стр. 87.

ущащение голодовок, кабала, мобилизация земли — и как следствие этого ускорение темпа феодализации.

Рассмотрим теперь некоторые конкретные черты этой метаморфозы общины в VIII—X вв.

Модификация природы общины проявилась в создании феодальной собственности государства на землю¹. Это представление о верховной собственности государства на землю находило двойное выражение. С одной стороны, оно выражалось в том, что в византийском праве всякая недвижимость рассматривалась как принадлежащая государству (*πᾶν γὰρ ἀκίνητον ὑποδικέσιον ὄν*) и лишь уступленная императором лицу, выполняющему государственные повинности (*τῷ τὴν καταβολὴν ποιουμένῳ τῶν δημοσιακῶν βάρων*)². Поэтому „свободными от податей“, *ἀτελεῖς*, документы называют людей, не имеющих собственной земли (*μητέ γῆν ἴδιαν ἔχοντες*)³; не платить подати и не иметь земли было синонимом. Такое представление о взаимозависимости владения землей и обязанности платить подати обусловило правило, что в случае иска к владельцу факт уплаты государственных податей давал провизорную защиту⁴.

При этом византийское право исходило из того, что именно выполнение повинностей было определяющим, первичным. Если произошло „смещение границ“, указывает Пира (XXXVII, 1), необходимо провести передел пропорционально размеру платимых сторонами государственных податей. В другом месте Пира (IX, 10) идет речь о Нисийском монастыре, который был обвинен в том, что обладал большим количеством земли, нежели это соответствовало сумме платимых им податей. Сообразно с этим принципом магистр Евстафий Роман указал одной церкви, что она должна обладать таким количеством земли, какое отвечает размерам ее повинностей⁵.

Для того, чтобы поддерживать это соответствие между размерами податей и земли, чиновники проводили время от времени так называемое выравнивание (*ἐξάμβωσις γῆς*)⁶, т. е. передел крестьянской земли в соответствии с суммой платимых каждым податей (*τὴν ἐπιβάλλουσαν τῷ ψήφῳ / γῆν*)⁷. При этом чиновники финансового ведомства, производившие „выравнивание“, должны были следить, чтобы всякого рода посторонние платежи и доходы не принимались в расчет при исчислении размеров надельной земли. „Они не имеют никакого значения при выравнивании земли“, — прямо говорит Трактат об обложении⁸. Поэтому в том случае, когда землевладелец платил специальный налог за дома, или бани, или какие-нибудь иные постройки, грамоты XI в., фиксировавшие его права на эту недвижимость, особо оговаривали, что сумма этих налогов не должна приниматься в расчет при „выравнивании“⁹.

¹ Д. А. Дзакитенос (D. A. Zakythenos. *Étatisme byzantin et expérience hellénique*. „Mélanges Grégoire“, vol. II, 1950, p. 674) отрицает существование в Византии представления о „царской земле“. См. критические замечания Ф. Дэльгера (Bz, 45, 1952, S. 194) со ссылкой на новеллу Василия II от 996 г.

² Jus, III, p. 220.21.

³ M. G e d e o n. Βυζαντινὰ χρυσόβουλλα καὶ πιστόλια. „Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια“, т. IV, p. 405.

⁴ Jus, III, p. 150.29.

⁵ Περὶ, XV, 10.

⁶ Tract., p. 122.41. „Выравнивание“ отождествляется с эпиболе (в новом значении этого слова). Ibid., p. 115.2.

⁷ Ibid., p. 121.31.

⁸ Ibid., p. 118.11.

⁹ Lavra, № 53.33. См. F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden. BZ, 39, 1939.

В соответствии с этим представлением о литургии как определяющем факторе при исчислении размеров надела производился раздел земли, бывшей до сих пор в общей собственности; он осуществлялся пропорционально той сумме налогов, которую вносил каждый из землевладельцев, принимавших участие в разделе¹. Видимо, именно из этого представления о земле как о средстве обеспечения литургий вытекает теория „справедливой цены“ (*ἡ δίκαια ἀποτίμησις*) на землю², составляющая юридическую основу аграрного законодательства X в.

С другой стороны, из представления о верховной собственности феодального государства на землю вытекало право императора конфисковать без суда частновладельческие земли. Такая конфискация обозначалась техническим термином *ἀποσπᾶν*: она упомянута уже в Трактате об обложении³. Дополнительные сведения о праве конфискации земли мы находим в переписке Феофилакта Болгарского. В одном из своих писем он сообщает, что деревня, которая издавна принадлежала его архиепископии, была затем отнята (*ἀποσπασθῆν*) императором⁴. Феофилакт в недоумении спрашивает о причинах такого решения, но он даже и не думает оспаривать право императора конфисковать земли подданных. Право конфискации земли действовало в Византии еще в XIII и XIV вв.⁵

Таким образом, номинальным верховным собственником всей земли считалось государство; феодальная собственность государства на землю реализовалась в централизованной феодальной ренте-налоге; в силу этого всякий подданный рассматривался как владелец земли лишь тогда и постольку, когда и поскольку он исполнял государственные повинности и в соответствии с этим был внесен в податные или стратиотские списки. Только в виде исключения в X в. могла существовать привилегированная, „свободная“ (от уплаты податей) земельная собственность — предшественница феодальной собственности последующего периода, оформлявшаяся обычно экскуссионными грамотами. Чтобы обеспечить реализацию своей коллективной феодальной собственности, господствующий класс с помощью государственного аппарата прикрепляет стратиотов, государственных париков, экскуссатов дрома, просодиариев⁶ и другие категории крестьянства к земле, запрещает им уходить из деревень.

Метаморфоза общины приводит к тому, что вытекающий из общинных отношений принцип взаимной помощи превращается в своеобразное средство обеспечения литургий. Византийское государство требовало, чтобы крестьяне отвечали друг за друга при выполнении государственных повинностей: уже Никифор I (802—811) издал закон о том, что бедняки должны вооружаться за счет более богатых соседей. Точно

¹ Пётр, XXXVII, 2.

² Jus, III, p. 250.32.

³ Tract., S. 121.15.

⁴ PG, t. CXXXVI, col. 533.

⁵ В 1259 г. император Михаил VIII отнял (*ἀποσπᾶν*) хорафий у Мануила Комнина Ласкаря и передал его Патмосскому монастырю (MM, VI, p. 191 sq.). В 1286 г. император приказал передать Зографскому монастырю землю некоего Газы в деревне Лозикий (Actes de Zographou, publiés par W. Regel, E. Kurtz, V. Korablev. BB, т. XIII, 1907, прилож., № 10.21), при этом Газа должен был получить соответствующий участок земли в другом месте. В 1294 г. деревня Каллиста была отнята у Комнина Константина Ласкаря и передана монастырю Каракалла. BCH, 60, 1936, p. 432.24. Ср. также MM, IV, p. 194 и Actes de Chilandar. BB, т. XVII, 1911, прилож., № 44 и № 150.7.

⁶ См. о них А. П. К а ж д а н. Крестьянские движения в Византии в X в. ВВ, т. V, 1952, стр. 77 слл.

так же и в X в. стратиоты, которые не могли на свой счет приобрести вооружение, получали помощь со стороны *συνδοται*¹.

В то же время крестьяне должны были в силу круговой поруки отвечать друг за друга перед податными сборщиками. Вопрос о принудительном привлечении односельчан к уплате податей за выморочный надел (*ἐπιβολή*) неоднократно обсуждался в исторической литературе. По мнению А. Монье², эпиболе, возникшая в период Поздней Римской империи, исчезла в VII—VIII столетиях и возродилась только в IX в. В отличие от этого К. Э. Цахариз фон Лингенталь выдвигал теорию непрерывности в развитии эпиболе³; его мысли были развиты Г. Острогорским, который считал, что эпиболе уступило место алиленгии (в широком смысле), появляющемуся уже при Никифоре I, — но и алиленгий в указанном смысле представлял собою обязанность крестьян отвечать за исправное выполнение податей с выморочного надела⁴. Э. Штейн предпринял попытку провести разграничение между античной эпиболе и византийским алиленгием⁵. Различие между этими институтами он находил в том, что эпиболе сложилось в условиях существования городских территорий и экзимированных поместий (*fundi exempti*); после разгрома крупной земельной собственности и устранения власти курий основной фискальной единицей стала деревня, в пределах которой и совершалась теперь „накидка“ выморочной земли. Это изменение, по его мнению, и отражается в замене термина эпиболе термином алиленгий.

В отличие от Г. Острогорского и Э. Штейна, Ф. Дэльгер стремился доказать, что термин эпиболе — в его старом античном значении — продолжал применяться вплоть до конца XI в.⁶. Впрочем, его выводы были подвергнуты убедительной критике в статье Ж. Руйар, которая показала, что в XI—XII вв. термин эпиболе употреблялся в новом значении, а именно — как синоним „выравнивания“ земли. Она высказывает в связи с этим сомнения в возможности сохранения до этого времени старой эпиболе⁷.

При таком разнообразии мнений относительно эпиболе, нам представляется полезным еще раз вернуться к рассмотрению этого вопроса, собрав по возможности полно относящиеся сюда данные источников. Привлечение соседей к уплате податей за бежавшего крестьянина известно уже Земледельческому закону. Один из вариантов статьи 19 указывает, что крестьяне, пользующиеся полем бежавшего односельчанина, обязаны выполнять повинности, названные здесь *ἐκστρατόρινα* (разу-

¹ Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis. Bonnae, 1829, p. 695.18. О *συνδοται* см. также Jus, III, p. 265.2.

² H. Monnier, L'ἐπιβολή. „Nouv. Revue historique de droit français et étr.“, 16, 1892; 18, 1894; 19, 1895.

³ K. E. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Berlin, 1892, S. 233.

⁴ G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. VfsWG, 20, 1927, S. 25 ff.

⁵ E. Stein. Vom Altertum im Mittelalter. VfsWG, 21, 1928, S. 161.

⁶ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 128 ff. и особенно F. Dölger. Das Fortbestehen der ἐπιβολή in mittel- und spätbyzantinischer Zeit. „Studi in memoria di A. Albertoni“, II, 1934, S. 9.

⁷ G. Rouillard. L'épibolé au temps d'Alexis I Comnène. Byz., 10, 1935, p. 83 sqq. Ф. Дэльгер (BZ, 36, 1936, S. 160) был вынужден пойти на уступки, сказав, что эпиболе в старом значении встречается все реже, а в новом — все чаще. Но и с этим нельзя согласиться, ибо его ссылки — в доказательство позднего существования эпиболе — на синопсисы и на Арменопула, повторяющих античные юридические памятники, не могут считаться убедительными.

меется, те, которые были возложены на бежавшего соседа); за невыполнение этих повинностей они караются штрафом. Собственно говоря, статья 19 не знает привлечения крестьян к уплате за односельчанина-недоимщика: она говорит лишь об обязательности уплаты податей в том случае, если кто-нибудь пользуется землей бежавшего соседа.

В ст. 18 также трактуется вопрос о беглом недоимщике. В том случае, если крестьянин, не имея возможности обработать свое поле (в других вариантах — виноградник), покинет его, Земледельческий закон разрешает, чтобы οἱ τῶ δῆμοσίῳ λόγῳ ἀπαιτούμενοι собрали урожай на этом участке; возвратившийся владелец не имеет права предъявлять к ним какие-либо претензии.

Основную трудность при истолковании этой статьи порождает слово ἀπαιτούμενοι (от греческого ἀπαιτέω, взыскивать). Этот термин Е. Э. Липшиц справедливо переводит как „лица, ответственные перед казной за подати“¹. Но кто является таким „ответственным лицом“: сосед, староста или вообще всякий член общины, выполняющий государственные повинности, — остается неясным. Во всяком случае, следует обратить внимание на то, что Земледельческий закон не говорит о *принудительности* привлечения крестьян к обработке оставленного надела и не предусматривает отказа со стороны ἀπαιτούμενοι: он лишь охраняет их от претензий вернувшегося владельца.

Более того, ст. 21 свидетельствует, что обработка чужой заброшенной земли носила добровольный характер, коль скоро здесь предусматривается отказ нового владельца вернуть освоенную им землю.

Следовательно, Земледельческий закон фиксирует обычай, *разрешающий* крестьянину пользоваться заброшенной землей; он обеспечивает временного владельца от претензий прежнего хозяина земли; в то же время он возлагает на временного владельца обязанность выполнять повинности за участок, которым он пользуется. Принудительного привлечения крестьян к отправлению государственных повинностей за недоимщиков (эпиболе-аллиленгия) Земледельческий закон не знает.

Соображение об отсутствии эпиболе-аллиленгия в VIII в. подтверждается также рядом известий о новом введении в IX в. принудительного привлечения крестьян к уплате податей за соседей. Феофан, рассказывая о „злодеяниях“ Никифора I, называет среди них также и установление обязанности односельчан (ὁμοχώρων) платить подати друг за друга². Скилица также рассказывает, что по постановлению Никифора соседи должны были платить налоги (τέλη) за погибших (ἐκτριβέντων) и бежавших (οἰχομένων) односельчан³. Наконец, хотя и с некоторыми оговорками, мы можем привлечь латинский перевод хроники Феофана, сделанный осведомленным о византийских делах Анастасием Библиотекарем: там говорится, что по указу Никифора обязанность платить подати была возложена на всю общину (omnis proximitas)⁴.

Таким образом, ряд источников свидетельствует об установлении при Никифоре I обязанности платить подати за умерших или бежавших

соседей. Е. Э. Липшиц сближает это постановление Никифора с разобранном выше вариантом статьи 19 Земледельческого закона¹. Однако постановление Никифора говорит об ответственности всей общины (omnis proximitas), а статья 19 — об индивидуальной ответственности; кроме того, как мы показали, статья 19 не знает принудительного привлечения соседей к отправлению повинностей.

Дальнейшая судьба постановления Никифора нам неизвестна: возможно, что вместе со всеми его мероприятиями и это постановление было отменено после смерти императора.

Новая попытка ввести обязанность землевладельцев платить подати за выморочные наделы была предпринята в конце IX в. При императоре Василии I (867—886) чиновники податного ведомства предложили „послать по всем фемам, подчиненным власти ромеев, так называемых эпоптов и эксисотов, чтобы они передали τοὺς ἀγροὺς καὶ τὰ χωρία, владельцы которых унесены потоком времени, другим лицам, отчего государственной казне был бы немалый доход“².

Прежде чем перейти к истолкованию этого свидетельства по существу, необходимо выяснить смысл выражения: οἱ ἀγροὶ καὶ τὰ χωρία, которое может быть переведено двояко. Выражения ἀγρός и χωρίον употребляются часто для обозначения различных типов сельского поселения; приняв это значение, мы получили бы перевод: „деревни и села“. Однако такой перевод вызывает возражения: трудно предположить, что в Византии в это время было большое количество феодальных владений, деревень и сел, лишившихся хозяев и не переданных их наследникам. Но и в этом случае — даже если мы допустим такую возможность — налоги с этих поместий не перестали бы поступать, ибо платить их должны были бы крестьяне. Поэтому мы считаем более правильным переводить ἀγρός — поле (в этом значении этот термин постоянно встречается в Геопониках, а также в Василиках), а χωρίον — надел земли (таково, например, словоупотребление новелл Льва VI).

Следовательно, чиновники податного ведомства хотели передать выморочные наделы другим собственникам с возложением на них обязанности платить подати. Однако это мероприятие при Василии I так и не было проведено в жизнь, и все эти земли оставались свободными от обложения, даже если использовались соседями³.

Первое бесспорное известие о существовании обязанности крестьян платить подати за выморочные наделы соседей относится только ко времени Романа Лекапина (919—944). Симеон Метафраст свидетельствует, что в правление этого императора каждый должен был платить за умершего или бежавшего соседа⁴. Трактат об обложении, составленный в X в., после смерти императора Льва VI (886—912), указывает, что из числа соседей должны привлекаться землевладельцы для уплаты податей за умерших или бежавших односельчан (τῶν ἐκ γειτόνων κηδελομένων ἀλληλεγγυῶς ἐπὶ τοῖς ἐκείνων τελέσμασι)⁵. Впрочем, Трактат об обложении отмечает, что в некоторых случаях не следует принуждать соседей принимать на себя податные обязанности бежавших крестьян. В таком случае

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 131. Впрочем, о податях текст не говорит: речь идет в более общей форме о повинностях.

² Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, vol. I, 1883, p. 486.23. Ф. Дольгер (F. Dölger. Beiträge, S. 129) считает, что Никифор не ввел этого постановления. Однако его аргументация сводится к призыву внимательно прочитать текст Феофана.

³ Cedrenus. Compendium historiarum, vol. II, p. 37.

⁴ Theophanes. Chronographia, vol. II, p. 325. Ср. H. Monnier. Les nouvelles de Léon le Sage, p. 124.

¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 104.

² Theophanes Continuatus. Bonnæ, 1838, p. 346.11. Эпопты и эксисоты — чиновники податного ведомства. Подробнее о них см. F. Dölger. Beiträge, passim.

³ Theophanes Continuatus, p. 348.2—6.

⁴ См. K. E. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts, S. 255.

⁵ Tract., S. 119.1—2.

опустевшая земля образует так называемую класму (*κλίσματικὴ γῆ*), которую эпопты продавали по прошествии 30 лет¹.

Термин аллиленгий употребляется в византийских источниках в двух значениях. Во-первых, в узком значении — для определения обязанности динатов платить подати за выморочные наделы соседей-бедняков. Эта обязанность была установлена Василием II (976—1025) и впоследствии отменена Романом III Аргиром (1028—1034). Во-вторых, он встречается в ином, более широком значении: Трактат об обложении называет этим термином взаимную обязанность соседей отвечать за исправное отправление государственных повинностей. В том же значении этот термин употреблен в грамоте 1097 г., где идет речь о праве взаимного наследования (*ἀλλήλοδιαδόχως*) и о взаимной ответственности за уплату податей (*ἀλλήλεγγύως*)². Наконец, в стихотворении кипрского архиепископа Николая Музалона (ок. 1110 г.) также упомянута обязанность крестьян отвечать по принципу круговой поруки (*ἀλλήλεγγύως*) за уплату податей: в случае отказа крестьянина уплатить подати сборщики налогов требовали уплаты их с его односельчан³.

Таким образом, к началу X в. в Византийской империи сложилась обязанность крестьян уплачивать подати за соседей в случае их смерти, бегства и, видимо, в случае их полного разорения. Эта обязанность называлась аллиленгий. Римский термин *эпиболе*, как показала Ж. Руйар, в указанный период в этом значении не употреблялся; согласно Трактату об обложении он обозначал передел земли пропорционально сумме уплачиваемых податей.

Аллиленгий еще не существовал в период составления Земледельческого закона, хотя в то время крестьяне имели *право* использовать пустующие земли соседей. После ряда попыток в IX в. византийское феодальное государство в начале X столетия превратило это право в обязанность, в аллиленгий. Следовательно, круговая порука, аллиленгий, ни в коей мере не была силой, создавшей общность византийской деревни: наоборот, она возникает в результате модификации общинных порядков, в результате подчинения общины государством.

Мы рассмотрели лишь одну сторону процесса наступления феодального государства на византийскую общину: подчинение общины выразилось также в увеличении повинностей, закабалении крестьян, превратившихся, по существу, в государственных крепостных⁴. В VIII—X вв. государственные повинности всех родов играли в Византии такую большую роль, как ни в одном европейском государстве того времени. Иначе говоря, класс византийских феодалов выкачивал значительные массы прибавочного продукта непосредственных производителей в форме централизованной ренты.

Своеобразие первого этапа процесса феодализации в Византийской империи состояло, следовательно, в том, что, наряду с разрушением общины и выделением аллодиальной собственности, наряду с подчинением крестьян феодальному поместью, имело место централизованное

¹ Tract., S. 119.3—8.

² Афонские акты, изд. Александром Лаврским. ВВ, т. IX, 1902, стр. 129.21. Эпанагога (XXXIII, 23) устанавливает, что взаимное наследование (*ἀλλήλοκληρονομία*) не признается законом, если только это условие не закреплено завещанием; однако она безоговорочно признает взаимное наследование стратиготов.

³ F. Dölger. Zu dem Abdankungsgedicht des Nicolaos Muzalon. BZ, 35, 1935, S. 14. Об употреблении этого термина в XIV в. см. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 94.

⁴ Ср. Г. Острогорский. О византийском државним сельцима и војницима. Глас САН, ССХIV. Одеьење друштвених наука, књ. 3, 1954, стр. 40—41.

подчинение общины государству. Византийские феодалы были экономически еще слабы, а община обладала достаточной устойчивостью, чтобы сохранить себя как таковую, — но это сохранение было куплено дорогой ценой.

Первый этап процесса феодализации в Византии в основном завершается с разгромом широкого народного движения павликиан в конце IX в. Основным стержнем второго этапа феодализации, приходящегося на X и последующие века, явилось становление феодальной собственности „классического“ типа и изменение характера феодальной ренты: укрепившийся и разросшийся класс феодальных собственников приобретает возможность, опираясь на вооруженные дружины и частную юрисдикцию, осуществлять присвоение прибавочного продукта крестьянина без посредства развитого государственного аппарата. К концу X в. государственная централизованная рента все более оттесняется новой — вотчинной — формой эксплуатации. Этот процесс протекает в тесной связи с прогрессирующим разложением византийской общины, порождающим мелких вотчинников и облегчающим захваты крестьянских земель феодалами. Однако рассмотрение второго этапа процесса феодализации в Византии и изучение его специфических особенностей выходит за пределы настоящей статьи.

К. А. ОСИПОВА

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В ВИЗАНТИИ X в.

X век в истории византийского государства был периодом утверждения феодального способа производства.

В свободной сельской общине, упрочившейся в империи в период VII—VIII вв. в результате славянских вторжений, в X в. начинается бурный процесс внутреннего разложения. Все более углубляется внутренняя дифференциация византийского общинного крестьянства, приводящая в итоге к обезземелению его основной массы и выделению крупных земельных собственников.

Процесс разложения сельской общины, создавший необходимую основу для развития феодализма в Византии, усугублялся в результате вторжений в общину представителей крупного феодального землевладения и захватов последними крестьянских наделов.

Следствием этих процессов был повсеместный рост крупных феодальных поместий и закрепощение феодалами общинного крестьянства.

В задачу данной статьи входит изучение развития процесса феодализации в Византии X в.

Не претендуя на исчерпывающее освещение указанной темы, мы ограничиваемся здесь рассмотрением двух основных вопросов: складывания феодальной собственности на землю и формирования феодальной зависимости византийского крестьянства.

Методы захвата общинной земли феодалами в Византии были многообразны. С целью вторжения в общину византийские феодалы—динаты—прибегали часто к всевозможным юридическим сделкам, прикрывая свое насилие соблюдением известной внешней законности совершаемого акта. До издания первых императорских новелл 922 и 934 гг. обычной и фактически не ограничивавшейся никакими юридическими преградами была практика приобретения крестьянских земель в результате покупки, дарения, завещания¹.

По свидетельству новелл, динаты к своим родовым, полученным по наследству владениям, составленным „грабежом и обманом“, покупали от односельчан „немногие и небольшие угоды“ (σμικρά καὶ ὀλιγοστά)², строили на них новые здания, мельницы, разводили виноградники и сады. Иногда феодалы покупали не только отдельные участки земли в деревнях, но и всю землю данного села. Таким образом вся община попадала в зависимость³.

Динаты вступали в фактическое владение крестьянской землей в результате аренды последней¹, а также под видом „помощи и защиты“ (ἐπί τῆν προστασίαν καὶ συνδρομήν)², т. е. патронатных отношений с крестьянами. По поводу этих отношений очень ясно высказался патриарх Иоанн Антиохийский, сравнив харистикария с динатом, притесняющим бедного свободного крестьянина. Динат, говорит он, движимый якобы состраданием к бедному, желая проявить о нем „заботу“, „прикажет вместе со всем его имуществом заодно отнять у него и свободу и превратить его в раба: пусть же он не подвергается притеснениям. Но ведь это только притворство и пустой предлог“³. Византийские феодалы широко использовали право сорокалетней давности, обеспечивавшее им вплоть до 996 г.—времени издания Василием II новеллы, формально отменившей это право,—возможность беспрепятственного расширения своих владений. Как указывается в новелле 996 г., динаты старались „то посредством дружбы и подарков, то посредством присущей им силы и влияния миновать как-нибудь этот срок и затем получить уже полное право собственности на то, что они недостойным образом приобрели от бедных“⁴.

Новое императорское законодательство X в. в известной степени ограничивало захватнические действия византийских феодалов, однако ни в коей мере не могло их пресечь. Актовый материал X в. показывает, что в большинстве случаев сделки производились совершенно свободно, без всяких ссылок на существующее законодательство⁵. В некоторых случаях, когда имеются слабые апелляции к действующим законам, последние большей частью ловко обходились, более того—использовались крупными феодальными собственниками в своих интересах. В качестве примера можно рассмотреть один из афонских актов из архива Перистерского монастыря св. Андрея близ Фессалоники⁶. Акт составлен по случаю отчуждения неким клириком Давидом владений (гончарного эргастерия и участков пахотной земли со строениями), полученных им по наследству от своей матери Феодоры. Будучи связаным с Перистерским монастырем, Давид земельные участки подарил, а эргастерий продал игумену монастыря Стефану. Против этой сделки запротестовали некоторые из соседей, и среди них особенно друнгарий Иоанн, пытавшийся силой и с помощью всевозможных юридических ухищрений лишить Стефана его вновь приобретенных владений (καίως καὶ ἐπιτιθέμενος καὶ παρὰ πάσαν δικαιοσύνην ἐξῆσαι τοῦτον ἐκεῖθεν μηχανώμενος). При этом Иоанн в качестве главного аргумента против Стефана выдвинул обвинение в том, что подобная сделка противоречит существующему законодательству, ибо соседями владений Давида являются бедные крестьяне и им прежде всего принадлежит право приобретения этих участков. При разборе дела выяснилось, однако, что этими крестьянами были проскафимены динатов, которые не претендовали на участки в силу своей бедности, и что, таким образом, их право на предпочтение Иоанн хотел использовать для расширения своих владений.

Помимо внешне „законных“ способов приобретения крестьянских земель, византийские динаты часто прибегали к прямому насилию. Про-

¹ Jus, III, p. 246.

² Ibidem; И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. „Изв. АН СССР“, 1931, № 5, стр. 708—709.

³ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, № 4, стр. 409.

⁴ Jus, III, p. 308.

⁵ Lavra, № 17.

⁶ Ibid., № 2.

¹ Jus, III, p. 240.

² Ibid., p. 299.

³ Ibid., p. 246.

должатель Феофана рассказывает, что „динаты вторгаются в села и путем грабежа приобретают для себя проастии“¹.

Новелла 937 г. Романа Лекапина недвусмысленно указывает на характер этих вторжений и захватов общинных земель. „Злоупотребление властью со стороны таких лиц, — говорит новелла, — являющихся в села со множеством слуг (τῶ πλῆθει τῶν οἰκετῶν), мистиев (τῶν μισθαρούων) и всякого рода спутников (τῶν ἄλλως ἐπιτρέχόντων καὶ συνόντων), не только увеличивает тяготы бедных и влечет за собой восстания (τὰς ἐπαναστάσεις), преследования (διώξεις), барщину (ἀγγαρείας), притеснения, вымогательства, но и служит к непосредственному и немалому государственному ущербу и вреду“².

Складыванию крупной феодальной собственности на землю способствовало также развитие практики земельных пожалований динатам, дававшихся, как утверждает новелла 963 г., „в знак особой милости“³. Они приобрели распространение во второй половине X в. и явились первым шагом, предварявшим государственную политику земельных пожалований динатам, известных под именем проний.

Результатом массового наступления крупного феодального землевладения на сельскую общину явился повсеместный рост крупных феодальных поместий.

Особенно интенсивно процесс феодализации шел в Малой Азии. Малоазийские фемы: Фракисийская, Анатолик, Армениак — упоминаются в новеллах как очаги наиболее массовых „злоупотреблений“ динатов в отношении свободного крестьянства.

С развитием процесса феодализации в малоазийских фемах знакомит житие Феодора Гаврского, свидетельствующее об усилении здесь власти влиятельных земельных магнатов, которые в большинстве случаев занимали должности стратигов⁴.

Как свидетельствует новелла 996 г., крупнейшие аристократические фамилии Малой Азии, в частности, роды Маленинов и Фокадов, зачастую состояли в родстве с императорами и поддерживали в течение 70—100 лет значение своего рода и свое благосостояние⁵. Поместья византийских динатов состояли, как правило, из многих видов земельных владений. Расположенные в Малой Азии владения протоспафария Воилы (XI в.) объединяли, например, более полутора десятков различных видов сельских поселений: здесь и просто села (τὸ χωρίον), здесь и проастии, и владения, обозначенные несколько неопределенным термином κτήμα, здесь и центральная усадьба (ὄικημα) с церковью, заново отстроенная владельцем при переезде из родной Каппадокии на восток, в Антиохийскую фему, в дикие, необжитые места, которые, как явствует из завещания Воилы, он сумел быстро „освоить“ и „подчинить“⁶.

Значительную силу в качестве крупных коллективных феодальных собственников в X в. приобретают монастыри. В этот период монастыри возникают по всей территории византийского государства, причем

¹ Theophanes Continuatus, Bonnæ, 1838, p. 447. Ср. также Jus, III, p. 253. В Пире (Πεῖρα, XLII. 18) приводится интереснейший случай, когда протоспафарий Роман Склир учинил насилие над крестьянами и совершил набег на их дома (εβιάσθη τινὰς χωρίτας καὶ ἐπῆλθε хата τῆς οἰκίας αὐτῶν). Ср. также Πεῖρα, XLII. 19.

² Jus, III, p. 247.

³ Ibid., p. 290.

⁴ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, стр. 191.

⁵ Jus, III, p. 309, 310.

⁶ П. В. Безобразов. Завещание Воилы. ВВ, т. XVIII, 1911, отд. 3, стр. 107—115.

особенно интенсивно строительство монастырей шло в районе Фессалоники, на Афоне, в Константинополе, Афинах, в Малой Азии¹. Рост монастырской собственности происходил при прямом содействии византийского государства.

Основание монастыря часто сопровождалось официальными императорскими пожалованиями. Так, многие Афонские монастыри — Лавра Афанасия, Грузинский, Ксенофонтос — получили при основании хрисовулы императоров с пожалованиями различных владений².

В виде официальных пожалований в собственность монастырей переходили земли бывших стратигов³.

Указами императоров под власть крупных монастырей передавались более мелкие монастыри. Показательна в этом отношении история двух известных в первой половине X в. монастырей — Иоанна Колову на Афоне и св. Андрея в местечке Перистерях близ Фессалоники. За сравнительно короткий период оба монастыря, получив от государства налоговые привилегии, накопили значительные богатства.

Однако возникновение на Афоне во второй половине X в. новых крупных монастырей привело к поглощению ими более мелких феодальных владений, в числе которых со временем оказались оба вышеназванных монастыря. Это говорит не столько об упадке монастырей, сколько о силе их противников, о росте и несравненно большем значении новых быстро крепнувших феодальных поместий. Расширение монастырских владений шло также за счет мелких монастырей в сельских общинах. „Какой-нибудь крестьянин, — говорит новелла, — строит на своем участке церковь и приписывает к ней собственный участок. Затем делается сам монахом и поселяется при церкви. Так же поступают еще один и другой крестьянин...“⁴. С течением времени такие мелкие монастыри переходили под власть местных митрополитов, расширялись, число монахов в них возрастало. Проникая подобным образом в сельские общины, монастыри постепенно подчиняли себе местное население, так что значительная часть крестьян оказывалась в той или иной степени связанной с церковью.

Монастыри повсеместно вели широкое наступление на свободные крестьянские общины, в результате чего, по словам новеллы, „целые селения не только испытывают притеснения, но и совсем перестают существовать, заедаемые монастырями“⁵. Добычей монастырей становятся значительные в X в. фонды выморочных земель (κλάσματα)⁶. В своей приобретательской деятельности монастыри используют самые бесчестные средства, вплоть до обращения в монашество обманым путем намеренных ими жертв, владевших известным состоянием⁷, и подделки императорских хрисовулов⁸.

¹ И. Соколов. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII в. Казань, 1894, стр. 97.

² Lavra, № 6; П. Успенский. История Афона. Киев, 1877, ч. III, стр. 203; K. Lake. The Early Days of Monasticism on Mount Athos. Oxford, 1909, p. 103.

³ Jus, III, p. 290.

⁴ Ibid., p. 313.

⁵ Ibidem.

⁶ Lavra, № 3; ср. F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung... München, 1927, S. 189—190.

⁷ Евстафий Фессалоникийский. Об исправлении монастырской жизни. В кн.: В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, № 4, стр. 435—436.

⁸ Подобный факт известен из истории афонского монастыря Иоанна Колову. K. Lake. Op. cit., p. 84—86.

Отдельные византийские монастыри в X в. превращаются в крупнейших феодальных собственников, чьи аппетиты растут вместе с увеличением богатств. Именно к такого рода монастырям относятся слова одной из новелл: „Каждый день они стараются приобретать тысячи плетров земли, строят роскошные здания, разводят превышающие всякое число табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашествование уже ничем не отличается от мирской жизни...“¹.

Одним из наиболее богатых на Афоне был Грузинский монастырь, построенный в 980—985 гг. Этому монастырю принадлежали значительные владения в Македонии, Грузии, под его власть перешли монастыри Афо, Иоанна Колову и Климента на Афоне и монастырь Леонтия в Фессалонике (980 г.)². Грузинский монастырь был независим от афонского протата и пользовался покровительством византийских императоров. В X в. на Афоне значительной силы достигают такие монастыри, как Ватопед, Ксенофонтос, Филофеев, Кутлумуш, Эсфигмен, Зограф и другие. К концу X в. в афонских монастырях насчитывалось уже 3000 монахов, под Уставом 971 г. поставили подписи 42 наиболее видных игумена³.

Конкретной иллюстрацией формирования крупного феодального поместья может служить история Лавры Афанасия — крупнейшего монастыря на Афоне.

Этот монастырь был построен по желанию и при прямой поддержке императора Никифора Фоки. Его формальный основатель, первый настоятель и один из виднейших деятелей афонского монашества, Афанасий, был типичным представителем господствующего класса⁴.

Постройке Лавры в 963 г. предшествовало приобретение Афанасием в южной части Афонского полуострова значительных по местным масштабам земельных участков. Лавра Афанасия быстро начала приобретать земельные владения в различных местах Афонского полуострова и вне его. Одним из первых под власть Лавры перешел в 964 г. упомянутый выше монастырь св. Андрея. В том же году Никифор Фока издает хрисовул о пожаловании Лавре в виде солемния из фонда государственных податей острова Лемноса 244 золотых монеты в год⁵. Лавра получает привилегии императорской юрисдикции⁶.

Пользуясь поддержкой правительства, Лавра интенсивно расширяет свое хозяйство, разводит виноградники, скот, развивает торговлю. В 971 г. Лавра насчитывала уже 120 монахов, живших не только в самом монастыре, но и в различных его метохах⁷.

В 978 г. хрисовулом Василия II, продолжавшего в отношении монастыря покровительственную политику своих предшественников, Лавре были пожалованы в виде ежегодного дохода из императорской казны 10 талантов серебра⁸.

Даже на основании незначительного количества сохранившихся источников можно в хронологической последовательности проследить

дальнейший рост земельных владений Лавры в последние годы X и в первой половине XI в.

В 985 г. Лавра получает от Грузинского монастыря на Афоне остров Неон вместе с хрисовулом на владение им, данным ранее Василием II Грузинскому монастырю¹.

В 989 г. Лавра получает от патриарха Николая Хрисоверга монастырь τῆς Γορᾶτου, расположенный в районе Ериссо².

В 993 г. Лавра покупает за 70 номисм монастырь на острове Γορδοπέλαγῳσιον³.

В 991—993 гг. Лавра получает несколько владений от протата. Среди них участок Платюс с рыбными ловлями, расположенный в районе Стеларии на Афоне, а также три „морских места“ (ἀλιότοπια)⁴. В 999 г. Лавра получает от протата монастырь Моноксилита, „пустынный и совершенно бедный“, причем в акте особо подчеркивается, что в руках Лавры запущенные и бедные монастыри постепенно приходят в отличное состояние, развивают свое хозяйство, число монахов в них увеличивается, строятся новые здания⁵.

В 1013 г. Лавра получает в виде дарения стась Константина и Марии Лагуды, включающую усадьбу и несколько видов земельных угодий, расположенных в различных селениях⁶.

В 1023 г. Лавра присоединяет Армянский монастырь в Ксирокастре⁷.

В 1057 г. следует очередное императорское пожалование: Михаил VI Стратиотик к 8 литрам 20 номисмам, данным ранее Лавре его предшественниками, и к 10 литрам, пожалованным им самим несколькими афонским монастырям, добавляет 3 литры специально для Лавры⁸.

Столетие существования Лавры Афанасия — это, таким образом, период непрерывного роста ее земельных владений, пополнявшихся помимо захватов крестьянских земель за счет императорских пожалований, в результате покупок земельных участков у отдельных собственников, подчинения мелких монастырей, пожалований со стороны афонского протата и т. д.

Развитие Лавры — это постепенный процесс формирования крупного феодального поместья, пользующегося привилегиями центральной власти, с каждым годом все более и более обособляющегося как самостоятельный, независимый хозяйственный комплекс.

Складывание феодальной собственности как основы феодального общества было решающим фактором становления и развития феодального строя в Византии. Развитие феодальной собственности влекло установление феодальной зависимости класса непосредственных производителей — крестьян. Для феодального хозяйства, по словам В. И. Ленина, „необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землей в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки... Условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего

¹ Jus, III, p. 292. О развитии монастырского хозяйства богатые сведения содержит Афонский устав 971 г. Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 145, 146, 154—155.

² K. Lake. Op. cit., p. 103.

³ И. Соколов. Указ. соч., стр. 237.

⁴ П. Успенский. Указ. соч., стр. 68.

⁵ Ph. Meyer. Op. cit., S. 114, 115.

⁶ Lavra, № 6.

⁷ Ph. Meyer. Op. cit., S. 114.

⁸ Lavra, № 7.

¹ П. Успенский. Указ. соч., стр. 331.

² Lavra, № 8.

³ Ibid., № 12.

⁴ Ibid., № 10.

⁵ Ibid., № 13.

⁶ Ibid., № 17.

⁷ Зорп., № 2; Actes de Zographou, ВВ, т. XIII, 1907, прилож., стр. 4—7.

⁸ Lavra, № 27.

свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение“, как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина¹.

Принимая во внимание ограниченное количество источников, мы не сочли возможным во всей широте поставить вопрос о феодально-зависимом крестьянстве X в. В нашу задачу войдет лишь рассмотрение путей и средств вовлечения крестьян в феодальную зависимость в этот период. Обратимся, прежде всего, к арендным отношениям.

После аграрного переворота VII—VIII вв. арендные отношения фиксируются Земледельческим законом. Следовательно, мы имеем возможность констатировать наличие арендных отношений уже в пределах сельских общин. Земледельческий закон упоминает аренду двух видов угодий — пахотной земли и виноградника. Необходимость брать землю в аренду, как об этом сообщает Земледельческий закон (ст. 10—16), вызвана крайней нуждой крестьянина в земле и, следовательно, его предшествующим обезземелением, или же полным обнищанием, отсутствием необходимых орудий труда, невозможностью обработать имеющуюся у него землю. В результате крестьянин либо сам вынужден арендовать землю у своих односельчан или крупных землевладельцев, либо отдавать в аренду свой клочок земли. Таким образом, арендные отношения, отраженные в Земледельческом законе, усугубляя расслоение общинников, способствовали созданию некоторых элементов феодальной зависимости уже в рамках сельской общины.

В X в., в условиях интенсивного процесса разложения общины, складывания крупного феодального землевладения и закрепощения крестьянства, аренда играла двоякую роль.

Прежде всего, исходя из свидетельства новеллы 922 г., — аренда (*μισθωσις*) в первой половине X в. широко применялась динатами с целью захвата крестьянских наделов в общинах. Динаты брали в аренду участки обедневших общинников², и, судя по тому, что новелла упоминает этот вид сделок в числе прочих средств захвата крестьянских земель — наследования, покупок, дарений, патроната, — земля эта навсегда оставалась в руках динатов.

С течением времени, в процессе роста крупных феодальных поместий с значительным фондом домениальных земель, динаты стали использовать аренду уже в иных целях, а именно непосредственно для привлечения на свои, часто пустовавшие из-за недостатка рабочих рук земли крестьян, ранее лишенных земли в результате наступления феодалов на сельскую общину, т. е. в итоге — в целях закрепощения крестьянства.

Материалы источников X в. позволяют признать широкое распространение аренды на домениальных землях феодальных поместий.

Житие Павла Латрского свидетельствует об использовании труда арендаторов для обработки императорских доменов Малой Азии³.

Из Патмосской писцовой книги известно, что в проастинах, пожалованных в 1073 г. императором Михаилом Дукой его двоюродному брату Андронику, в аренду сдавались в значительных количествах пахотная земля, пастбища, сады, масличные и дубовые рощи⁴. Труд арендаторов

применялся в обширных антиохийских владениях протоспафария Воилы¹.

Особенно широкое распространение аренда имела на домениальных землях монастырей, которые испытывали острую нехватку рабочих рук. Недостаток рабочих рук был, очевидно, повсеместным явлением, ибо новелла 964 г. Никифора Фоки, действие которой распространялось на все государство, прямо говорит о „втуне лежащих из-за недостатка обработки монастырских земель“ и рекомендует снабжать монастыри „рабами, волами, стадами овец и другого скота“ (*οἰκέτας παρέχοντες, βόας, ποίμνια τᾶλλα ὅσα ἕτερα τῶν κτηνῶν*)².

Ценные сведения об аренде монастырских земель содержит Пира.

Статья 6 титула XV прямо указывает, что принадлежащие церкви поля и здания сдаются в аренду и эфитевсу³. Подобным образом сдают в аренду свои земли монастырь св. Фоки⁴ и монастырь Влахна⁵. Особенно важное значение по вопросу об аренде имеет первое „Определение“ (*ψήφως*) магистра Косьмы⁶.

Первое „Определение“ магистра Косьмы рассматривает вопрос об эксплуатации крупного феодального поместья, в частности — церковного, о париках и арендаторах, об их отношении к земле, на которой они сидят, и к феодалу, собственнику этой земли.

Согласно „Определению“, эксплуатация церковных земель осуществлялась путем сдачи их в аренду двоякого рода — эфитевтическую, т. е. аренду на длительный срок, и аренду, определяемую термином *μισθωσις*, — на более короткий отрезок времени, а также путем поселения крестьян на земле поместья на основе так называемого парического права (*παρικικὸν δικαίον*).

„Определение“ Косьмы противопоставляет эти два типа эксплуатации церковных земель, подчеркивая, что должным образом оформленные *εμφιτευσις* и *μισθωσις* имеют законную силу, которая является гарантией того, что соответствующее земельное держание будет находиться в обладании и пользовании эфитевта или арендатора (*εμφιτευθέντος ἢ μισθωθέντος*).

Что же касается держания на основе парического права, то оно всецело зависит от воли и согласия господина земли. Поселенный подобным образом парик не может продавать или передавать данный ему участок. В случае же ухода париков церковь получает обратно участок в полное свое распоряжение как законный хозяин (*κυριότητων οὖσα καὶ δεσπότις*), выдавая парикам только материал для постройки жилища. Если же парики успели продать землю другим лицам, то продажа эта не действительна, как не имеющая законного оформления и совершенная не хозяином земли (*ὑπὸ τοῦ μὴ δεσπόζοντος*). Церковь имеет право получить свою землю обратно, если только продажа, совершенная париками, не может быть опротестована монастырем по давности времени, т. е. если не прошло 40 лет после продажи.

Документ содержит столь резкое противопоставление двух видов земельных держаний, что вывод о глубоком различии в положении держателей как в их отношении к участку земли, полученному во владение, так и к собственнику земли не вызывает сомнений.

¹ П. В. Безобразов. Завещание Воилы, стр. 107—115.

² Jus, III, p. 295.

³ Пира, XV, 6: ... ἀπὸς οἰκήματα ... καὶ μισθούνται καὶ εἰς τὸ διηνεκὲς ἐμφιτεύονται.

⁴ Пира, XV, 9.

⁵ Ibid., XV, 10.

⁶ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Византийские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XII—XV ввек. Л., 1927, стр. XXXV—XXXVI.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 158—159.

² Jus, III, p. 240.

³ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 196.

⁴ MM, VI, p. 4—15.

Изучая данные источников о характере арендных отношений X—начала XI в., можно прийти к выводу о наличии у арендаторов некоторых прав на арендуемую землю. Известны случаи субаренды. Так, Пира сообщает, что арендатор, взявший в аренду проастиий у монастыря св. Фоки, в свою очередь передает его Зографскому монастырю¹.

Арендаторы имели право расторгнуть арендное соглашение. Некий парик Иоани Диаксин Феологит, упоминаемый в Патмосской писцовой книге, арендовал во владениях, перешедших в 1073 г. к Андронику Дуке, 230 модиев земли и платил за них 24 номисмы арендной платы. Однако ко времени составления документа эти поступления прекратились, так как арендатор отказался от выделенной ему земли².

Наличие у арендаторов известных прав на распоряжение арендуемым участком позволяет лучше понять природу пакта, арендной платы, о которой сообщает Податной устав.

Пакт, взимавшийся согласно Уставу в размере одной номисмы с 10 модиев земли, включал в себя государственные налоги (государственный канон, синифию, элатикон и др.) и дополнительные взыскания, в которых, очевидно, следует видеть подлинную арендную плату собственнику земли³.

На обязанности арендатора, пользовавшегося правом на арендуемую землю, лежала и уплата соответствующих государственных налогов с данного участка. Поэтому иногда трудно было отличить владение на основе аренды от владений крестьян-общинников, особенно если эти владения лежали в пределах одного села. В подобных обстоятельствах пакт, по свидетельству Устава, даже считается государственным налогом, исчисление его (т. е. собственно той части пакта, которую составляют государственные налоги) производится в соответствии с общей податной суммой (*ῥίζα φόρου*) и на основе обычного порядка раскладки налогов.

Рассмотренный материал показывает, таким образом, что арендные отношения X в. нельзя считать формой феодальной зависимости, однако не может быть сомнений в том, что они создавали все необходимые предпосылки возникновения таковой. Об этом можно судить по некоторым данным источников. Так, Пира сообщает, что по прошествии 30 лет арендатор превращается в парика. Он владеет землей (разумеется, в феодальном смысле) и платит за нее ренту, называемую в данном случае пактом (на этом примере можно непосредственно видеть трансформацию старой арендной платы — пакта — в феодальную ренту, сохранившую, однако, старое свое название)⁴.

Любопытный материал по этому вопросу содержит и Патмосская писцовая книга. В ней рассказывается, что среди большого числа арендаторов, привлекавшихся для обработки домениальной земли в проастиях Андроника Дуки, значительную часть составляли парики данных имений⁵. Наряду с податями, которые со времени пожалования поместья шли уже не в казну, а новому владельцу⁶, парики платили арендную плату

в сумме одной номисмы с 10 модиев арендуемой земли. Фактически аренда здесь мало чем отличалась от феодального держания, равно как и арендная плата превращается на деле в феодальную ренту. Возникает предположение, что среди париков многие были наследственными арендаторами и продолжали арендовать землю, попав в феодальную зависимость.

Одной из разновидностей аренды были договорные отношения на основе уплаты десятины, так называемой морты (*μάρτη*). Крестьяне сажались на чужую землю с согласия владельца и платили последнему ренту в виде известного процента урожая, в данном случае его десятому долю. Морта зафиксирована в Земледельческом законе, который отчетливо формулирует характер отношений между земледавцем и арендатором (мортитом): „Доля мортита девять снопов; доля же земледавца — один сноп“¹.

Некоторое время в науке существовало выдвинутое Цахарие мнение, будто бы морта исчезает в последующий период истории Византии. Оно было опровергнуто уже В. Г. Васильевским, показавшим, что морта как институт существует и в последующие века². Положение В. Г. Васильевского нашло подтверждение и в работах советских византистов³.

В X в. морта продолжает играть существенную роль в вовлечении крестьянства в феодальную зависимость. Договорные отношения на основе уплаты десятины превращались иногда в первичную стадию феодальной зависимости крестьян.

О морте упоминается в одном из афонских актов, датированном 1008 г.⁴ Речь идет о хорафии, ранее принадлежавшем монастырю Иоанна Грузина. Игумен монастыря Евфимий подарил данный участок некоему архидьякону Константину Фезелису и его семье, жившим в селе Аравеникии близ Фессалоники.

Акт содержит заявления различных обитателей села Аравеникии относительно земельного участка Фезелиса. Оказывается, Фезелис отдает полученный от монастыря участок в аренду своим же, очевидно, бедным, односельчанам, из которых один, Павел, арендовал этот участок у Фезелиса и „платил ему и его наследникам морту в течение долгого времени“ (*τὰς μούρτας*). После смерти Фезелиса его зять Стефан сдавал этот хорафий, видимо, на тех же условиях, другому односельчанину Иоанну.

* * *

Недостаток рабочих рук в феодальном хозяйстве первой половины X в. обуславливал и широкое использование труда мистиев.

Выяснению вопроса о социальной природе этой категории непосредственных производителей уделяли значительное внимание советские византисты. Вывод Е. Э. Липшиц, исследовавшей этот вопрос на материале достаточно широкого круга источников, сводится к тому, что мистий — это „юридически свободный, фактически же близкий к рабу человек“, иначе „свободный в феодальном смысле, но фактически зависимый человек“⁵.

¹ Земледельческий закон, ст. 10.

² В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1880, № 7—8, стр. 99.

³ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, т. III, 1950, стр. 49; А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 129—130.

⁴ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, München, 1948, S. 109.

⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, 1945, стр. 126—129.

¹ Παῖρξ, XV. 9. Многочисленные факты субаренды, правда, в основном связанные с городскими условиями, собраны М. Я. Сюзюмовым в его докторской диссертации „Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма“. Рукопись, т. IV. Свердловск, 1953, стр. 47.

² MM, VI, p. 7.

³ Tract., S. 123.

⁴ Παῖρξ, XV. 3.

⁵ MM, VI, p. 4—15.

⁶ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 2, 1948, стр. 249.

А. П. Каждан, рассматривавший вопрос о мистиях в период IX—XI вв., считает, что мистии представляли собой наемных работников, батраков, вербовавшихся среди людей, по той или иной причине ушедших с насиженных мест и искавших средств к существованию в чужих краях. За свой труд мистии получали заработную плату, которая по крайней мере частично была натуральной. Труд мистиев по сравнению с трудом феодально-зависимых париков, владевших собственными средствами производства, был невыгоден, и с течением времени мистии превращаются в обычных феодально-зависимых крестьян, т. е. закрепощаются помещиками¹.

Источники X в. содержат скудные сведения о мистиях, однако нет сомнения, что в этот период труд их находил значительное применение на домениальных землях крупных феодальных поместий. Об этом свидетельствует Податный устав, указывающий, что рабы, мистии и им подобные являются основной рабочей силой проастиев². Это подтверждает и житие Василия Нового, автор которого Григорий, владевший проастием во Фракии, обрабатывал его трудом мистиев³.

По свидетельству новеллы 934 г., вместе с вторжениями динатов и захватами последними крестьянских участков, в селениях водворялись мистии⁴. Видимо, следует предположить, что за счет именно их труда первоначально велась обработка вновь приобретенных динатами земель.

Много мистиев было в монастырях. Об этом сообщает житие Лазаря Галесийского⁵, а также некоторые монастырские акты, указывающие, в частности, что труд мистиев применялся в проастиях Латрского монастыря⁶.

Использование в феодальном хозяйстве труда наемных работников, равно как и существование различных видов аренды свидетельствуют о незавершенности в X в. процесса вовлечения крестьян — непосредственных производителей — в феодальную зависимость.

Источники данного периода не фиксируют еще такого разнообразия многочисленных категорий феодально-зависимого крестьянства, как впоследствии. Это закономерно, ибо в X в. происходит дальнейшее развитие феодальных отношений, складывание форм феодальной зависимости. Общий термин парик, употребляющийся в документах X в. для обозначения феодально-зависимого крестьянина, указывает на разные степени феодальной зависимости.

Первое „Определение“ магистра Косьмы называет, как мы видели, париком крестьянина, сидящего на чужой земле, пребывание на которой всецело зависит от воли и желания ее юридического собственника. Однако совершенно бесспорным является право этого парика уйти с занимаемого им участка. Следовательно, отношения феодальной зависимости, фиксируемые данным документом, еще далеки от подлинного крепостничества.

Важное значение для установления феодальной зависимости имело развитие присельничества.

Приселение на земли динатов было обычным путем, ведшим непосредственно к парикии для значительных в X в. масс крестьянства,

согнанного с земли и лишенного собственности в процессе наступления феодального землевладения на сельскую общину. Новеллы, в частности, прямо говорят о приселениях на земли динатов стратиотов, „попавших в крайнюю бедность и уже не способных отправлять воинскую повинность“¹.

Присельничество нашло в изучаемый период отражение в практике пожалований париков представителям крупного феодального землевладения (главным образом церковного). Сохранилось несколько императорских хрисовулов, свидетельствующих о пожалованиях крупным монастырям определенного „количества“ (*ἀριθμός*) париков, число которых в принципе должно было оставаться неизменным.

Документы X в. позволяют проследить эволюцию в положении приселенных париков.

Согласно хрисовулу 960 г. Романа II, монастырю Иоанна Колову передавалось 40 „бестяглых“ париков². В „бестяглых“, т. е. не платящих податей париках, следует, очевидно, видеть лично свободных, лишенных земли крестьян. Акт 995 г., содержащий пожалование экскуссии монастырю Иоанна Колову, освобождает от несения государственных повинностей также и его париков, „согласно хрисовулу, 40 по количеству“³. Следовательно, положение бывших „бестяглых“ париков за период с 960 по 995 г. существенно изменилось: превратившись в монастырских париков, они обязаны были уже платить ренту, состоявшую, очевидно, из государственных налогов, а также феодальных платежей в пользу монастыря. Пожалование экскуссии в 995 г. предполагало новое изменение в их положении: освобождение от уплаты податей государству означало передачу этих платежей монастырю. Перед нами яркая картина развития паричьей зависимости — когда на протяжении приблизительно 40 лет крестьянин, незадолго до этого бывший свободным, сгоняется с земли, в силу необходимости приселяется в качестве зависимого на землю монастыря, где, теряя последние остатки юридической самостоятельности в виде уплаты податей государству, все более закрепощается, превращаясь со временем в собственность монастыря.

Особый интерес представляют императорские хрисовулы, дарованные Перистерскому монастырю св. Андрея. Согласно этим хрисовулам монастырь получил в качестве пожалования 100 париков и дулопариков⁴.

В хрисовуле 1060 г. Константина X парики и дулопарики резко противопоставляются друг другу, как две различных категории зависимых крестьян, что позволяет предполагать в дулопариках более высокую степень феодальной зависимости. Эту мысль подтверждают выводы Б. Т. Горянова, который по вопросу о дулопариках привлекает широкий материал источников (X—XIII вв.) и приходит к заключению, что дулопарики были полной собственностью их владельца и не могли выступать перед государством в качестве юридического лица, даже в качестве налогоплательщиков⁵.

Как уже отмечалось, принципиально установленным было положение, что данный *ἀριθμός* париков, пожалованных монастырю, считался не подлежащим изменению. В целях соблюдения этого положения государство проводило расследования. Лаврский акт 989 г. содержит отчет прото-

¹ А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. „УЗ Тульского педагогического института“, вып. 2, Тула, 1951, стр. 84.

² Tract., S. 115.

³ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 193.

⁴ Jus, III, p. 247.

⁵ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 196.

⁶ MM, IV, p. 319.

¹ Jus, III, p. 286.

² П. Успенский. Указ. соч., стр. 62.

³ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 155.

⁴ Lavra, №№ 28, 30.

⁵ Б. Т. Горянов. Указ. соч., стр. 31.

сфаврия Симеона, которому император поручил провести одно из таких расследований¹. Симеон должен был проверить владения Лавры с целью выявления государственных париков, стратиотов и просодияриев, бжавших от несения государственных повинностей на земли Лавры, т. е. приселившихся в качестве монастырских париков. Обнаружилось, что таковые были. Симеон переписал их и вернул на прежние места, оставив Лавре 32 парика, т. е. тот *ἀριθμός*, который, как он утверждает, был дан монастырю указами Романа II и Никифора Фоки. Аналогичные мероприятия византийское государство проводило и позднее. Из материалов монастыря Павла Латрского известно, что в этом монастыре в 1175 г. по приказу дуки округа Милассы и Меланудия Андроника Кантакузина была произведена проверка документов, подтверждающих права монастыря на владение его париками. Некий Иоанн Хрисанф, областной чиновник по податным делам, которому было поручено это дело, нашел, что „не все парики принадлежат монастырю и поэтому не малое число их закрепил за казной, записав их в казенные писцовые книги“ (*οὐκ ὀλίγους τῶν τῷ δημοσίῳ προσεχρησάμεν, καταγραφάμενοι τούτους ἐν τοῖς δημοσιακοῖς πρακτικοῖς*)².

Необходимость контролировать соответствие пожалованного монастырям *ἀριθμός* париков их действительному числу сама по себе свидетельствует о том, что подчинение монастырями крестьян сверх установленной нормы было делом обычным и что монастыри неуклонно продолжали приобретение все новых и новых париков.

Понимая слабую эффективность своих попыток приостановить этот процесс, правительственные круги Византии с течением времени вынуждены были идти на уступки. Акты более поздних пожалований *ἀριθμός* содержат иногда указания на то, что данный *ἀριθμός* может пополняться за счет детей и родственников париков. Подобное указание содержит, например, хрисовул Никифора III от 1079 г.³

Если попытаться определить, какую роль играли пожалования *ἀριθμός* в изменении положения крестьян, то вряд ли можно сомневаться в том, что они способствовали дальнейшему закабалению париков. Пожалования *ἀριθμός*, видимо, могло и предшествовать приселению париков на земли феодалов и, наоборот, закреплять уже совершенные приселения. На наш взгляд, далеко не случайным является перечисление поименно всех 32 париков в акте 988 г. Пожалование *ἀριθμός* означало для этих крестьян еще один шаг к полному закрепощению: они отныне с санкции императора записывались за данным монастырем, что, конечно, оказывало решающее влияние на их дальнейшее положение. Нам представляется, что закрепление париков за монастырем в результате подобных пожалований имело прямым следствием лишение их свободы перехода, иными словами, вело к окончательному закрепощению.

Это может быть косвенно подтверждено тем, что обычно пожалование *ἀριθμός* или сопровождалось или предполагало в будущем получение данным монастырем *ἐκκυσии* либо частичной, либо полной.

Исследования, посвященные проблеме византийского иммунитета, установили, что в развитии *ἐκκυσии* в Византии наблюдалось несколько этапов, иными словами, в разные периоды византийской истории *ἐκκυσии* выступает в различных формах, развиваясь в направлении все

большого расширения налоговой экзимированности, за которой впоследствии следует судебный и административный иммунитет¹.

Советские исследователи показали вместе с тем значение иммунитета как одного из важнейших средств усиления процесса феодализации, института, сущностью которого является подчинение крестьянина феодалу².

Развитие византийской *ἐκκυσии*, особенно интенсивно начавшееся с X в., в этот период проявляется в практике так называемых податных изъятий, т. е. освобождения от уплаты государственных податей отдельных представителей крупного феодального землевладения, в первую очередь монастырей.

В качестве одного из первых документов, в самых общих чертах предвещающего будущие *ἐκκυσиионные* грамоты, следует назвать сигиллий, выданный в 872 г. Василием I афонским монахам с целью ограждения их от вторжений как военачальников (*στρατηγῶν*) и царских людей (*βασιλικῶν ἀνθρώπων*), так и всякого рода мелких чиновников (*ἐσχάτου ἀνθρώπου τοῦ δουλείαν καταπιστευομένου*), частных людей (*ιδιώτας*) и деревенских жителей (*χωριάτας*)³.

Несколько позднее появляются документы, содержащие уже податные изъятия монастырей: указ Константина Багрянородного о частичном освобождении от податей париков Перистерского монастыря св. Андрея⁴, а также *ἐκκυσиионная* грамота, данная монастырю Иоанна Колову (995 г.)⁵.

Последний документ, содержащий довольно длинный перечень государственных должностных лиц, которым воспрещается вмешательство в дела монастыря, освобождает париков последнего от *χόρτου καὶ προσοδίου ἀλλὰ καὶ μητάτου καὶ λοιπῆς πάσης ἐπιρίας*, т. е. государственных натуральных повинностей.

Особенно широкие податные льготы получала Лавра Афанасия в силу того, что это был императорский монастырь, пользовавшийся особыми привилегиями и милостями со стороны правящей верхушки государства. Известно, что в 80-х годах X в. Лавре принадлежало значительное число париков, освобожденных от несения государственных литургий. В частности, такие парики принадлежали Лавре в Хрисополе, где, по свидетельству акта 984 г., 25 парических семейств были освобождены от уплаты государственных налогов и, что особенно важно, платили подати Лавре (*ἐξκουσεύμενοι ἐν Χρυσοπόλει καὶ ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς τελούντες Λαύρα*)⁶. Таким образом, и этот пример подтверждает, что в результате *ἐκκυσии*, предоставленной парикам, последние в действительности вовсе не освобождались от несения податей: вместо государства подати шли господину, а личная зависимость париков, в силу этого, еще более увеличивалась. Из акта 989 г. ясно, что 32 парика, пожалованные Лавре указами Романа II и Никифора Фоки, также пользовались *ἐκκυσиионными* привилегиями⁷. Очевидно, в данном случае императорское пожалование *ἀριθμός* сопровождалось в то же время освобождением жалуемых париков от несения государственных повинностей, однако, видимо, не полным: акт указывает, что эти 32 парика освобо-

¹ К. Н. Успенский. *Ἐκκυσии-иммунитет в Византийской империи*. ВВ, т. XXIII, 1923; П. А. Яковенко. *К истории иммунитета в Византии*. Юрьев, 1908.

² А. П. Каждан. *Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.*, стр. 96—97.

³ K. Lake. *Op. cit.*, p. 76.

⁴ Lavra, № 28.

⁵ F. Dölger. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*, S. 155.

⁶ *Ibid.*, S. 148.

⁷ Lavra, № 9.

¹ Lavra, № 9.

² MM, IV, p. 11; В. Г. Васильевский. *Материалы для внутренней истории Византийского государства*. ЖМНП, 1880, № 7—8, стр. 105—106.

³ Lavra, № 31: *οὐκ ἔλλοθεν ἀναπληροῦσθαι ἀφείλοντα τοῖς μοναχοῖς, ἀλλ' ἢ τῶν παίδων καὶ ἐγγόνων τῶν προσεκληρωμένων τῇ μονῇ δουλοπαροίκων*.

ждаются от несения *ἐπιχειρῶν, ἢ ἀγγαρείαων, ἢ ἀπλήκτων, ἢ μιτάτων*, т. е. от государственных натуральных повинностей.

Исходя из документов X в., можно, таким образом, заключить, что в этот период экскуссия не имела еще таких широких масштабов, какие она принимает в последующие века¹, и касалась в первую очередь государственных натуральных повинностей.

Поскольку в массе своей частновладельческие парики сохраняли в X в. зависимость от государства и платили частично государственные налоги, нельзя еще говорить о полной их крепостной зависимости от господ. X век не может поэтому считаться временем полного завершения процесса феодализации. О незавершенности этого процесса свидетельствует сохранение в этот период значительного слоя свободного крестьянства, использование в феодальном хозяйстве труда арендаторов и мистиев, равно как и наличие существенных градаций в положении самих париков.

А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 96—97.

Г. Г. ЛИТАВРИН

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ В БОЛГАРИИ в 1018—1185 гг.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение налоговой политики византийского правительства в Болгарии в период византийского господства¹.

В 1018 г. разоренная длительной войной и преданная феодальной знатю Болгария потеряла свою независимость. Для понимания политики византийского правительства в Болгарии в первые годы после завоевания необходимо принять во внимание, что и победительница — Византия также была истощена тяжелой войной. В Болгарию были стянуты основные военные силы империи. За время войны с болгарамы пришла в упадок пограничная линия обороны империи в Малой Азии². О крайнем напряжении сил, о „неисчислимых ужасах“ этой войны никогда не могли забыть победившие в ней греки³. Сам Василий II заявлял в своем хрисовуле Болгарской архиепископии, что „не без крови, не без трудов и пота“ удалось довести войну до победного конца⁴.

Переход болгарской феодальной знати и высшего духовенства на сторону византийского императора еще не обеспечивал Византии прочных позиций в завоеванной стране. Болгарский народ был готов продолжать борьбу, что он и доказал в ближайшее время после завоевания Болгарии. Именно этого более всего опасался Василий II.

Лишь гибкая, осторожная политика могла упрочить византийское господство в Болгарии. Применение только насильственных мер грозило большими опасностями, и Василий II хорошо понимал это.

¹ Подавляющее большинство использованных в статье материалов относится к Западной и Юго-Западной Болгарии. Северо-Восточная Болгария с середины XI в. была в значительно меньшей степени подчинена Византии. Деятельность византийской администрации в этом районе зачастую сводилась лишь к военным мероприятиям против хозяйничавших здесь кочевников. У нас нет оснований отрицать наличие какого бы то ни было налогового гнета в этой части Болгарии с середины XI в. до 1185 г., однако в то же время мы не располагаем достаточными сведениями и для того, чтобы судить о степени и формах этого гнета. Поэтому выводы данной статьи не могут быть безоговорочно распространены на территорию Северо-Восточной Болгарии. В задачи статьи не входит также рассмотрение всей византийской системы управления Болгарией. Лишь известные особенности политики Византии в Болгарии в первое десятилетие после ее завоевания заставляют нас сказать о ней несколько подробнее.

² Attaliota. Historia. Bonnae, 1853, p. 229, 234; Zonara. Annales, PG. t. 134, Paris, 1864, col. 173.

³ Acropolita. Annales. Bonnae, 1836, p. 21.

⁴ Хрисовулы Василия II Болгарской архиепископии, в кн.: Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей (Болгарской, Сербской, Румынской или Молдо-Валашской). М., 1871, стр. 261.

Прежде всего он старается создать опору византийскому владычеству в Болгарии в лице болгарской феодальной знати и высшего духовенства. Он приближает ко двору болгарских феодалов, открыто перешедших на его сторону, и щедро награждает их. Правда, представителей бывшей правящей династии в Болгарии и наиболее знатных из болгарских феодалов Василий II предусмотрительно переселил из Болгарии, наделив их богатыми поместьями в Малой Азии. Но гораздо более многочисленная часть феодальных землевладельцев была оставлена Василием II на своих местах. Болгарские феодалы не только сохранили свои привилегии, но и получили возможность занимать некоторые важные должности по управлению страной. Скилица говорит даже, что Василий II оставил болгар после завоевания „под управлением их архонтов... так же, как это было и при Самуиле“¹. Об этом же пишет и Кедрин: „Ведь царь Василий, когда подчинил болгар, не желал вообще ни делать нововведений, ни изменять положения, а хотел оставить у них прежнее устройство, чтобы они управлялись таким же образом, как это установил когда-то Самуил“². Действительно, среди должностных лиц империи в Болгарии и в соседних с нею районах при Василии II и при его ближайших преемниках источники упоминают и болгар³. В своих хрисовулах Болгарской архиепископии сам Василий II повторяет несколько раз, что он ничего не изменил в Болгарии после ее завоевания⁴. Разумеется, эти слова не следует понимать буквально: мы увидим, что в значительной мере это был демагогический прием.

Еще определеннее источники сообщают об особой заботе Василия II о болгарском высшем духовенстве. Ф. И. Успенский полагал даже, что после завоевания Болгарии Византией привилегии болгарского духовенства на первых порах были еще большими, чем те, какими оно обладало при Самуиле⁵. Если этот вывод и не может считаться безусловно доказанным, то, во всяком случае, источники, относящиеся к первым годам византийского господства в Болгарии, свидетельствуют, что болгарское высшее духовенство вначале сохраняло привилегии, которыми оно пользовалось при последних болгарских царях. В своих хрисовулах Василий II особо подчеркивает, что положение болгарской церкви не изменилось с переходом Болгарии под власть Византии⁶. Болгарская церковь была объявлена автокефальной — независимой от константинопольского патриарха⁷. Некоторые из епископов Болгарии, изменившие родине и оказывавшие активную помощь византийскому императору в завоевании страны, были пожалованы Василием II особыми привилегиями⁸.

Болгарский буржуазный историк В. Н. Златарский придавал особенно большое значение тому факту, что Болгария после ее завоевания была превращена в дукат. Он видел в этом доказательство того, что Болгарии якобы была предоставлена со стороны византийского императора „внутренняя автономия“, что Болгария и под властью Византии продолжала оставаться единым административным целым, сохраняя многие из

¹ Scylitza. Excerpta ex breviario historico. Bonnae, 1839, p. 715.

² Cedrenus. Compendium historiarum. Bonnae, 1839, II, p. 530.

³ Ibid., p. 479, 483.

⁴ Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей... стр. 260, 261, 262.

⁵ Ф. И. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 18—19.

⁶ Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей... стр. 261, 262.

⁷ Там же, стр. 261.

⁸ Там же, стр. 261—262.

своих прежних институтов¹. Однако, обратив основное внимание на юридическую сторону дела, Златарский допускает, на наш взгляд, ошибку в оценке действительной организации византийского управления Болгарией.

В первые годы после завоевания Болгария оставалась единым административным целым², но во главе ее был поставлен византийский наместник (катепан, дука), наделенный широкими военными и гражданскими полномочиями и ответственный только перед императором. Болгарский архиепископ был объявлен автокефальным, но назначение того или иного лица на пост архиепископа, а иногда и епископа целиком зависело от императора, смещавшего и назначавшего церковных иерархов по своему произволу. Часть болгарских феодалов была оставлена Василием II на местах в качестве должностных лиц империи, но они были подчинены византийским чиновникам, которым были предоставлены в Болгарии все наиболее важные и ответственные посты. С первых и до последних лет византийского господства в Болгарии должности катепанов, стратиггов, анаграфевсов замещались только греками.

Василий II делал широкообещательные заявления, будто бы он „ничего не изменил“ в Болгарии, но в то же время в крупных болгарских городах были поставлены сильные византийские гарнизоны, а крепостные укрепления некоторых городов были разрушены, чтобы болгары не могли использовать их в случае восстания против греков³.

Таким образом, все те мероприятия Василия II, которые дали основание Златарскому сделать вывод о „внутренней автономии“ Болгарии в первые годы после ее завоевания Византией, на деле представляли собою только маневр, рассчитанный на упрочение византийского господства в завоеванной, но не покоренной стране. Все эти мероприятия создавали только видимость самостоятельности Болгарии, которая в действительности не имела теперь и тени ее. Сохранение за болгарскими феодалами привилегий и допуск к некоторым государственным постам в самой Болгарии, а вне ее — даже к важнейшим из этих постов должны были повести к сближению болгарской знати с византийской. Этот процесс действительно начался уже вскоре после завоевания Болгарии.

Особую осторожность проявил Василий II в своей налоговой политике в Болгарии. При этом он также стремился сохранить видимость того, что с завоеванием страны в положении широких масс населения якобы не произошло никаких перемен. Согласно сообщению Кедрина, Василий II постановил, чтобы попрежнему, как и при Самуиле, „болгарин, имеющий упряжку (сѣвѣс) волов, вносил в казну модий пшеницы, столько же проса и один кувшин вина“⁴. Византийские хро-

¹ В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове. Т. II. България под византийско владичество. София, 1934, стр. 26—28.

² Мы придерживаемся точки зрения болгарских историков (см. В. Н. Златарски. История..., стр. 112—114), утверждавших, что вначале власть катепана Болгарии распространялась и на фему Паристрион, лишь к середине XI в. подчиненную непосредственно Константинополю. Говоря о Болгарии как о едином административном целом, мы имеем в виду подчинение катепану Болгарии и стратиггов болгарских фем, число которых первоначально ограничивалось тремя, а впоследствии возросло почти втрое. Румынский историк Н. Банеску [N. Bănescu. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie, Bucarest, 1946], полемизируя со Златарским, аргументирует точку зрения о независимости фемы Паристрион от катепана Болгарии и в первой половине XI в.

³ Scylitza, p. 716; Zusätze in der Handschrift des Joannes Scylitzes... hrsg. von Božidar Prokić. München, 1906, S. 37.

⁴ Cedrenus, II, p. 530.

нисты считают эту налоговую политику Василия II в Болгарии наиболее правильной. Характерно, что они говорят о ней только в связи с упоминанием о восстаниях болгар против византийского ига¹. Повидимому, одной из важных причин, обусловивших проведение такой политики, был страх византийских правящих кругов перед восстанием болгарского народа против новых, еще не утвердивших окончательно своей власти господ.

Есть основания думать, что Василий II проводил подобную налоговую политику и в других районах империи в первое время после их завоевания. Асохик (Степанос Таронский), армянский историк XI в., сведения которого считаются в литературе достаточно надежными², сообщает, что после подчинения Иверии Василием II даже „облегчил тяжелые налоги и положил конец грабегам и пленению“³. Целью такой политики и здесь было постепенное упрочение византийского господства в завоеванной стране.

Однако для правильной оценки налоговой политики Василия II в Болгарии следует учесть также то обстоятельство, что Болгария была страшно опустошена многолетней и жестокой войной с Византией. При сохранении налогов в прежних размерах выплатить их разоренному болгарскому крестьянину было теперь гораздо труднее, чем раньше.

В последние годы правления Василия II Болгарии и Византию поразила страшная засуха. Император был вынужден отдать распоряжение в течение трех лет не взыскивать натуральных налогов⁴. Кедрин, у которого мы находим это сообщение, не говорит прямо, распространялось ли это распоряжение Василия II на Болгарию. Но некоторые другие данные позволяют дать утвердительный ответ на этот вопрос. Пришедший к власти в 1025 г. Константин VIII, несмотря на голод, который вследствие продолжавшейся засухи испытывала масса населения⁵, приказал взыскать налоги не только за текущий год, но и за те три года, когда жители империи были освобождены от них по распоряжению Василия II⁶. И уже в следующем, 1026 г. в ответ на увеличение налогового гнета и произвол местного византийского чиновничества вспыхивает восстание в Навпакте⁷. Из сообщения Кедрина явствует, что по отношению к „феме никополитов“, в которую входил Навпакт, и по отношению к Болгарии при Василии II и впоследствии проводилась тождественная налоговая политика. Говоря о востании жителей фемы Никополя в 1040 г. в связи с повышением государственных налогов, Кедрин сравнивает их новые размеры с теми, которые были при Василии II в Болгарии⁸. Наконец, по сообщению Кедрина, Василий II запретил в течение трех лет взыскание натуральных налогов, а именно налогами в такой форме и было обложено болгарское население.

В буржуазной историографии деятельность Василия II нередко крайне идеализировалась. Действительно, налоги в Болгарии при этом императоре были меньшими, чем когда-нибудь впоследствии. Однако причины

этого заключались совсем не в личных качествах Василия II, как полагали некоторые ученые: византийское правительство вынуждено было пойти на временные уступки, так как империя была ослаблена войной с болгарями.

В ближайшее время, последовавшее за правлением Василия II, налоговый гнет в Болгарии неуклонно возрастает. Особенно тяжелым он был в царствование Михаила IV Пафлагонца (1034—1041 гг.), когда власть фактически оказалась в руках его близкого родственника, всемогущего временщика Иоанна Орфанотрофа. В стране снова царил голод. Он распространился, как отмечает Кедрин, на фемы Фракии и Македонии, Стримона и Фессалоники — вплоть до Фессалии¹, т. е. на значительную часть Западной и Южной Болгарии.

Несмотря на это, Иоанн Орфанотроф не только беспощадно взыскивал обычные многочисленные налоги, но вводил еще и новые обременительные поборы². „... Считая царство товаром для продажи, — говорит Кедрин об Орфанотрофе, — он наполнил мир бесчисленными несчастьями, так как судьи без страха облагали налогами, и никто не надеялся на изменение случившегося“³. Сообщая о том, как жители фемы Никополя „сами присоединились к болгарам“, восставшим в 1040 г., Кедрин указывает, что причиной восстания никополитов был произвол местного налогового чиновника, „ненасытность Орфанотрофа“ и „непомерность взысканий“⁴. И сразу вслед за этим сообщением Кедрин пишет о налоговой политике Василия II в Болгарии, противопоставляя ее той, которая проводится теперь и по отношению к болгарам, и по отношению к жителям фемы Никополя.

В Болгарии, по сообщению Кедрина, вместо натуральных налогов (εἰσὸν) Орфанотроф приказал взыскивать деньги. Вместо модия пшеницы, модия проса и кувшина вина — одну номисму. „... Не вынеся этого, — сообщает византийский историк, — ... болгары сбросили ромейскую гегемонию...“⁵. Один из позднейших византийских авторов — Глика также говорит о переводе натуральных налогов на денежный налог как о главной причине восстания болгар в 1040 г.⁶

Большинство историков считает, опираясь на эти сообщения источников, что недовольство болгар переводом натуральных налогов в денежный объясняется неразвитостью денежных отношений в Болгарии⁷. Это объяснение не совсем верно и во всяком случае недостаточно. Во-первых, основная часть налогоплательщиков — крестьяне пострадала от засухи, поразившей страну незадолго до этого. Повышение цен на продукты в рассматриваемый период могло облегчить уплату налога только зажиточным хозяевам в деревне, имевшим запасы хлеба. Основная же масса крестьян вряд ли воспользовалась высокими ценами на продовольствие, чтобы без ущерба для самих себя расплатиться с казной; большинство крестьян должно было выделить на продажу для уплаты денежного налога часть продуктов, в которых оно само остро

¹ Cedrenus, II, p. 530; Scylitza, p. 715.

² См. В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 200—201.

³ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминим. М., 1864, стр. 204.

⁴ Cedrenus, II, p. 484.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid., p. 483—484.

⁷ Ibid., p. 482—483.

⁸ Ibid., p. 529—530.

¹ Cedrenus, II, p. 518.

² Ibid., p. 521.

³ Ibid., p. 526.

⁴ Ibid., p. 530.

⁵ Ibidem.

⁶ Glyca. Annales. Bonnæ, 1836, p. 589.

⁷ См., напр., Иван Снегаров. История на Охридската архиепископия (от основания и до завладяването на Балканския п/о от турците), т. I, София, 1924, стр. 64; Ю. Юрданов. История на българската търговия до освобождението. Кратък очерък. София, 1938, стр. 45; А. Бурмов. Феодализъм в средновековна България. III, кн. 2, София, 1945—1946, стр. 170 и сл.; История Болгарии, т. I, М., 1954, стр. 115.

нуждалось. Во-вторых, перевод на деньги натуральных налогов был сделан не в соответствии с обычными рыночными ценами, а с учетом более высоких цен. Согласно свидетельству Атталиаты, в обычные годы за одну номисму можно было купить 8—10 модиев хлеба¹. Теперь же в одну номисму был исчислен только один модий пшеницы, один модий проса, ценившегося значительно ниже пшеницы, и один кувшин вина. Сообщение источника не дает никаких оснований расценивать сделанный перевод налогов как какую-то временную меру. Установленный в соответствии со сравнительно высокими ценами денежный налог был определен и на будущее. Следовательно, для уплаты номисмы крестьянин должен был продать гораздо больше продуктов своего хозяйства, чем он вносил их ранее в натуральной форме.

Ошибочность утверждения, что причиной восстания явились „трудности продажи“ продуктов за деньги в Болгарии, видна хотя бы из того, что восстание началось прежде всего вблизи крупнейших городов — Белграда, Ниша, Скопле, Диррахия, Никополя², окрестное крестьянское население которых находилось в наиболее благоприятных условиях для сбыта продуктов сравнительно с другими районами Болгарии.

Учитывая все это, мы вправе сделать вывод, что перевод на деньги натуральных налогов с болгарского населения фактически представлял собою значительное повышение государственных налогов.

Налоги не были снижены и после одного из крупнейших болгарских восстаний 1040—1041 гг. Византийский военачальник Георгий Маниак, поднявший „мятеж“ против императора в Италии, в 1043 г. переправился в Болгарию. По сообщению Пселла, Маниак, оказавшись в Болгарии, „тотчас распорядился об уменьшении налогов“³. Этой мерой он рассчитывал привлечь на свою сторону местное болгарское население. Следовательно, налоги в Болгарии в это время были очень тяжелы, если Маниак считал достаточным их снижение для завоевания симпатий населения. Возможно, что после подавления восстания налоги в Болгарии еще более возросли. В Пирее (Афинской гавани) на статуе льва сохранилась руническая надпись, рассказывающая о „подвигах“, совершенных наемным отрядом норманнов при подавлении восстания 1040 г. Надпись гласит: „Гакон, вместе с Ульфом, Асмундом и Ерном... наложили (на жителей этой страны) значительные подати за возмущение народа греческого“⁴. Таким образом, особый сбор в пользу самих норманнов или увеличение государственного налога были сделаны в наказание за участие местного населения в восстании 1040—1041 гг.

Размеры налогов в Болгарии продолжали возрастать и в ближайшие десятилетия после восстания 1040—1041 гг. При Константине Мономахе, говорит Атталиата, взимались неслыханные налоги, „всюду стоял стон... наказываемых и влекомых к уплате, тюрьмы были переполнены приведенными в них людьми“⁵. Источники мало сообщают нам об особенностях налоговой политики в Болгарии в правление этого императора, однако, некоторые косвенные данные позволяют предполагать, что в это время во всех завоеванных греками областях проводилась особенно жестокая налоговая политика. Мономах, согласно Кедрину,

¹ Attaliota, p. 203.

² Cedrenus, II, p. 527, 530.

³ Μιχαήλ Ψελλου ιστορικοί λόγοι, ἐπιστολαὶ καὶ ἄλλα ἀνεκδότα. Κ. Ν. Σάββα. Μεσαιωνικῆς βιβλιοθήκης τμήμ. Ε' Ἐν Βενετία — ἐν Παρίσις, 1876, σελ. 138.

⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 272. Понимание слов „за возмущение народа греческого“ может быть различным, но плохая сохранность надписи заставляет быть осторожным.

⁵ Attaliota, p. 50.

распустил иверийское войско числом до 50 тыс. человек и „вместо набора стратиотов взимал с тамошних деревень многочисленные налоги“¹.

Очевидно, подобная же политика проводилась и в Болгарии, так как уже через 5—7 лет после Константина Мономаха войска, набираемые в Болгарии, были настолько слабы, что не могли оказать сколько-нибудь достаточного отпора печенегам, вторгавшимся в пределы Болгарии. Атталиата говорит, что причиной ослабления войска в Болгарии было разорение стратиотов, так как находилось в „пренебрежении стратиотское и акритское благосостояние почти всех налогоплательщиков, подвластных ромеям“². В более широких масштабах взимание повышенных налогов с крестьян вместо отбывания ими военной службы стало практиковаться при ближайших преемниках Константина Мономаха, но начал проводить такую политику уже этот император.

Особенно широко подобный метод „добывания денег для казны“³ стал применяться в 60-х годах. В нашем распоряжении имеются прямые свидетельства того, что при Константине X Дуке (1059—1067) наиболее тяжелые налоги взимались с завоеванного греками населения, главным образом, с болгар и влахов. Во время его царствования, говорит Атталиата, поднялся ропот стратиотов, обязанных платить высокие налоги, и стратигов, которые должны были и собрать возросшее количество налогов, и организовать отпор варварским вторжениям „при расстроеном деле набора стратиотов“⁴. Причина вторжений печенегов заключалась, по мнению Зонары, в неправильной по отношению к стратиотам налоговой политике Константина X⁵.

Самые ценные сведения о налоговой политике Византии в это время (по отношению к болгарам) содержатся в „Стратегиконе“ Кекавмена и в анонимном „Слове об обязанностях царя“⁶. Кекавмен сообщает о господствовавшей тогда системе откупов казенных налогов. Много богатых домов, по его словам, было построено в Константинополе „благодаря казенным откупам“⁷. В 1066 г. в Фессалии вспыхнуло восстание болгар и влахов. Известия о причинах этого восстания и о самом ходе его содержатся у того же Кекавмена; он был родственником Никулицы Делфина, которого восставшие принудили стать их предводителем. Как рассказывает наш источник, Никулица, занимавший должность правителя Лариссы, писал императору в самом начале восстания, что постарается „ликвидировать этот мятеж (μὀύλτον), если ты (царь) послушаешься меня (Никулицу) и отменишь увеличение (налогов), которое ты сделал для них (болгар и влахов), и дознания (о размерах имущества): ведь было сделано увеличение налогов во много номисм“⁸. Следовательно, непосредственной причиной восстания 1066 г. было значительное повышение налогов именно для болгар и влахов.

¹ Cedrenus, II, p. 608.

² Attaliota, p. 77.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 77, 84—85.

⁵ Zonara, col. 252.

⁶ Cecaumeni „Strategicon“ et incerti scriptoris „De officiis regis libellus“ ediderunt W. Wassiliewsky, V. Jernstedt. ЭИФФПУ, т. XXXVIII, СПб., 1896.

⁷ Ibid., p. 39.

⁸ Cecaumenus. Strategicon..., p. 70. В. Г. Васильевский („Советы и рассказы византийского боярина XI века“. ЖМНП, ч. 216, СПб., июль, 1881, стр. 139) переводит слово φανερώσεις [дознания (о размерах имущества) по нашему пониманию] глаголом будущего времени 2 л. ед. ч. — „и объявишь об этом“ (т. е. об увеличении налогов). Мы не согласны с этим переводом. В другом месте (там же, ЖМНП, ч. 216, СПб., август, 1881, стр. 344) это же слово и в точно таком же контексте (καὶ φανερώσεις) В. Г. Васильевский переводит как „начеты“ (к налогам).

Сведения, содержащиеся в анонимном „Слове об обязанностях царя“, которое с большими к тому основаниями можно приписать самому Никулице Делфину¹, не оставляют сомнений в том, что налоговая политика Константинополя была далеко не одинакова по отношению к различным областям империи. Особенно тяжелыми и многочисленными налогами были обложены жители завоеванных Византией областей. Автор „Слова“ в своих советах императору касается в основном двух вопросов — налоговой политики и организации войска. „Не отягчай, — говорит он, — земли иноплеменных народов (ἐθνῶν), подвластные тебе... а то какое мы видим зрелище теперь — все большее увеличение поборов“². В другом месте он рекомендует императору: „... страны под властью твоей пусть не получают ежедневных увеличений налогов, дознаний (о размерах имущества), неслыханных, вновь изобретенных поборов; и тогда они не восстанут против тебя, но всею душою будут служить тебе, если будут ежегодно представлять в казну только посильные платежи“³.

Надо думать, что, давая такого рода рекомендации, Никулица, которого мы считаем автором „Слова“, опирается на собственный опыт, приобретенный им во время долгой жизни среди болгар и влахов, особенно в период восстания 1066 г. Укажем на буквальное совпадение того места из только что приведенного отрывка „Слова“, в котором говорится о нецелесообразности „увеличений налогов и дознаний (о размерах имущества)“, с подобным же выражением из „Стратегикона“ Кекамена (ἀυξήσεις καὶ φανερώσεις)⁴.

Мысль об опасности непрерывного увеличения налогов для населения завоеванных империей стран — главное соображение автора „Слова“ везде, где он касается проводимой Константином X налоговой политики. „Не стремись наживаться, — говорит он, — ни за счет столицы твоей (πόλιν), ни за счет окраинных стран, находящихся под властью твоей, ни за счет войска“⁵. Таким образом, от „ежедневных повышений налогов“, от бремени „непосильных платежей“ страдали, согласно этим свидетельствам, прежде всего „иноплеменные народы“, „окраинные страны“.

Провинциальный феодал, имевший возможность много раз наблюдать последствия такой налоговой политики, видит главную ее опасность в том, что она толкает завоеванные империей народы на восстания. А если верно отнесение авторства „Слова“ к Никулице Делфину, то эти сообщения приобретают еще большее значение. Во-первых, потому, что их автор, принимавший против своей воли участие в восстании 1066 г., имеет в виду в „Слове“ увеличение налогов именно на болгар и влахов не только в Фессалии, но и в самой Болгарии. Восстание болгар произошло, по его мнению, как раз в результате обложения их непосильными налогами. Во-вторых, Никулица Делфин — потомок болгарского феодала, и его советы императору свидетельствуют о страхе крупных болгарских землевладельцев перед восстанием болгарского народа против феодального гнета и иноземного господства. Никулица дает советы византийскому императору, каким образом можно вернее удержать в повиновении завоевателям болгарский народ, который ранее предал его (Никулицы) предки⁶.

Конечно, взимание чрезвычайно высоких налогов в Болгарии началось не при Константине X, а значительно раньше, о чем мы уже говорили выше.

Но, очевидно, разница в налоговой политике стала особенно разительной именно в 60-х годах XI в. Атталиата также пишет о том, что при Константине X Дуке в результате непомерных налоговых поборов страдали почти все жители завоеванных греками стран¹. Этот же автор говорит о пагубных для самой Византии последствиях обложения непосильными налогами болгарских свободных крестьян — стратиотов. Атталиата рассказывает о состоянии болгарского войска в то время, когда власть перешла к преемнику Константина X — Роману Диогену. Готовясь к походу против турок, Диоген собирает войска, в том числе и из Болгарии (ἐκ Βουλγαρίας)². „Можно было видеть, — пишет Атталиата, — прославившиеся отряды, состоявшие из немногих воинов, да и тех согбенных бедностью, лишенных оружия и военного коня“³. Именно это обстоятельство, согласно Атталиате, и объясняет слабость отпора в Болгарии вторгающимся в нее печенегам⁴.

70-е годы в области налоговой политики в Болгарии чрезвычайно напоминают время царствования Михаила IV Пафлагонца. Тогда, как и теперь, управление империей оказалось в руках корыстолюбивых и всемогущих временщиков (Орфанотрофа и Никифорицы); тогда, как и теперь, в результате невыносимого налогового гнета вспыхнули мощные народные восстания (восстание Петра Деляна и восстание 1072 г.).

Сравнивая эти два восстания болгар, Скилица говорит, что восставшие в 1040 г. болгары „не вынесли жадности Орфанотрофа“⁵, а в 1072 г. они восстали, „не вынеся жадности Никифорицы“⁶.

Никифорица использовал свое положение неограниченного владыки для собственного обогащения. При этом он заставил делиться с собою практоров и местных правителей теми доходами, которые они получали путем незаконных поборов и вымогательств. Никифорица требовал с них крупные взятки, поощряя тем самым их лихоимство и произвол⁷. Деятельность Никифорицы, говорит Зонара, привела к „изнурению людей и бедствиям“. А ничтожный император в это время „разучивал ямбы с Пселлом“⁸.

Налогоплательщики, особенно болгары, обнищавшие еще в предшествующее десятилетие, были доведены Никифорицей до крайней степени нищеты и разорения. В европейские владения империи в это время хлынули массы населения из азиатских областей, захваченных турками⁹. В связи с этим резко ухудшилось положение неимущих в западных областях империи, особенно в городах. Распространился страшный голод. Живые не успевали хоронить мертвых; в городах, по сообщению Атталиаты, трупы умерших лежали кучами¹⁰. Если ранее на номисму можно было купить 8—10 модиев хлеба, то теперь на

¹ Attaliota, p. 77.

² Scylitza, p. 668.

³ Attaliota, p. 104.

⁴ Ibid., p. 84, 85.

⁵ Scylitza, p. 715.

⁶ Ibidem.

⁷ Attaliota, p. 201.

⁸ Zonara, col. 277, 284.

⁹ Attaliota, p. 211.

¹⁰ Ibid., p. 211. См. также Scylitza, p. 725—726.

¹ В. Г. Васильевский. Советы и рассказы... ЖМНП, ч. 216, август, 1881, стр. 316, 326.

² С е с а м е н u s Strategiconus..., p. 98.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 70.

⁵ Ibid., p. 97.

⁶ Ibid., p. 96.

номисму продавался только один модий¹, а согласно Скилице² и Зонаре³ — только $\frac{3}{4}$ модия⁴.

О степени разорения болгарского населения в 60—70-х годах XI в. можно судить по данным одной из новелл Алексея I Комнина. Приблизительно, в 1095 г. Алексей I выдал хрисовул, повелевавший освободить тех из рабов, которые могут доказать свое происхождение от свободных родителей. Рабы, говорится в хрисовуле, требовали освобождения, „доказывая свое право на свободу своим происхождением (ведь они говорили, что родились от свободных родителей, от болгар или им подобных, которых наше государство захватило в рабство)“⁵. Далее в хрисовуле сообщалось об обстоятельствах, при которых эти болгары попали в рабство. Рабы говорили, что „произошли от отцов — болгар и когда-то прежде, во время угнетавшего их голода, были по дешевке проданы родителями“⁶.

Болгары, требующие освобождения, — еще не старые люди (в хрисовуле идет также речь об их вступлении в брак). Следовательно, они были проданы своими родителями как раз в то время, о котором мы говорили выше, как о периоде особенно жестокого налогового гнета в Болгарии, т. е. в 50—70-х годах XI в.

О налоговой политике империи в Болгарии в последующее трехлетие (1078—1081 гг.) у нас нет сведений. У Атталиаты, целью „Истории“ которого является прославление царствовавшего в эти годы Никифора Вотаниата, мы находим известие, что последний упорядочил дело сбора налогов, ликвидировав так называемые временные поборы. Тем самым налоговые чиновники были будто бы лишены возможности наживаться под предлогом экстраординарных сборов в пользу казны⁷.

Облегчила ли эта мера положение трудящегося населения, в частности, болгарского, мы не знаем. Византийские авторы⁸, в том числе и Атталиата⁹, сообщают о „неразумной щедрости“ Вотаниата по отношению к своим приверженцам. Результатом ее было то, что Алексей Комнин, свергнувший Вотаниата, нашел казну пустой¹⁰ и деятельно занялся ее наполнением путем увеличения и беспощадного взывания налогов.

Ценные сведения о невыносимом бремени налогов в Болгарии в почти сорокалетнее царствование этого императора, о произволе и бесчинствах местных налоговых чиновников, о бесправии и нищете болгарского населения содержатся в переписке болгарского архиепископа Феофилакта. Указывая на непосильное бремя государственных налогов в Болгарии, он пишет: „... клирики оголены и разорены; парики учтены и обобраны начисто (буквально — выскоблены ногтем); земля измерена прыжками блохи, ... все обыскано и взвешено...“¹¹. В одном из своих писем Феофи-

¹ Attaliota, p. 203.

² Scylitza, p. 714.

³ Zonara, col. 281.

⁴ „Пинакий“ — мера, равная $\frac{1}{4}$ модия. Согласно сообщению Зонары (col. 281) и Скилицы (p. 714), именно потому, что при Михаиле VII за номисму можно было купить только $\frac{3}{4}$ модия, этот император и получил прозвище „Парапинака“, т. е. „(модий) без $\frac{1}{4}$ “.

⁵ Jus. III, p. 402.

⁶ Ibid., p. 405.

⁷ Attaliota, p. 283.

⁸ Nicephorus Bryennius. Commentarii. Bonnae, 1836, p. 129; Annae Comnenae Alexiadis libri 15, vol. I. Bonnae, 1839, p. 170, 225.

⁹ Attaliota, p. 274.

¹⁰ Anna Comnena, vol. I, p. 170, 180, 225.

¹¹ Theophylactus. Opera omnia. PG, vol. 126, Paris, 1864, col. 316, B.

лакт сообщает, что парики Девольской епископии разбежались „из-за притеснения“ со стороны чиновников. Бежав, они „скрывались в лесной чаще“¹. В другом письме Феофилакт выражает опасение, что крестьяне одной из его деревень немедленно разбегутся, и „деревня сделается пустой“, если только они будут обложены обременительными государственными податями². Рекомендую дуге Болгарии ограничить набор войск в феме Охриды, Феофилакт снова говорит о бегстве болгарского населения, которое „полюбит земли чужбины, наплевав (sic!) на свою как на причиняющую им (болгарам. — Г. Л.) одни несчастья“³.

Эти известия дают основание утверждать, что при Алексее I Комнине (1081—1118) налоговый гнет империи в Болгарии еще более возрос. И не случайно Анна Комнина в своей „Алексиаде“ — панегирике отцу, „13-му апостолу“ на троне, по ее выражению⁴, ничего не сообщает как раз о тех сторонах деятельности Алексея I, которые касались проводившейся им налоговой политики. Очевидно, мероприятия Алексея I в этой области Анна, по собственному ее признанию, предпочитает обойти молчанием⁵.

Современник Анны Комнины — византийский писатель Зонара следующим образом пишет о налоговой политике Алексея I Комнина: „... найдя номисму испорченной царями, бывшими прежде него, он (Алексей I) сделал ее медной для оплаты расходов царства, налоги же взимал полноценными золотыми монетами и теми (до него испорченными), но полузолотыми“, кроме того, „он еще новые виды взысканий взыскал на подданных“⁶.

Разоренное население Болгарии „прячется от практоров“⁷ и даже разбегается по лесам, покидая насиженные „отеческие места“⁸. Недаром для управления Болгарией Алексей I Комнин посылает наиболее верных людей из числа своих родственников: Иоанна Дуку, Иоанна Комнина, Константина Комнина, Никифора Вриенния. Недаром в разоренной Болгарии, по выражению Феофилакта, „бродит призрак войны“⁹, снова разгорается движение богомилов и вспыхивает несколько восстаний в центральной части страны.

Несмотря на огромные расходы в связи с многочисленными войнами и необходимостью откупаться от кочевников, наседающих с севера, Алексей I благодаря своей беспощадной налоговой политике оставил много денег в казне после своей смерти¹⁰. Это свидетельство Зонары подтверждает Никита Хониат, замечая, что императоры из династии Комнинов собрали деньги „обильным потом и разорением бедных“¹¹.

Налоговая политика Византии в Болгарии в последующие шестьдесят с лишним лет осталась прежней. Даже если бы налоги и не возрастали, они становились бы из года в год все более тягостными для уже разоренного населения. Но, как сообщает Хониат, при Мануиле Комнине, налоги были снова увеличены. Мануил, — пишет Хониат, — „изнурял всех находящихся под его властью... и истощал необычайными налогами“¹². „Не утаю, — продолжает он, — что Мануил сделал прибавление

¹ Theophylactus, col. 529, B.

² Ibid., col. 473, D.

³ Ibid., col. 532, D.

⁴ Anna Comnena, vol. II. Bonnae, 1878, p. 300.

⁵ Ibid., vol. I, p. 81.

⁶ Zonara, col. 301.

⁷ Theophylactus, col. 500, B.

⁸ Ibid., col. 529, B.

⁹ Ibid., col. 376, B.

¹⁰ Zonara, col. 324.

¹¹ Nicetas Choniata. Historia, vol. I—II, Bonnae, 1835, p. 300.

¹² Ibid., I, p. 265.

налогов... не умолчу, что государственные должности при нем были предоставляемы на откуп¹. Однако Хониат оправдывает эти меры Мануила, утверждая, что они были вызваны необходимостью — тяжелым внешне-политическим положением империи. Он порицает только расточительность Мануила, бесцельно, с точки зрения этого историка, расходовавшего с таким трудом собранные средства².

Согласно Хониату, Мануил производил частые переписи имущества своих подданных³, как и его дед Алексей Комнин⁴. Во время похода против турок в 1177 г. один из воинов бросил в лицо Мануилу обвинение в том, что он „пьет кровь христиан, ошпыывая и обирая своих подданных“⁵.

Однако еще больше, чем поступало в казну, налоговые чиновники, говорят Хониат, выколачивали из населения в свою пользу⁶.

Акт отвода земли монастырю Богородицы Милостивой (документ, относящийся ко времени Мануила) свидетельствует о дальнейшем разорении свободного болгарского крестьянства. Спасаясь от непосильного налогового гнета, болгарские крестьяне разбегались, бросая свои разоренные хозяйства. Упомянутым документом общинные земли, заброшенные болгарами, передавались монастырю⁷.

Положение еще более ухудшилось в начале 80-х годов, когда государственными делами заправляла погрязшая в пороках придворная камарилья, пользовавшаяся расположением царицы и ее фаворита протосеваста Алексея. Государственная казна и источники доходов государства оказались в их полном распоряжении. Одни из этих сановников, говорит Хониат, „подобно пчелам, расправляют крылья над епархиями и как на мед садятся на деньги, другие тайно помогают царства...“⁸.

Как раз в это время пришел к власти Андроник Комнин. Вопрос о характере его политики неоднократно служил предметом дискуссий в исторической литературе. В самое последнее время в советской историографии сделана попытка объяснения деятельности этого императора с точки зрения тех особенностей социально-экономического развития Византии и классовой борьбы в империи, которые характерны были для конца XII в. Политика Андроника Комнина, по мнению М. М. Фрейденберга⁹, представляла собой некоторые уступки угнетенным классам империи, уступки, на которые правящие верхи были вынуждены пойти в результате усиления борьбы народных масс против феодальной эксплуатации. Проводя эту политику, Андроник с чрезвычайной настойчивостью и жестокостью подавлял сопротивление оппозиционно настроенных крупных феодальных собственников и высшей чиновной бюрократии.

Вывод М. М. Фрейденберга нам представляется вполне обоснованным. Он подтверждается и анализом политики Византии в Болгарии во время царствования Андроника. Она существенно отличалась от той, которая проводилась там в предшествующий и в последующий периоды византийского господства. Поэтому, со своей стороны, считаем уместным выска-

зать здесь несколько соображений по поводу деятельности Андроника — дополнительно к тем выводам, к которым приходит М. М. Фрейденберг. Сделать это тем более необходимо, что, как мы полагаем, в противном случае не удастся объяснить особенности налоговой политики Андроника в Болгарии.

Давно уже было высказано предположение о том, что существует определенная связь между свержением с престола Андроника Комнина и болгарским восстанием 1185 г., в котором приняло участие и население районов, расположенных к северу от Дуная¹. Изучая переписку афинского митрополита Михаила Акомината, Ф. И. Успенский пришел к выводу, что во время царствования Андроника среди крестьян началось движение за реформы. „Царствование Андроника Комнина, — говорит он, — сопровождалось каким-то странным, дотоле небывалым движением среди крестьянского сословия. Поднят был вопрос о размежевании земель, о реформах в податной системе. И дело уже вполне необычное — крестьяне избирают от себя представителей и посылают их в Константинополь хлопотать по своим делам. Это движение... было, по всей вероятности, приостановлено высшею администрацией и местными властями и осталось неудовлетворенным. Но брожение не утихло...“². Эти предположения небезосновательны³.

Для правильной оценки деятельности Андроника Комнина следует, на наш взгляд, прежде всего принять во внимание те отношения, в которых он находился с правящими кругами Галиции.

Согласно Никите Хониату, Андроник занимал при Мануиле в течение некоторого времени должности дуки Браничева и Белграда⁴, а по сообщению Киннама—Браничева, Ниша и Кастории⁵. В это время он, очевидно, завязал какие-то отношения с Ярославом Владимировичем Галицким, и тогда же им была сделана попытка заключить союз с венграми для борьбы с Мануилом за престол⁶. Когда об этом стало известно Мануилу, Андроник был сослан в Пелагонию, т. е. также в один из городов Болгарии⁷. Переведенный затем в константинопольскую тюрьму, он бежал в Галицию⁸, одну из „топархий россос“, по определению Никиты Хониата⁹. В Галиции Андроник, „принятый правителем (ее) с распростертыми объятиями, оставался продолжительное время. И такой дружбы добился у него Андроник, что и охотился с ним вместе и был его сотрапезником“¹⁰. После своего возвращения из Галиции Андроник снова посетил западные районы Болгарии. Он участвовал в осаде византийскими войсками Землина, захваченного венграми¹¹.

Знаменательно, по нашему мнению, и то, что Андроник, став императором, вел особенно ожесточенную борьбу с малоазийской знатью. Приход к власти Андроника сопровождался смутами в Азии. „...Азиат-

¹ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ч. 225. СПб., 1883, стр. 85—87; его же. Образование Второго Болгарского царства, стр. 114, 115, 125. Приложения, стр. 31—39.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения, стр. 85.

³ См. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. СС, 1947, стр. 161.

⁴ Choniata, p. 133.

⁵ Cinnamus. Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum. Bonnae, 1836, p. 124.

⁶ Choniata, p. 133.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid., p. 171, 172.

⁹ Ibid., p. 168.

¹⁰ Ibid., p. 172.

¹¹ Ibid., p. 176.

¹ Choniata. Historia, p. 265—266.

² Ibid., p. 79, 266, 267.

³ Ibid., p. 267, 268.

⁴ Zonara, col. 301.

⁵ Choniata, p. 241—242.

⁶ Ibid., p. 268.

⁷ La monastère de Notre Dame de Pitié en Macédoine. Éd. L. Petit. ИРАИК, т. VI, вып. I. Одесса, 1900, стр. 44.

⁸ Choniata, p. 297.

⁹ М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в. „УЗ Великолукского Госпединститута“, Великие Луки, 1954, стр. 47—49.

ские города, — говорит Хониат, — были охвачены частыми восстаниями и войнами между соплеменниками¹. Восстания против Андроника в течение его царствования происходили именно в Азии. В Филадельфии пытался поднять мятеж крупный феодал Ватац². Задумавший мятеж против Андроника Комнина Андроник Лапард, один из стратиггов тагм, посланный к Нишу и Браничеву для войны с венграми, „видя, что запад не пойдет ему навстречу и не поддержит движения против Андроника“, бежит на восток³. Там ему действительно быстро удалось найти единомышленников. В его руках оказались Никея, Брусса, Лопадий.

Не менее важно и следующее сообщение Хониата. Отправляясь в поход против Лапарда, Андроник „собрал всех стратиотов, сколько их было на западе и сколько на востоке еще не отказалось повиноваться“, взял мятежные города и жестоко расправился с мятежниками⁴. Вскоре после занятия престола, Андроник, стараясь ослабить противодействие крупной малоазийской знати, начал добиваться заключения брака между своей дочерью и побочным сыном Мануила. Когда многие представители высшего духовенства высказались против этого брака (предлогом являлась ссылка на родство молодых людей по материнской линии), Андроник заявил церковному собору, что выгоды брака будут исключительно велики, а именно — „согласие между востоком и западной частью (империи)“⁵. Льстецы, говорит Хониат, превозносили проект Андроника, утверждая, что в результате этого брака „восток присоединится к западу“⁶. Следовательно, дочь Андроника, как и он сам, непосредственно входила в феодальную группировку как раз европейской части империи.

Ближайшие помощники Андроника, заслужившие его особую благодарность, получали высокие государственные посты именно в европейских епархиях. Соучастник Андроника в убийстве сына Мануила (Алексея) Иоанн Каматир был назначен архиепископом Болгарии⁷.

Если верить сообщению Никиты Хониата, Андроник ненавидел „латинян“, изгонял их из Константинополя, в том числе и тех, которые служили за плату и „терлись во дворце“⁸. Следовательно, под теми „варварами“, которых Андроник приблизил к себе, имеются в виду не „латиняне“, а представители других народов и вероятнее всего — жителей Балканского полуострова. Андроник, говорит Хониат, „имел вокруг себя копыеносцев из толп варваров и людей гибельных, довольных своим невежеством и в большинстве не знающих эллинского языка. Постельничих и привратников он всегда выбирал из этого необузданного сброда“⁹. Одним из самых близких к Андронику людей, „горячим слугой его желаний“, по выражению Хониата, был Иоанн с Тираса (Днестра)¹⁰.

Связи Андроника с феодалами Галиции не прерывались в течение всего его царствования. Примечательно, что опасный для Андроника как возможный претендент на престол Алексей Комнин (сын племянника Мануила) был сослан им в такое место, где он не мог бы найти сторон-

ников и находился бы под бдительным надзором, а именно — „за границу к скифам“¹. Хониат имеет здесь в виду, несомненно, северные берега Дуная и, всего вероятнее, — Галицию. Связи Андроника с русскими князьями вызывают особую неприязнь Никиты Хониата, представителя той малоазийской знати, с которой боролся Андроник. Характерная деталь: репрессии Андроника по отношению к „латинянам“ этот историк называет подражанием „тавроскифам, узаконившим убийство иностранцев, от которых этот обычай привез много скитавшийся старец (Андроник)“². Любопытно, что среди росписей, сделанных по приказанию Андроника в церкви „40-ка мучеников“, было изображение „зубра, пронзенного копьём“: животное же это, замечает Хониат, „живет у тавроскифов“³.

Наконец, когда Андроник понял, что престол им потерян, а жизнь его в опасности, он решил бежать опять-таки к „тавроскифам“. „Он избрал, — сообщает Хониат, — страну тавроскифов, отвергнув (мысль о бегстве) в любую ромейскую епархию и иную чужеземную топархию как во враждебные по отношению к нему“⁴.

Дружественные связи Андроника с русскими князьями не могли не оказать влияния на его отношения с определенными кругами болгарской феодальной знати, с представителями которой к тому же Андроник не раз должен был общаться еще до своего воцарения — сперва во время своей службы, а затем — ссылки в Болгарию. Тесные экономические и культурные связи Болгарии с Русью никогда не прерывались совершенно и в XI и XII вв. Участие русских в народно-освободительной борьбе на стороне болгар в конце XII в. было, несомненно, подготовлено в более ранний период.

Не следует забывать, что пребывание Андроника в Болгарии относится ко времени, предшествовавшему восстанию болгар в 1185 г. Живший в Болгарии Андроник был для болгар человеком, подвергавшимся преследованиям со стороны византийского императора, против которого они готовили восстание.

Согласно сообщению Евстафия Фессалоникийского, болгары проявили особую стойкость в войне с норманнами-сицилийцами, которую пришлось вести Андронику. При защите Фессалоники от норманнов „вместе с войском“ пало до 7 тыс. „болгарских пехотинцев“⁵. И напротив, когда пришел к власти Исаак Ангел, он возвратил знати конфискованные Андроником земли и располагал поэтому для войны с сицилийцами „достаточным стечением народа из восточных городов“⁶.

Очевидно, неслучайно Исаак решительно отказал Асеням в скромной просьбе зачислить их в состав византийского войска и предоставить в пронию „малоходную деревню на Геме“⁷. Судя по сообщениям Хониата, Асени заранее предвидели этот отказ, решив использовать его в качестве предлога для начала восстания⁸. Все это наводит на мысль, что в борьбе с крупной малоазийской знатью император Андроник находил известную поддержку не только среди мелких и средних греческих феодалов из европейских владений Византии, но и среди болгарских

¹ Choniata, p. 341.

² Ibid., p. 342, 343.

³ Ibid., p. 359, 363, 375.

⁴ Ibid., p. 375.

⁵ Ibid., p. 337—338.

⁶ Ibid., p. 402.

⁷ Ibid., p. 355.

⁸ Ibid., p. 385.

⁹ Ibid., p. 418.

¹⁰ Ibid., p. 443.

¹ Choniata, p. 384.

² Ibid., p. 405.

³ Ibid., p. 433.

⁴ Ibid., p. 452.

⁵ Eustathius. Opuscula. Ed. L. Tafel, Francofurti ad Moenum, 1832, p. 297.

⁶ Choniata, p. 466.

⁷ Ibid., p. 482.

⁸ Ibid., p. 482—483.

феодалов. Во всяком случае, после всего, что было сказано выше, такое предположение напрашивается само собою.

Для разрешения поставленного выше вопроса важно также попытаться выяснить, среди каких социальных слоев Андроник старался найти себе опору при проведении своих мероприятий. Интересно в этом отношении свидетельство Хониата о составе войска Андроника во время его борьбы за престол с временщиком протосевастом Алексеем. Войско это было слабее правительственного, посланного против Андроника, и состояло из „негодных земледельцев“ и отряда пафлагонских стратиотов¹. Под „стратиотами“ конца XII в., несомненно, следует понимать мелких и средних феодалов, недовольных засилием и притеснениями феодальной знати. Придя к власти, Андроник отблагодарил этих стратиотов богатыми дарами и присвоением „блестящих достоинств и высоких должностей“². Никите Хониату особенно претит то, что вместо знатных и богатых при Андронике быстро возвысились люди, не имевшие, как он говорит, „действительных заслуг“³. Что же касается „земледельцев“, то, вероятнее всего, это были свободные крестьяне, которых Андроник привлекал какими-то обещаниями. Налоговая политика Андроника является доказательством того, что он видел необходимость уступок свободному крестьянству.

При приближении Андроника к столице население в подавляющем большинстве сразу же стало на его сторону. Особенно ждали прихода Андроника, по словам Хониата, люди, занятые „трудом своих рук“⁴, т. е. ремесленное население города.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, также сообщение Хониата о том, что в храме „40-ка мучеников“ Андроник приказал изобразить себя в одежде „многострадального поселянина“⁵.

Мы уже говорили о том, что в своей борьбе с крупной феодальной знатью Андроник находил поддержку преимущественно в европейских владениях империи. При этом некоторые данные позволяют утверждать, что он пытался опереться на мелких и средних болгарских феодалов.

Кроме того, меры, предпринимаемые Андроником во внутреннем управлении, были рассчитаны также на получение поддержки со стороны свободного крестьянства империи. И в этом случае у нас есть основания предполагать, что Андроник рассчитывал на поддержку и со стороны болгарского крестьянства, тех „болгарских пехотинцев“, которые защищали Фессалонику во время норманнского нашествия.

Мы совершенно согласны с М. М. Фрейденбергом, что страх перед усилением классовой борьбы угнетенных был главной и определяющей причиной политики уступок, проводившейся Андроником. На пути осуществления этой политики стояла крупная феодальная знать и высшая чиновная бюрократия, сопротивление которых Андроник и стремился преодолеть. Принципиально эта политика не была новой. Уже Мануила Никита Хониат обвиняет в том, что он пытался обуздать и подчинить своей власти крупную феодальную знать, обращаясь при этом с ее представителями „как с рабами“⁶.

Конец XII в. в Византии характеризуется появлением элементов феодальной раздробленности, усилением децентрализаторских тенденций со

¹ Choniata, p. 319.

² Ibid., p. 334.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 320.

⁵ Ibid., p. 432.

⁶ Ibid., p. 79, 187.

стороны крупной феодальной знати. Эта тенденция нашла особенно яркое проявление в период правления Ангелов и латинского завоевания, но она была заметна уже в годы правления Мануила и Андроника.

При анализе борьбы Андроника с крупной феодальной знатью за усиление центральной власти необходимо учесть также тяжелое внешнеполитическое положение империи в последние годы правления Мануила и в период царствования Андроника Комнина. Слабая центральная власть была неспособна справиться как с усиливающимся антифеодальным движением, так и с натиском внешних врагов империи и в Азии, и в Европе. При таких обстоятельствах Андроник Комнин, действуя в интересах всего класса феодалов и не посягая на основы его экономического могущества, неизбежно должен был войти в конфликт с наиболее крупными феодалами, стремившимися к полной независимости. Для расправы с особенно непокорными из них Андроник должен был привлечь на свою сторону представителей мелкого и среднего феодального землевладения, свободное крестьянство и ремесленное и торговое население городов.

Разорявшееся и вовлекаемое в зависимость свободное крестьянство Андроник стремился удержать от участия в восстаниях вместе с феодально-зависимым населением и привлечь на свою сторону путем ослабления налогового гнета.

Мелких и средних феодалов Андроник привлекал раздачей им высоких должностей, титулов, а также, очевидно, поместий, которые он конфисковывал у крупных землевладельцев¹.

Уже Мануил, в поисках выхода из тяжелого внутреннего и внешнего положения империи, предпринимал попытки ограничить своеволие и децентрализаторские устремления крупных феодалов. По свидетельству Хониата, свергнувший Андроника Исаак Ангел также пытался „подражать“ в этом отношении Андронику, „состязаясь с ним в жестокости“². Однако Андроник Комнин проводил эту политику значительно решительнее, прибегая к гораздо более радикальным средствам.

Основные данные о внутренней политике Андроника содержатся в „Истории“ Никиты Хониата. Признания этого автора, свидетельствующие о некотором улучшении положения угнетенных масс населения при Андронике, тем ценнее, что вообще Хониат освещает его деятельность крайне тенденциозно, в невыгодном для Андроника свете.

Андроник, пишет Хониат, „великое корыстолюбие сильных так смирил и настолько укротил домогающихся чужой собственности, что в его царствование во многих епархиях, казалось, увеличилось число жителей. Ведь каждый... собрав урожай винограда и перенеся плоды земли в дом, радостно пользовался ими и с удовольствием отдыхал, не боясь угрозы сборщика налогов... но отдав кесарю кесарево, не боялся, что его налог будет удвоен, что налоговый чиновник отберет у него последний хитон, грозя и душу из него вытряхнуть“³. Одно имя Андроника, по словам историка, наводило ужас на тех практоров, „которые взыскивали помимо положенного“⁴. Они страшились теперь принимать даже „дарованное им добровольно“⁵. Чиновникам было обеспечено „большое содержание“, должности предоставлялись даром⁶, и „в короткое время... —

¹ Choniata, p. 334, 465.

² Ibid., p. 480, 556—557 sqq.

³ Ibid., p. 422.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

говорит Хониат, — большинство городов ожило и приобрело прежнее процветание. Андроник увеличил доходы казны — благодаря тому, что ликвидировал ущерб, который наносили им практоры, и установил точные размеры всех налогов вместо прежних частых взысканий, которые эти ужасные взыскатели податей превратили в ежегодные долги (штрафы — *ὄφλημα*), пожирая вместо хлеба подчиненный им народ¹. За короткое царствование Андроника, пишет Хониат, „города увеличались, земля дала урожай во сто крат, и продавалось недорого все, необходимое для жизни“². Согласно Хониату, далее, Андроник беспристрастно судил богатого наравне с бедняком, „был доступен для всех... и не взирая на лица, ... наравне с униженным судьбою привлекал к суду славного и родом и богатством, рассудительно выслушивал (и того и другого) и обвинял одинаково и приговор выносил, заслуженный надменным (богачом), который считал бесчестьем судиться с бедняком, если был уличен в том, что обижал или притеснял и бил кулаком ближнего“³. Хониат рассказывает об одном из таких приговоров Андроника. Вельможа Дадиврин при проезде взял у крестьян все необходимое для себя и своих лошадей, ничего не заплатив за взятое. Крестьяне пожаловались Андронику, и тот приказал наказать сановника двадцатью палочными ударами, а пострадавших вознаградить из казны в размере, превышающем их убытки⁴.

Безусловно, свидетельства византийского историка преувеличивают значение описанных выше мероприятий; причем суждения Никиты Хониата несколько противоречивы. Противоречивость эта отражает известную непоследовательность позиции части феодальных верхов, обусловленную тем внутри- и внешнеполитическим кризисом, который переживала в это время империя. Хониат пытается объяснить причины этого кризиса. Как представитель крупных малоазийских феодалов, стремившихся к ограничению императорской власти, он негодует на Андроника за умаление роли сенаторской знати в управлении государством⁵. Причины народных восстаний, обострения социальной борьбы в империи Хониат в основном видит в „порочности“ „толпы“, которую он ненавидит всеми силами своей души⁶. Но безудержный произвол знати и издевательства над народом, по мнению Хониата, также крайне опасны, так как учащают народные мятежи и увеличивают их размах⁷. В период тяжелых потрясений внутри государства и опасного положения, создавшегося на его границах, Хониат призывает феодалов к миру и единению⁸. Он понимает, что при создавшемся положении нужна сильная центральная власть⁹, что следует пойти на некоторые уступки низам, движение которых становится все более угрожающим. Упорядочение налоговой системы и ограничение произвола практоров представляется Хониату одной из тех необходимых мер, которые способны ослабить нарастающее народное движение. Поэтому Хониат, несмотря на всю свою ненависть к Андронику, одобряет его мероприятия, осуждая лишь жестокости, к которым прибегал император, натолкнувшийся при проведении своей политики на ожесточенное сопротивление феодальной аристократии.

¹ Choniata, p. 423.

² Ibid., p. 429.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 430.

⁵ Ibid., p. 334—335, 419, 437—440.

⁶ Ibid., p. 302, 304, 306, 344, 345 etc.

⁷ Ibid., p. 97, 265, 425, 429, 430.

⁸ Ibid., p. 593, 701, 802, 827.

⁹ Ibid., p. 297, 421, 425, 435, 554.

Две меры Андроника вызывают одобрение у Хониата: император упорядочил сбор налогов, определив их точные размеры, и ограничил произвол государственных чиновников. У нас нет оснований подвергнуть сомнению истинность этого сообщения историка. Напротив, оно подтверждается свидетельством брата Никиты Хониата — афинского митрополита Михаила Акомината. Судя по сообщениям последнего, можно заключить, что при Андронике началось движение крестьян Аттики за пересмотр размеров и характера государственных налогов в их местности¹.

Ф. И. Успенский справедливо указывает на исключительность подобного явления в истории Византии. Именно в это время крестьяне считали возможным добиться некоторых уступок со стороны правительства в области налоговой политики².

Андроник Комнин прежде всего ликвидировал незаконные поборы налоговых чиновников, использовавших свое положение для собственной наживы. Сама центральная власть до Андроника фактически санкционировала этот произвол чиновной бюрократии, продавая должности за деньги, применяя систему откупов, не брезгуя зачастую и взятками практоров, деятельность которых она должна была контролировать³. Характерно, что В. Г. Васильевский, изучавший систему налогового обложения в Византии, отметив удивительное многообразие налогов, пришел, однако, к выводу, что не столько количество налогов и общая их сумма были тяжелы для налогоплательщиков, сколько способ их взыскания⁴. Действительно, сборщики налогов выколачивали с населения значительные суммы сверх тех, которые были установлены законом. Едва половина денег, говорит Хониат, собираемых с населения при Мануиле Комнине, поступала в казну: остальное присваивалось налоговыми чиновниками⁵. У нас нет прямых свидетельств в пользу того, что Андроник уменьшил самые размеры государственных налогов. Но, тем не менее, совершенно очевидно, что фактически налоговый гнет вследствие обуздания произвола налоговых чиновников при Андронике определенным образом понизился. Может быть, были несколько снижены и самые размеры податей. По крайней мере, именно в этом смысле можно толковать одно место из уже приводившегося нами свидетельства Хониата. Он говорит, что Андроник „установил точные размеры всех налогов“⁶. Само установление точных размеров налогов могло заключаться и в их уменьшении. Нам представляется, что только так и возможно понять это выражение Хониата. И глагол, который употребил Хониат в этой фразе — *συστάλαι*, — имеет также значение „уменьшил“, „сократил“.

В налоговой политике империи в ближайшее десятилетие после свержения Андроника наблюдается возвращение к старому курсу. Снова расцвел безудержный произвол чиновничества. Наиболее красноречивые свидетельства об этом содержатся в корреспонденции Михаила Акомината⁷, которой мы здесь не будем касаться. Царь, говорит об Исааке II Ангеле Никита Хониат, „подделывал серебро, чеканя негодные номисмы,...

¹ Μιχαήλ Ἀκομινάτου τοῦ Χονιάτου τὰ σωζόμενα. Ἐν Ἀθήναις, 1879—1880, Α', σελ. 307—308; Β', σελ. 48, 98.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения..., стр. 85.

³ Attaliota, p. 201.

⁴ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ч. 202, стр. 162; ч. 210, стр. 383.

⁵ Choniata, p. 268.

⁶ Ibid., p. 423.

⁷ Μιχαήλ Ἀκομινάτου... τὰ σωζόμενα. Α', Β'.

увеличивал взыскания казенных налогов“ и „отдавал на произвол откупщикам государственные должности, как торговцы (продают) фрукты“. „Нередко чиновники рассылались по епархиям, не получая денег (жалованья)“¹.

При этом налоговая политика Исаака Ангела была неодинаковой в разных частях империи. Ранее было показано, что вплоть до начала 80-х годов XII в. в Болгарии, поработанной греческими феодалами, проводилась особенно обременительная для населения налоговая политика. Мы имеем основания утверждать, что лишь в царствование Андроника в этом отношении не делалось различия между Болгарией и другими областями империи. Теперь положение резко меняется. Отягчая непомерными налогами одни области и города, говорит Хониат, Исаак другие города благодетельствовал облегчением налогов, изливая потоки даров и милостей на церковь, монастыри, отдельных лиц². Мы считаем, что здесь под областями и городами, где при Исааке, а затем при его брате Алексее (III) были введены особенно высокие налоги, следует понимать прежде всего болгарские области и болгарские города.

Подтверждение этого мы находим у того же Хониата. Историк пишет: „... скупясь отпраздновать свадебный пир на деньги казны, (Исаак Ангел)... собрал их с близлежащих мест и, наконец, по своей мелочности, намереваясь обобрать и другие города, которые находятся близ Анхиала, сам против себя и против ромеев поднял на войну варваров на горе Геме“. „... найдя предлог, — продолжает Хониат, — в угоне их скота и в собственных бедствиях, они поднялись на знаменитое восстание (*αποστασίαν λαμπράν*)“³. Еще более определенно об этом экстраординарном налоге, переполнившем чашу терпения болгар и означавшем возвращение к налоговой политике предшественников Андроника Комнина, сообщает Георгий Акрополит: „Когда же он (Исаак Ангел) хотел отпраздновать свадьбу — а она была царской — и нужно было, чтобы расходы оказались достойными ее, со всей епархии ромеев сгонялись овцы, свиньи, быки, но так как более, чем другие провинции, вскармливает их Болгария, от нее в большем количестве они и были потребованы“⁴.

Таким образом, подводя итоги обзору византийской налоговой политики в Болгарии, мы должны сделать вывод, что в период византийского господства в стране, исключая только короткое царствование Андроника Комнина, налоговый гнет все более возрастал. На завоеванной территории с болгарским населением были установлены особенно высокие и многочисленные государственные налоги. Теряя свои владения на Востоке, империя стремилась компенсировать убытки казны за счет беспощадного взыскания повышенных налогов с болгарского населения, доводя его до разорения и нищеты. Помимо государственных налогов, болгарское население разоряли также бесчисленные поборы со стороны византийских чиновников, наводнивших Болгарию и рассматривавших свои должности как источник быстрого личного обогащения. Они выколачивали с болгар в свою пользу суммы, намного большие, чем сами налоги.

В источниках нередко сообщается о жалобах населения на непосильные налоги, но еще чаще — о жалобах на произвол местных сборщиков налогов.

Этот произвол представителей ненавистной иноземной власти в Болгарии был не меньшим, если не большим злом, который принесло с собой византийское иго. Поэтому мы считаем необходимым особо сказать о тех способах, которыми византийские чиновники собирали государственные налоги в Болгарии.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что самый принцип налогового обложения, принятый в империи и узаконенный центральной властью, открывал для практоров возможность таких злоупотреблений, вскрыть которые налогоплательщикам было крайне трудно и, следовательно, законный обман мог выглядеть как вполне „законное“ мероприятие налогового чиновника.

Ф. И. Успенский, отмечая чрезвычайную сложность расчетов, применявшихся византийскими землемерами, и указывая на темноту и забитость крестьянина-налогоплательщика, писал, что принятая в Византии система измерения земли могла способствовать безудержному произволу практоров¹. Это, безусловно, правильно: сложность расчетов землемеров при измерении крестьянской земли, безграмотность и невежество налогоплательщиков помогали практорам обманывать их. Но этого мало. Порочен был сам принцип расчетов, производившихся землемерами. Не столько сложность расчетов, сколько узаконенная упрощенная формула для измерения земли давала возможность практору фальсифицировать результаты обмера и „законно“ взыскивать с налогоплательщика гораздо более высокие налоги, чем те, которые должны были взиматься с измеряемого участка.

Наиболее распространенным способом обмера земли был следующий: измеряли периметр участка, полученный результат делили на 4 (получая таким образом сторону квадрата) и частное возводили в квадрат. Для того, чтобы получить площадь в модиях, конечный результат делили на 200 (число единиц, содержащихся в одном модии земли, если измерение производилось оргией — саженью), или на 2 (число единиц, содержащихся в одном модии земли, если измерение производилось сокарем — веревкой, равной 10—12 оргиям)². Когда землемеры имели дело с участком квадратной формы, то указанный нами способ обмера полностью себя оправдывал — результат получался верный, так как сама эта формула и была рассчитана на квадратную форму участков земли. Но суть вопроса заключается в том, что эта рассчитанная на квадрат формула измерения земли применялась также и при измерении участков треугольной и неправильной формы. А это вело к серьезным ошибкам: участки неправильной формы при сравнительно большом периметре имеют меньшую площадь, чем участки квадратной формы с таким же и даже меньшим периметром. С помощью этой формулы можно было правильно измерить только участки квадратной формы или участки, форма которых была бы близкой к кругу. Более того, участки круглой формы при подобном обмере оказались бы меньшими, чем их действительная площадь. Но участки круглой формы были, конечно, редким исключением. Трудно допустить также, чтобы при большом имущественном неравенстве внутри соседской общины и при крайней чересполосице участки большинства крестьян-налогоплательщиков имели квадратную или близкую к ней форму.

¹ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии. ЖМНП, ч. 259. СПб., 1888, стр. 240.

² Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Наблюдения по истории сельского хозяйства. Труды VI Археологического съезда в Одессе, т. II, Одесса, 1888, стр. 279—282.

¹ Choniata, p. 584.

² Ibid., p. 585—586.

³ Ibid., p. 481—482.

⁴ Acropolita, p. 21.

Правда, в инструкции землемерам рекомендуется в случае, если участок не имеет правильной формы, разбить его на ряд геометрически правильных частей и измерять каждую из них в отдельности¹. Но в распоряжении анаграфевса и практора была гораздо более удобная формула, а крестьянин едва ли мог подсказать рекомендуемый способ деления участка на части или настоять на нем. Ф. И. Успенский приводит в своей работе о византийских землемерах отрывок из одного землемерного трактата, в котором говорится, что при обмере земли крестьянин следил только за тем, чтобы сокарь имел на своих концах печати и не был короче установленного законом². Эта формула была употребительной и в европейских владениях империи, в том числе в Болгарии.

Действительно, при отводе земли монастырю Богородицы Милостивой, основанному на болгарской земле (близ Струмицы), землемеры пользовались именно этой формулой. Периметр всей отведенной монастырю земли, имевшей форму неправильного многоугольника, оказался равным 193,3 сокаря. Это „составляет, — сказано в акте отвода земли, — площадь в 1176 модиев“³. Проверим: $193,3 : 4 = 48,325$. Землемеры берут округленно — 48,5. Действительно: $48,5 \times 48,5 = 2352$ кв. сокаря. В одном модии 2 квадратных сокаря. $2352,25 : 2 = 1176,12$ модия.

Но здесь могут возразить, указав, что этим операции по вычислению не ограничивались. В самом деле, была еще одна операция — вычитание $\frac{1}{10}$ из суммы периметра. Но эта операция производилась, во-первых, далеко не всегда. Она предшествовала делению периметра на 4 только тогда, когда речь шла об измерении крупных площадей земли⁴. Во-вторых, эта операция предусматривала, главным образом, не устранение той погрешности в вычислениях, которую влекло за собой применение указанной формулы, а представляла собою скидку на негодную для использования землю — „овраги, пустоши, кручи, каменистые места — и лишь в том числе — извилины“⁵, т. е. на те погрешности в вычислении, которые могут случиться при таком измерении участка неправильной формы. Конечно, эта скидка, предусматривающая ошибки в вычислении от „извилины“ лишь в последнюю очередь, не могла серьезно исправить пресловутую формулу. Мало того, погрешности формулы существенно сказывались и при измерении участков геометрически правильной формы — вытянутых прямоугольников и треугольников, когда никаких „извилины“ не было, а следовательно, и скидка на них не производилась.

Укажем один пример такого обмера участка, имеющего как раз форму треугольника. Правда, акт, в котором сообщается об этом обмере, относится не к XI—XII вв., а к XIII в.⁶, но это доказывает только широкую распространенность, традиционность применения разбираемой нами формулы обмера земли.

Был подвергнут измерению участок земли, имеющий форму треугольника, со сторонами: 100, 110 и 62 оргий. Площадь его определена в 23 модия. Проверим: $100 + 110 + 62 = 272$ оргий; $272 : 4 = 68$; $68 \times 68 = 4624$ кв. оргий; $4624 : 200 = 23$ модия.

А на самом деле площадь нашего участка, треугольного по форме, с высотой, примерно, в 98 оргий, будет равна: 98 (высота) $\times \frac{62}{2}$ (основа-

ние) = 3038 кв. оргий; $3038 : 200 = 15$ модиев! Таким образом, площадь участка при обмере с соблюдением всех правил законной формулы увеличена более чем в полтора раза против своих действительных размеров.

Анаграфевс, который сделал бы такой обмер крестьянского участка, дал бы практору основание для „законного“ взыскания налога с крестьянина за несуществующие у него 8 модиев земли.

Конечно, подобный способ измерения земли при обложении ее налогами должен был влиять особенно отрицательно на положение мелких землевладельцев-крестьян; округлять свои владения, придавать им более правильную форму имели возможность лишь крупные землевладельцы, а не малоземельные крестьяне.

Существовали и другие способы измерения земли, в частности, при измерении участков прямоугольной формы применялся способ, дающий более точные результаты¹. Но участки правильной формы были скорее исключением, чем правилом. В трактате землемеров дается совет употреблять рассматриваемую нами формулу для измерения участков неправильной формы², каковые, очевидно, если учитывать лоскутность и чересполосицу земельных владений, чаще встречались в действительности.

Создается впечатление, что рассмотренный нами принцип измерения земли был узаконен правительством при полной осведомленности его о всех недостатках этого принципа. Ориентируя практора и анаграфевса на применение описанной формулы, казна никогда не оказывалась в убытке. Формула, очевидно, была специально рассчитана на измерение участков квадратной формы, т. е. такой, которая при наименьшем периметре дает наибольшую площадь, так что превращение этой формулы в универсальную было чрезвычайно выгодно как самому фиску, так и налоговым чиновникам.

Все это и объясняет нам те многочисленные жалобы на „неправильный“ обмер земли, которые нередко встречаются в источниках. Феофилакт называет анаграфевсов, производивших раскладку налогов, „разбойниками истины“³. Он просит не присылать анаграфевсов в его деревни⁴ и жалуется на практоров, „увеличивающих число зевгарей“ у крестьян во время определения размеров их имущества⁵, „поступающих при подсчете модиев самым нематематическим способом“ и „пренебрегающих законами геометрии“⁶. После одного из таких обмеров, произведенных анаграфевсом, Михаил Акоминат добивается нового, более точного обмера — определения, „сколько модиев в участках“⁷. Епископ Софии, по сообщению Феофилакта, указывал на приезд анаграфевса как на уважительную причину своего отсутствия на церковном соборе, так как боялся, „чтобы от него (анаграфевса) не случился материальный ущерб (епископии) при описи в отсутствие епископа“⁸.

Но кроме этого, „законного“ способа обирания налогоплательщиков, источники сообщают и о прямом произволе практоров, насильем и угрозами вымогавших с крестьян суммы сверх установленных казною налогов. Практор, облагавший крестьян Феофилакта, заявлял: „Кто мне

¹ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры... стр. 290, 291.

² Там же, стр. 279.

³ Theophylactus, col. 433, B.

⁴ Ibid. col. 433, A.

⁵ Ibid., col. 448, C.

⁶ Ibid., col. 452, A.

⁷ Μιχαήλ Ἀκομινάτου τὰ σωζόμενα. Β', σελ. 66.

⁸ Theophylactus, col. 348, A.

¹ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры... стр. 283.

² Там же, стр. 286.

³ La monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I. Одесса, 1900, р. 43.

⁴ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры... стр. 280, 293.

⁵ Там же, стр. 279.

⁶ MM, IV, p. 161—162.

господин? Во сколько оценю их (крестьян), столько и заплатите!¹ Недаром источники связывают причины многочисленных восстаний в империи с произволом местных праторов. Ненависть восставшего народа в первую очередь обращалась против этих чиновников². Стратиг области, сам стремившийся извлечь из своей должности как можно большие выгоды, был скорее покровителем и соучастником праторов, чем блюстителем законности. Интересно в этом отношении письмо Пселла к одному из стратигов. Пселл просит его быть снисходительным и смотреть сквозь пальцы на незаконные поборы пратора, которому нужно поправить свое материальное положение³.

Господствовавшая в то время система откупов государственных налогов делала налогоплательщиков жертвой откупщиков и сборщиков налогов. Произвол последних был особенно велик именно в пограничных районах империи⁴.

Большие выгоды извлекало местное чиновничество при различных экстраординарных взъясаниях казны, порядок взимания которых не был зафиксирован в налоговых практиках. Никифор Вотаниат был вынужден специальным указом отменить всякие временные поборы⁵, но другой своей мерой — прекращением выдачи жалованья чиновникам⁶ — вновь толкал их на путь злоупотреблений.

Наконец, широкие возможности для злоупотреблений, наряду с описанным выше методом измерения земли, открывало праторам и то, что заключение о качестве земли тоже делал анаграфевс. Михаил Акоминат, сетуя по поводу того, что афинский округ чаще других подвергается „описям и учетам“ и при этом „земля измерена прыжками блохи“ и „каждое растение взято на учет (как волосы на голове)“, отмечает, что с неплодородной песчаной земли Аттики праторы принуждают вносить большие налоги, чем с плодородных земель в других областях⁷. Феофилакт пишет, что праторы заставляют его вносить налоги за „разрушенные мельницы“⁸, т. е. за хозяйственные объекты, не приносящие доходов. Евстафий Фессалоникийский также говорит о „взысканиях с того, с чего нет доходов“⁹. Но и Феофилакт и Евстафий угрозами, обещаниями, взятками, заступничеством влиятельных друзей добиваются освобождения не только от произвольных поборов, но и от законных налогов. Легко себе представить, в каком положении оказывались простые крестьяне перед пратором, поставившим целью обогащение за их счет.

Переписка Феофилакта дает нам наиболее полные сведения о произволе праторов в Болгарии во время правления Алексея I Комнина. А ведь при этом императоре имело место значительное укрепление центральной власти сравнительно с последним полувеком до Алексея Комнина. „... Наши сборщики налогов, — пишет Феофилакт, — пожинают обрезки, оставшиеся от серпа; всегда изобретая новые формы стяжания, они не останавливаются ни перед увещеваниями, ни перед страхом человеческим... А если кто напомнит им о царе и о мече, который

вручен ему на страх злодеям, они высмеивают устаревшие речи и простоватость сказавшего... Поэтому, — продолжает Феофилакт, — клирики оголены и разорены, парики учтены и обобраны начисто, а земля измерена прыжками блохи и в действительности производит теперь для нас только тернии и чертополох“¹. Феофилакт сообщает о взяточничестве налоговых чиновников в Болгарии: „Сверх того они берут различные подарки (μειλίγματα), а всякий раз, когда их получают, смотрят в сторону, сердятся и запугивают тех, которые дали однажды, как обязанных давать всегда; а если не получают их снова, свирепствуют“².

В письме к епископу Видина Феофилакт пишет: „У тебя жестоки сборщики налогов? Но не более жестоки, чем в этих местах, где уведят в рабство одного из пяти детей, подобно тому как отсчитывают пятую или десятую голову скота“³. Жалуюсь на „ненасытность и злонаравие сборщиков податей“, в другом своем письме Феофилакт говорит, что клирики не могли воспользоваться законными налоговыми льготами, так как праторы силою продолжали взыскивать с них все⁴. Более того, — пишет Феофилакт, „... скорее со стороны приписчика, чем со стороны описчика... к ним (клирикам. — Г. Л.) были прибавлены (фиктивные) зевгарии и скот, и они были подвергнуты взысканию не только с того, с чего имели право не платить, но были подвергнуты взысканию и сверх (этого). То же несправедливо потерпели они и по другим статьям“⁵. Когда Феофилакт добивался, чтобы его крестьяне „были описаны соответственно достатку каждого“, пратор заявил ему, что поступит так, как ему (пратору) будет угодно⁶. Стараясь воспрепятствовать переходу в собственность Феофилакта деревни, жители которой еще ранее „избрали архиепископию своей госпожой“, пратор запугивал крестьян этой деревни — „тысячами способов устрасал село и селян, что каждого из них он обложит налогами свыше их сил“⁷. Пратор заявлял, что в его власти обложить налогом „первого, как и седьмого“, счесть заслуживающим высокого налога обладателя несоответствующего для этого имуществом — и обложенный незаконно высоким налогом „будет вынужден заплатить столько“⁸.

Согласно Феофилакту, раскладка податей фактически зависела только от пратора. Данные переписки Феофилакта создают впечатление, что произвол пратора в этом отношении не имел границ. Пратор, пишет Феофилакт, побуждал крестьян на выступление против архиепископа, „обещая в награду... желанное для них облегчение налоговых податей. Чего не может сделать пратор, — восклицает Феофилакт, — имеющий власть этого унижить — того возвысить?“⁹ Из-за „несправедливых и незаконных поборов“ пратора Иасита, пишет далее Феофилакт, „бедные люди гибнут“¹⁰.

Намек на круговую поруку среди местных чиновников в деле ограбления населения можно видеть в сообщении Феофилакта о том, что он не был заодно с праторами, „воздерживаясь от их путей, как от нечи-

¹ Theophylactus, col. 449, C—D.

² Cedrenus, II, col. 482—483, 530, 549.

³ П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 190.

⁴ Cecaumenus, Strategicon, p. 18, 97, 98, 103.

⁵ Attaliota, col. 283.

⁶ Bryennius, Commentarii, p. 129.

⁷ Μικαήλ Ἀκομινάτου τὰ σωζόμενα. Α', σελ. 307, 308; Β', σελ. 48, 49.

⁸ Theophylactus, p. col. 449, A.

⁹ Eustathius. Opuscula, p. 358.

¹ Theophylactus, col. 313, C—D; 316, A—B.

² Ibid., col. 316, C.

³ Ibid., col. 337, B.

⁴ Ibid., col. 448, B.

⁵ Ibid., col. 448, C.

⁶ Ibid., col. 449, C.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid., col. 457, B—C.

¹⁰ Ibid., col. 516, B.

стоты¹. Феофилакт ставит себе это в заслугу, стараясь объяснить таким образом ненависть к нему со стороны местных практоров². Они, по его словам, „нарушают привилегии церкви“, заставляют священников выполнять „грязные повинности“ и даже „используют их для домашних услуг“, запугав простой народ, „чтобы он боялся жаловаться дуче, защищая своих иереев, и стремятся для себя от них (священников) получить выгоды“³. Налоговый чиновник, подчиненный дуче Болгарии Таронитопулу, по сообщению Феофилакта, не выполняет указа самого дучи, об облегчении податей и повинностей священников района Полога, продолжая требовать их выполнения⁴. Стараясь польстить Никифору Вриеннию, бывшему некоторое время наместником Болгарии, Феофилакт в письме к нему заявляет, что только при нем „даже болгары не роптали“, а его помощники в Болгарии оказались лишенными прибылей, на которые надеялись⁵. Местное чиновничество в Болгарии иногда, если верить Феофилакту, чувствуя свою безнаказанность, пренебрегало даже императорскими распоряжениями. „... Я вижу, — пишет Феофилакт, — смятение сегодняшней жизни, жадность и корыстолюбие, и бесстыдство стяжания... исполняющих казенные дела (τοὺς τὰ δημόσια πράττοντας), скорее они грабители, чем сборщики податей — ведь божеские законы и царские приказания они считают паутиной, которая опутывает мух, но разрывается осой“⁶. Феофилакт опасается, что подобная политика в Болгарии вызовет восстание болгар. В наставлении Георгию Пакуриану (видимо, ближайшему родственнику известного полководца), получившему в Болгарии должность, связанную со сбором налогов, Феофилакт советует быть осторожным, ибо болгары уже обнаруживают „стремление к освобождению, ради которого они восстанут в будущем“⁷. „Зло стало им (практорам) в привычку“, пишет Феофилакт, народ, разоримый (ими), запуган, они не боятся никакого наказания⁸.

Нелегко вести борьбу с практорами даже Феофилакту. И при императорском дворе ему приходится дать немало взяток, прежде чем он добивается содействия высшего чиновничества в спорах его с практорами. Придворные чиновники при этом, пишет Феофилакт, требуют так много, как если бы „кони рождали нам трижды в год“, а „пашни приносили жатву золотом“. „... и если бы не было возможности насытить этих людей желанными лакомствами, они поносили бы нас как могильщиков“⁹.

Феофилакт располагал этими возможностями. Умел он находить общий язык и с практорами. Благодаря взяткам, он снова получил от практора деревню, которая была у него „отнята царем“¹⁰. Более того, архиепископ не платил за владение ею никаких налогов¹¹. Добивался он и того, чтобы в его деревни не приезжали анаграфевсы¹². Стратиг и анаграфевс, не поладившие с Феофилактом, были смещены с занимаемых ими должностей¹³.

Рассматривая вопрос о произволе практоров в Болгарии в свете данных переписки Феофилакта, мы не можем согласиться с В. Николаевым, который, проследив борьбу Феофилакта с практорами, высказал несколько довольно противоречивых заключений и, наконец, сделал вывод о том, что в борьбе с практорами интересы архиепископских крестьян совпадали с интересами их господина — Феофилакта¹. Ссылки Феофилакта на бедствия „сырых и убогих“, обильно уснащенные изречениями из Библии, на самом деле — не более, как лицемерное суесловие, призванное скрыть действительные мотивы ссор с практорами этого феодала. Интересно, что подобные лицемерные заявления Феофилакт делает только в тех письмах, которые он посылает наиболее видным сановникам империи или членам императорской семьи. В своих письмах к друзьям, в которых Феофилакт не видит необходимости прибегать к дипломатии, встречается совсем обратное — проявление ненависти к болгарам. Оказывается, практоры обвиняли Феофилакта в тех же злоупотреблениях, в каких он обвинял их, — и как раз в тех случаях, когда они говорили об его отношениях с простым народом. Точно так же практоры обвиняли Феофилакта в производе², насилиях³, тирании⁴, разорении народа⁵.

Ссоры Феофилакта с практорами — не более как распря между представителями одного и того же класса, порожденная стремлением присвоить возможно большую долю тех материальных благ, которые производил крестьянин.

Феофилакт отстаивал монопольное право на эксплуатацию своих крестьян и старался всячески избежать уплаты полагающихся с него государственных налогов. Практики же выколачивали из крестьян Феофилакта не только определенные законом налоги, но собирали с них немалую толику и в свою собственную пользу. Как мы видели, иногда эти „враги“ шли на компромисс, который достигался, однако, опять-таки за счет эксплуатируемого крестьянства.

Бесправие крестьянства еще более усилилось с развитием прони и введением практики раздачи отдельным феодалам права сбора податей с той или другой территории⁶. Вместе с усилением крупного феодального землевладения росла независимость от центральной власти местных чиновников и феодалов, а следовательно, их бесконтрольность и своеволие. Во время четвертого крестового похода, как сообщает Хониат, стратиги отдельных областей враждовали друг с другом как независимые местные царьки⁷.

Страдало население и от бесчисленных повинностей в пользу государства: от постоя и обязанности содержать войска и чиновников, строить дороги, суда, крепости, предоставлять тягловых животных для перевозки государственных грузов, особенно в военное время, препровождать пленных и т. п. Анна Комнина сообщает, что во время войн с печенегами Никифору Мелиссинскому было поручено провести набор воинов среди болгар и владов, и он, выполнив приказ, явился к императору с собранными им людьми и телегами, запряженными волами,

¹ В. Николаев. Феодални отношения в покорената от Византия България, отразени в писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ Български. София, 1951, стр. 111.

² Theophylactus, col. 445, D.

³ Ibid., col. 445, A.

⁴ Ibid., col. 457, A.

⁵ Ibid., col. 445, C.

⁶ Choniata, p. 599.

⁷ Ibid., p. 827.

¹ Theophylactus, col. 456 A.

² Ibid., col. 424, C—D; 444, D.

³ Ibid., col. 516, D; 517, A—B.

⁴ Ibid., col. 525, C. См. поправки к изданному Минем тексту писем у Alice Leroy-Molinghen. Prolégomène à une édition critique des „Lettres“ de Théophylacte de Bulgarie. Byz., XIII, fasc. I, 1938, p. 260.

⁵ Ibid., col. 408, A.

⁶ Ibid., col. 405, A.

⁷ Ibid., col. 372, A—B.

⁸ Ibid., col. 381, C; 397, C.

⁹ Ibid., col. 400, C—D.

¹⁰ Ibid., col. 533, D.

¹¹ Ibid., col. 533, D; 536, A.

¹² Ibid., col. 433, A.

¹³ Ibid., col. 528, C.

везущими снаряжение и все необходимое для войнов¹. Иоанн Киннам также говорит (и притом несколько раз) о „множестве телег и волов“, которые собирались по приказанию Мануила Комнина с западных владений империи для нужд войска во время военных походов². В экскursionsных и иммунитетных грамотах обычно приводится длинный перечень различных должностных лиц, имевших право требовать в любых областях империи предоставления продуктов и ночлега для себя и своей свиты, а также корма для лошадей. Сообщая о причинах бегства париков Девольской епископии, Феофилакт, очевидно, имеет в виду насилия и грабеж населения со стороны таких чиновных лиц: „Ведь находясь у дороги, подобно винограднику у Давида, когда-то дветущему, но разграбляемому всеми проходящими мимо“, епископия подвергается различным бедствиям, и ее парики „разбежались из-за притеснений“³. В другом своем письме к дукe Болгарии Феофилакт просит прекратить набор войнов в „Феме Охриды“, пожалеть маленькую фему, которая „лежит у дороги и для всех путников приносит спасение“. По словам Феофилакта, „она достойна быть пощаженной, чтобы и впредь спасала проходящих“. Не ради ее самой, замечает он, а ради этой ее роли следовало бы отнестись к ней снисходительнее⁴.

Нам представляется, что и здесь Феофилакт имеет в виду именно эту обременительную для крестьян повинность принимать на постой, повинность, которая была особенно тяжела в местностях, прилегающих к крупным дорогам того времени. А известно, что как раз через Девол и Охриду проходили такие дороги — из Диррахия к Константинополю и Фессалонике⁵.

К страданиям болгарского народа, проистекавшим от непосильных налогов и произвола византийской администрации, прибавлялись неисчислимы бедствия, вызванные военными действиями на территории Болгарии, которая в период византийского господства была ареной почти непрерывных войн. Нет необходимости перечислять здесь все случаи вторжения в Болгарию и ее опустошения печенегами, половцами, норманнами, венграми, крестоносцами. Особенно большой ущерб нанесли болгарскому народу крестоносцы, трижды в течение рассматриваемого нами времени прошедшие через территорию, населенную болгарями. Не лишне отметить, что на территории Фракии византийское правительство предпочитало договариваться с западными рыцарями, соглашаясь на выгодных для них условиях переправить их на азиатский берег. Напротив, когда крестоносцы проходили по территории Болгарии, то византийские войска получали приказы чинить „латинянам“ всевозможные препятствия, беспокоить их мелкими стычками, лишать продовольствия и т. п. Это еще более усиливало враждебные действия крестоносцев, срывавших свое ожесточение на мирном населении страны. Да и сами византийские войска в Болгарии вели себя как во враждебной стране. В значительной своей части они уже во второй половине XI в. состояли из наемников и союзных отрядов кочевников. После подавления восстания 1072 г. „франки и алеманны“ были, по сообщению Скилицы, специально распушены по местностям вокруг Преспы и разграбили всю

округу¹. Не отставали от них, по свидетельству Скилицы, и сами греки². Хониат отмечает, что во время стычек с крестоносцами в 1190 г. византийские войска около Охриды „разоряли собственную землю“³.

Страдало население и от мятежей феодальной знати, различные группировки которой выдвигали своих претендентов на престол. Чтобы добыть необходимые средства для осуществления этих замыслов, они вводили на занятой ими территории новые налоги и поборы, „выжимая, — по словам Атталиаты, — из населения не крови, а денег потоки“⁴. Такие мятежи не раз происходили на территории Болгарии в рассматриваемый нами период, как, например, восстания Георгия Маниака, Константина Диогена, Романа Диогена, Никифора Вриенния, Василаки и др.

Каковы были формы тех налогов, которые фиск взимал с населения Болгарии? У нас нет сведений, которые бы позволяли думать, что формы налогов в Болгарии были отличными от общевизантийских. Хрисовулы, дарственные грамоты, акты купли и продажи, относящиеся к территории с болгарским населением, составлены по общему шаблону; в них перечисляются те же формы налогов, какие существовали и в других районах империи. Безусловно, упоминаемые в наших источниках формы налогов составляют лишь незначительную часть всех категорий налогов, взываемых фиском в Болгарии. Не входя в детальное рассмотрение этой стороны вопроса⁵, ограничимся только следующими замечаниями.

Налоги с болгарского населения взимались деньгами и натурой (зерном, скотом, вином). Учитывалось все движимое и недвижимое имущество налогоплательщика. Крестьянин платил за землю под посевами⁶, под виноградниками⁷, десятину со всех видов скота⁸, „мелкого и крупного“⁹, за владение мельницей¹⁰, рыбными угодьями¹¹. Если верить Феофилакту, налогом облагалась чуть ли не каждая пойманная рыба¹². Феофилакт сообщает также о налоге, известном под названием аэрикон¹³, т. е. о судебной пошлине, регулярно взимаемой государством, и о подати под названием „отрочина“¹⁴, значение которой не вполне ясно. Бельгийский филолог А. Леруа-Молинген считает ее особой податью с землевладельцев за владение дулопариками¹⁵. В. Николаев отказывается высказать свое мнение по этому вопросу¹⁶. Предположение Леруа-Молинген представляется нам вполне правомерным. О подобном же налоге упоминает инвентарная перепись монастыря Богородицы Мило-

¹ Scylitza, p. 718.

² Ibid., p. 719.

³ Choniata, p. 535.

⁴ Attaliota, p. 263.

⁵ Считаю невозможным на том ограниченном материале, которым мы располагаем, высказать сколько-нибудь детально категории византийских налогов в Болгарии. Что касается налогов князя XI—начала XII в., то мы можем немного прибавить к исследованию В. Николаева („Феодални отношения...“, глава III).

⁶ Theophylactus, col. 536, A; Μιχαήλ Ἀχωνιάτου τὰ σωζόμενα. В', σελ. 65.

⁷ La monastère de Notre Dame de Pitié, p. 30.

⁸ Theophylactus, col. 448, C.

⁹ Ibid., col. 449, A—B.

¹⁰ Ibid., col. 448, C; 449, A.

¹¹ Ibid., col. 448, C; 449, A.

¹² Ibid., col. 449, A.

¹³ Ibid., col. 517, A—B. См. исправления к изданному тексту писем у А. Леруа-Молинген. Prolégomène à une édition critique... p. 257.

¹⁴ Theophylactus, col. 517, A—B; см. Byz., XIII, p. 257.

¹⁵ A. Leroy-Molinghen. Trois mots slaves dans les Lettres de Théophylacte de Bulgarie. „Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales et slaves“, t. VI. Bruxelles, 1938, p. 117.

¹⁶ В. Николаев. Указ. соч., стр. 184.

¹ Anna Comnena, I, p. 395, 399.

² Cinnamus, p. 199, 299.

³ Theophylactus, col. 529, A, B, C.

⁴ Ibid., col. 533, A.

⁵ Geographie d'Edrisi... Tome second, Paris, 1840, p. 288, 290; W. Tomaschek. Die Handelswege im 12. Jahrhundert nach dem Erkundigungen des Arabers Idrisi. SBAW, Philosophisch-historische Klasse, CXIII. Band, I. Heft. Wien. 1887, S. 370—371.

стивой, составленная в середине XII в. В конце переписи сказано, что помимо перечисленного у монастыря нет ничего — напротив, есть даже долги, которые образовались у монастыря „из-за практорского взыскания (ἐπιτήρησις), сделанного под тем предлогом, что монастырь имеет зависимых от него (влахов) *προφάσει ὑποχρέων Βλάχων*“¹.

Как одну из основных категорий налогов, Феофилакт называет подать „зевгологий“: он готов был уплатить ее за владение землей на общих „со всеми“ основаниях, когда узнал о решении наместника Болгарии отнять у него эту землю². Но из хрисовула Алексея I Комнина от 1106 г. монастырю Богородицы Милостивой следует, что зевгологий уплачивался за владение животными. Монастырю даруется экскуссия 150 овец, 40 быков и коров, 10 кобыл (*φορβάδων*) и 6 зевгариев. При этом под „зевгариями“ имеются в виду упряжки волов, обрабатывающих землю в 500 модиев³. И пусть будет экскуссировано, сказано в хрисовуле, „всегда это самое количество животных от зевгология, аэрикона, пастбищного налога и от другой какой-либо статьи, взыскиваемой и с обрабатывающих землю упряжек, и с пасущихся животных“⁴.

Вполне возможно, что между этими двумя известиями нет противоречия: налог с рабочего скота, обрабатывающего землю, мог считаться одновременно и налогом с земли, которую эти животные могут обработать⁵.

Феофилакт упоминает также псомодземию (*ψωμοζήμιον*), — также не совсем выясненный вид налога или повинности. Он называет ее одной из „грязных работ“, к которым чиновники противозаконно привлекают священников⁶. В практике от 1152 г. о передаче монастырю Богородицы Милостивой 12 париков и земли о псомодземии также говорится как о повинности. Мануил Комнин, сказано в практике, освободил переданных монастырю париков „от зевгология, пастбищного, пчельного, виноградного пакта, от аэрикона и от какого бы то ни было другого бремени казенного налога... и от ангарии, парангарии, псомодземии...“⁷.

Но, конечно, приведенные свидетельства недостаточны для каких-либо определенных выводов об этом виде повинности или налога.

Заканчивая обзор налоговой политики византийского правительства в завоеванной Болгарии, мы считаем нужным подчеркнуть еще раз, что по отношению к болгарскому народу, временно попавшему под иго византийских феодалов и византийского государства, проводилась особенно суровая налоговая политика. О том, какое место для доходов казны приобрели различные способы ограбления завоеванного болгарского населения, довольно определенно высказался современник описываемых событий — Атталиата, представитель служилой феодальной знати средней руки: по его словам, с завоеванием Болгарии „вместо прежней нужды“ в империи „явилось изобилие“⁸.

Такая политика вызывала и не могла не вызвать отпора со стороны завоеванного, но не покоренного народа. Его борьба против иноземного ига усиливалась от десятилетия к десятилетию, пока не завершилась освобождением Северной и Северо-Восточной Болгарии и образованием нового Болгарского государства.

¹ La monastère de Notre Dame de Pitié, p. 124.

² Theophylactus, col. 516, D; 536, A.

³ La monastère de Notre Dame de Pitié, p. 30.

⁴ Ibidem.

⁵ В. Николаев. Указ. соч., стр. 182—183.

⁶ Theophylactus, col. 525, C.

⁷ La monastère de Notre Dame de Pitié, p. 36.

⁸ Attaliota, p. 234.

Б. Т. ГОРЯНОВ

КРУПНОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВИЗАНТИИ В XIII—XV вв.¹

Сравнительно-исторический метод исследования давно уничтожил представление о том, что феодализм был присущ исключительно средневековому Западу. Преимущественно трудами русских ученых были вскрыты общие черты в развитии общественно-экономического строя Западной Европы и Византии и установлено, что Византия, как и государство Запада, проходила путь развития феодализма². Советские византилисты, опираясь на марксистско-ленинский метод исторического исследования, пришли к выводу о том, что и в Византии господствовали феодальные производственные отношения.

Однако развитие византийского феодализма имело свои особенности. В то время как в Западной Европе централизованная монархия исчезла с V в. на многие столетия, в Византии монархия формально сохранилась до самого падения империи.

Запад начал свою средневековую историю с полного упадка городов, с перехода к натуральному хозяйству. Византия в своей ранней истории не знала упадка. Но если на Западе с XI в. происходит подъем городов, то в Византии начинается их упадок, прогрессирующий до конца ее истории. Основой экономического строя Византии в течение всего ее существования продолжало оставаться земледелие. Над городским ремеслом византийское государство осуществляло строгий мелочный контроль, который сковывал его развитие. Кроме того, начиная с XI в. Византия теряет свои позиции во внутренней и внешней торговле, захватываемые итальянскими торговыми республиками. В Византии мы не наблюдаем поветом развития буржуазии, не можем проследить зарождения капиталистических элементов в недрах византийского феодального общества; там не образовывались, таким образом, классы, которые могли бы быть противопоставлены классу феодалов, силы, на которые могла бы опереться централизованная монархия в борьбе с феодальной раздробленностью. В то время как на Западе в период позднего феодализма процесс централизации взял верх над феодальной раздробленностью, в Византии к концу ее истории феодальная раздробленность достигла наивысшей степени. Предметом настоящей статьи является

¹ Статья написана на материале одной из глав докторской диссертации автора на тему „Поздновизантийский феодализм“.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. IV. Л., 1930, стр. 123; Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация Византии. Анналы, № 2, Петроград, 1922, стр. 95—114; К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. I. М., 1917, стр. 8—9.

изучение крупного феодального землевладения поздней Византии. Руководствуясь указанием классиков марксизма-ленинизма о том, что основой феодализма является феодальная собственность на землю, мы обращаем внимание прежде всего на исследование форм крупного феодального землевладения. Анализ форм землевладения в период поздней Византии в значительной мере облегчается тем, что к концу XIII и первой половине XIV вв. относится большое количество актов переписи земель — практиков или, как их теперь обычно называют, византийских писцовых книг¹.

За время латинского господства были уничтожены почти все описи земельных владений, на основании которых государственный фиск устанавливал порядок взимания и размеры налогов. Поэтому после восстановления империи первой задачей правительства было составление новых описей земельных владений².

Задачей налоговых сборщиков, носивших название *ἀπογραφεὺς*³, было установить изменения, происшедшие в земельных владениях, расценить их стоимость и на этом основании установить налоги. При описании земельных владений в писцовых книгах перечисляются все статьи доходов того или иного владения, которые составляют феодальную ренту землевладельца. В них дается список дворов зависимых крестьян с указанием размеров подворной подати и других повинностей, а также перечисляются земли, находящиеся в непосредственном владении крупного землевладельца с указанием поступающих с них доходов⁴.

Переписи поздневизантийского времени, еще недостаточно изученные, существенно расширяют, таким образом, необходимый для характеристики крупного феодального землевладения и положения зависимого крестьянства круг источников, способствуя более полному исследованию общественно-экономических отношений в Византии.

ПРОНИЯ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В XIII—XV вв.

Основной формой крупного феодального землевладения в поздней Византии была прония.

Попытка представить характеристику развития пронии была сделана в трудах Ф. И. Успенского, исходившего из тех основных положений, которые впервые были выдвинуты еще А. А. Майковым⁵ и В. В. Макушевым⁶.

Ф. И. Успенский установил, что наделение населенными местами в виде пронии может быть засвидетельствовано в конце XI в. В конце

¹ Византийскими писцовыми книгами практики назвал Ф. И. Успенский (Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, 1884, № 1, стр. 1—43; № 2, стр. 289—335; 1885, № 7, стр. 1—52), и под этим названием они фигурируют с этого времени в исследованиях, посвященных изучению аграрных отношений в Византии.

² Это описание земельных владений называлось *διὰ γυνωσις ἀντιγραφική*, а в поздневизантийское время получило название *ἀπογραφική ἀποχρηστική* или *ἀποχρηστικὸν γράμμα*. MM, IV, р. 254; VI, р. 217, 246, 248, 258; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 15, S. 57; № 37, S. 107. Производством переписи земельных владений обозначалось термином *εἰσφοράς*. MM, VI, р. 256—257; F. Dölger. Op. cit., № 65/67, S. 194; № 68/69, S. 199.

³ В XIII—XV вв. термин *ἀπογραφεὺς* заменяет прежний термин *ἀντιγραφεὺς*.

⁴ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 2, Praha, 1948, стр. 203. См. нашу рецензию на эту работу: ВВ, т. III, 1950, стр. 267—276.

⁵ А. Майков. О земельной собственности в древней Сербии. «Чтения ОИДР», 1860, кн. 1, стр. 1—30; его же. Что такое прония в древней Сербии. Там же, 1868, кн. 1, стр. 227—232.

⁶ В. Макушев. О пронии в древней Сербии. ЖМНП, ч. 175, 1874.

XII в. уже широко встречается формула *διὰ προνοιατικῆς δωρεᾶς*. Так, в документе на владение вотчинами и поместьями рода Скордилов на острове Крите мы встречаем формулу *καὶ ἀποχρηστικῆς καὶ ἀναπαύειν ἐνὶ ἐκαστῇ εἰς τὴν γονικὴν ἐπαρχίαν καὶ γῆν καὶ διὰ προνοιατικῆς δωρεᾶς*¹. Рассматривая эту формулу, Ф. И. Успенский считал, что в ней содержится противопоставление вотчины, т. е. владения, уже превратившегося в наследственное (*γονικὴ ἐπαρχία*), и пронии, еще не вышедшей из стадии условного и временного пожалования².

Ф. И. Успенский рассматривал пронию как условное пожалование земли, связанное, во всяком случае на первых этапах своего развития, с выполнением определенных служебных обязанностей, в том числе с обязанностью военной службы³.

Точка зрения Ф. И. Успенского на развитие пронии подвергалась рассмотрению и критическому разбору в трудах П. Мутафчиева⁴, Ф. Дельгера⁵ и Э. Штейна⁶. В этих работах высказывалось мнение, что прония возникла из пожалования (в качестве вознаграждения за службу) права на получение ренты с населения определенного района.

Этот вопрос имеет особое значение при определении характера пронии вообще и ее развития в поздней Византии в особенности. Указанные исследователи считали, что прония в XI—XII вв. не представляла собой поместья, земельной собственности, что она возникла, как пожалование частному лицу права на сбор определенной суммы государственных налогов. Эта определенная сумма податей носила название *ποσότης*, и прония якобы являлась пожалованием права на сбор этого *ποσότης* и лишь в позднее время это право превращается в право на владение землей, с населения которого прониары имели право взимать определенную сумму налогов. В последнее время эта точка зрения наиболее полно проводилась в работе А. П. Каждана⁷. Однако имеется ряд документов, не оставляющих никакого сомнения в том, что именно пожалование пронии влекло за собою одновременно, а зачастую (что особенно важно)

¹ MM, III, р. 235.

² В научной литературе выдвигались мнения, что термин *ἐπαρχία* не имел значения земельного владения, а зачастую употреблялся в смысле „область“, „провинция“, что уже в X в. намечался процесс образования родовых областей. Подобный процесс, действительно, имел место, хотя, конечно, не в X в., а значительно позднее. Но это лишь подтверждает представление Ф. И. Успенского о развитии крупного землевладения в Византии. Крупные землевладельцы, особенно в Малой Азии, стремились превратить провинции, которыми они управляли, в наследственные. Однако нужно иметь в виду, что они получали те или иные области в управление именно как представители крупного землевладения. Крупные землевладельцы захватывали в свои руки аппарат областного управления. Получение высоких административных должностей в провинциях в поздней Византии в большинстве случаев совпадало с держанием крупных земельных владений, поэтому, если *ἐπαρχία* и употребляется иногда в смысле „области“, то это отнюдь не нарушает схемы, установленной Ф. И. Успенским.

³ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южно-славянской пронии. Сб. статей по источниковедению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского к 25-летию его ученой деятельности. СПб., 1883.

⁴ П. Мутафчиев. Пронията в Византия и отношението и към военна служба. „Известия на историческо дружество“, № 6. София, 1924, стр. 1—30; его же. Войнишки земи и войници в Византия през XIII—XIV вв. Списание на Българската Академия на Науките, кн. XXVII. Клон ист.-филол. и филос.-обществен, 15. София, 1923.

⁵ F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. Bulletin of the Intern. Committee of Hist. Sciences, V, 1933, p. 1—15.

⁶ E. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. „Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte“, I, 1—2. Heft. Wien, 1923, S. 1—62.

⁷ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. Приложение „Прония“. М., 1952, стр. 202—223. См. рецензию М. В. Левченко на эту работу. ВВ, т. VII, 1953, стр. 279.

и впоследствии право сбора определенной суммы налогов с населения территории.

Так, известно, что в 1343 г. каваларий сир Мануил Месопотамит обратился к императору Иоанну V Палеологу с просьбой пожаловать ему право сбора с его прони (экономии), находящейся в Дракове, налогов на сумму 20 иперперов (*ἀπὸ τῆς οἰκονομίας αὐτοῦ τῆς εἰς τὴν Δράκωβαν ποσότητα ὑπερπύρων εἰκοσι*¹). Эта формулировка отчетливо показывает, что предоставление права сборов налогов являлось следствием уже ранее пожалованного владения землей на основе прони.

Подобное же значение *ποσότης* видно из описи владений Зографского монастыря в Фессалоникской феме, составленной налоговым сборщиком Дмитрием Апельмене². Излагая содержание полученного им распоряжения о составлении писцовой книги, налоговый сборщик Апельмене говорит, что целью его является передать каждому (владельцу) определенный *ποσότης* с принадлежащей ему *οἰκονομία* (*παραδοῦναι ἐκάστῳ τὴν τῆς ἰδίας οἰκονομίας αὐτοῦ ποσότητα*)³.

П. Мутафчиев пытался доказать, что владение пронией не было связано с военной обязанностью прониара (*στρατιωτικὴ δουλεία*)⁴. Однако примеры, которые он приводит, говорят, что военная обязанность не носила случайного характера, а была тесно связана с самим институтом прони. Так, например, он отмечает, что в грамоте Михаила Палеолога 1262 г. речь идет не об обязанностях прониара, связанных с самой пронией, а о повинностях, лежащих на отдельных прониарских селениях⁵. Эти прониарские селения, говорит Мутафчиев, основывали свое право на известный участок, так как платили государственные и военные налоги (*βάρεθ τελεσμάτων ἐπίκεινται τοῦτοις δημοσιακῶν τε καὶ στρατιωτικῶν ἐνεκα ταύτης*)⁶. Однако этим владельцам незначительно было обосновывать свое право на участки, так как это право могло принадлежать лишь общему владельцу, которому эти владения жаловались в пронию. Такими владельцами в данном случае были приближенные Михаила VIII Георгий Комнин Ангел и Иоанн Салагит, упоминающиеся в документе.

Мутафчиев справедливо отмечает, что не все держатели проний были лицами военного звания⁷. Однако это само по себе правильное утверждение отнюдь не противоречит тому, что на всех этих держателях проний лежала обязанность по поставке определенного количества воинов.

Обязанность поставлять определенное количество воинов лежала не только на светских землевладельцах-прониарах, но и на церковномонастырских владениях, которые освобождались от нее в порядке исключения.

Еще в XI в. установился порядок, по которому не только прониары, но и население отдельных провинций империи было обязано поставлять определенное количество воинов. В поздневизантийское время этот поря-

¹ Actes de Chilandar. BB, т. XVII, 1911, прилож., стр. 277. В поздневизантийское время для обозначения феодального держания наряду с пронией встречаются и другие равнозначные термины, особенно *οἰκονομία* (см. F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz, № 10, S. 47; № 16, S. 57; № 50, S. 140; № 66/67, S. 194; № 68/69, S. 199), а также *κεφαλῆτικόν*. Происхождение последнего термина связано, бесспорно, с функциями управления (*κεφαλῆτικεῖν*), которые в это время несли прониары.

² Actes de Zografou. BB, т. XIII, 1907, прилож., стр. 35—37.

³ Ibid., стр. 35.

⁴ П. Мутафчиев. Войнички земи и войници в Византия през XIII—XIV вв., стр. 1—113.

⁵ Там же, стр. 43—44.

⁶ MM, VI, p. 212.

⁷ П. Мутафчиев. Войнички земи и войници в Византия през XIII—XIV вв., стр. 45—46.

док получает дальнейшее развитие, и предоставление всего числа воинов, которое должно было быть поставлено провинциями, все чаще возлагается на прониаров. Мы не имеем показаний источников, которые позволяли бы судить о принципе, по которому владения отдельных прониаров должны были поставлять то или иное число воинов. Можно лишь высказать предположение, что оно зависело от размеров владений и устанавливалось областными правителями. В известной простатге Стронгила Стипиота мы находим прямое подтверждение тому, что он требовал кошеносцев от монастыря Лемвиотиссы, как требовал и от остальных областей империи¹. Хотя отдельным городам и общинам давались привилегии, освобождающие их от поставки воинов или от несения военной службы за пределами своей местности, эти документы единичны. К числу их относится хрисовул Андроника II жителям Янины от 1319 г., по которому он обещал „не принуждать их отвлекаться на военную службу вне их города“ (*ἔξω τῆς ταύτης πόλεως*)². Эти единичные грамоты служат лишним подтверждением того факта, что обязанность поставлять воинов лежала на всех провинциях, всех общинах, а в эпоху Палеологов на крупных землевладельцах, и что для освобождения от этой обязанности нужно было добиться специального императорского распоряжения.

Опубликованный Ф. Дэльгером документ проливает новый свет на вопрос о характере стратиотского землевладения, пришедшего в поздневизантийское время в окончательный упадок. Этот документ — хрисовул Иоанна V Палеолога от ноября 1342 г., выданный им группе стратиотов, происходивших из Клазомен (Малая Азия) и поселенных у города Серры³. Находившиеся возле Серр стратиоты из Клазомен, как они именуется в документе (*κλαζομενῖται στρατιῶται*), обратились к императору с просьбой, чтобы доходы, получаемые ими с их участков, были закреплены за ними с правом передачи их по наследству. Это право было им предоставлено. Примечательно то, что предоставление этого права было связано с обязанностью несения военной службы. По этому документу мы можем установить сохранение остатков стратиотских держаний, хотя и очень незначительных, приближающихся по своему характеру к владениям типа прони, держатели которых были обязаны нести военную службу (*ἀποδίδοντες τὴν οφειλομένην ὑπὲρ αὐτῶν δουλείαν*).

В поздневизантийское время большое количество проний получают люди военного звания. Никита Хониат рассказывал о раздачах земель воинам еще при Мануиле Комнине⁴. Однако лица, получавшие земли в пронии, не были простыми воинами, которые обычно наделялись стратиотскими участками, а принадлежали к разряду командиров. Один из этих прониаров назывался *προκαθήμενος*⁵, из грамоты мы узнаем, что он был *προκαθήμενος* в Смирне (*προκαθήμενος Σμύρνης... Ἰωάννης σεβαστὸς ὁ Ἀλωπός*)⁶. Каваларий Сиргари, владевший пронией, также не был обыкновенным воином-кавалеристом, так как титулами *καβαλλάριοι* византийцы наделяли западных рыцарей, которые в XIII—XIV вв. нередко

¹ MM, IV, p. 251.

² Ibid., V, p. 81.

³ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 16, S. 57—58.

⁴ Nicetas Choniata. Historia, VII, 4, p. 273.

⁵ MM, IV, p. 38.

⁶ Ibid., p. 150. Этот же *προκαθήμενος* Смирны Иоанн Алопос упоминается в хрисовуле Иоанна III Ватаца от 1234 г. (ibid., p. 146) и в продажной записи Иоанна Равдоканака от 1236 г. (ibid., p. 193—194).

встречаются на службе в византийской армии¹. В документе 1232 г. мы встречаем стратиота Константина Калигопула. Однако из его чина вестиярита² также явствует, что он был не простым воином, а командиром. Пронии отличались от военных держаний, так называемых стратиотских участков, главным образом тем, что последние обрабатывались личным трудом их держателей, в то время как пронии были крупными земельными владениями и обрабатывались большим количеством зависимых от прониаров париков.

Особенность развития пронии в период поздней Византии состояла в том, что она превращается из условного и временного пожалования в наследственную собственность. В позднее время все полнее стиралось различие между прежними владениями на основе пронии и наследственными поместьями. Это различие, в конце концов, исчезло настолько, что прежнее значение *πρόνοια* потеряло свой первоначальный смысл. Прония превратилась в основную, преобладающую форму земельного владения. Термин прония применялся к различным видам земельной собственности. Владения, которые раньше жаловались *κατὰ λόγον προνοίας*, теперь все чаще, в результате давления крупных феодальных землевладельцев на государственную власть, переходили на положение *κατὰ λόγον γονικότητος* или *κατὰ λόγον δεσποτείας*. В ряде хрисовулов императоров династии Палеологов по требованию крупных землевладельцев выражается согласие переписать *οἰκονομίαν* (термин, равнозначный *πρόνοια*) в *γῆν γονικὴν* или обратить *οἰκονομίαν* во владение *κατὰ λόγον γονικότητος*. В поздневизантийское время нередки были случаи, когда новые пожалования проний сопровождались одновременно предоставлением права передачи этих владений по наследству. Так, вскоре после воцарения Михаила VIII было роздано большое количество новых проний с правом передачи по наследству (*τὰς ἐκείνων προνοίας... γονικὰς ἐγκαθηστᾶν τοῖς παισὶ*)³. Права передачи по наследству получали во многих случаях люди, уже давно получившие владения в пронию. В 1299 г. Георгий Трулин обратился к Андронику II с просьбой, чтобы ему был выдан хрисовул, по которому он имел бы право передавать свои владения по наследству (*ἵνα τυχῆ χρυσοβούλλου καὶ κατέχει τὴν τοιαύτην γῆν ὡς γονικὴν*)⁴. В этом хрисовуле просьба Георгия Трулина была удовлетворена и ему было пожаловано право передачи владений по наследству детям и другим наследникам (*ὀφείλει δὲ παραπέμπειν ταύτην καὶ πρὸς τοὺς ἐξ ὀσφύος παιδας καὶ κληρονόμους αὐτοῦ*)⁵.

Значение терминов *γονικότης*, *κατὰ λόγον γονικότητος* становится еще более понятным при анализе некоторых новых документов, опубликованных Ф. Дэльгером в уже упоминавшемся нами собрании неизданных афонских актов, вышедшем в свет в 1948 г. Среди этих актов обращает на себя внимание хрисовул Иоанна VI Кантакузина от 1349 г., выданный им сановнику Димитрию Деблицину. В этом акте упоминается, что в свое время Деблицин получил императорскую простагму, по которой из 400 иперперов дохода, которые он получал от своих владений, 100 иперперов передавались ему как доход, переходящий по наследству (*κατὰ λόγον γονικότητος*). Деблицин обратился к Иоанну VI

Кантакузину с просьбой, чтобы эти 100 иперперов дохода он получал в первую очередь со своего владения Гермилен опять-таки наследственно, *κατὰ λόγον γονικότητος*. В своем хрисовуле император передал Деблицину просимый доход с правом перехода его по наследству — *κατὰ λόγον γονικότητος παραπέμψει δὲ ταύτην καὶ πρὸς τοὺς ἐξ ὀσφύος παιδας τοὺς γνησίους κληρονόμους καὶ διαδόχους αὐτοῦ*¹.

Право пожалования проний на основе *γονικότης* в позднее время нередко давалось за какие-либо особые заслуги. Об этом свидетельствует хрисовул 1378 г. В этом документе упоминается, что Сампий Радослав обратился к императору с просьбой разрешить ему воздвигнуть сторожевую башню (*πύργον*) в его владениях Абрамиты и Неохорион в районе Каламарии и предоставить ему право передавать свое владение *κατὰ λόγον γονικότητος*. Учитывая заслуги Радослава и его отца, император в своем хрисовуле пожаловал ему просимое им право передачи владения по наследству².

Одной из важнейших особенностей в развитии крупного феодального землевладения в поздневизантийское время было то, что прониары наделялись широкими административно-судебными правами над зависимыми от них париками. Во многих актах позднего времени об этих правах прониаров говорится следующее: *κεφαλαιτικῆ ἰδίᾳ τε καὶ χωρὶς ἀπὸ τοῦ κεφαλαιτικίου, κρατεῖν καὶ κεφαλαιτικεῖν* или *ἄρχειν*. В *κρίσιμη γραφῇ ἀποκαταστατικῆ* проастия Сфурна говорится, что парики Сиргари должны находиться под его властью в принадлежащей ему местности Сфурна³. В другом документе (*σημείωμα*), относящемся к этому же владению, упоминается, что этот же Сиргари облечен судом в своих владениях, в том числе и судом над своими париками (*δικαίῳ τε οἰκείῳ καὶ δικαίῳ τῶν παροίκων αὐτοῦ*)⁴. В *ὄρισμός* деспота Пелопоннеса, по которому определялись права Димитрия и Андроника, сыновей Георгия Гемиста, в принадлежавших им владениях во Вризе и Фанари, явственно говорится о том, что им вверялись права административного управления в этих владениях (*καὶ ἄρχῃ οὗτος αὐτοῦ καὶ κεφαλαιτικῆ*)⁵. Подобная формулировка (*ἄρχῃ καὶ κεφαλαιτικῆ*) встречается и во многих других документах поздневизантийского времени.

В этот период особое значение приобретает переход к крупным землевладельцам-прониарам функции финансового управления, одной из важных функций византийского государства. Это служило источником больших доходов прониаров и еще более усиливало их экономическую мощь. Если при Палеологах и делались иногда попытки изъять у прониаров определенную часть налоговых поступлений, то от этого интереса прониаров не страдали, так как в подобных случаях они перекладывали изъятия на зависимое от них население. Из сообщения Пахимера мы знаем, что Андроник II для расходов на ведение одной военной экспедиции в Фессалии решил изъять у владельцев проний одну десятую часть их доходов (*τὸ τῆς προνοίας τῶν ἐχόντων προνοίας δέκατον*). Средства, которые Андроник II стремился получить, были внесены, но оказалось, что прониары собрали эти суммы с зависимых от них париков⁶. В другой раз Андроник II должен был получить денежные

¹ П. Мутафчиев. Войнишки земи и войници в Византия през XIII—XIV вв. стр. 49.

² MM, VI, p. 242.

³ Pachymeres. De Michaela et Andronico Paleologis, II, 1, Bonnae, v. I, 1835, p. 92; II, 5, p. 97—98. Ср. также MM, V, p. 107.

⁴ MM, V, p. 89.

⁵ Ibid., p. 90; cf., p. 109.

¹ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 10, S. 47.

² Ibid., № 11, S. 49. Cf. Actes de Chilandar. BB, т. XVII, 1911, прилож., стр. 28—29.

³ MM, IV, p. 36.

⁴ Ibid., p. 41.

⁵ Ibid., VI, p. 225.

⁶ Pachymeres. De Michaela et Andronico Paleologis, I, 25, v. I, p. 69.

средства от проиаров, чтобы за счет этих поступлений устроить в Малой Азии приглашенных им в большом количестве наемников-критян. С этой целью он также потребовал от проиаров десятой доли доходов. Но и в этом случае, как сообщает Пахимер, вся тяжесть этого изъятия легла на плечи зависимых париков (*ἡ ζημία τοῖς παρικοίς περίστατο*), которые не знали, как они смогут перенести эти взносы неожиданных добавочных налогов (*οὐκ ᾔδεισαν δὲ ὅπῃ καὶ ἐς τὸ πικτελεῖς ἐμελλον βαρυνθῆναι*)¹.

В первые же годы после завоевания Константинополя и восстановления империи появляется много новых феодальных владений, которые Михаил VIII жаловал знати за гражданские и военные заслуги. В этих документах жалуемые лица обычно именуется приближенными императора (*οἰκείος τῆ βασιλείας μου*). В 1272 г. Николай Малиасин по хрисовулу Михаила VIII получил во владение земли монастыря Макринитиссы. Насколько обширны были эти владения, видно из того, что они находились в нескольких местах, перечислявшихся в хрисовуле — Димитриаде, Крипе, Капрене, Альмире и других, и включали в свой состав пахотные земли, виноградники, мельницы². В 1274 г. это пожалование Николаю Малиасину и его жене Анне было подтверждено другим хрисовулом Михаила VIII³. В этом хрисовуле отмечается, что эти земли передаются как наследственные владения (*γονικὸν κτήμα*). Владения эти передавались со всеми жившими там крестьянами, всем движимым и недвижимым имуществом (*κινητῶν καὶ ἀκινήτων πραγμάτων*). Подобное же пожалование другому представителю этой фамилии, Иосафу Малиасину, отмечается в хрисовуле Михаила VIII 1274 г.⁴

Документы поздневизантийского времени рисуют яркую картину динамики роста крупного землевладения. Интересные данные мы находим в материалах, изданных Гуда⁵, в частности в хрисовуле Андроника II Палеолога от августа 1323 г., в котором определялись имущественные права крупного землевладельца Иоанна Ореста. В этом документе поименно перечисляются зависимые от Ореста крестьяне и приводится список его владений. Сравнивая этот документ с другими, более ранними документами, можно получить представление о росте земельных имуществ Ореста. Мы видим, что он приобретает хорафий размером около 100 модиев от некоего Литовоя и два других хорафия, один в 20, другой в 10 модиев. Кроме этих участков, путем обмена и покупки, произведенных в разное время, Орест приобрел земельную площадь около 1000 модиев. По просьбе Ореста Андроник II объявил все его владения родовыми (*γονικά*) с правом передачи по наследству, предоставил Оресту широкие права экскусии и объявил его владения „выше всякого и разнообразного государственного вмешательства и какого-либо иного беспокойства“⁶. Таким образом, Иоанн Орест систематически скупал участки крестьян — мелких землевладельцев, превращая их в своих париков, оставшихся на земле Ореста. В этом же собрании Гуда мы находим акты, характеризующие рост земельного имущества другого феодала Димитрия Мурина, который получил по хрисовулам Андроника II целые села с населявшими их париками. Мурин

также получил права экскусии, с освобождением почти от всех налогов, за исключением налогов на постройку крепостей и судов (*καὶ κατ'εργασίας καὶ κατ'εργασίας*)¹.

В монастырских документах зачастую встречаются сведения, проливающие свет на положение крупных светских феодалов и показывающие процесс накопления ими земельных владений. В этой связи представляет интерес заведение крупной землевладелец Ирины. В опубликованном у Гуда отрывке завещания говорится о том, что во владении Ирины было большое количество рогатого скота, до 500 овец, 200 ульев и большое количество разнообразного инвентаря. После смерти своего мужа Фоки Ирина построила в метохе Авлаке церковь, богато украшенную фресками, кельи, трапезную, водяную мельницу, пожертвовала Ватопедскому монастырю два хорафия и внесла значительную сумму деньгами². По размерам пожертвований, стоимости построек можно судить о крупных доходах этого феодального владения.

Яркой иллюстрацией, позволяющей составить представление о размерах владений отдельных крупных феодальных фамилий, является рассказ Кантакузина об его владениях, которые он потерял в 1341 г. вследствие перехода ряда городов на сторону регентши Анны Савойской, матери Иоанна V Палеолога. Как говорит Кантакузин, трудно исчислить все его потери, вызванные утратой этой территории. На полях в поместьях Кантакузина паслись большие стада быков, до 5 тыс. голов. Для нужд пахоты в его владениях было 2 с половиной тысячи лошадей. В утраченных поместьях было 200 ослов, 300 мулов, 50 тыс. свиней, 70 тыс. овец³. В другом месте Кантакузин говорит о своих больших владениях, которые были расположены вокруг города Ферры и состояли из огромных участков пахотной земли, пастбищ и плодовых садов⁴.

Размеры владений византийских феодалов указаны в известной монодии Димитрия Кидониса, посвященной событиям в Фессалонике, связанным с восстанием зилотов 1342—1349 гг. По свидетельству Кидониса отдельные представители византийской знати в Фессалонике имели такие крупные земельные владения, что на доходы от них могли бы содержать весь гарнизон города⁵. Подобные размеры владений приводили к необходимости создавать свой аппарат управления, строившийся по образцу государственного аппарата.

Наряду с участками мелких землевладельцев и стратиотов добычей крупных светских феодалов и монастырей становились также и мелкие проиарские владения. Так, в перечень владений Ватопедского и Хиландарского монастырей входят многие владения, ранее принадлежавшие мелким проиарам, у которых число зависимых париков колебалось от 1 до 26.

Процесс феодализации в поздней Византии усиливался еще, как мы знаем из рассказа Дуки, благодаря установившейся при Палеологах практике раздачи наследникам в управление отдельных областей⁶. Сыновьям и родственникам императоров, получавшим эти области в управление, обычно присваивали титул деспота. Дука сообщает, что

¹ M. Γούδας. Βυζαντινά ἔγγραφα... σελ. 309—311.

² Ibid., p. 211—216.

³ Cantacuzenus. Historiarum libri 4, Bonnae, 1828—1832, III, 30, v. II, p. 184—185.

⁴ Ibid., III, 31, v. II p. 192.

⁵ D. Kydonis. Μονοδία ἐπὶ τοῖς ἐν Θεσσαλονίκῃ πεσοῦσιν. PG, t. 109, col. 645.

⁶ E. Черноусов. Дука, один из историков конца Византии. ВВ, т. XXI, 1914, вып. 3—4, стр. 188.

¹ Pachymeres. De Michaele et Andronico Paleologis, III, 8, v. I, p. 209.

² MM, IV, p. 330—332.

³ Ibid., p. 333—336.

⁴ Ibid., p. 336—339.

⁵ M. Γούδας. Βυζαντινά ἔγγραφα τῆς ἐν Ἄθῳ ἱεράς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. Ἐπ. Ἐτ. Βυζ. Σπ., ἔτος Γ', σελ. 113—134; ἔτος Δ', σελ. 211—248. Ἀθήναι, 1926—1927.

⁶ Ibid., p. 226—228.

Иоанн V Палеолог назначил деспотом Лакедемонии своего младшего сына Феодора¹. Император Мануил II Палеолог (1391—1425), венчав соправителем своего сына Иоанна, будущего императора Иоанна VIII (1425—1448), второго сына Феодора назначил деспотом Лакедемонии, третьего сына Андроника — деспотом Фессалии, а четвертому сыну Константину, будущему императору Константину XI (1449—1453) поручил управление византийскими владениями на Черном море, „примыкающими к Хазарии“². Эти деспоты из членов императорской фамилии, стоявшие во главе отдельных областей, вели себя как полунезависимые правители, часто задерживая налоговые поступления, которые они должны были пересылать в столицу, тратя их на содержание своего двора и аппарата. Все это еще больше усиливало раздробленность империи и ослабляло ее финансы. У Пахимера мы находим данные, свидетельствующие об ослаблении государственного аппарата империи, ее обороноспособности. Силы ромеев, говорит он, были не только ослаблены, но и погублены прониями (*αἱ μὲν γὰρ Ῥωμαϊκαὶ δυνάμεις οὐχ ὅπως ἐξησθένουν, ἀλλὰ καὶ προνοίας ἀπολωλεκότες*)³. Он говорит о большом количестве проний, которые раздавались не только приближенным императора и войнам (здесь нужно иметь в виду командный состав армии), но и церквям и монастырям⁴.

Для изучения эволюции форм поздневизантийского феодализма большое значение имеют опубликованные Ф. И. Успенским совместно с В. В. Бенешевичем Вазелонские акты⁵. Хотя эти материалы касаются непосредственно феодального устройства Трапезундской империи, тем не менее они бесспорно могут быть привлечены для характеристики форм поздневизантийского феодализма.

Большой интерес представляет определение терминов территориального деления, встречающихся и в более ранних византийских актах, но в Вазелонских актах получающих наиболее точное и полное освещение. Речь идет о стази, проастии (*στάσις, προάστιον*) и хорафии. По Вазелонским актам хорафий — это „организованный“ земельный участок, соответствующий русскому понятию усадьбы. Хорафий экономически связан с деревней или поселком (*τὸ χωρίον*). Но между хорафием и деревней мы обнаруживаем в Вазелонских актах промежуточное деление, именуемое стасью. В целом ряде актов, относящихся как к никейскому периоду, так и к более позднему времени, мы вместо термина *στάσις* находим термин *προάστιον*. Так, например, в хрисовуле Иоанна III Ватаца монастырю Лемвиотиссы возле Смирны от 1228 г. мы встречаем проастиий Вари⁶. Термин проастиий в смысле отдельных владений того же монастыря встречается в описании его владений, составленном в 1235 г. стратопедархом Михаилом Фокой⁷. В хрисовуле Андроника II Палеолога от 1384 г., подтверждающем владения и привилегии монастыря Лемвиотиссы⁸, термин проастиий явственно употребляется в смысле отдельного владения, вотчины, причем перечисляются проастии, в раз-

ные времена переходившие во владение монастыря. Здесь подробно перечисляются составные элементы проастиа Сфурна: сады, мельницы, мастерские¹. Из этого документа явствует, что термин проастиий равнозначен термину стась, так как несколько далее, при перечислении владений монастыря, термин *στάσις* перемежается с термином *προάστιον*².

Проастиий представляет собой дальнейшее развитие стази, это — сеньориальная вотчина и усадьба, разделенная на участки, населенные зависимыми от феодала-пронияра либо монастыря крестьянами.

Термин хорафий почти всегда встречается наряду с именем его владельца. Большой интерес представляет система переделов земельных участков, — весьма важное явление в динамике форм византийского феодализма, которую мы можем проследить по актам XIII—XIV вв. Мелкие доли, как свидетельствуют эти акты, к XIII—XIV вв. все больше освобождаются от всяких запретительных мер, имеющих целью оградить интересы мелкого крестьянского землевладения. Эти наделы-доли в поздневизантийское время свободно продаются, обмениваются, передаются по завещанию, дарятся монастырям и т. д., что создает предпосылки для усиления дробления участков, облегчает захват этих участков крупными землевладельцами и монастырями, стремящимися округлить свои владения за счет соседних мелких крестьянских участков³.

Интересный материал, характеризующий процесс измельчания крестьянских участков, мы находим в Хиландарской писцовой книге. По этой книге⁴ из 57 дворов одного из описываемых сел — Градца — у одного крестьянина было 125 модиев пахотной земли, у семи по 100 модиев, у трех по 70 модиев, у трех по 25 модиев, у тринадцати по 8 модиев, у трех по 4 модия, у двух по 3 модия, у одного — $2\frac{1}{2}$ модия, у трех по 2 модия, у двух по $1\frac{1}{2}$ модия и у трех — всего по 1 модию⁵. Наконец, почти у целой трети зависимых крестьян села Градца вовсе не было своих земельных участков.

Измельчание крестьянских участков, оскудение крестьянской собственности облегчало захватнические тенденции крупного землевладения и способствовало росту его экономической мощи.

МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВИЗАНТИИ XIII—XV вв.

Наряду с развитием крупного светского землевладения в Византии, основной формой которого были пронии, XIII—XV вв. характеризуются

¹ MM, IV, p. 29.

² Ibid., p. 30. Как увидим далее, стась встречается и в значении крестьянского надела.

³ Ф. И. Успенский и В. В. Бенешевич. Вазелонские акты, стр. LXXXIII; Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация в Византии, *Анналы*, № 2. Пг., 1922, стр. 95—114.

⁴ Actes de Chilandar. ВВ, т. XVII, 1911, прилож. Ср. П. Безобразов. Афонские документы. Византийское обозрение, I, 1915, стр. 53—76.

⁵ Земельной мерой крестьянских наделов в Византии были зевгарь и модий. В. Г. Васильевский (Материалы для внутренней истории Византийского государства. Труды, т. IV. Л., 1930, стр. 115) считал, что модий равнялся одной двадцатой старой русской десятины. Исследования советского ученого академика Я. А. Манандяна [Я. А. Манандян. Веса и меры в древнейших армянских источниках. Ереван, 1930, на армянском языке]. Цитируем по его же работе „Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен“. ВВ, т. II, 1949, стр. 60—73] показали, что на самом деле модий составлял около одной двенадцатой десятины. Размеры зевгаря могли меняться. Но в каждой отдельной местности, в зависимости от качества земли, зевгарь представлял определенное количество модиев.

¹ Ducas, *Historia Byzantina*, cap. XII, Bonnae, 1834, p. 44.

² Ibid., cap. XXIII, p. 134.

³ Rachevich. De Michaele et Andronico Paleologis, V, 9, v. II, p. 389.

⁴ Ibid., p. 390.

⁵ Ф. И. Успенский и В. В. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927.

⁶ MM, IV, p. 2—3.

⁷ Ibid., p. 4—18.

⁸ Ibid., p. 28—32.

дальнейшим ростом монастырского землевладения. В распоряжении исследователя, изучающего рост монастырского землевладения в этот период, имеется большой фонд источников, особенно в собрании актов Миклошича и Мюллера. В IV томе этого собрания изданы акты крупных византийских монастырей, позволяющие проследить динамику их роста в XIII—XV вв.

Весьма интересны материалы, относящиеся к монастырю Павла Латрского. В 1175 г. чиновник финансового ведомства Иоанн Хрисанф, производя обследование земельных владений монастыря, подтвердил его право на все владения и освободил его от всех податей и повинностей, включая пастбищный сбор и поголовную подать¹. В 1189 г. в связи с всеобщей переписью земельных владений в округе, где находился монастырь, налоговый сборщик Василий Ватац снова подтвердил права монастыря на все его земельные владения². При императоре Исааке II Ангеле (1185—1195) монастырь вел тяжбу о владении поместьями Мессингубами и Кипариссии.

Несмотря на то, что эти владения принадлежали окрестным крестьянам, права которых были бесспорны, они были отобраны у крестьян и переданы монастырю³. Монастырь вел тяжбу также с крестьянами округа Сампсон. Несмотря на то, что крестьяне этого округа имели документы, подтверждающие их права на эти владения, суд после длительного разбирательства присудил спорные земли Латрскому монастырю.

Обильный материал для характеристики монастырского землевладения дают нам акты монастыря Лемвиотиссы в Малой Азии, восстановленного в 1228 г. по хрисовулу Иоанна III Ватаца. Монастырю было предоставлено право владения землей со всеми поселенными на ней париками и пожалованы большие льготы налоговой экскусии⁴. Около 1230 г. особым хрисовулом императора было приказано разыскать земли и имущество, ранее принадлежавшие монастырю и утраченные им в разное время. Осуществление этого повеления было специально возложено на пансеваста Михаила Кадиана⁵. В целом ряде простатм содержится утверждение монастыря Лемвиотиссы в правах владения участками, которых ему удалось добиться в тяжбах с соседними крестьянами. Отчетливую картину бурного роста владений этого монастыря за счет крестьянских участков представил в своем исследовании Б. А. Панченко⁶.

Кроме участков, которые монастырь приобретал в тяжбах с крестьянами, он получал также значительные владения из государственного земельного фонда. Так, в 1234 г. Иоанн Ватац дважды жаловал монастырю большие земельные участки⁷. Размеры пожалования можно установить по описанию границ (*περιουρισμός του περιβολίου*) жалуемого владения, приводимого во второй из этих простатм. Акты дают возможность проследить ряд случаев, когда областные правители возбуждали ходатайства о том, чтобы признать за ними право взимания с монастыря некоторых податей или выполнения отдельных повинностей, но мона-

¹ MM, IV, p. 318.

² Ibid., p. 319—320.

³ Ibid., p. 320—327.

⁴ Ibid. p. 3—4.

⁵ Ibid., p. 145—146.

⁶ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, IX. София, 1904, стр. 92—145.

⁷ MM, IV, p. 145, 146—150.

стырь постоянно добивался освобождения от всех налогов, несмотря на то, что это создавало большие трудности местным властям¹.

Положение крестьян на земле этого монастыря было чрезвычайно тяжелое. Дело дошло до восстания монастырских париков, о котором мы узнаем из хрисовула 1259 г. Парики отказались выполнять барщину, перестали платить налоги. Они запрещали вновь поселяемым крестьянам выполнять извозную повинность. В хрисовуле местным правителям предписывалось принять насильственные меры, чтобы привести монастырских крестьян к повиновению².

Приращение монастырского земельного фонда совершалось не только посредством императорских пожалований, но и за счет многочисленных дарений частных лиц. Сохранилось огромное количество актов этих дарений, сопровождаемых подробными описаниями даруемых участков. Среди пожертвований, сделанных монастырю Лемвиотиссы, мы встречаем такие крупные дарения, как вклад священника Алексея Тесаита, пожертвовавшего монастырь Пантелеймона³, дар смиренного митрополита Георгия, пожертвовавшего имение, соприкасавшееся с владениями монастыря⁴. Большие пожертвования монастырю сделала протовестиарисса Ирина⁵. Весьма значительны пожертвования частных лиц, в том числе и крестьян. Кроме того, нужно учесть, что монастыри, как и светские землевладельцы, расширяли свои владения путем скупки мелких участков у соседних крестьян.

Положение церковно-монастырского землевладения было особенно прочным, так как церкви и монастыри давно добились признания неотчуждаемости владений. Посягательства центральной власти на имущество церквей и монастырей имели место лишь в исключительных случаях и большей частью заканчивались неудачей. С церквями и монастырями были связаны благотворительные учреждения, которые в поздневизантийское время получают большое развитие: орфанотрофии, т. е. сиротские дома, геронтокомии, т. е. убежища для престарелых, птохотрофии, т. е. своего рода столовые для бедных, больницы, ясли, носившие общее название *ἐθαυεῖς οἴκοι*. Эти учреждения пользовались поддержкой со стороны императоров и также получали пожалования больших земельных владений.

В поздневизантийское время, наряду с другими монастырями, чрезвычайно разрослись владения монастыря Эсфигмена. Рост его владений можно проследить по актам, опубликованным в 1906 г. Л. Пти и В. Регелем⁶.

Монастырский земельный фонд особенно увеличился в поздневизантийское время. Уже в XI в., как это можно установить из опубликованных актов этого времени, монастырь Эсфигмена сильно расширил свои владения⁷. Под №№ 3 и 4 мы встречаем запродажные акты, совершенные в пользу монастыря Эсфигмена на землю, приобретаемую им у некоего Алексея Амнона⁸. Оба эти акта относятся к 1301 г. Документ № 5, относящийся к 1315 г., открывает историю длительной тяжбы монастыря с афонскими Ватопедским и Зографским монастырями⁹.

¹ MM, IV, p. 251.

² Ibid., p. 255—256.

³ Ibid., p. 56—57.

⁴ Ibid., p. 52—54.

⁵ Ibid., p. 232—235.

⁶ Actes d'Esphigmenou. ВВ, т. XII, 1906, прилож., стр. XXXIV + 122.

⁷ Там же, стр. 1—3.

⁸ Там же, стр. 5—9.

⁹ Там же, стр. 9 сл.

Тяжба шла из-за большого владения, находившегося к юго-западу от Ватопедского монастыря. Это владение, как значилось в документе № 5, принадлежало монастырю Эсфигмена с „незапамятных времен“, но, тесно соприкасаясь с владениями Ватопедского монастыря, превратилось в яблоко раздора. Потребовалось вмешательство императора, чтобы восстановить за монастырем Эсфигмена его право на это владение. Последний случай показывает, что и такому мощному монастырю, каким был монастырь Эсфигмена, приходилось тратить немало усилий, чтобы добиться утверждения своих прав на спорные владения. Можно поэтому себе представить, каково было положение мелкого землевладельца, который пытался тягаться с монастырем и передавать дело в суды, неизменно становившиеся на сторону монастырей. Так, например, как видно из опубликованного в этом же томе документа¹, крестьяне села Рентина пытались отстоять земельный участок, о котором у них шла тяжба с монастырем Эсфигмена. Монастырь передал дело на рассмотрение „вселенских судей“ (*καθολικαὶ κρίται*), которые в 1334 г. вынесли решение в пользу монастыря.

Интересны акты, относящиеся к тому времени, когда монастырь Эсфигмена оказался на территории, захваченной Стефаном Душаном. Документ № 12, представляющий хрисовул Стефана Душана², дает подробный перечень владений монастыря, что позволяет проследить рост его земельного фонда. В этом перечне мы встречаем целый ряд новых владений монастыря, названия которых не упоминаются в предшествовавших актах. В документе № 15 мы встречаем новое монастырское владение под названием Парфенон, находящееся на полуострове Лонгос³. Документ представляет собою утверждение императором Иоанном V Палеологом этого владения за монастырем и относится к 1387 г. Ряд следующих документов свидетельствует о значительных пожертвованиях, сделанных в разное время монастырю и увеличивших его земельный фонд.

Рост земельного фонда монастырей можно проследить также по актам Зографского монастыря, изданным в 1907 г. В. Регелем, Е. Курцем и Б. Кораблевым⁴. Мы оставим без рассмотрения акты, относящиеся к периоду до XIII в., в течение которого складывались основные владения монастыря. В 1267 г. правитель Фессалоники севастократор Константин Торникий по распоряжению императора вводит Зографский монастырь во владение многочисленными участками в Проаулаке и Рахонии⁵. Перечисляются отдельные хорафии, которые закрепляются за монастырем. В акте № 9 мы находим запродажную запись, совершенную игуменом Ватопедского монастыря, по которой Зографский монастырь приобретал новое владение возле Фессалоники на сумму 240 золотых иперперов⁶. К началу XIV в. владения Зографского монастыря настолько разрослись, что понадобилось определить их границы. Это было поручено налоговому сборщику фессалоникской фемы Дмитрию Апельмене, и результаты этой переписи владений отражены в документе под № 15⁷, на основании которого мы можем судить о большом росте принадлежавшей монастырю земельной площади по сравнению с XI—XII вв. В 1320 г.

¹ Actes d'Esphigménou. ВВ, т. XII, 1906, прилож., стр. 22—24.

² Там же, стр. 27—28.

³ Там же, стр. 3.

⁴ Actes de Zografou. ВВ, т. XIII, 1907, прилож., стр. 1—213.

⁵ Там же, стр. 16—18.

⁶ Actes d'Esphigménou. ВВ, т. XII, 1906, прилож., стр. 25—27.

⁷ Там же, стр. 35—37.

перепись снова была сделана чиновниками Фессалоникской фемы Константином Пергаменом и Георгием Фарисеем. По этой переписи были зарегистрированы некоторые новые владения монастыря. Целая серия последующих указов регистрирует новые владения, полученные монастырем либо по императорским пожалованиям, либо путем купли. В 1342 г. Иоанн V Палеолог подтверждает все владения Зографского монастыря на Стримоне. По подсчетам Г. Острогорского Зографский монастырь, не считая виноградников, имел в 1300 г. 1240 модиев земли, а в 1320 г. — 3907 модиев¹.

Крупнейшим феодалом был Ватопедский монастырь. Его обширные владения перечислены в хрисовуле Стефана Душана от апреля 1348 г.² Монастырю принадлежали поместья и метохи в Каламари, а также вновь пожалованное Стефаном Душаном село Маманта со всеми его окрестностями и принадлежавшими ему пастбищами³. В этом хрисовуле отмечается интересный факт, вообще характерный для поздневизантийского времени, — переход стратиотских участков к крупным феодалам, каким в данном случае был Ватопедский монастырь⁴. Монастырю принадлежала земля Музаки площадью в 300 модиев, подаренная Стефаном Душаном, земля Цакониссы Амну, хорафии и виноградники эпиков в районе Фессалоники, которые ими владели раньше в этой местности⁵. Хрисовул отмечает, что к Ватопедскому монастырю перешли земельные владения Кассандрийской общины на острове Кассандрии с принадлежавшими ее членам родовыми участками (*γονικῶν στασέων*)⁶, которые Стефан Душан передал Ватопедскому монастырю, что еще раз свидетельствует о поглощении общинной крестьянской собственности монастырским землевладением. Хрисовул отмечает далее в числе владений Ватопедского монастыря метохи Спилеотисса в Сидерокавсии, родовые владения Фокопула (*γονικὰ αὐτοῦ ἀμπέλια καὶ χωράφια*), площадь в 500 модиев возле города Серр в Македонии, село возле Драцова, пожертвованное гетериархом Иоанном Маргарити, и другие его владения, метох Анаргиров в Дrame, земли в Алевруссе (площадью в 500 модиев) в Хрисополе в Малой Азии и много других, более мелких владений⁷. В этом хрисовуле подтверждались широкие права экскуссии, которыми пользовался Ватопедский монастырь, освобождение от всех налогов и повинностей, „как ныне действующих, так и могущих возникнуть впоследствии“ (*νῦν τε ἐνεργούμενον καὶ ὕστερον ἐπινοηθήσμενον*)⁸. Таким образом, Ватопедский монастырь расширял свои владения за счет крестьянских и стратиотских участков, а иногда и за счет владений отдельных крупных собственников. Его владения простирались далеко за пределы Афона — они находились на Стримоне, в Заварникии, Дrame, Зихне, Фессалонике, Веррое и других местах⁹. Наиболее значительными из владений крупных собственников, перешедших к Ватопедскому монастырю, является земля Леонтариев в 13 тыс. модиев, переданная по грамоте Алексея Метохита, сына известного византий-

¹ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 2, 1948, стр. 269, прим. 193.

² А. Соловьев и В. Мошин. Грече повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 138—147.

³ Там же, стр. 140.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 142.

⁷ Там же, стр. 142—144.

⁸ Там же, стр. 144.

⁹ Там же.

ского ученого и писателя, великого логофета Феодора Метохита. Затем идут поместья (ζευγηλατεία) — императорское пожалование Хаули на Лемносе, владения крупных собственников Кридисты, Комитиссы, Рафалия, Кримоты¹. Наиболее значительные владения крупных собственников перешли к Ватопедскому монастырю в XIV—XV вв. Расширение монастырского землевладения за счет светского видно, например, из Хиландарского практика². В нем показано, что значительная часть земель Хиландарского монастыря состояла из прежних владений мелких пронариров.

Для изучения монастырского землевладения в поздней Византии большое значение имеют греческие акты сербских правителей, большая часть которых относится ко времени Стефана Душана (1331—1355). Поставив своей целью основать на месте Византии греко-сербскую империю, Стефан Душан добился значительных успехов в расширении территории Сербии за счет Византии. В письме 1345 г. к венецианскому дожу Душан именует себя „кралем Сербии, Хлума, Зеты, Албании и Поморья, владетелем немалой части Болгарского царства и господином почти всей Византийской империи“.

Организуя управление на завоеванных территориях, Стефан Душан хотел показать населению, что он не будет производить резких изменений в политическом управлении и в общественном строе. Греческий язык, повидимому, был признан официальным языком наравне с сербским, о чем свидетельствует большое количество дошедших до нашего времени грамот Стефана Душана и его ближайших преемников на греческом языке.

При Стефане Душане византийские архонты-феодалы получают подтверждение своих прав на владения, своих привилегий. Но особенно важно для Стефана Душана было заручиться поддержкой византийского духовенства. Этим объясняется покровительство, которое он оказывал монастырскому землевладению. После завоевания Серр под власть Стефана Душана попал Меникейский монастырь, — один из главнейших религиозных центров Византийской империи после афонских монастырей. В октябре 1346 г. Стефан Душан пожаловал ему хрисовул³, в котором он подтверждал за монастырем все его прежние владения, освобождал их от государственных повинностей и сборов, запрещал государственным чиновникам вступать во владения монастыря и что-либо требовать с него (είσελθεῖν εἰς κτήματα ἢ εἰς μετόχια... καὶ ἀπατεῖν τι ἐξ αὐτῶν). Кроме того, монастырю жаловались новые большие владения.

Подобное же политическое значение имели пожалования, неоднократно делаемые Душаном афонским монастырям. В хрисовуле Иверскому монастырю от января 1346 г. Стефан Душан ссылается на общий хрисовул, жалованный им всем афонским монастырям. Этот общий хрисовул не сохранился, но ссылка эта показывает вполне отчетливо его характер: *πάσας τὰς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει τοῦ Ἁδῶ διακατεμένας μονὰς...*

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 202.

² Т. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века, вып. 2. СПб., 1882, стр. 115; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 335. Во введении к разделу „Griechische Urkunden serbischer Herrscher“ Дольгер высказывает предположение, что Стефан Душан создал специальную канцелярию для издания указов на греческом языке.

³ ММ, V, р. 111—114; А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеле сръпских владара, стр. 6—17. Греческие акты сербских правителей изданы в последнее время также в названном выше собрании Дольгера (стр. 335—342).

*διὰ χρυσοβούλλου κοινῶ πάσαις αὐταῖς*¹. В двух хрисовулах Иверскому монастырю от января и апреля 1346 г.² Душан подтверждает за монастырем его прежние владения в Зихне, Мельнике и других местностях Македонии, освобождает эти владения от всех сборов и повинностей, причем эти изъятия еще более полны, чем в византийских хрисовулах. Этими хрисовулами даруются такие льготы, которые обычно не представлялись прежними византийскими грамотами: *κεφάλαιον τῆς ἀπογραφικῆς ἀναθεωρήσεως*.

По мнению Т. Флоринского, эта льгота должна была обозначать освобождение монастырских поместий от судебных следствий и розысков со стороны гражданских властей³. Термин *ἀπογραφικὴ ἀναθεώρησις* в поздневизантийское время означал повторную перепись владений. Освобождение от этих переписей являлось большой льготой, предоставленной Стефаном Душаном монастырю. Эта льгота упоминается и в целом ряде других хрисовулов Душана, например в хрисовуле афонскому монастырю Филофея от апреля 1346 г.⁴

Хрисовулом от апреля 1346 г. Зографскому монастырю⁵ Душан подтвердил его владение деревней Хандак, пожалованной монастырю Иоанном V Палеологом. В этом хрисовуле также содержатся широкие права монастырской экскусии. Чрезвычайно интересен весьма детализированный список налогов, от уплаты которых освобождался монастырь. Подобная детализация налоговой экскусии, являющаяся отличительной чертой предшествующего периода, почти не встречается в поздневизантийское время, для которого характерны общие формулы налоговой экскусии.

В конце 1347 и в начале 1348 г. Стефан Душан посетил Афон и пробыл там несколько месяцев. К этому времени относится ряд его хрисовулов афонским монастырям — Эсфигменскому, лавре Афанасия, Хиландарскому и русскому монастырю Пантелеймона. Хрисовулами подтверждались прежние владения монастырей, давались новые значительные владения и предоставлялись права экскусии.

Можно было бы значительно расширить количество документов, которые содержат данные о росте монастырского землевладения в поздневизантийское время. Однако и приведенных нами актов достаточно для того, чтобы установить, насколько широко развивались владельческие права византийских монастырей в XIII—XV вв., в какой степени росли их права над зависимым населением. В поздневизантийское время монастыри становятся крупнейшими землевладельцами, заводят свой аппарат управления, все более превращаясь в замкнутые административно-хозяйственные комплексы земельных держаний, почти независимые от центральной государственной власти. В зарубежной историографии неоднократно утверждалось, что императоры династии Палеологов принимали меры к ограничению роста монастырского землевладения. Однако зарубежные ученые не могли привести ни одного документа, который подтвердил бы подобный вывод. В своем исследовании о византийских писцовых книгах Г. А. Острогорский указывал, что предшествующие исследователи (Ф. И. Успенский, П. Н. Безобразов, Б. А. Панченко и др.) не могли решить вопроса о том, кому предназначались налоговые поступления,

¹ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеле сръпских владара, стр. 38.

² Там же, стр. 36—41, 42—51.

³ Т. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века, вып. 2, стр. 124.

⁴ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеле сръпских владара, стр. 60.

⁵ Там же, стр. 64—71.

перечисляемые в практиках XIII—XV вв., и что этот вопрос до настоящего времени продолжает оставаться невыясненным. Между тем сам он приходит к правильному выводу о том, что в поздневизантийское время, как это устанавливается из большинства документов, все денежные платежи и натуральные повинности зависимых крестьян находились в полном распоряжении монастырей¹. С расширением иммунитетных прав росли владения монастырей, увеличивались получаемые ими денежные сборы и натуральные повинности. В поздневизантийское время на долю монастырей приходилась значительная часть феодальной ренты, взимаемой с непосредственных производителей.

ДОМИНАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ И КРЕСТЬЯНСКИЕ НАДЕЛЫ

При исследовании форм феодального землевладения с неизбежностью возникает вопрос о соотношении домена и крестьянских наделов в византийских крупных вотчинах и прориях.

Деление феодального земельного владения на доминальную землю и крестьянские наделы В. И. Ленин считал одной из характерных особенностей феодального общественно-экономического строя. „Сущность тогдашней хозяйственной системы, — писал он, — состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую...“².

Одна часть земельного владения в Византии состояла из крестьянских наделов, стасей, которым на Западе соответствовали мансы. Другая часть оставалась в непосредственном распоряжении феодального землевладельца. По выражению Хиландарского практика она находилась „особь одь паричьскихъ стасей“. Как отмечает Г. Острогорский, это соответствует выражению *ἄνευ τῆς δοθείσης τοῖς παροίκους γῆς* („за исключением земли, данной парикам“), встречающемуся во втором практике Эсфигменского монастыря³.

Решение вопроса о пропорциональном соотношении этих двух частей в крупном земельном владении наталкивается на большие трудности. Основным источником для изучения этого вопроса являются византийские писцовые книги. Между тем писцовые книги, за редким исключением, не содержат особых описаний доминальной земли. Тем не менее, отдельные данные, встречающиеся в этих и некоторых других источниках, позволяют прийти к выводу, что доминальная земля по своим размерам значительно превосходила общую совокупность крестьянских земельных наделов.

Соотношением между доминальной землей и крестьянскими наделами в последнее время специально занимался Г. Острогорский, анализировавший в основном писцовые книги афонских Зографского и Хиландарского монастырей. В составленных им таблицах он показал, что в Хиландарском монастыре неподеленная господская земля в 5 раз превосходила землю, находившуюся во владении крестьян. В Зографском монастыре доминальной земли было даже в 10 раз больше, чем крестьянских наделов⁴. Подобное соотношение между доминальной землей и крестьянскими наделами Острогорский считал обычным для аграрных

отношений Византии в XIII—XV вв. Из известных нам документов преобладание доминальной земли по сравнению с крестьянскими наделами мы обнаруживаем в описи владений монастыря Ксенофона, произведенной в 1318 г. В принадлежавшем этому монастырю метохе Стомий из общего количества земли 2170 модиев у зависимых от монастыря париков было лишь 70 модиев наделной земли, которая в документе так и называется паричской землей *ἀφ' ἧς τῶν ἐβδομήκοντά ἐστὶ παροικική*¹. Мы не располагаем данными, которые могли бы установить количественное соотношение доминальной и наделной паричской земли во владениях светских феодалов, так как до нас не дошли описи подобных земельных владений. Следует предположить, однако, что и в этих владениях соотношение было таким же, как во владениях монастырей.

Незначительное количество наделной земли по сравнению с землей, находившейся в непосредственном владении светских феодалов и монастырей, вызывает естественный вопрос о формах, которые принимала эксплуатация господской, доминальной земли, поскольку ее обработка не могла производиться целиком за счет барщинного труда зависимых париков.

Основной формой эксплуатации доминальной земли была сдача ее в аренду. В качестве арендаторов выступали чаще всего крестьяне, зависимые от данного владения, преимущественно безземельные и малоземельные². Арендуя землю у феодалов, крестьяне в виде арендной платы должны были вносить половину урожая виноградников и одну треть урожая зерновых³. Интересно указание, встречающееся в Хиландарской писцовой книге, о том, что доминальная земля лучшего качества должна обрабатываться барщинным трудом париков (*μετὰ τῆς ἀγροειᾶς τῶν παροίκων*)⁴, в то время как другая господская земля может обрабатываться путем сдачи ее в аренду. Значительное распространение имел также труд батраков, наемных рабочих (*μισθιοῖ*). В описи владения Патмосского монастыря на острове Леросе мы встречаем упоминание о специальном помещении для батраков, а также о доме для дворовых париков⁵. Остальные парики жили в деревнях в своих домах.

Арендная плата за пахотные земли взималась не только в виде определенной доли с урожая, но и в денежном исчислении. Основываясь на Патмосской писцовой книге, Г. Острогорский предлагал считать установленным, что эта оплата выражалась в одной номисме с 10 модиев пахотной земли⁶. Следует, однако, отметить, что в нашем распоряжении не имеется достаточного количества данных, чтобы делать окончательные выводы о размерах денежной оплаты за аренду пахотной земли. Следует иметь в виду, как правильно отмечает Острогорский, что, вследствие резкого падения ценности византийской золотой номисмы в XIII—XIV вв., ставки арендной платы в это время должны были повышаться, а не понижаться⁷.

Византийские феодалы извлекали доходы не только от прямой эксплуатации зависимого крестьянства, но и от развивавшихся торговых связей с городом. В Византии XIII—XV вв. мы наблюдаем более развитое денежное обращение, чем в Западной Европе. До нас дошло чрезвы-

¹ Actes de Xénophon. ВВ, т. X, 1903, прилож., № 6, стр. 46.

² См. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 238.

³ K. N. Sathas. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, VI, p. 621—622.

⁴ Actes de Chilandar, ВВ, т. XVII, 1911, прилож., № 92, стр. 198.

⁵ MM, VI, p. 38.

⁶ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 247.

⁷ G. Ostrogorsky. Löhne und Preise in Byzanz. ВЗ, 32, 1932, S. 315 ff.

⁹ Византийский Временник. т. X

¹ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 232 и сл.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 157.

³ Actes d'Esphigmenou. ВВ, т. XII, 1906, прилож., стр. XVI; см Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 238.

⁴ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 239.

чайно мало источников, которые позволяли бы делать обобщающие выводы о развитии ремесленного производства в византийском феодальном поместье. Однако и те редкие сведения, которые встречаются в источниках, позволяют сделать некоторые наблюдения. Интересен в этом отношении документ о передаче имущества Гуделиса монастырю Лемвиотиссы¹. Вступая в монастырь в 1294 г., Гуделис передал ему все свое имущество. В составе этого имущества, находившегося в его владениях в районах Смирны и Нимфея, были четыре ткацкие мастерские, пекарня, булочная, дававшая Гуделису 200 номисм ежегодного дохода, мастерская для изготовления изделий парфюмерии. Продукция мастерских, принадлежавших Гуделису, отправлялась на городские рынки и приносила ему значительные доходы. Наличие ремесленных мастерских отмечается также в опубликованной Дэльгером грамоте землевладельца Димитрия Циринга 1392 г.² В описях XIV в. мы находим большое количество ремесленников, работавших как в своих деревнях, так и в мастерских, расположенных на земле феодалов и монастырей. Мы встречаем здесь тележников (ἀμαξῶς), сапожников (τζαγγάριος), портных (ῥάπτρις), горшечников (τζουκαλῶς), медников (χαλκεύς), ткачей (λιναρῶς)³ и др. Торговые связи феодального поместья с городом подтверждаются наличием больших ярмарок, регулярно происходивших во многих областях империи.

ОСОБЕННОСТИ ВИЗАНТИЙСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ФЕССАЛИИ

Развитие крупного феодального землевладения в поздневизантийское время в Фессалии имеет ряд существенных особенностей. Эти особенности объясняются тем, что Фессалия за время латинского господства наиболее сильно испытала на себе влияние западных форм феодального землевладения. В 1204 г. Фессалия по договору о разделе империи вошла в состав Фессалоникского королевства. Западные рыцари получили здесь большие феоды в Лариссе, Платамоне, Велестине и других местах. Именно в Фессалии собирались так называемые парламенты Латинской империи, в которых, помимо рыцарей-завоевателей, принимали участие и местные греческие архонты.

Владычество „латинян“ в Фессалии продолжалось недолго. В 1222 г., когда Феодор Ангел Эпирский был провозглашен императором в Эпире, Фессалия вошла в состав Эпирского деспотата. Западное влияние в Фессалии сказалось в образовании крупных бароний. Так, с 1241 г. сын Михаила II Эпирского Иоанн управлял отдельно Фессалией и резиденцией в Новой Патре, в это же время Иоанн Глава правил областью Кастории, а Феодор Петралифа — областью Лариссы.

Еще до латинского завоевания в Фессалии, с ее богатыми плодородными равнинами, образовались целые династии мощных семейств феодальной знати. Эти фамилии издавна добились хрисовулов, неоднократно подтверждавших, по которым они получали широкие иммунитетные права. Здесь мы можем наблюдать многочисленный класс мегистанов, крупных землевладельцев, владеющих настоящими родовыми замками, дающих жалованные грамоты монастырям и, очевидно, своим дружин-

¹ MM, IV, p. 286.

² F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 89, S. 239; № 114, S. 310—311.

³ Ibid., S. 190. См. в этом издании документ № 68/69, стр. 199 (ῥάπτρις и τζουκαλῶς).

никам¹. Ко второй половине XIII в. в Фессалии большого экономического могущества достигает фамилия Мелиссинов. Как свидетельствуют акты, Константин Мелиссин был женат на племяннице эпирского деспота Феодора Комнина Ангела (1213—1229) и имел „значительное богатство, избиле владений и разнообразного имущества“². Другой известной в Фессалии фамилией были Стратигопулы, имевшие в конце XIII в. большие владения вокруг села Мегали в горах Пилия, возле монастыря Макрипитиссы.

Под влиянием франкских обычаев и норм общественного устройства фессалийские архонты перешли к совместному обсуждению и защите своих прав и привилегий³ крупных землевладельцев. Когда в 1290 г. умер Иоанн Ангел Комнин, архонты Фессалии собрались, чтобы обсудить вопрос об афинском герцоге де ла Рош, назначенном Иоанном регентом при его малолетнем сыне Константине (tout li baron et li haut home de la Biaque se furent ensemble et orent leur conseil)⁴. Собравшиеся решили, что афинский герцог лучше всего защитит их от византийского императора, эпирского деспота и болгар. Когда герцог прибыл, он принял присягу архонтов и сам принес присягу соблюдать их права (leir jura aussi li dux de eaux tenir et maintenir en leur franchises et raisons)⁵. Эта присяга — новый момент в развитии крупного землевладения на византийской почве, первый случай взаимной присяги вассалов и сюзерена, неизвестный до этого византийскому праву⁶.

Фессалия долго сохраняла политическую самостоятельность и после падения латинского господства. Правивший Фессалией Иоанн II Ангел (называемый в источниках Angelus sebastocrator della Patra, signore della terre de Athene e Patras) стремится к сближению с Византией, женится на Ирине, незаконной дочери Андроника II⁷. Когда в 1318 г. он умер без наследников, Андроник II объявил Фессалию вдовствующим леном империи (υψηλόν φέρον). Были разосланы письма ко всем крупнейшим феодалам Фессалии, в которых содержался призыв подчиниться императору и снова объединиться со всей империей, как это было в прежние времена (υπείχειν τῷ βασιλεῖ καὶ εἶναι μία τις Ῥωμαίων ἀρχὴ σὺν τοῖς ἄλλοις ὡς ἐν τοῖς πρότερον χρόνοις)⁸. Но фессалийские архонты — мегистаны продолжали отстаивать свои права, и еще долго зависимость этих территорий от Византии продолжала оставаться номинальной.

Интересный материал о положении в Фессалии был собран французскими учеными Гезе и Доме в результате научной экспедиции в Македонию⁹. Через несколько лет после прихода к власти Андроника III, в 1336 г., он отвоевал у эпирского деспота Иоанна крепости Фессалии Фанари, Трикалу и Стаги и пожаловал хрисовул жителям завоеванной местности¹⁰. В этом документе он ссылается на прежние хрисовулы, которые жители этой местности имели еще во времена Никифора Вотаниата (1078—1081) и Алексея I Комнина (1081—1118).

¹ И. Соколов. Крупные и мелкие власти в Фессалии в эпоху Палеологов. ВВ, т. XXIV, 1923—1926, стр. 36 сл.

² MM, IV, p. 345—346.

³ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке. Черты феодализма в византийско-сербском строе. Byzantinoslavica, IV, 1, 1932, стр. 161.

⁴ Buchon. Recherches historiques sur la principauté de Morée, vol. I. Paris, 1845, p. 406.

⁵ Ibid., p. 408.

⁶ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке..., стр. 161.

⁷ Nic. Gregora. Historia Byzantina, Bonnae, 1829—1830, VII, 7, vol. I, p. 249.

⁸ Ibid., VII, 13, vol. I, p. 279.

⁹ L. Heuzey et H. Daumet. Mission archéologique de Macédoine, Paris, 1876.

¹⁰ Ibid., p. 453—454.

Согласно этим хрисовулам епископству Стаги жаловались парики вместе с землей, на которой они сидели. В хрисовуле Андроника III упоминается о переписи владений (εις ἀπογραφικὴν κατάστασιν τῆς χώρας), которую он велел произвести после завоевания этих областей.

Особый интерес представляет опубликованная в этой работе оригинальная клятвенная грамота Михаила Гаврилопула, который выдвинулся как правитель Фессалии (ἀρμέντης τῆς θεσσαλίας), когда в 1341 г. умер Андроник III и началась борьба Иоанна Кантакузина с Палеологами. По условиям этой грамоты, город Фанари отдавал себя под власть Михаила Гаврилопула, представителя знатнейшей феодальной фамилии Фессалии, который обозначал свою власть термином ἡ ἀρμέντια μου. Договор с Гаврилопулом заключили архонты Фанари „...великие и малые, светские и духовные, хрисовуллаты и экскуссаты“ (μεῖζονες τε καὶ μικροί, [κοσμικοὶ καὶ] κληρικοί, χρυσοβούλλοι καὶ ἐσκουσσάτοι)¹, которые вступили в договорные отношения со своим сюзереном — государем (ἀρμέντης) Гаврилопулом. Эти мегистаны принесли ему присягу в верности. В ответ он дал им не жалованную, а клятвенную грамоту (ὀρκωμοτικὸν γράμμα) в том, что будет соблюдать их права и свободы. По этой грамоте Гаврилопул гарантировал мегистанам права, пожалованные им прежними хрисовулами и повелениями (διὰ χρυσοβούλλου καὶ προστάγματος βασιλικῶ), обеспечение прав землевладения, полную свободу распоряжения земельными имуществами, свободу от налогов и постоев, строго ограниченные условия военной службы (στρατιωτικῆς δουλείας), ответственность за родственников в случае измены и сословный суд. Грамота заканчивается клятвой Гаврилопула². Как правильно отмечает А. В. Соловьев, эта грамота совершенно одинока в византийской дипломатике, знающей лишь жалованные грамоты государей³. Следует отметить, что только для Фессалии характерны случаи выдачи повторных клятвенных грамот, таких, как, например, грамота Стефана Душана, пожалованная им в 1348 г. монастырю Ликуседе в Фессалии⁴. Подобную же грамоту выдал царь Симеон монастырю Завлантии в 1366 г.⁵ Этот документ также называется ὀρκωμοτικὸν χρυσοβούλλος λόγος и завершается „страшной клятвой“ εἰς πάντα τὰ ἅγια καὶ εἰς τὴν ψυχὴν τῆς βασιλείας μου.

А. В. Соловьев, рассматривая эти грамоты, видит в них влияние латинских рыцарей, „уклон консервативной Византии к Западу“, к типу сословной монархии⁶, что является безусловно ничем не обоснованным преувеличением. Отличие развития феодализма в Византии от Запада как раз и заключалось в том, что в ней не образовалось сословной монархии. Нет оснований говорить также о том, что в западной части Византийской империи создались городские или областные собрания церковных и светских архонтов, которые „повлияли на развитие корпоративного духа“⁷. Эти собрания архонтов происходили от случая к случаю и, во всяком случае, не носили характера постоянно действующего института. Подобных явлений в Византии в позднейшее время мы установить не можем.

¹ L. Heuzey et H. Daumet. Mission archéologique de Macédoine, p. 456.

² Ibid., p. 455.

³ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке..., стр. 164. Этот интереснейший документ воспроизведен также у ММ, V, p. 260—261. Русский перевод этого документа был дан И. И. Соколовым в его статье „Крупные и мелкие властели в Фессалии в эпоху Палеологов“ (ВВ, т. XXIV, 1923—1926, стр. 37—38).

⁴ Грамота эта впервые напечатана у Ст. Новаковича („Законски споменици“. Београд, 1912, стр. 791—793); затем — у Д. Н. Анастасијевића. Spomenik, 1922, стр. 34—36 и А. Соловьева и В. Мошина. Грчке повеље српских владара, стр. 152—161.

⁵ Ст. Новакович. Законски споменици, стр. 737.

⁶ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке..., стр. 171.

⁷ Там же.

Е. Б. ВЕСЕЛАГО

ИЗВЕСТИЯ ЛАОНИКА ХАЛКОКОНДИЛА ОБ АЛБАНЦАХ

Национальное самосознание народов Балканского полуострова формировалось и крепло в условиях многовековой борьбы этих народов за свою свободу и независимость. Значительную роль в этой борьбе сыграл албанский народ, который на протяжении длительного времени защищал свою свободу сначала от греков и „латинян“, а затем — от турок. Из среды его выдвинулся ряд талантливых предводителей. Наиболее видным из них был Скандербег, возглавивший героическую борьбу маленькой Албании против турок — сильнейшего в то время врага европейских стран — и остававшийся до конца непримиримым борцом за дело своего народа.

К сожалению, история Албании разработана недостаточно. Ряд важнейших проблем ее, таких, как этногенез и расселение албанцев, формирование этой народности, политическое объединение Албании, наконец, самый ход освободительной борьбы албанского народа, — еще требуют специального исследования. В решении этих и других вопросов большую помощь могут оказать известия византийских писателей. К числу чрезвычайно ценных источников по истории Албании относится труд византийского историка XV в. Лаоника Халкокондила.

* * *

Посмотрим прежде всего, как объясняет Халкокондил появление албанцев на территории Балкан. „От япигов ли, как говорят некоторые, — пишет Халкокондил, — переправились они (албанцы) к Эпидамну и поселились кто где в покоренной ими земле, или с самого начала жили там в соседстве с иллирийцами и постепенно захватили земли к востоку от этого города, — я не могу утверждать определенно“¹.

Судя по тексту, Халкокондилу известны две точки зрения по этому вопросу. Первая: албанцы, двинувшись из земель япигов, перешли с Апеннинского полуострова в Эпидамн и поселились в покоренной ими земле, т. е. албанцы на Балканах — элемент пришлый. Вторая: албанцы искони жили по соседству с иллирийцами у Эпидамна, завладев

¹ Laonicus Chalcocondyla. Historiarum libri decem, ed. I. Bekker. Bonnae, 1843, p. 27, 9—εἶτε μὲν οὖν ἀπὸ Ἰαπυγίας, ὡς ἔνιοι φασίν, εἰς Ἐπίδαμνον διαβάντες ἐπὶ τὴν χώραν ἣν ὑπεγάγοντο σφίσιν ἄλλος ἄλλη ἀφίκοντο, εἶτε αὐτοῦ περὶ Ἐπίδαμνον τὴν ἀρχὴν Ἰλλυριῶν ἔμποροι προϊόντες κατα βραχὺ κατέσχον τὴν πρὸς ἔω τῆς Ἐπίδαμνου χώραν, οὐκ ἔχω ὅτι συμβάλλωμαι ἀσφαλῶς.

землей и на восток от этого города, т. е. албанцы — коренное население Балкан.

Первое из этих двух суждений безусловно не принадлежит самому Халкокондилу. Об этом говорит ссылка автора на то, что он сообщает лишь мнение некоторых людей (ὡς ἔνιοι φασίν).

Собственной точкой зрения Халкокондила или, по крайней мере, той, которую он разделял, могла быть вторая. В труде византийского историка нет определенного указания, кому именно она принадлежит. Из осторожности Халкокондил не берется решать, которая из этих двух точек зрения правильна. Он только указывает на существование в его время двух взглядов по данному вопросу.

В современной науке албанцы считаются коренным населением земель, лежащих на восточном берегу Адриатического моря¹. Индоевропейцы по происхождению, они, судя по данным языка, были близки к иллирийцам и фракийцам². Существует мнение³, что албанцы являлись иллирийским кланом. Название страны встречается в литературных памятниках средневековья в разных вариантах (Arbania, Arbanon, Raban, Albania, Albanum)⁴, но все эти названия одного корня и происходят, вероятно, от имени, данного албанцами центру их страны⁵.

Первое упоминание об Албании встречается в „Географии“ Птолемея⁶. Под 688 г. Албания впервые упоминается в летописях Дубровника⁷. В латинских документах название „Албания“ появляется, повидимому, лишь в конце VII—начале VIII в.

В греческой (византийской) литературе албанцев сначала именовали „иллирийцами“ и „людьми запада“, позднее и в ней появилось название „албанцы“, чаще всего в формах Ἀρβανοί⁸, Ἀλβανοί⁹, Ἀρβανῖται¹⁰, Ἀλβανῖται¹¹. Однако наряду с этим именем даже в XV в. для обозначения албанцев все еще продолжало употребляться и слово „иллирийцы“. В объяснение этого можно было бы высказать несколько предположений.

Название „иллирийцы“ могло сохраниться, во-первых, как элемент архаизирующего стиля того или другого писателя. Во-вторых, оно могло быть именем, данным албанцам лишь по месту их основного жительства. В-третьих, — могло указывать на иллирийское происхождение албанского народа.

При ближайшем рассмотрении вопроса оказывается, однако, что первое предположение лишено оснований. Нельзя связывать название „иллирийцы“ с архаизирующей манерой письма того или иного автора: два историка XV в., Критовул и Халкокондил, пишут в архаизирующем

стиле, но Критовул называет албанцев иллирийцами, а Халкокондил — нет. Остаются две другие возможности, а именно: или „иллирийцы“ — имя, которое, наряду с другими именами, применялось в XV в. для обозначения албанцев, или же это название надо поставить в связь с иллирийским происхождением албанского народа.

Мнение Халкокондила на этот счет вполне определено. Он пишет: „Высказывая свои соображения насчет иллирийцев, неправильно поступил бы тот, кто назвал бы ими современных албанцев“¹. В другом месте: „С самого начала я не согласен с теми, кто говорит, что албанцы — племя иллирийское“². Наконец: „Я удивляюсь, если кто, указывая на албанцев, выскажет предположение, что они являются иллирийцами, думая, что на Эпир, Этолию и Акарнанию двинулись живущие в отдаленной части Ионийского залива иллирийцы“³.

Из этих высказываний историка можно сделать вывод о том, что в них употреблено название „иллирийцы“ и как имя албанского народа, и как слово, указывающее на происхождение этого народа. Сам Халкокондил не называет албанцев иллирийцами, а только албанцами и не допускает их иллирийского происхождения⁴.

Троекратное возвращение историка к одному и тому же вопросу, энергичный, вообще почти не свойственный нашему автору тон, полемическая нота, звучащая в приведенных местах текста, — все это вызывает на размышления: в самом деле, почему Халкокондил так решительно настаивает на том, что албанцы не иллирийцы? Оказывается, что на всем протяжении своего труда слово „иллирийцы“ Халкокондил употребляет в двух значениях — в более широком и более узком. Перечень народов иллирийского происхождения и территорий, на которых эти народы живут⁵, не оставляет никакого сомнения в том, что под „иллирийцами“ в широком смысле Халкокондил подразумевает славян. Славяне в его представлении — это племя, говорящее на одном языке⁶, одного происхождения⁷, единое⁸, со временем распавшееся на отдельные части и жившее в разных местах⁹. В состав этого племени византийский историк включает сарматов¹⁰, трибаллов¹¹, мисян¹², поляков¹³, пермяков¹⁴, кроатов¹⁵, далматинцев¹⁶, иллирийцев¹⁷. Под „иллирийцами“ же в узком смысле Халкокондил подразумевает боснийцев, о которых пишет таким образом: „Тогда же с наступлением лета он (Мехмед II) пошел против иллирийцев и царя иллирийцев. Племя это — иллирийцы — древнее и живет

¹ ὅστε οὐκ ὀρθῶς ἂν λέγοιεν οἱ γνώμην ἀποδεκνύμενοι περὶ Ἰλλυριῶν, ὡς εἶησαν οἱ νῦν Ἀλβανοί. Chalc., p. 27. 1.

² ἀρχὴν δὲ ἐγὼ οὐδὲ προσέμειναι τὸν λόγον, ὡς εἶησαν Ἰλλυριῶν γένος οἱ Ἀλβανοί. Chalc., p. 27. 3.

³ θαυμάζω δὲ εἰ τοὺς Ἰλλυριοὺς ἀποφανόμενος Ἀλβανούς τεκμαίροισι τις, συμβαλλόμενος, ὡς Ἰλλυριοὶ οἱ πρὸς τῷ μυχῷ τοῦ Ἰονίου ἐχώρησαν ἐπὶ τὴν ἠπειρὸν τε καὶ Αἰτωλίαν καὶ Θερραλίαν χώρην. Chalc., p. 531. 4.

⁴ Ibid., p. 77. 20; 131. 7; 530. 15 etc.

⁵ Ibid., p. 35. 8.

⁶ Ibid., p. 35. 11.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid., p. 34. 12.

¹⁰ Ibid., p. 35. 11; 132. 22; 530. 19 (русские).

¹¹ Ibid., p. 34. 11; 26. 14 (сербы).

¹² Ibid., p. 35. 8; 530. 18 (болгары).

¹³ Ibid., p. 31. 10.

¹⁴ Ibid., p. 132. 5 (Πέρμιοι).

¹⁵ Ibid., p. 35. 9.

¹⁶ Ibid., p. 530. 17.

¹⁷ Ibid., p. 35. 9.

¹ Cambridge Medieval History, vol. IV. Cambridge, 1936, p. 230; Noli Fan. Georgi Castrioti Scanderbeg (1405—1468). New York, 1947, p. 7.

² Noli Fan. Georgi Castrioti Scanderbeg... p. 7.

³ Ibidem.

⁴ A. Gegaj. L'Albanie et d'invasion turque au XV siècle. Paris, 1937, p. 2.

⁵ Ibid., p. 3.

⁶ Ptolemejus. Geographica, Lib. III, cap. XII, 20. Ср. у A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque... p. 2.

⁷ Летописи Дубровника по списку Маттеи 526—828 гг. См. В. В. Макушев. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. Записки Академии наук, т. XI. СПб., 1867 г. Прилож. № 5, стр. 5.

⁸ A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque... p. 2.

⁹ Ducas. Historia Byzantina, p. 340, 9 etc.

¹⁰ Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque... p. 2.

¹¹ Phrantzes Georgius. Annales, ed. I. Bekker, I. Bonnae, 1832, p. 383. 7; Ducas, p. 25, 10.

оно по направлению к Ионийскому морю... Теперь они называются боснийцами¹.

Таким образом, текст „Истории“ позволяет считать, что происхождение народов и их взаимная связь живо интересовали Халкокондила. Не раз высказывал он свои, достаточно определенные, взгляды на этот счет. Однако в толковании вопроса об этнической принадлежности албанского народа у Халкокондила наблюдается некоторая двойственность. Решительно выступающий против того, чтобы считать или называть албанцев иллирийцами, сам он все-таки не имеет вполне ясного представления об их происхождении. Халкокондил, например, пишет: „Я, по крайней мере, сказал бы, что албанцы ближе к македонцам, чем к какому-нибудь другому народу. Ни на кого они не похожи, если только они не македонцы“². Таким образом, историк полагает, что уж если есть у албанцев сходство с каким-нибудь народом, то только с македонцами.

Халкокондил правильно заметил, что албанцев нельзя смешивать со славянами вообще, а с боснийцами — в частности. Обозначая именем иллирийцев славян, считая их народом иллирийского происхождения, Халкокондил брал за критерий сходство в языке этих народов³. Судя по тому значению, которое Халкокондил вообще придавал данному языку для определения этнической принадлежности того или иного народа⁴, можно считать, что и близость между албанцами и македонцами он устанавливает, исходя из того же критерия.

Интерес Халкокондила к албанскому народу вполне закономерен.

С течением времени албанцы начинают играть все более самостоятельную роль в жизни народов Балканского полуострова. Не сразу отразилось это в трудах византийских историков. Довольно долго албанцы как бы терялись среди других народов, населявших территорию бывшей Иллирии, и потому оставались не замеченными греческими писателями. Но наступил момент, когда византийцы должны были обратить внимание на этот народ.

Первыми греческими историками, на страницах трудов которых нашел отражение процесс выделения албанцев (как этнической категории), были Скилица и Анна Комнина. Действительно, с одной стороны, автор „Алексиады“ все еще называет современную ей Албанию „Иллирией“⁵ и „Западной землей“⁶. Но в то же время у Анны (и у Скилицы) жители этой „Западной земли“ впервые в византийской исторической литературе названы „албанцами“ (αλβανίται)⁷. Это обстоятельство не является какой-то случайностью. Надо думать, что в сознании историка получил отражение тот факт, что албанцы выделались из числа других „иллирийцев“ в особую народность, занимавшую теперь уже достаточно видное место на Балканах.

Почему именно историк XI в. первым „заметил“ этот народ? Громадное значение в этом отношении имела освободительная борьба болгарского народа и, в особенности, болгарское восстание 1040 г. Петр

¹ τὸτε δὲ ἐπιγεγομένῳ τοῦ θέρους ἐστρατεύετο ἐπὶ Ἰλλυρίους καὶ Ἰλλυριῶν βασιλέα. τὸ μὲν οὖν τοῦτο γένος Ἰλλυριοὶ παλαιὸν τε καὶ ἐς τὸν Ἰόνιον ὠκημένον... χαλούνται δὲ οὗτοι τὰ νῦν Βόσνοι. (Chalc., p. 530.13).

² Ἀλβανούς γὰρ ἐγώ γε μάλιστ' ἐν τῶν Μακεδόσι προστίθεσθαι ἂν λέγοιμι ἢ ἄλλω τινὶ τῶν κατὰ τὴν οἰκουμένην ἔθνων οὐδενὶ τε γὰρ συμφέρονται, ὅτι μὴ τὸ Μακεδόνων γένος (Chalc., p. 532.3). Последняя фраза в латинском переводе Боннского корпуса совсем выпущена.

³ Chalc., p. 35. 11.

⁴ Ibid., p. 132. 7; 530. 17 etc.

⁵ Anna Comnena. Alexias, vol. I, p. 38.22; 76.8 etc.

⁶ Ibid., p. 38. 13.

⁷ Ibid., p. 294. 15; Scylitza. Historia. Parisiis, 1647, p. 865.

Делян, стоявший во главе этого восстания, вел за собою крестьянство и часть мелких бояр. Восстание захватило и албанское побережье и юго-запад Балканского полуострова, отчетливо концентрируясь в двух пунктах — в районе Драча и в Никопольской феме. И тут и там оно было тесно связано с движением славян¹. Одной из непосредственных причин отпадения Никопольской фемы было изменение системы обложения и злоупотребления сборщиков податей². Восстание в Драче началось с выступлений против вновь назначенного правителя Драча — Михаила Дермокаита, несправедливого и корыстолюбивого человека. Вместо него восставшие выбирают „благоразумного“ и „храброго“ Тихомира, которого они провозглашают своим „царем“. И в Никопольской феме и в Драче восставшие выступают против притеснений греков. Их объединяет ненависть к жадным сборщикам податей, возмущение несправедливостью правителей и военачальников³, их ссорами друг с другом и продажностью⁴.

Как в Никопольской феме, так и в Драче в движении участвовало не только болгарское население. Относительно Никопольской фемы в этом смысле не может быть никаких сомнений: ведь в нее входила Южная Албания, а восстание охватило всю фему (исключением являлся только Навпакт).

Но как обстояло дело в Драче? Участвовали ли албанцы в восстании, происходившем под руководством Тихомира?

Есть основание ответить на этот вопрос положительно, так как восстание 1040 г. не ограничилось пределами Драча, но распространилось и на его округу, а автохтонным населением последней были албанцы.

Восстание в Драче, особенно вторжение Петра Деляна в Грeдию, переход на его сторону целой Никопольской фемы — все это должно было поднять дух албанцев. Неудача восстания Петра Деляна не поколебала веру восставших в возможность освобождения от иноземного господства. Ненависть к византийским чиновникам и динамам сплотила трудовое население Албании. Восстание 1040 г. помогло албанцам осознать свою силу и единство⁵.

Первое упоминание албанцев под их собственным именем связано с их участием в походе византийских войск в 1079⁶ и 1081 гг. против вторгшихся в пределы Византии норманнов⁷. При этом характерно, что отсутствие албанцев в одном из сражений явилось, по мнению Анны Комнины, причиной поражения византийцев⁸, — факт, свидетельствующий о немалом значении албанских отрядов в военных силах Византии.

Среди албанцев выделяются уже опытные военачальники, которым можно доверить защиту большого города. Не греку, не венецианцу поручает Алексей в 1081 г. защищать от норманнов Драч, а одному

¹ Относительно совместных выступлений албанцев и славян интересны свидетельства Льва Грамматика и Кедрина (Leo Grammaticus. Ed. I. Bekker, Bonnæ, 1842, p. 310; Georgius Cedrenus. Compendium Historiarum, II, p. 312—314). По их словам, Македония, в состав которой входила тогда Албания, была жестоком образом разорена болгарскими походами конца X в. Албанцы же, выступая против греков вместе с болгарями, стойко держались за порядки, установленные во время болгарского господства.

² Cedrenus, II, p. 530.

³ В. В. Макушев. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варшава, 1871, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. 3, стр. 118.

⁶ Scylitza, p. 865.

⁷ Anna Comnena, I, p. 294. 15.

⁸ Ibid., p. 6, 166.

из албанских вождей¹ Комискору². Все это говорит о возросшем значении албанского народа. Употребление Анной нового слова ἀρβανῆται надо связывать именно с этим обстоятельством.

Внутренняя жизнь Албании характеризуется в это время развитием феодальных отношений, хотя у албанцев еще сохраняются и пережитки родового строя³.

К концу XIII и началу XIV в. процесс феодализации в албанском обществе значительно усиливается: происходит разложение общины; возрастает эксплуатация крестьянства „своими“ и „чужими“ феодалами; увеличивается гнет местных и центральных властей. В то же время не прекращаются иноземные вторжения в страну.

В ускорении процесса феодализации значительную роль сыграло появление на территории Албании анжуйцев (около 1270 г.). Манифест Карла I от 21 февраля 1272 г.⁴, изданный им по случаю установления своей власти над Албанией, гласит, что албанцы уступают ему и его наследникам не только все права (omnia jura), но и всю власть над этим королевством (omnia signoria ipsius regni). Карл же принимает всех под свою власть, господство и защиту (sub... signoria, dominio, defensione). При этом за клятву в должной верности (fidelitate debite iuramentum) Карл обещает сохранить все привилегии, дарованные им прежними императорами Романии (privilegia eis concessa ab antiquis imperatoribus Romanie). В период господства анжуйцев в албанском обществе, судя по данным документов, появляются феодалы с титулами графов (comites) и баронов (barones)⁵.

В это время входит в употребление термин „вассал“. Так, прося оказать помощь Филиппу Тарентскому, Карл II обращается с просьбой к feudatoriis Албании⁶. В 1294 г. feudatorii Албании подают жалобу на несправедливые поступки наместника Филиппа Тарентского — Борджио де Пуси. Документы свидетельствуют и о существовании феодалов. В договоре (от 3 декабря 1337 г.) Карла Анжуйского с Андреем Музаки, деспотом Албании, за последним закрепляются и подтверждаются права на его имения, которые в этом документе названы феодальными (omnia bona feudalia)⁷.

Албанские вассалы были обязаны нести военную службу сеньору. Так, бояре, принадлежавшие к албанской знати (nobilioribus Albanie)⁸ и принятые на королевскую службу, должны были являться для выполнения своих обязанностей с шестью вооруженными всадниками и пятью пажимами⁹. В особо серьезных случаях, как, например, при подавлении восстаний, они являлись со значительными отрядами¹⁰.

В систему вассальных отношений оказывается включенной сама

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, стр. 103; В. В. Макушев. Исторические разыскания... стр. 9.

² Анна Комнена, I, p. 4, 122.

³ В. В. Макушев. Исторические разыскания... гл. 5-я; Н. Д. Смирнова и И. Г. Сенкевич. Освободительная борьба албанского народа против турецких поработителей в XV веке. ВИ, № 12, 1953, стр. 81.

⁴ Registri Angioini, vol. XVII, f. 20. В. В. Макушев. Исторические разыскания, стр. 22, прим. 3. Ниже при ссылке на анжуйские регистры указывается соответствующая страница в книге В. В. Макушева, в которой приведены эти документы.

⁵ Reg. Ang., vol. CXXXIII, f. i t^o (стр. 36).

⁶ В. В. Макушев. Исторические разыскания... стр. 35.

⁷ Там же, стр. 43.

⁸ Reg. Ang., vol. XLVI, f. 125 (стр. 24).

⁹ Cum majori, quo poteritis, armigerorum exercitu. Reg. Ang., vol. CXI, f. 173. (стр. 35).

¹⁰ Idibem.

деспина Эпира Анна: в 1305 г. она признает над собой сюзеренами Филиппа и его наследников, обязуясь уплачивать ему ежегодно определенную сумму, в случае же войны Филиппа с албанцами (т. е. в случае их восстания) — выставить 200 всадников. При этом обуславливалось, что если сюзерен лично участвует в войне, албанский деспот, вассал его, должен лично вести свой отряд¹.

Развитие феодальных отношений было связано с ухудшением в положении народных масс.

Действительно, положение трудового населения Албании в XIII—XIV вв. было нелегким. Многократно подтверждавшиеся анжуйцами льготы оставались фикцией. Доказательством тому служит уже сам факт повторного подтверждения этих льгот. Трудящееся население находилось под гнетом албанских, греческих и итальянских феодалов. Оно было обременено многочисленными налогами и повинностями и часто голодало. Многие бедняки, — как албанцы, так и греки, — вынуждены были продавать себя в рабство в своих собственных домах (in domibus eorum). Это явление было, видимо, довольно распространенным, судя по тому, что Карл I особым указом от 6 декабря 1275 г. строго запретил торговлю такими рабами и предписал отпускать их на волю: „Обязуй всех, имеющих рабами или слугами албанцев или греков, при условии, что они куплены в своих домах, освободить этих албанцев и греков. Пусть им позволят свободно, без каких бы то ни было условий, уйти, куда они захотят;... всех тех, кто такого рода албанцев или греков задержал бы, в наказание за столь большое своеволие, мы прикажем передать нашей курии, как рабов и слуг, подобно тому, как они сами держали этих албанцев и греков“².

Естественно, что при таких обстоятельствах в период господства анжуйцев в Албании то и дело вспыхивают народные восстания. Известны восстания 1273, 1281, 1302, 1305, 1318, 1325, 1335, 1338 гг. Волнения происходили и во времена относительного „затишья“, т. е. в промежуточные между этими восстаниями годы.

В ходе восстаний выдвигался лозунг политического объединения страны. Впервые эта идея отчетливо оформилась еще во время Эпирского восстания 1256 г.³ Опираясь прежде всего на албанский народ, поднявшийся на борьбу за свою свободу, деспот Михаил, возглавивший движение против „латинян“ и Никейской империи, провозгласил независимость Эпира. После этого начинается новый этап борьбы албанского народа за свое освобождение, борьбы против засилья греков и господства анжуйцев.

В ходе этой борьбы за политическое единство усиливается активность народных масс. Так, в 1273 г. албанцы и их соседи (περιοικοι) захватывают разрушенный землетрясением Драч⁴ и заселяют его. Драч был не

¹ В несколько ином положении находится, повидимому, севастократор Албании Павел Кропа: своими землями, пожалованными ему за услуги анжуйскому дому, он владеет sub serviciis usibus et consuetudinibus Imperii Romanie, в соответствии с установлениями местного права. Судя по названиям находившихся в его владениях деревень, можно думать, что они были населены преимущественно славянами. В. В. Макушев. Исторические разыскания... стр. 24.

² Albanenses seu Grecos tenentibus pro sclavis seu servis, occasione, quod eos emerint in domibus eorum... iniungas, ut ipsos albanenses et grecos liberant et liberos, ubicunque voluerint, sine conditione, qualibet abire permittunt... omnes illos, qui hujusmodi albanensis et grecos... retinuerint, in penam tante temeritatis eorum pro servis et sclavis, sicut ipsi retinebant eosdem albanenses et grecos, mandabimus curie nostre deportare. Reg. Ang., vol. XXI, f. 321 t^o (D. Pretine 6 decembres III Ind.) (стр. 27).

³ С этим надо связать появление у Акрополита термина τὸ τῶν Ἀλβανῶν ἔθνος. Georgius Acropolita. Annales, p. 68.

⁴ Reg. Ang., vol. XXXVII, f. 70 t^o etc. (стр. 29).

только крупным и важным по своему экономическому значению городом, но, повидимому, и административным центром Албании. Еще Самуил Болгарский сделал его резиденцией правителя подвластной ему Албании¹, закрепив этим, может быть, старое значение Драча. Позднейшее свидетельство Халкокондила о том, что албанцы издревле живут у Эпидамна, как называет Халкокондил Драч, лишь подтверждает значение этого города в прошлом Албании.

Следует отметить, что некоторые восстания албанцев начинаются именно в Драче и его окрестностях: это относится к восстаниям 1272, 1281 и 1318 гг. После подавления этих восстаний анжуйцы были вынуждены давать льготы жителям Драча и подтверждать их.

В начале XIV в. размах восстаний значительно возрастает, что вызывает сильное беспокойство анжуйцев. В Анжуйских регистрах по поводу восстания 1302 г. говорится: "...некоторые (люди) Романии, сыновья порока, затевают много всякого недозволенного. Их поступки нарушают спокойствие в землях самого короля и возбуждают раздоры и соблазны"².

Из этого сообщения очевидно, что против существующего порядка выступает местное население (*nonnulli de partibus Romanie*), т. е. албанцы (в анжуйских памятниках под „Романией“ имеются в виду не одни лишь Морея и острова Ионического моря, но и вся Албания). Восставшие затевают „недозволенное“ (*nefanda*); движение приняло значительные размеры (*multa nefanda*).

Восстание в Албании затронуло непосредственные интересы короны, нарушив „спокойствие“ в землях короля (*terre upsius Principis, quam habet in eisdem partibus Romanie, status turbatur pacificus*). Восстание оказалось настолько грозным, что для подавления его потребовалось собрать большое количество войск: вассалам было предписано явиться с возможно более многочисленными отрядами вооруженных людей (*cum majori, quo poteritis, armigerorum exercitu*).

Необходимо теперь остановиться на известии Халкокондила о массовом продвижении албанцев на территорию Восточных Балкан. Рассказывая о том, как Стефан Душан, покорив окрестности Эпидамна, двинулся оттуда в Македонию, Халкокондил сообщает и о выступлении на восток албанцев; „Я сам твердо знаю, имея к тому много доказательств, и слышал, конечно, от многих, что действительно от Эпидамна двинулись и они (албанцы) в восточные земли Европы. Они пришли в Фессалию, Этолию и Акарнанию, покорили немалую часть Македонии и жили (в этих местах)“³.

Таким образом, исходным пунктом движения албанцев Халкокондил считает Эпидамн. Это утверждение как будто встречается только у него, причем Халкокондил очень настаивает на этом обстоятельстве⁴.

Возможно, что это продвижение албанцев явилось одним из результатов анжуйского завоевания. Драч был основным опорным пунктом анжуйцев в Албании. Отсюда гнет завоевателей распространялся на остальное население страны. И этот гнет вызывал не только восстания, — он был также причиной ухода местного населения из Драча и

его окрестностей. Проникновение анжуйцев вглубь албанской территории побуждало массу жителей сниматься со своих мест.

В своем движении албанцы достигли Фессалии¹, подчинили ее, захватили ее земли и разделили между собой ее города². Однако, по словам того же историка, на захваченных землях они сохранили свои прежние порядки³, т. е. жили попрежнему как номады⁴, нигде не обосновываясь прочно⁵. Захватили албанцы и Центральную Македонию, Касторию и Аргирополихну⁶.

Если при захвате Фессалии и Македонии албанцы и встретили некоторое сопротивление, то едва ли оно было значительным; даже укрепленные города этих областей не смогли удержаться⁷.

Иначе происходило утверждение албанцев в Акарнании. По словам Халкокондила, они обосновались там с согласия ее властителя, которого историк называет Исааком⁸. Он отвел албанцам земли, где они и поселились⁹.

Через некоторое время после прибытия в Акарнанию, албанцы вступают друг с другом в какое-то соглашение, результатом которого, по словам Халкокондила, явилось их объединение. Целью этого объединения становится борьба с греками¹⁰. Выбрав время, когда властитель Акарнании находился на охоте, албанцы напали на него и убили¹¹. Это послужило сигналом к восстанию. Захватив Акарнанию, албанцы двинулись на принадлежавшую итальянцам Арту, осадили и взяли ее¹². После этого они, как пишет Халкокондил, „больше вообще не сочли нужным держаться спокойно“ (*οὐδὲν ἔτι ἐς ἡσυχίαν ἐκδιδόντες*)¹³, но теперь обрушились уже на владения „латинян“.

Случаи изгнания „латинян“ из этих областей имели место и раньше. Говоря о ставленниках Неаполя в Акарнании и Этолии, Халкокондил пишет: „Когда прежде архонты этой земли, люди царя Партенопеи, называемой Неаполем, были изгнаны их соседями (*ὕπο τε τῶν περιόχων*) и местными жителями (*καὶ τῶν ταύτη ἐθνῶν*) и удалились в Италию, острова Кефалония, Закинф и лежащие здесь же Эхинады, обратились к царю Партенопеи и приняли от него гармоста и архонта“¹⁴. Конечно, на основании этого сообщения нельзя с полной определенностью утверждать, что под „этой землей“ историк подразумевал и Акарнанию. Но все же некоторое основание для такого утверждения имеется: обратное завоевательное движение графа-палатина Кефалонии Карла I направлено было не только на Эпир, но и на Акарнанию¹⁵.

¹ Все построение фразы указывает, что главный упор в ней делается на то, что албанцы двинулись в путь именно от Эпидамна, причем Халкокондил, говоря об этом, употребляет свою самую категорическую форму утверждения: „И сам я твердо знаю...“ (*οἶδα τε αὐτὸς ἐπιστάμενος*). Chalc., p. 27.8.

² Chalc., p. 209. 19.

³ Ibid., p. 209. 21.

⁴ νομαδες τε οντες (Ibidem).

⁵ οὐδαμῆ ἔτι βεβαιον σφῶν αὐτῶν τήν οἴκησιν ποιούμενοι. (Ibid., p. 209. 22).

⁶ Ibid., p. 209. 18.

⁷ Ibid., p. 209. 20.

⁸ Ibid., p. 210. 4.

⁹ Ibid., p. 210. 1.

¹⁰ Как всегда, Халкокондил не приводит даты, ограничиваясь словами „после этого“ (*μετὰ τούτα*). Ibid., p. 210. 2.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid., p. 210. 11.

¹³ Ibid., p. 210. 14.

¹⁴ Ibid., p. 209. 2.

¹⁵ Ibid., p. 209. 13. καὶ ὡς ἐν τῇ Κεφαλληνία διατρίβοντες προσέσχον τε τῇ Ἠπειρῷ, ἐπαγομένων τῶν Ἠπειρωτῶν τήν τε χώραν ἐκτήσαντο σφίσις ὑπήκοον καὶ κατα βραχὺ τήν τε Ἀκαρνανίαν.

¹ В. В. Макушев. Исторические разыскания... стр. 4.

² Reg. Ang., vol. CXI, f. 173 (стр. 35):... nonnulli de partibus Romanie filii pravitatis... nefanda multa et varia mahinantur, ex quibus terre ipsius Principis, quam habet in eisdem partibus Romanie, status turbatur pacificus et proinde dissensions et scandala inibi oriuntur.

³ Chalc., p. 209. 17.

⁴ Ibid., p. 209. 7.

По получении вестей о потере и разорении итальянских владений, с островов, где сидели архонты неаполитанского короля, была направлена против албанцев военная экспедиция. Архонты с войском двинулись из Керкиры¹. Целью их было снова завладеть Артой и отобрать у албанцев Акарнанию². Итальянцы подвезли к городу осадные машины и приступили к планомерной осаде³.

Защиту города взял на себя албанский вождь Гин Спата⁴. Он действовал при поддержке сербского князя Этолии Приалупа, на дочери которого был женат⁵. Тактика Спаты сводилась к тому, чтобы объединить албанцев для борьбы, действуя вне осажденного города⁶.

Обращает на себя внимание, что Спата, объезжая с этой целью страну, не принуждал албанцев всевать, но „предоставлял им добровольно“, по собственному побуждению следовать за ним и „подвергаться опасностям войны“⁷. Позднее к такой же тактике прибегнет и Скандерберг.

Действия Спаты были неожиданны для врагов⁸. Внезапное нападение на осаждавших Арту итальянцев решило судьбу итальянской экспедиции. Итальянцы были обращены в бегство, многие из них перебиты, другие попали в плен⁹. Разгром был полный. В результате этой победы власть над Акарнией перешла к людям Спаты¹⁰, т. е. албанцам.

Гин Спата, деспот Аргирскастроны, играл в это время значительную роль в политической жизни Акарнии. Он возглавил в этой местности освободительное движение албанцев. Под его непосредственным руководством¹¹ было организовано убийство властителя Акарнии, послужившее сигналом к восстанию албанцев, повсеместному захвату земли и расправе с греками¹². Позднее Гин Спата выступил как организатор борьбы против „латинян“, а затем — против турок. Вот как характеризует Спату Халкокондил: „Во главе их был Спата, человек, давший им в то время полезный при существующих обстоятельствах и благородный пример решительности и отваги“¹³. Положительно характеризует этого вождя и Эпирская хроника Комнина и Прокла¹⁴. По словам ее авторов, Спата был деятельным, выдающимся человеком. Он борется против жестокого деспота Эпира Фомы, защищает притесняемых им албанцев, совершает частые набеги на его владения¹⁵. Фома пробует воздействовать на Спату подкупом, но это ему не удается. Продолжая выступать против Фомы, Спата постоянно пользуется поддержкой албанцев¹⁶.

В 1385 г. Спата возглавляет борьбу против турок. Перед лицом ту-редкой опасности он готов объединиться даже с Фомой, забыв все

прежние столкновения между ними. Фома, преследуя прежде всего личные интересы, отклонил предложение Спаты¹.

После смерти Фомы Спата вступил в борьбу за Акарнанию с Исавом Буадельмонте и одержал над ним верх². Впрочем, плоды этой победы были утрачены с утверждением здесь турок Баязета, оказавшего поддержку Буадельмонте. Умер Спата в 1400 г.

Борьба албанцев под руководством Спаты против „латинян“, сербских деспотов и турок была борьбой с иноземными захватчиками, против притеснений, чинимых со стороны завоевателей, будь то сербские деспоты, турки или итальянцы.

Любопытно построение только что рассмотренного отрывка из „Истории“ Халкокондила³. Текст отчетливо подразделяется на четыре части.

Соответствующие части текста следуют друг за другом довольно стройно. Стройность изложения, однако, несколько нарушается при переходе от третьего отрывка, в котором говорится о полном закреплении албанцев в Акарнии, к четвертому, где сообщается о победе Карла, последовавшей немедленно после этого (*μετὰ ταῦτα*). Здесь имеется явный пробел в изложении. Его можно, однако, восполнить, приняв во внимание следующие соображения.

После взятия Спатою Арты (1373 г.) неаполитанцы полностью или частично потеряли свои владения на территории Акарнии. Во всяком случае, они не могли их сохранить в первоначальном объеме. Халкокондил по этому поводу прямо говорит: „Таким образом люди Спаты захватили земли Акарнии“⁴. Из хроники Комнина и Прокла видно, что все это время Спата развивал энергичную деятельность, борясь за Акарнанию то с деспотом Фомой, то с итальянцами, то с турками, неизменно защищая интересы албанцев и пользуясь их поддержкой. Ни авторы указанной хроники, ни Халкокондил не упоминают о каких бы то ни было попытках итальянцев отстоять свои прежние позиции в Акарнии.

Гин Спата сумел организовать сопротивление завоевателям в продолжение последней четверти XIV в. Албанцы были преградой на пути проникновения итальянцев на Балканы.

Попытка вернуть свои владения и еще более расширить их была сделана Карлом Токко в начале XV в., т. е. уже после смерти Гина Спаты.

Лишь в конце 1400 г. когда Карл уже добился известных побед на континенте, — албанцы несколько ослабили сопротивление. В эти годы подняли голову все недовольные албанцами, те, о которых Халкокондил говорит, что они „тяготились тиранией албанцев“⁵. Это облегчило победу Карла и переход Акарнии в руки итальянцев⁶.

Чем грозило последующее усиление албанцев, хорошо понимали в конце XIV в. и турки. Косвенное подтверждение этому мы находим в рассказе Халкокондила о битве на Косовом поле⁷, после которой Баязет жестоко расправляется не только с сербами и боснийцами, но и с албанцами. В земли последних посылается войско, которое опустошает

¹ Chalco., p. 210. 15.

² Ibid., p. 210. 18.

³ Ibid., p. 210. 19.

⁴ Ibid., p. 210. 21.

⁵ Ibid., p. 211. 7.

⁶ Ibid., p. 211. 21.

⁷ Ibid., p. 211. 2.

⁸ Ibid., p. 211. 2, 15.

⁹ Ibid., p. 311. 3.

¹⁰ Ibid., p. 211. 8.

¹¹ Ibid., p. 210. 6.

¹² Ibid., p. 210. 9.

¹³ Ibid., p. 210. 6.

¹⁴ Ἱστορικὸν Κομνηνοῦ μοναχοῦ καὶ Προκλου μοναχοῦ περὶ διαφόρων δεσπότηων τῆς Ἑπείρου. Изд. Г. Дестуниса, СПб., 1858, § 15.

¹⁵ Ἱστορικὸν Κομνηνοῦ μοναχοῦ... § 15, 16.

¹⁶ Ibid., § 17.

¹ Ἱστορικὸν Κομνηνοῦ μοναχοῦ... § 27.

² В 1395 г. состоялось бракосочетание Буадельмонте с дочерью Спаты (Ibid., § 38).

³ Chalco., p. 209. 2 — 211. 15.

⁴ Ibid., 211. 8.

⁵ τινῶν τῶν τῆς χώρας ἄτε δὴ ἀχθόμενων τῇ Ἀλβανῶν τυραννίδι. Chalco., p. 211. 10.

⁶ Ibid., p. 211. 12.

⁷ Ibid., p. 59. 5—60. 1; 53. 1—54. 23.

их вплоть до побережья. Подверглись разорению и окрестности Драча¹.

В этой связи получает определенное значение и свидетельство Франдзи², который пишет, что, победив на востоке Дина, эмира Аматриды и других эмиров³, Баязет вернулся в Европу и пошел против венгров. После победы над ними⁴ была захвачена и часть Албании⁵.

Это известие Франдзи перекликается с сообщением Халкокондила. Оба историка описывают события крупнейшего значения — битву на Косовом поле (Халкокондил), сражение при Никополе (Франдзи). И тут и там противниками турок были народы, игравшие в конце XIV—начале XV в. ведущую роль на Балканском полуострове. Характерно, что свидетельства того и другого историка об этих сражениях заканчиваются упоминанием об албанцах. Ведя борьбу с венграми, сербами и боснийцами, Баязет всякий раз принимает решительные меры и по отношению к албанцам, которые в это время были уже опасными противниками турок.

* * *

С увеличением роли албанского народа в политической жизни Балкан связана и деятельность отдельных албанских вождей, — таких, как Арианит Комнина, Топия Зенемпис и, наконец, Скандербег.

Земли Арианита, смежные с землями Ивана Кастриота, отца Скандербега⁶, лежали (в основном) на морском побережье, простираясь вглубь материка⁷ приблизительно до Аргирополихны⁸. В 30—40-х годах XV в. Аргирополихна принадлежала туркам: здесь находилась постоянная резиденция турецкого правителя. Отсюда турки вторгались в земли Кастриотов и Комнинов⁹. Иван Кастриот, бывший уже в зависимости от турок, являлся в ставку султана и участвовал в его походах¹⁰. После смерти Ивана султан взял к себе его сыновей, захватив земли Кастриотов¹¹. Отцовские земли были отняты и у Арианита, который тоже отправился к султану¹². Но Арианит недолго оставался при турецком дворе¹³.

Еще живя там, он поддерживал непрерывную связь со своей родиной, вел переговоры с соотечественниками¹⁴. Будучи в курсе событий, происходивших в Албании, он призывал албанцев к восстанию. Однако для этого необходимо было, чтобы сам Арианит прибыл в Албанию¹⁵. Наконец, ему удалось бежать от турок¹⁶ и возвратиться домой. Здесь Арианит вступил в соглашение с албанской знатью¹⁷, которая также приняла участие в восстании¹⁸. Последнее не замедлило вспыхнуть в 1443 г. Началось избиение турецких начальников¹⁹, были произведены набеги на

земли „царя“ (султана), подвергшиеся полному разорению¹, причем сами албанцы держались, как всегда, в гористой и труднодоступной местности².

Весть о восстании дошла до султана. В Албанию было отправлено войско под командованием Али, сына Бранидзы, с поручением напасть на земли албанцев, захватить их, а Арианита привести к султану³. Турецкое войско, размещавшееся возле Аксия и в Аргирополихне, вторглось в землю албанцев, разоряя ее и безжалостно сжигая дома, поля и посевы⁴. Албанцы не оказали сопротивления на месте, не воспрепятствовали грабегам и пожарам. Тактика Арианита была иной: он решил отрезать туркам обратный путь. Собрав местных всадников и пехотинцев⁵, Арианит овладел горными проходами и перевалами, через которые должны были двигаться турецкие насильники. Попытка турок пройти по этой дороге не удалась: Арианит и его люди устроили засаду и не выпустили их. Турки, сообщает Халкокондил, гибли, метались по стране, ища спасения, кто как мог⁶. Большинство из них было перебито, многие взяты в плен живыми⁷. Те отряды турок, которые отправились обходным путем, вышли к морю и долго блуждали⁸. Велика была, говорит Халкокондил, слава Арианита после этой победы⁹: он совершил, по словам греческого историка, великий и славный подвиг¹⁰. Турецкое войско понесло большие потери¹¹.

Успех восстания, руководимого Арианитом, и стремление вырваться из-под власти турок побудили восстать и албанцев, живших в районе Аргирополихны¹². Во главе восставших здесь встал Депан¹³. Его отец тоже пострадал в свое время от турок, как и многие местные вожди, земли которых были захвачены завоевателями. Сам Депан после утраты своих земель провел некоторое время в Италии, а затем на Керкире у венецианцев¹⁴. По призыву окрестного населения Аргирополихны он вернулся на родину и стал „царем“¹⁵. Собрав войско¹⁶, албанцы напали на Аргирополихну, занятую турками. Началась осада города, ведшаяся с применением осадных машин¹⁷. Янычары и гарнизон города хорошо защищались¹⁸: осада была безуспешной. Не прекращая ее, албанцы принялись грабить земли турок вокруг города¹⁹.

Султан находился тогда в восточных областях, где вел войну с Караманом. Весть об отпадении албанцев и об осаде Аргирополихны заставила взяться за оружие Турахан, епарха Трикаллы и Фессалии. С большим войском, несмотря на глубокий снег, он спешно направился к Аргирополихне. Турахан прибыл туда на второй день пути и напал

¹ Chalc., p. 60. 15.

² Phrantzes, p. 82. 14.

³ Ibid., p. 82. 5.

⁴ Ibid., p. 82. 14.

⁵ Ibidem.

⁶ Chalc., p. 249. 7.

⁷ Ibid., p. 249. 9.

⁸ Ibid., p. 249. 10.

⁹ Ibid., p. 249. 11.

¹⁰ Ibid., p. 249. 12.

¹¹ Ibid., p. 249. 17.

¹² Ibid., p. 249. 14.

¹³ Ibid., p. 249. 19.

¹⁴ Ibid., p. 249. 22.

¹⁵ Ibid., p. 249. 22, 23.

¹⁶ Ibid., p. 249. 23.

¹⁷ Ibid., p. 250. 1.

¹⁸ Ibid., p. 250. 3.

¹⁹ Ibidem.

¹ Chalc., p. 250. 4.

² Ibid., p. 250. 5.

³ Ibid., p. 250. 10.

⁴ Ibid., p. 250. 12.

⁵ Ibid., p. 250. 15.

⁶ Ibid., p. 250. 21.

⁷ Ibid., p. 250. 23.

⁸ Ibid., p. 251. 1.

⁹ Ibid., p. 251. 5.

¹⁰ Ibid., p. 251. 6.

¹¹ Ibid., p. 251. 8.

¹² Ibid., p. 251. 11.

¹³ Ibid., p. 251. 12.

¹⁴ Ibid., p. 251. 15.

¹⁵ Ibid., p. 251. 18.

¹⁶ Ibid., p. 251. 22.

¹⁷ Ibid., p. 252. 1.

¹⁸ Ibid., p. 252. 2.

¹⁹ Ibid., p. 252. 5.

на осаждавших город албанцев¹. Нападение было неожиданным, и албанцы понесли большие потери². Многие попали в плен, в том числе сам Депан. Албанское население снова попало под власть турок³. Представители местной знати⁴, не успевшие спастись до наступления Тура-хана, погибли⁵. Восстание Депана, таким образом, пстерпело неудачу.

В начале 40-х годов XV в., когда в Юго-Восточной Европе ожидали помощи венгров, когда пошли слухи о том, что Запад поднимается против турок, что уже захвачен Геллеспонт, „все, потерявшие при турках владения, — пишет Халкокондил, — бросились в отцовские земли, стремясь взять обратно то, что удастся взять“⁶.

В это время из Македонии двинулся на отвоевание своих земель Зенемпис⁷. К нему примкнули жившие в этих местах албанцы, — те из них, которые были с ним „одинакового образа мыслей“⁸. Зенемпис прошел Аргиполихну и Касторию и утвердился там⁹. Узнав о движении Зенемписа, эпарх Веррой Теридза собрал войско из турок и живущих по Аксию „скифов“¹⁰. К нему присоединились многие турки, жители Терм¹¹. Нападение турок было неожиданным для восставших. Большинство воинов Зенемписа пало, сам он был также убит.

Албанское племя арабаты, жившее на границе Ахайи, несмотря на то, что турки согласились сохранить у них прежний порядок управления, не захотело оставаться подвластным туркам; арабаты помогали грекам Пелопоннеса, принимая, таким образом, участие в их борьбе с турками¹².

Таковы в общих чертах свидетельства Халкокондила об отдельных восстаниях албанского народа в 30—40-х годах XV в. Эти восстания происходили в области, где были расположены земли Кастриота (восстание Арианита), в окрестностях Аргиполихны (восстание Депана) и в прибрежной Македонии с окрестностями Кастории (восстание Зенемписа). Восстания возглавляла албанская знать. Побудительной причиной, заставившей вождей взяться за оружие, было, по словам Халкокондила, прежде всего желание вернуть отнятые турками земли этих вождей¹³.

Насколько сильным было это стремление, особенно ясно видно из рассказа Халкокондила о движении Зенемписа: достаточно было разнестись слуху о предполагавшемся венгерском походе против турок, как Зенемпис и другие представители знати бросились в свои бывшие владения, дабы вернуть хоть что-нибудь из них. Точно так же Депан, провозглашенный „царем“ жителями окрестностей Аргиполихны, осаждал этот город, считая его своей собственностью¹⁴.

Менее всего желание вождей захватить земли как стимул к выступлению против турок подчеркнуто в рассказе о восстании, проходившем под руководством Арианита. Хотя Арианит тоже потерял свои владения, но стремление вернуть их не выдвигается Халкокондилом в объяс-

нение причин того, почему Арианит возглавил восстание. Это не значит, что Арианит действовал вполне „бескорыстно“. Но вместе с тем не следует пренебрегать свидетельством Халкокондила о том, что этот знатный албанец не порывал связей с родиной, что он серьезно подготовлял восстание¹. Несомненно, что Арианит должен был обладать довольно значительным авторитетом, коль скоро его избрали руководителем еще тогда, когда он находился у турок, откуда ему еще предстояло бежать в родную землю². Этим, в известной мере, можно объяснить, почему Депан и Зенемпис, преследовавшие главным образом личные интересы, не имели того успеха, которого достиг Арианит. Действительно, руководимое им восстание по своим реальным результатам было самым успешным по сравнению с остальными восстаниями 30—40-х годов, возглавлявшимися албанскими вождами: подготовка этого восстания была самой основательной, „личный момент“ в нем выступал наименее явственно.

Какова бы ни была роль знати в восстаниях, все они (т. е. восстания Арианита, Депана и Зенемписа) по существу представляли собой попытки активного выступления широких слоев албанского народа против турецких насильников. Со слов Халкокондила мы знаем, что за Арианитом шли местные всадники и пехотинцы (τοῖς τῆς χώρας ἰππέας καὶ πεζοῖς)³; в значительной своей части простые албанцы поддерживали Зенемписа — недаром с ними так жестоко расправился эпарх Теридза⁴.

Ход восстаний во всех трех случаях, примерно, одинаков: избиение турецких начальников, набеги на земли турок, разорение и ограбление их владений. Обычно восставшие держались в неприступных горах. В открытых местах они чувствовали себя значительно слабее, — это сказалось, например, при столкновении Зенемписа с турками в долине Кастории⁵.

Набор в войска восставших производился не принудительно, а добровольно: против турок шли те, кто действовал по своему желанию. Такой принцип формирования войск был широко распространен у албанцев. Это не раз подчеркивает и Халкокондил⁶.

Восстания 30—40-х годов имели значительный размах. Не случайно для подавления восставших турки направляли крупные силы. Во главе войск становились опытные военачальники: против Депана отправился Турахан, эпарх Трикаллы и Фессалии, против Зенемписа — эпарх Веррой Теридза. В турецких войсках сражались турки из охваченных восстанием местностей, янычары, татары, живущие здесь, и местные всадники.

Самым важным последствием восстаний 30—40-х годов XV в. было глубокое осознание албанцами идеи необходимости и возможности борьбы с турецкими захватчиками.

* * *

Ход борьбы албанцев с турками в конце 40-х годов XV в. наиболее полно освещен Халкокондилом, лишь некоторые сведения об этом имеются и у Кривоула. По данным Халкокондила, война Мурада II

¹ Chalco., p. 249, 24.

² Едва ли только одно происхождение Арианита сыграло при этом решающую роль.

³ Chalco., p. 250, 16.

⁴ Ibid., p. 324, 12.

⁵ Ibid., p. 324, 10.

⁶ Ibid., p. 211, 2; 354, 15.

¹ Chalco., p. 252, 12.

² Ibid., p. 252, 19. Погибло при этом, по словам Халкокондила, до 1000 человек.

³ Ibid., p. 252, 20.

⁴ Ibid., p. 252, 22.

⁵ Ibid., p. 253, 1.

⁶ Ibid., p. 323, 17.

⁷ Ibid., p. 324, 2.

⁸ οἱ εὐφραν αὐτοῦ (Ibid., p. 324, 4).

⁹ Ibid., p. 324, 6.

¹⁰ Скифами Халкокондил называет татар (Ibid., p. 324, 8).

¹¹ Ibid., p. 324, 9.

¹² Ibid., p. 319, 12.

¹³ Ibid., p. 324, 1; 251, 23; 250, 1.

¹⁴ Ibid., 251, 22.

с албанцами началась после турецкого прорыва на Истме. Захватчики двинулись на Албанию с наступлением лета¹. Более точной даты Халкокондил не приводит, хотя на этот раз ему было бы нетрудно указать и год, поскольку сам историк в 1446 г. был отправлен на Истм в качестве посла византийского императора Константина. Во главе турецкого войска на этот раз становится султан²: сам Мурад II выступил „против Скандербега, сына Ивана“³.

Халкокондил не приводит почти никаких биографических данных о Скандербеге. Да и то, что он говорит, во многом повторяет известия других источников. Скандербег еще ребенком прибыл к султану, стал его любимцем, затем бежал во владения своего отца⁴, женился на дочери Арианита и начал „открыто“ воевать с „царем“⁵. „Открытое выступление“ албанцев против турок выразилось в неповиновении им⁶, в отказе платить дань, в том, что представители албанской знати отказались являться в султанскую ставку на поклон⁷. Смысл выражения Халкокондила — албанцы стали нападать открыто (ἐκ τοῦ ἐμφανοῦς) в известной мере раскрывается известиями Критовула⁸. Открытыми нападениями упомянутый историк называет такие, когда албанцы, выходя за пределы своей территории, совершают неожиданные набеги на земли султана. Такое поведение албанцев Халкокондил и выставляет в качестве причины, вызвавшей поход Мурада⁹.

Войско, направившееся в Албанию, было весьма значительно: оно состояло не только из местных отрядов того или другого эпарха, — в поход двинулась армия самого султана, собравшего „все войско Азии и Европы“¹⁰. С такими силами турки выступали только против очень опасного врага¹¹.

Турецкие войска вторглись прежде всего в земли Кастриотов¹², расположенные „между Эпиром и землями Сандала“¹³. За ними (преимущественно на побережье) находились владения Арианита¹⁴ — постоянный объект набегов турок из Аргирополихны. И на этот раз турки устремляются в том же направлении. Земли Кастриота подвергаются разорению, горят деревни, поля, посевы¹⁵. Гибнет все, что находится в этих местах.

Сопротивление албанского народа натиску турок возглавил Скандербег, занимавший в это время видное положение у себя на родине. Как говорит Критовул, Скандербег и Арианит прочно владели своей землей¹⁶.

Византийские историки, современники Халкокондила, ничего не сообщают о том, каким образом Скандербег организовал отпор Мураду II. Сведения об этом имеются только в „Истории“ Халкокондила.

¹ Chalco., p. 350. 5.

² Ibid., p. 350. 11.

³ Ibid., p. 350. 5.

⁴ Ibid., p. 350. 8.

⁵ Ibid., p. 350. 9.

⁶ Ibid., p. 350. 11.

⁷ Ibid., p. 350. 10.

⁸ Critobulus. De rebus gestis Mechemetis II. Fragm. Hist. Graec., Parisiis, 1870, vol. V, pars prior, III, XVI, 2.

⁹ Chalco., p. 350. 11.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Например, при осаде Константинополя 1453 г. (Ibid., p. 380. 5).

¹² Ibid., p. 350. 6.

¹³ Ibid., p. 249. 5.

¹⁴ Ibid., p. 249. 8.

¹⁵ Ibid., p. 230. 13.

¹⁶ Critob., III, XVI, 2.

По его словам, знатные албанцы, в том числе и Скандербег, отослали своих жен и детей в прибрежные земли венецианцев, сами же стали объезжать страну и, следуя постоянной тактике албанцев, держались в горах, выжидая хода событий¹. Но теперь дело уже не ограничивается одним только пассивным выжиданием и неожиданными нападениями на противника из горных областей. Внимание вождей направлено и на защиту городов, о нуждах которых они узнают, объезжая страну². В свою очередь и городское население привлекается к отпору туркам. Известие об этом встречается как будто только у Халкокондила.

Мурад II начал поход против албанцев в 1450 г. Турки осадили Сфетию³. Осада оказалась нелегкой. Мурад предложил защитникам города сдаться, обещая отпустить их, но албанцы ответили отказом⁴. Последовала атака янычар. Город не устоял: он был взят штурмом, и все мужчины в нем перебиты⁵. Затем турки овладели Гетией: добровольная сдача не спасла ее жителей от турецкого рабства⁶. Из Гетии Мурад двинулся на Крую. К городу были подведены осадные машины. Турки разрушили значительную часть стены⁷, но жители города защищались настолько упорно и стойко, что, несмотря на это, атака янычар не имела успеха: Мурад не взял Крую. С наступлением зимы турки сняли осаду. Так рисует события Халкокондил.

Гораздо более успешным для турок изображен этот поход у Критовула. Этот протурецки настроенный историк утверждает, что Мурад захватил горные проходы, победил и поработил албанцев⁸. Критовул не приводит конкретных сведений об осаде городов и их роли как опорных пунктов обороны страны. Он говорит о взятии „некоторых крепостей“, сообщая об этом лишь в самых общих чертах. Однако и Критовул признает, что Мурад не смог взять и подчинить крепости окончательно⁹. Султан, как сообщает этот историк, по просьбе албанцев заключил с ними мир на условиях уплаты ежегодной дани. Затем он ушел с большой добычей, которую отдал войску¹⁰.

Так описывает Критовул поход Мурада. Впрочем, и этот историк оказывается вынужденным отметить, что албанцы не стали соблюдать условий мира; они продолжали набеги на земли турок, причиняя султану большой ущерб¹¹.

На следующий год¹² Мурад, понимая, что трудность борьбы с Албанией не определяется одной лишь непримиримостью ее вождей, организует поход уже не только против „Скандербега, сына Ивана“¹³, но и против всей „прибрежной Албании“¹⁴. Намерения его при этом самые

¹ Chalco., p. 350. 19.

² Ibid., p. 350. 20.

³ Ibid., p. 351. 1.

⁴ Ibid., p. 351. 2.

⁵ Ibid., p. 351, 5. Этот рассказ Халкокондила противоречит утверждению некоторых историков о том, что Сфетия была якобы взята изменой (Герцберг. История Византии. М., 1896, стр. 562; В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 88). Наоборот, из сообщения Халкокондила видно, что жители города не согласились сдаться, а сражались до конца.

⁶ Chalco., p. 351. 6.

⁷ Ibid., p. 351. 10.

⁸ Critob., III, XVI, 3.

⁹ Ibid., III, XVI, 9.

¹⁰ Ibid., III, XVI, 4.

¹¹ Ibid., III, XVI, 3.

¹² Chalco., p. 353. 21.

¹³ Ibid., p. 353. 22.

¹⁴ Ibid., p. 354. 2.

решительные. Цель похода — взятие Круи¹. В случае отказа Венеции выдать Скандербега султан готов осадить тот город, где он скроется². Все, что осталось неразоренным, султан повелевает разорить, все, что удастся — сжечь. По своему обыкновению, албанцы перед приходом турок отправили женщин и детей в венецианские города. Туда же, в ожидании вторичной осады, были отправлены и женщины Круи: мужчины остались защищать город. При этом, как обычно в таких случаях, оставлены были не все, а только те, кто шел на это добровольно³.

Сам Скандербег был вне города: находясь со своими людьми в горах, окружающих Крую, он давал знать о себе кострами⁴. Горящий костер был знаком того, что в нужную минуту Скандербег придет на помощь осажденным. Турки пробовали подниматься в горы, но албанцы, сражаясь доблестно и героически⁵, отбивали их нападения.

Когда стены Круи были основательно разрушены осадными машинами, Мурад предпринял генеральный штурм города всем войском *πληστρατις*⁶. Янычары сделали попытку ворваться в город, но все их усилия были безуспешны. Они не могли преодолеть неожиданное по стойкости сопротивление горожан⁷.

Турки решили тогда взять город измором. В это время от Георгия Сербского пришли тревожные вести о предстоящем походе венгров, и Мурад ушел из-под Круи, ничего не добившись⁸.

Борьба албанского народа за свою независимость протекала интенсивно не только на территории самой Албании. В эту борьбу включились и албанцы, населявшие Пелопоннес. Наиболее яркими эпизодами ее являются албанское восстание 1454 г. и последняя схватка албанцев с турками при Мехмеде II (1450—1467).

* * *

Начиная рассказ о восстании албанцев в Пелопоннесе, Халкокондил говорит, что на третий день после взятия турками Константинополя к Эвбее подошли венецианские триеры. Людей на этих триерах не было. Взятые в свое время для защиты городских стен, они или погибли или попали в плен. Когда турки, в том числе и турецкие моряки, устремились на грабеж только что захваченного города, эти оставшиеся без присмотра триеры отвязались и поплыли по Геллеспонту. Они подошли к Эвбее и стали, как пишет Халкокондил, „вестниками несчастья Византия“⁹. Эвбейцы думали, что беда немедленно обрушится также на них, и „не знали, где найти спасение“¹⁰. Ужас охватил не только Эвбею. Жители почти всех островов Эгейского моря бросились к кораблям. Убегая от приближавшихся турок, бросились к морю и деспоты Палеологи, а с ними и жители Пелопоннеса.

Гибель угрожала всему населению полуострова и, казалось, все жители были одинаково „поражены несчастьем“¹¹. Интересно, однако, что

Халкокондил обращает особое внимание на бегство тех, кого он называет *ἐπιφανεστέρων*. Этим словом не обязательно обозначалась аристократия (родовая или служилая). Халкокондил мог назвать так и тех представителей греческой „интеллигенции“, которые в немалом числе переселились в эти годы на Керкиру, Крит или в Италию.

Деспотам и *τοῖς ἐπιφανεστέροις* Пелопоннеса на этот раз не пришлось еще покинуть родную землю. Турки заключили с ними мир¹ на условии уплаты ежегодной дани в 10 000 номисм и обязательной явки на поклон к султану (с подношением соответствующих подарков)².

Однако паника, разразившаяся в Пелопоннесе после падения Константинополя, поведение деспотов и знати, думавших лишь о своем спасении, сыграли, по мнению Халкокондила, роковую роль в дальнейшей судьбе полуострова. Историк считает, что непосредственной причиной восстания пелопоннесских албанцев было трусливое поведение деспотов. „Благодаря этому случилось, — пишет Халкокондил, — что потом произошло отпадение населявших его (Пелопоннес) албанцев“³. Речь идет о восстании албанцев Пелопоннеса в 1454 г.

Труд Халкокондила является основным источником по истории этого восстания. Событиям самого восстания и истории его подавления в книге нашего историка отведено значительное место⁴. Некоторые известия об этом восстании содержатся также у Франдзи⁵. Сведения последнего, несмотря на их краткость, представляют определенную ценность.

Прежде всего Франдзи сообщает дату восстания. По его словам, оно произошло в 1454 г.: „В ту же самую осень (т. е. в осень 6962 г.) окончательно восстали албанцы Пелопоннеса против деспотов и властителей своих“⁶. Франдзи добавляет, что в декабре того же самого года Омар, сын Турахана, по просьбе деспотов, пришел усмирять это восстание⁷.

Выражение Франдзи „окончательно восстали“ (*τετέως ἐπανεστήσαν*) указывает на то, что до 1454 г. албанцы или восставали частично, или не столь решительно, или дело вообще не доходило до открытых восстаний, — просто среди албанского населения шло непрерывное брожение. Ни Халкокондил, ни Франдзи ничего не говорят о тех формах, в которые выливались менее крупные восстания, или как протекали волнения в период, предшествующий восстанию 1454 г. Но слова Франдзи „окончательно восстали“ (*τετέως ἐπανεστήσαν*) не оставляют сомнений в том, что и до событий 1454 г. имели место попытки албанцев заявить о своих правах на другой status, чем тот, каким они пользовались тогда на территории Пелопоннеса. Характеризуя их позицию, византийские писатели делают упор именно на то, что албанцы „нарушают спокойствие“ на территории греков. Показательно в этом отношении следующее сообщение: „...негодное и вредное племя албанцев, используя удобный момент, подняло голову и принялось за грабеж, что свойственно их несправедливому образу мыслей. Нарушая клятву, трижды в неделю переходили они от одного господина к другому... и таким образом пе-

¹ Chalc., p. 354. 3.

² Ibid., p. 354. 4.

³ Ibid., p. 354. 15.

⁴ Ibid., p. 354. 22.

⁵ Ibid., p. 255. 4.

⁶ Ibid., p. 355. 5.

⁷ Ibid., p. 355. 8.

⁸ Ibid., p. 355. 10.

⁹ Ibid., p. 400. 6.

¹⁰ Ibid., p. 400. 10.

¹¹ Ibid., p. 406. 17.

¹ Chalc., p. 406. 17.

² Ducas., p. 314.

³ Chalc., p. 400. 11.

⁴ Ibid., p. 400. 11—12; 406. 15—414. 11.

⁵ Phrantzes, p. 383. 7—16; 385. 1—5; 391. 10—23.

⁶ Ibid., p. 383. 7.

⁷ Ibid., p. 383. 11.

ребирались то к одному, то к другому деспоту... , часто грабили они и уничтожали все достояние как несчастных ромеев, так и других албанцев, даже родичей, даже близких своих. И сколько совершалось таких дел, и кто не оплакивал это¹. Известие греческого историка является первым указанием на то, что в среде самих албанцев Пелопоннеса, борющихся за национальную независимость, по мере углубления социальных противоречий начинает разгораться классовая борьба.

В половине XV в. албанцы Пелопоннеса, по данным Халкокондила, продолжают еще оставаться кочевниками. Этот термин он применяет ко всем албанцам, говоря, что все они номады, которые „нигде не создают себе постоянного пребывания“². Едва ли подобная характеристика образа жизни албанцев является для этого времени правильной.

Сам Халкокондил, рассказывая о ходе восстания 1454 г.³, пишет что восставшие после разгрома деревень осаждали и разрушали города⁴. Точно так же и по словам Франдзи, албанцы требовали не только земель для своих кочевий, как можно было бы ожидать от номадов, но и захватывали города. «И вместо того, — пишет Франдзи, — чтобы говорить „деревни“ и „города“, они называют их на своем варварском языке *хастрас* и требуют их в свое подчинение»⁵.

Таким образом, албанцы в рассматриваемый период умели брать города. Это признают и Халкокондил⁶, и Франдзи⁷. Сообщения первого о поголовном „кочевничестве“ албанцев в его время сомнительны⁸. Правильнее представлять дело таким образом, что переход албанцев к оседлости представлял длительный процесс: ко времени Халкокондила часть албанского населения уже селилась в городах.

Условия жизни албанцев на территории Пелопоннеса были тяжелыми. Приведенные в свое время (1349 г.) деспотом Мануилом Кантакузином для усмирения мятежных архонтов, насильно переселенные из Северной Албании Иоанном Кантакузином, они образовали большие поселения в Пелопоннесе. Хотя византийская знать презирала албанцев, считая их неспособными постоять за себя, дальнейший ход событий показал, однако, со всей очевидностью, что албанцы на их новой родине в действительности вовсе не были слабыми и беспомощными, как это представлялось некоторым авторам: они и здесь выступали такими же борцами за свое независимое существование и такими же грозными врагами турок, какими были в других местах.

Рассказ об албанском восстании 1454 г. Халкокондил начинает следующими словами: „Когда албанцы увидели, что они (деспоты Палеологи) собираются бежать, они больше не захотели повиноваться, но, сговорившись, дали друг другу клятву захватить Пелопоннес“⁹. Такое объяснение события у Халкокондила вполне закономерно. По его мнению,

¹ Phrantzes, p. 391. 10.

² Chalco., p. 407. 11.

³ Ibid., p. 407. 9.

⁴ Ibid., p. 407. 13.

⁵ Phrantzes, p. 391. 15. Слово *хастрас* может быть следует связывать не с *састра*, а сопоставлять его с албанским словом *хастрасе-ча*, т. е. „соломенная хижина“?

⁶ Chalco., p. 407. 13.

⁷ Phrantzes, p. 391. 15.

⁸ Критовул говорит, что „большинство“ из них — кочевники. Следовательно, какая-то их часть уже перешла к оседлому образу жизни. Critob., III, XVI, 1. Ср. Э. В. Удальцова. Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке. ВВ, т. IV, 1951, стр. 113 и сл.

⁹ Chalco., p. 406. 20—21.

для процветания греческого государства необходимо всячески укреплять власть греков над всеми подвластными им „не-греками“. Это — общая установка историка, выдвигаемая им уже во вступлении к своему труду¹.

Осень 1454 г. была удобным моментом для восстания. Только что пал Константинополь. Деспоты Пелопоннеса оказались неспособны организовать сопротивление туркам. В этой обстановке албанцы рассчитывали достигнуть успеха в своей борьбе за освобождение от господства греков.

Началась подготовка восстания. В ходе ее значительную роль сыграл, как сообщает Халкокондил, Петр Хромой. „Сделали они это под влиянием Петра Хромого, — пишет историк, — человека нехорошего образа мыслей, но вообще деятельного, показавшего албанцам путь к осуществлению этого восстания“².

В этом сообщении обращает на себя внимание тот факт, что Халкокондил ничего не говорит о происхождении Петра Хромого. Весь контекст, в котором Халкокондил говорит о Петре, указывает на то, что здесь идет речь только о политической фигуре, а не о частном лице. В этом смысле и следует оценивать характеристику Петра Халкокондилом. Образ мыслей Петра „нехорош“ для грека Халкокондила именно тем, что он смел думать о восстании против греков и о захвате греческой территории, — и не только думать, но и взять на себя ведущую роль в подготовке восстания. Халкокондил, верный своему политическому *credo* (греки должны быть выше „не-греков“), и не мог иначе отзываться о Петре.

Но наш историк вместе с тем признает, что Петр был способен выполнить (и, может быть, даже успешно) то дело, за которое он взялся³.

Петр считал нужным разъяснить албанцам, каким путем они могут скорее всего добиться ближайшей цели, т. е. отпадения от греков⁴ и захвата Пелопоннеса⁵. Энергично выступая за освобождение от власти греков⁶, Петр полагал необходимым прежде всего, чтобы албанцы выбрали себе вождя⁷ по собственному усмотрению.

Судя по той энергии, которую проявлял Петр, организуя восстание, по той роли, которую отводит ему Халкокондил в подготовке этого восстания, судя, наконец, по тому, что совет его был принят, можно было бы ожидать, что албанцы выберут вождем самого Петра. Этого, однако, не случилось по причине, о которой Халкокондил не говорит.

По совету Петра албанцы вступили в переговоры со своими вождями⁸, однако эти переговоры успеха не имели: албанцам, говорит

¹ Chalco., p. 5. 2.

² Ibid., p. 406. 23.

³ Ibid., p. 407. 1.

Обращает на себя внимание резко отрицательная характеристика Петра Хромого, данная в свое время В. Цинкейзенем (W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. II. Gotha, 1909, S. 173). Изображая организатора восстания коварным и эгоистичным честолюбцем, Цинкейзен, ссылавшийся в обоснование этой характеристики на Халкокондила, на самом деле опирался на ошибочный латинский перевод соответствующего греческого текста: Petrus Claudus, vir improbus et parum dextris moribus praeditus (человек негодный, дурных нравов).

⁴ Chalco., p. 407. 2, 3.

⁵ Ibid., p. 406. 22.

⁶ Ibid., p. 407. 3.

⁷ Ibid., p. 407. 4.

⁸ Ibid., p. 407. 5.

наш историк, помешали выбрать того, кого они хотели. Повидимому, намеченные кандидатуры удовлетворяли не всех участников восстания¹.

Этими событиями заканчивается первый период восстания 1454 г., когда оно еще не выходило за пределы только „албанского“; албанцы добивались независимого существования не для всего Пелопоннеса, но лишь для себя на занимаемой ими территории. Готовясь к восстанию, албанцы рассчитывали только на свои собственные силы.

После того как албанцам не удалось сделать вождем того, кого им хотелось, они стали искать себе предводителя среди греков. Обращались ко многим, наконец², остановили свой выбор на Мануиле Кантакузине, стоявшем в оппозиции к деспотам Палеологам. Он охотно согласился на сделанное ему предложение, и договоренность была быстро достигнута. По крайней мере, так утверждает Франдзи: „И Кантакузина Мануила они скоро сделали деспотом“³. Франдзи удивляет поступок Кантакузина. „Я не знаю, что сказать о нем, — недоумевает он, — почему и ради чего пошел он на это?“⁴.

Халкокондил ничего не сообщает о том, примкнули ли с избранием Мануила греки к движению албанцев. Но самый выбор Кантакузина вождем восстания заставляет предполагать, что за ним стояли греки, сочувствовавшие восстанию.

С принятием Мануилом Кантакузином предложения возглавить восстание албанцев начинается второй этап восстания: албанцы перешли к активным военным действиям. Восставшие двинулись на греков, захватывая имущество их и угоняя скот. Албанцы совершали нападения на противника не только в сельских местностях; они нападали и на города⁵.

С греками, как пишет Халкокондил, албанцы поступали жестоко. Они обращались с ними, как с рабами⁶.

На какой-то стадии этого восстания руководители албанцев обратились к султану с просьбой передать им Пелопоннес⁷. Они обещали

¹ Chalco., p. 407. 5.

² Ibid., p. 407. 8.

³ Phrantzes, p. 383. 9.

⁴ Ibid., p. 388. 10.

⁵ Chalco., p. 407. 9. Это место текста, где у Халкокондила говорится о нападении на города, представляет некоторые трудности для понимания. Затруднение касается слов τῶν πύλων τε ἐστίν, к которым имеется конъектура τῶν πύλων ἐστίν ἄς. Боннское издание дает это место в следующем виде: καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων ἦγον καὶ ἔφερον, καὶ ὑποζύγια μὲν καὶ ζῶα, ὅσα εἶχον οἱ Ἕλληνες, ἐληίζοντο σπρττεύμενοι· εἰς τὸ γένος τοῦτο νομάδες ἄπλητες καὶ οὐδαμῆ σφίσι χρόνιον τὴν δικταβίην ποιούμενοι· ταῦτη δὲ ὀρμώμενοι τῶν πύλων τε ἐστίν ὑπὸ γράγοντο, καὶ ἐπέλαυνοντα· τὰς μὲν ἐπολιόρουσιν, τὰς δὲ καὶ ἐδῆρυν. Перевод: „они грабили и разоряли эллинов и, ведя войну, захватывали их вьючный скот и (других) животных. Племя это (албанцы) целиком номады, нигде они не остаются надолго. Здесь же (в Пелопоннесе), при своем нападении, они и дома захватывали в городах и, нападая, одни города осаждали, другие даже разрушали“. В издании Дарко принята конъектура ἐστίν ἄς. Тогда вместо „дома захватывали в городах“ надо читать „захватывали некоторые города“. Таким образом, в чтении Дарко говорится о захвате некоторых городов, об осаде одних и о разрушении других. В чтении Боннского корпуса говорится о захвате домов в городах, об осаде одних городов и о разрушении других. И тот и другой текст указывает, что речь идет не только об „осаде“ и не только о „разрушении“ городов. Чтение Дарко подтверждает сообщение Франдзи о том, что албанцы в ходе восстания требовали города в свое управление (Phrantzes, p. 391. 15). Чтение Боннского кодекса дает основание думать, что албанцы в 1454 г. не только берут и разрушают города в Пелопоннесе, но стремятся захватить и дома. Можно, следовательно, предположить, что какая-то часть албанцев определенно заинтересована в захвате постоянных жилищ.

⁶ Chalco., p. 407. 14.

⁷ Ibid., p. 407. 16.

отдать города Пелопоннеса, уплачивать ежегодную дань и предоставлять в случае необходимости туркам войско¹. Вероятно, эти предложения явились результатом присоединения к албанскому восстанию сепаратистски настроенного греческого архонта Мануила, который готов был пойти на какие-то соглашения с турками².

О том, какова была реакция турок на это предложение албанских предводителей, Халкокондил ничего не сообщает.

На третьем этапе восстания к албанцам сочли выгодным присоединиться и стать союзниками восставших предводители знати: итальянец Чентурионе Цаккария и греки Лукан и Бохал³.

Стимулом, побудившим Чентурионе примкнуть к восстанию, были старые личные счеты с деспотом Фомой⁴. Значительно более крупной фигурой, чем Чентурионе, является Лукан. Он принадлежал к „неплохому“, хотя и „очень мало известному роду“⁵. Выдвинувшись при Феодоре Младшем, деспоте Спарты, Лукан занимал при дворе этого князя видное положение⁶. Он, говорит Халкокондил, казался человеком одаренным от природы⁷ и достаточно опытным в делах⁸.

В своей политической деятельности в Пелопоннесе Лукан использовал противоречия между пелопоннесской знатью и греками Константинополя⁹, страх пелопоннессцев перед турками¹⁰, боязнь знати потерять положение¹¹ и земли. Еще до своего столкновения с деспотом Фомой Лукан устраивал заговоры¹², группировал вокруг себя знатных греков, а затем и албанскую знать¹³. „Лукана, желавшего изменить установленные Фомой порядки, — говорит Халкокондил, — он (Фома) схватил и держал заключенным в Акрополе“¹⁴. В каком направлении Лукан хотел изменить „порядки Фомы“, видно из того, что он, по словам нашего источника, убеждал пелопоннесских греков договориться с каким-нибудь вождем¹⁵, может быть, имея в виду себя самого. Халкокондил отрицательно относится к намерениям Лукана. Ничего „здорового“, — такого, что могло бы изменить положение вещей в Пелопоннесе, он не видит в „программе“ этого архонта.

Примкнувшие к движению албанцев Мануил Кантакузин, Чентурионе и Лукан принадлежали к тем представителям родовитой знати, которые и раньше при первом удобном случае выступали против деспотов Палеологов. Одни из этих знатных людей ставили своей целью возвращение потерянных владений (Чентурионе), другие действовали, боясь потерять их (Мануил Кантакузин), третьи выдвигали весьма далеко идущие политические планы (Лукан).

¹ Chalco., p. 407. 17.

² Ibid., p. 446. 11. Кантакузин не был до конца предан делу албанцев. Повидимому, он имел какие-то „заслуги“ перед турками, поскольку, попав в лагерь Мехмеда и будучи обвинен султаном в потворстве албанцам, он огделался лишь тем, что его просто выгнали из лагеря.

³ Бохал, архонт Леонтария, потерпел поражение от войск деспота и был ослеплен (Ibid., p. 408. 8).

⁴ W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. II, S. 180.

⁵ Chalco., p. 408. 17.

⁶ Ibid., p. 408. 20.

⁷ Ibid., p. 408. 19.

⁸ Ibid., p. 409. 20.

⁹ Ibid., p. 409. 1.

¹⁰ Ibid., p. 409. 2.

¹¹ Ibid., p. 408. 5.

¹² Ibid., p. 408. 15.

¹³ Ibid., p. 408. 16.

¹⁴ Ibid., p. 408. 14.

¹⁵ Ibid., p. 409. 7.

Таковы были те люди, которые стояли во главе восстания 1454 г. других руководителей восстания Халкокондил не называет.

После присоединения к албанцам греческих союзников „дела албанцев пошли в гору“¹, — пишет Халкокондил, считаящий нужным дважды отметить это обстоятельство. „И казалось, — говорит он в другом месте, — что все в Пелопоннесе перейдет к албанцам“². Положение в Пелопоннесе складывалось настолько благоприятно для восставших, что в дело решили вмешаться турки. По просьбе Асана, зятя Димитрия, Мехмед II прислал войско под начальством Турахана³, который прибыл в Пелопоннес в декабре 1454 г.⁴ С этого момента албанское восстание вступает в свой четвертый этап.

В турецком стане понимали, что усмирение албанского восстания — дело трудное, и считали целесообразным на первых порах воспользоваться для этой цели силами греков, тем более, что впереди предстояла война с Венгрией: новое наступление против Гуннади было назначено на весну 1455 г. Зима 1454—1455 гг. должна была быть использована для подготовки предстоящих походов⁵.

Вместе с тем отказать грекам в какой бы то ни было помощи тоже было невозможно: это грозило окончательным поражением деспотов, место которых в этом случае занял бы значительно более опасный противник.

Турки стремились, с одной стороны, ослабить албанцев, сделав это с наименьшей затратой своих сил и времени, с другой — не допустить и чрезмерного усиления деспотов, подлив масла в огонь их постоянной взаимной вражды.

Турахан, сделав вид, будто думает только о благе деспотов, по рассказу Халкокондила, советует им изменить отношение к своим подданным. Нельзя относиться ко всем одинаково: надо награждать хороших⁶, карать плохих⁷. Покровительствуя усердным, деспоты могут справиться со своими врагами⁸; покровительствуя негодным, они сами погибнут⁹. Но прошедшее — урок настоящему¹⁰. Все можно еще изменить к лучшему. Не лишним показалось Турахану и несколько припугнуть деспотов: без помощи султана они погибнут¹¹.

Результаты дипломатии Турахана не замедлили сказаться. Как пишет не без горечи Халкокондил, „благодаря этим советам все вышло наоборот“¹². Действительно: „бросившись улаживать своих приближенных, они (деспоты) ссорились друг с другом, споря, кто из них оказывает больше благодеяний“¹³. Этим немедленно воспользовались в своих интересах люди, ближе всего стоящие к деспотам. Начались заговоры. „А деспоты, безумствуя друг против друга, обрекали на гибель свое дело“¹³.

Описав катастрофическое положение страны, оказавшейся под властью негодных правителей, энергичные выступления против них в это время

Лукана Пелопоннесца¹, а также отказ албанцев и пелопоннесцев вносить полагающуюся с них дань (это поставило деспотов в отчаянное положение по отношению к туркам), Халкокондил называет, наконец, действительную причину албанского восстания: „И таким образом, эллины, сами себя истребляя, в скором времени погибли зря. Ведь албанцы и пелопоннесцы отказались уплачивать дань, если они не получают землю на совершенно одинаковых с эллинами основаниях“².

Это важное известие указывает на то, что после похода Турахана сила албанцев оказалась настолько велика, что их позиция — отказ платить дань деспотам — поставила под угрозу само существование греческого государства в Пелопоннесе. Но еще более существенным является то, что это свидетельство позволяет установить настоящую причину восстания 1454 г.: на первом плане стоял вопрос о земле.

Борьба шла за освобождение от греков, за захват Пелопоннеса³ и за справедливый раздел земли⁴, отмечает Халкокондил. Он фиксирует три основных требования восставших: требование свободного существования; право и впредь жить там, где они живут теперь; справедливый раздел этой земли.

Это последнее требование, являющееся ведущим, было непосредственно связано с кровными интересами народных масс. Важным представляется указание Халкокондила на то, что, наряду с албанцами, это требование выдвигали и пелопоннесцы, объединившиеся с ними⁵. Кого бы ни имел в виду в данном случае под этим именем Халкокондил (греков, или, может быть, даже славянское население полуострова), ясно, что, говоря о пелопоннесцах, требующих раздела земли, он разумел тех людей, у которых земли не было или которые имели ее на каких-то худших условиях, т. е., во всяком случае, людей обездоленных.

Требование, предъявленное восставшими, до того возмутило Халкокондила, что он не мог отказать себе в удовольствии позлорадствовать. Выражаясь довольно вычурно, он пишет: „Но нужно было, чтобы все поведение албанцев оказалось их последним и бесполезным проявлением силы, ничего не принесшим им, кроме несчастья“⁶.

Историю подавления восстания Халкокондил рисует в общих чертах следующим образом. По предложению Турахана против албанцев вместе с турками отправился и деспот Димитрий. Албанцы укрыли женщин и детей в крепости Барботии, находящейся в деспотате Мистры. Подступы к этому пункту они укрепили, построив стену и башню⁷. Турки сделали подкоп и пытались овладеть Барботией⁸. Ночь помешала им это сделать. Пользуясь темнотой, жители пробовали уйти. Турки заметили это, напали на них и захватили до 10000 человек.

Оттуда через Итому⁹ турки двинулись на крепостцу Автес¹⁰. Жители ее незадолго до того перешли на сторону Чентурионе. Город сдался

¹ Chalc., p. 408. 3.

² Ibid., p. 409. 13.

³ Ibid., p. 409. 14.

⁴ Phrantzes, p. 383. 11, где вместо Турахана указан его сын Омар.

⁵ W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. II, S. 76.

⁶ Chalc., p. 410. 4.

⁷ Ibid., p. 410. 6.

⁸ Ibid., p. 410. 7.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., p. 410. 12.

¹¹ Ibid., p. 410. 13.

¹² Ibid., p. 410. 16.

¹³ Ibid., p. 413. 6.

¹ Chalc., p. 413. 6—13.

² Οἱ μὲν Ἕλληνας οὕτω ἐν οὐδενὶ λόγῳ ὑπὸ σφῶν αὐτῶν ἐπιτριβόμενοι κατὰ βραχὺ ἀπῶλ-
λύντο· τὸν τε γὰρ φόρον αὐτοὶ τε οἱ Ἄλβανοὶ καὶ οἱ Πελοποννήσιοι οὐκ ἔρασαν ἀποδίδόναι, ἂν
μὴ τις αὐτοῖς ἐπιτελέμενος τὴν χώραν ἐπὶ τοῖς ἰσοῖς τε καὶ ὁμοίοις ἔμβραϊν. Chalc.,
p. 414, 5.

³ Ibid., p. 406. 22.

⁴ Ibid., p. 414. 8.

⁵ Ibid., p. 413. 15.

⁶ Ibid., p. 414. 9.

⁷ Ibid., p. 411. 15.

⁸ Ibid., p. 411. 17.

⁹ Ibid., p. 412. 1.

¹⁰ Ibid., p. 412. 2.

нападающим: горожане обязались выдать туркам, по словам Халкокондила, 1000 рабов, оружие и вьючный скот.

После этого и остальные албанцы отправили своих послов к деспотам, обещав прекратить сопротивление, если им будет сохранено все то, чем они завладели¹, и кроме того, разрешено оставить у себя всех захваченных лошадей и вьючных животных. Деспоты согласились принять эти условия.

Заключение по существу столь почетного для албанцев мира, происшедшее, если верить Халкокондилу, после их сплошных неудач, отнюдь не было успехом Турахана. Повидимому, справиться с восставшими было не так легко, как об этом пишет Халкокондил, рисуя картину побед турок: в ходе борьбы последние убедились в том, что им предстоит впереди немалые трудности. Не приходится удивляться тому, что Халкокондил, восхваляя подвиг Арианита Комнина², умаляет успехи пелопоннесских албанцев, хотя и воздает должное их стойкости. В первом случае дело шло о борьбе за албанскую территорию. Во втором же случае албанцы Пелопоннеса покушались, по мнению Халкокондила, на территорию греков: этот факт с его точки зрения заслуживает осуждения. Историк как бы забывает, что албанцы действовали в Пелопоннесе не одни; что заодно с ними выступали и „пелопоннесцы“.

После восстания 1454 г., несмотря на мир, заключенный с деспотами, албанцы не прекратили своей борьбы. Они отказались выплачивать деспотам дань. То же самое сделали и „пелопоннесцы“³. Не получая средств ни от тех, ни от других, деспоты, в свою очередь, ничего не вносили туркам. Когда посланные Мехмеда II явились в Пелопоннес за данью, они, по словам историка, „не нашли здесь ничего хорошего“. Халкокондил сетует на то, что греки своим поведением губят общее дело⁴. Их „неразумное и недальновидное“ поведение⁵ привело, по его мнению, к тому, что Мехмед двинулся на Пелопоннес⁶.

Султан выступил в поход после того, как послал Махмуда, сына Михаила, против венгров и узнал, что они держатся спокойно⁷. С султаном шло все восточное войско и войска Фессалии и Македонии. Подойдя к Коринфу, Мехмед не стал тратить времени на осаду этого хорошо укрепленного города; оставив его окруженным своими войсками, султан с основными силами устремился дальше.

Прежде всего он направился на Флиунт. Предводитель флиунтских албанцев переправил их в хорошо укрепленное место⁸. Туда же поместили и „других жителей Флиунта“⁹.

Албанцы Флиунта были сильнейшими противниками турок в Пелопоннесе¹⁰. Однако город Тарс вступил в переговоры с турками (причины этого Халкокондил не раскрывает), отдал им 300 мальчиков и принял турецкого архонта¹¹.

Направившись из Тарса вглубь Пелопоннеса, Мехмед II встретил на своем пути город, построенный на „высокой горе“¹.

Турки отрезали его от воды, хотя горожанами были приняты все меры для защиты источника. Недостаток воды заставил жителей (пытавшихся было месить хлеб на крови животных) пойти на переговоры. Не дождаввшись их окончания, турки обманным путем захватили город.

Такой же была судьба Акрибы, жители которой оказали отчаянное сопротивление захватчикам².

От Акрибы войско Мехмеда II двинулось на Рупель³. Там укрылись и греки и албанцы со своими женами и детьми. Жители крепости доблестно выдержали неоднократные атаки турок. Нападавшие собирались уже бросить дело, как город неожиданно сдался⁴. Жители его были переселены в Константинополь⁵. В Рупеле, между прочим, находилось двадцать человек из числа защитников сдавшегося Тарса. Они пришли сюда, чтобы продолжать борьбу с турками. После падения Рупеля эти люди особенно жестоко пострадали⁶.

Овладев названной крепостью, Мехмед II направился дальше на юг. Пройдя через Мантинию, его войско достигло города Падзеники⁷. Однако все попытки турок взять этот город потерпели неудачу: им пришлось уйти из-под Падзеники.

В Леонтарии деспот Фома собрал албанцев и поднявшихся против турок греков⁸. Он построил их к бою, и вид этого войска, как пишет Халкокондил, смутил турок. Однако восставшие на этот раз понесли поражение⁹. Немало было перебито албанцев, населявших окрестности Пилоса¹⁰. Доблестно защищался город Салменика¹¹, где укрылись жившие близ него греки и албанцы. Турки не раз предпринимали штурм города, били по нему из осадных машин, ранили многих жителей, но так ничего и не добились¹². С исключительной доблестью сражались защитники акрополя этого города¹³.

Недостаток воды в конце концов заставил жителей сдать. 600 горожан Мехмед сделал рабами и роздал представителям турецкой военной знати¹⁴. Около 600 мальчиков он взял в янычары, всех же остальных продал в рабство¹⁵.

Во время похода Мехмеда II на Пелопоннес наиболее сильное сопротивление туркам оказали албанцы Флиунта. Султан особенно хотел подорвать позиции восставших в этом районе, так как знал, по словам Халкокондила, что больше всех нарушают спокойствие и сопротивляются им именно эти албанцы: отсюда — и чрезвычайно жестокая расправа с ними, учиненная турками.

Позднее албанцы под руководством своих вождей Петра Хромого, организатора восстания 1454 г., и Расика поддерживали греков. Они

¹ Chalco., p. 412. 7.

² Ibid., p. 251. 7.

³ Ibid., p. 442. 5.

⁴ Ibid., p. 442. 3.

⁵ Ibid., p. 442. 8.

⁶ Ibid., p. 443. 1.

⁷ Ibid., p. 443. 3.

⁸ Ibid., p. 443. 15.

⁹ Ibid., p. 444. 16.

¹⁰ Ibid., p. 444. 16. Данный текст может служить лишним подтверждением того, что в борьбе против турок объединилось все население Пелопоннеса, совместными усилиями.

¹¹ Ibid., p. 482. 19.

¹² Ibid., p. 444. 18.

¹ Chalco., p. 444. 21.

² Ibid., p. 445. 14.

³ Ibid., p. 445. 18.

⁴ Ibid., p. 446. 3.

⁵ Ibid., p. 446. 6.

⁶ Ibid., p. 446. 7.

⁷ Ibid., p. 446. 12.

⁸ Ibid., p. 457. 19.

⁹ Ibid., p. 458. 11.

¹⁰ Ibid., p. 478. 12.

¹¹ Ibid., p. 480. 12.

¹² Ibid., p. 480. 20.

¹³ Ibid., p. 481. 8.

¹⁴ Ibid., p. 481. 5.

¹⁵ Ibid., p. 481. 7.

готовы были помогать и Венецианской республике в восстановлении Истма, обещав даже Венеции содействие всех пелопоннесцев¹.

В „Истории“ Халкокондила содержатся также некоторые сведения об отпоре туркам, данным албанцами уже на собственно албанской территории.

Мехмед II, потерпев неудачу в борьбе с венграми², посылает войско против Скандербега, с которым в свое время не мог справиться Мурат. Во главе этого войска, набранного из Ферр, в районе Аксия и Фессалии, он ставит Иесуса, сына Бранидзы³. Под его водительством войско вторгается в Ионию⁴ и опустошает большую ее часть.

В ответ на это Скандербег посылает посольство к римскому папе и к неаполитанскому королю Альфонсу, с которым он был уже связан раньше⁵. Поэтому, как полагает Халкокондил, Скандербег и привлек Альфонса к войне против турок. Скандербег передал Альфонсу Крую и согласился признать его верховную власть⁶. Неаполитанский король переправляет из Апулии в Эпидамн значительное войско, вместе с которым посылает и архонта-стратига — „человека, в Неаполе славного“⁷. Итальянцы принялись грабить турок. Затем, остановившись у Сфетии, они осадили город и пытались овладеть им.

Узнав об этом, Иесус поспешил на помощь осажденному городу⁸. Турки двинулись не той дорогой, по которой их ожидали итальянцы. Нападение оказалось неожиданным для последних: турки перебили войско неаполитанского короля. Скандербег при этом не пострадал, так как его не было в то время под стенами города. Несколько позднее сам Скандербег поехал в Италию к королю Неаполя и к папе. Он был ими принят с почетом, получил, по словам Халкокондила, достаточно денег и вернулся на родину⁹. В ожидании нового наступления султана Скандербег принял меры предосторожности: женщин и детей он отправил в укрепленные места и сам вместе с войском держался в горах, объезжая страну и охраняя ее там, где это требовалось¹⁰.

Между тем, турецкое войско начало набеги, уводя скот. Турки пробыли в Албании недолго, но сожгли и погубили все. Устав грабить, по выражению Халкокондила, они ушли, ничего не добившись¹¹.

Далее Халкокондил рассказывает, что Скандербег стал строить крепость у Эпидамна. Построив ее, он поселил там немало албанцев и укрепил город на всякий непредвиденный случай¹². Турки не смогли взять город и были вынуждены уйти¹³.

В результате этого похода Мехмед II не добился никаких сколько-нибудь существенных результатов.

Мы не останавливаемся подробно на борьбе албанцев за свою независимость во второй половине XV в., так как это составляет тему особого исследования.

¹ Chalco., p. 557. 19.

² Ibid., p. 432. 3.

³ Ibid., p. 432. 7.

⁴ Ibid., p. 432. 10.

⁵ Ibid., p. 432. 13.

⁶ Ibid., p. 432. 15.

⁷ Ibid., p. 432. 17.

⁸ Ibid., p. 433. 21.

⁹ Ibid., p. 433. 4.

¹⁰ Ibid., p. 433. 13.

¹¹ Ibid., p. 433. 11.

¹² Ibid., p. 434. 3.

¹³ Ibid., p. 434. 9.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОЗАИКАХ И ФРЕСКАХ СОФИИ КИЕВСКОЙ

Мозаики и фрески Софии Киевской уже давно привлекают к себе внимание исследователей. Нет, кажется, ни одной книги по истории византийского и древнерусского искусства, в которой они не упоминались бы. Но, к сожалению, все, что написано о софийских мозаиках и фресках, основывается на их старом состоянии сохранности, в котором они были известны до реставрационных работ последних лет. А между тем эти работы, осуществляемые Софийским Заповедником под контролем Научно-методического совета по охране памятников культуры при Академии наук СССР, внесли много нового в наши традиционные представления о прославленном киевском памятнике. Все мозаики были закреплены в отстающих местах и расширены от вековых слоев пыли и копоти, что привело к радикальному изменению их колорита. При этом производились десятки зондажей на предмет определения границ сохранности первоначальной мозаики. Аналогичная работа, рассчитанная еще на несколько лет, проводится и над фресками Софии Киевской, варварски записанными в 40—50-х годах прошлого столетия. В результате внимательнейшего обследования всей живописной поверхности росписи храма удалось точно определить, где находились в свое время старые фрески, где они полностью утрачены и где они частично уцелели под позднейшими слоями записей. Все сказанное, вместе взятое, привело к необходимости совсем по-новому решать ряд вопросов, связанных с изучением этого крупнейшего для XI в. монументального ансамбля. Теперь появилась возможность не только уточнить дату возникновения мозаик и основной группы фресок, но и восстановить первоначальный состав росписи как в центральной части храма, так и на хорах. Ряд новых данных позволяет также реконструировать погибшую мозаичскую декорацию вимы и не дошедший до нас групповой портрет семьи Ярослава, в свое время украшавший западную стену центрального корабля.

О ДАТЕ ЗАВЕРШЕНИЯ МОЗАИК И ОСНОВНОЙ ЧАСТИ ФРЕСОК

София Киевская была начата постройкой в 1037 г.¹ Поскольку зодчие Киевской Руси уже обладали опытом по возведению больших сооружений, есть основание предполагать, что храм Софии строился много быстрее Десятинной церкви. На возведение и отделку этого храма, первоначальная площадь которого была равна ок. 486 кв. м, потребо-

¹ Обоснованию этой даты посвящено еще не опубликованное специальное исследование М. К. Каргера.

валось семь лет (989—996)¹. София Новгородская, как известно, строилась пять лет (1045—1050)², но к моменту завершения она не имела росписей³. Так как площади Софии Киевской и Софии Новгородской не очень сильно разнятся друг от друга [София Киевская — 1345 кв. м (без наружной галереи), София Новгородская — 1099 кв. м], то можно высказать предположение, не рискуя при этом впасть в большую ошибку, что София Киевская строилась около шести—семи лет. Но тут сразу же возникает вопрос о степени ее завершенности внутри. Была ли она к 1043—1044 гг. уже украшена мозаиками и фресками, или оставалась к этому времени, подобно Софии Новгородской, лишенной всякой росписи? В решении данного вопроса нам помогают сведения, содержащиеся в месяцесловах и святцах, куда заносились дни освящения знаменитых церквей.

В месяцеслове „Мстиславова Евангелия“ (1103—1117) под датой 4 ноября имеется запись о том, что в этот день митрополит Ефрем святил „Святых Софии, иже есть въ Києве градъ“⁴. Н. П. Сычев, следуя по стопам М. Д. Приселкова⁵, использовал это известие как доказательство того, что освящение храма Софии имело место либо в 1061, либо в 1067 г. (только в эти два года воскресенье — день, когда обычно освящались храмы, — падает на 4 ноября старого стиля)⁶. Отсюда Н. П. Сычев сделал далеко идущие выводы, согласно которым София Киевская строилась около тридцати лет⁷. Но и М. Д. Приселков, и Н. П. Сычев упустили один весьма важный факт, приводимый Е. Е. Голубинским: в позднейших святцах упоминаются два освящения храма Софии — 11 мая и 4 ноября⁸.

¹ Повесть временных лет. Подготовка текста Д. С. Лихачева, стр. 83, 85. „В лѣто 6497. Посемь же Володимерь живяше въ законѣ хрестыянствѣ, помысли создати церковь пресвятыхъ Богородица, и пославъ приведе мастера от Грекъ. И наченшию же здати, я яко сконча зижа, украси ю иконами...“ „В лѣто 6504. Володимерь видѣвъ церковь свершену, вшеде в ню и помолася богу...“ В Воскресенской и Ермолинской летописях закладка Десятинной церкви отнесена к 991 г., в Никоновской — к 993 г. Окончание Десятинной церкви в летописях обычно связывается с 996 г. (в Никоновской летописи — с 998 г.). Таким образом во всех летописных вариантах длительность постройки Десятинной церкви определяется не менее, чем в пять лет.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 181. „В лѣто 6553. Заложи Володимиръ святую Софию в Новѣгородѣ“. „В лѣто 6558. Свершена бысть Святая Софа в Новѣгородѣ“.

³ См. Ю. Дмитриев. Заметки по технике русских стеновых росписей в X—XII вв. — „Ежегодник института истории искусств АН СССР“, 1954, стр. 238, 275.

⁴ П. Симони. Мстиславова Евангелие в археологическом и палеографическом отношениях. СПб., 1910, стр. 10. Примерно такая же запись фигурирует в новгородском „Прологе“ XIII—XIV вв. См. Макарий. История русской церкви, I, СПб., 1857, стр. 222.

⁵ М. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1911, стр. 111, 121.

⁶ Н. Сычев. Древнейший фрагмент русско-византийской живописи. „Seminarium Kondakovianum“, 1928 (II), стр. 99—103.

⁷ Н. Сычев. Искусство средневековой Руси, стр. 188 (в „Истории искусства всех времен и народов“, кн. 4. Л., 1929).

⁸ Н. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 108—109; Арх. Сергей Спасский. Полный месяцеслов Востока, т. II, изд. 2. Владимир, 1901, стр. 139; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, часть 2, М., 1880, стр. 408. П. Г. Лебединцев („О св. Софии Киевской“, „Труды третьего археологического съезда в России“, I. Киев, 1878, стр. 57—58) также говорит о первом освящении храма Софии, но не уточняет его год; по мнению П. Г. Лебединцева, это первое освящение было произведено Феопемптом между 1039 и 1049 гг.

Рассматривать сообщение летописи от 1039 г. об освящении „церкви святыхъ Богородица“ (т. е. Десятинной церкви) митрополитом Феопемптом, как относящееся к храму Софии, нет решительно никаких оснований, ибо в этом году еще нечего

На л. 166 псковского „Апостола“ от 1307 г. [Гос. Исторический Музей (Синод. 722)] говорится об освящении храма Софии 11 мая. Однако здесь оно явно ошибочно связывается с 6460, т. е. с 952 г. По мало достоверному известию Иоакимовской летописи — Ольга, возвратившись в Царьград, возвела в Киеве деревянную церковь св. Софии. Но, как известно, Ольга ездила в Константинополь в 955 г. и, следовательно, никакой церкви св. Софии за три года до этой поездки она не могла построить. Тут, несомненно, налицо какая-то путаница с датами. Повидимому, день освящения Софии Киевской был произвольно перенесен на другой, более ранний памятник, что, возможно, объясняется существованием в Пскове культа Ольги.

В позднейших „Святцах“, „Толковых Апостолах“, „Месяцесловах“, „Псалтирях“, „Службениках“ и „Стихирарях“ царит не меньший произвол в отношении дат освящения храма Софии. Либо об этом освящении вообще умалчивается, либо говорится об освящении 4 ноября, причем иногда оно относится к 1037 г., как, например, в „Святцах“ от 1600 г. из Собрания Большакова (Ф. 37, л. 18 об.) и в рукописи того же названия XVII в. из Синодальной библиотеки (Ф. 272, лл. 47—47 об.; хранятся в Гос. библиотеке им. Ленина), либо глухо упоминается освящение 11 мая. Тот факт, что в большинстве рукописей освящение Софии Киевской обходится молчанием, имеет простое объяснение: древнейшие прототипы этих рукописей копировались с греческих месяцесловов. Реальные же даты освящения киевского храма, в свое время занесенные в местные святцы, которые обычно велись при прославленных церквях, оказались в дальнейшем, при переписывании этих святцев, затерянными, и их восстанавливали на основе всяческих домыслов. Уцелели лишь обозначения дней освящения (11 мая и 4 ноября), так что, сообщая о времени освящения, книжные писцы могли дать волю своей фантазии.

В этих условиях единственным надежным методом датировки является астрономический расчет, позволяющий точно определить, в каком году 11 мая старого стиля падает на воскресенье. Для 40-х годов XI в., которые только и могут приниматься нами в расчет, имеются лишь две возможности; либо 1040, либо 1046 г.¹ Но первая дата отпадает сама собой, так как к этому времени храм Софии, заложенный в 1037 г., еще не мог быть построен. Остается, следовательно, вторая дата, т. е. 1046 г. — девятый год после закладки здания. Он весьма подходит к освящению храма Софии и потому, что как раз в этом году был заключен мир с Византией².

Против предположения Н. П. Сычева о том, что храм Софии Киевской строился около тридцати лет, могут быть приведены еще два до-

было освящать. К тому же летописец самым недвусмысленным образом характеризует постройку, которую он подразумевает: „юже созда Володимерь, тедеъ Ярославъ“. К такому искаженному толкованию летописи прибегают обычно те, кто ошибочно относит закладку храма Софии к 1017 г. (см. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 415; Д. Айналов. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира. — „Сборник в память князя Владимира“. СПб., 1917, стр. 37—38). По непонятным причинам прибегает к этому толкованию и Д. С. Лихачев („Повесть временных лет“. Часть вторая. Приложения, стр. 378), хотя он правильно датирует закладку храма 1037 г. Неясности в датировке освящения прославленных храмов объясняются, в первую очередь, тем, что нередко совершалось несколько освящений, обусловленных открытиями новых приделов и дополнительной росписью отдельных частей церковной постройки.

¹ Приношу благодарность С. Н. Блажко за любезное уточнение этих дат.

² „Повесть временных лет“, стр. 104. Макарий („История русской церкви“, I, СПб., 1857, стр. 222) также относит окончание Софии Киевской ко времени ок. 1045 г.

вода решающего значения. Первый из них — сообщение „Повести временных лет“, согласно которому Ярослав поставил Иларiona в митрополиты в „святой Софии“, для чего собраны были все епископы: произошло это в 1051 г.¹, что вряд ли было бы возможным, если бы постройка храма растянулась на несколько десятилетий. Несомненно также, что уже до этого момента было произведено первое освящение храма Софии.

Второй аргумент против гипотезы Н. П. Сычева — портрет семейства Ярослава. Этот трехчастный портрет, украшающий центральный неф, мог быть исполнен лишь при жизни Ярослава, и притом до 1046 г.: в противном случае, его дочери, вышедшие замуж за королей Норвегии, Франции и Венгрии, были бы представлены с коронами на головах². Исходя из известных нам дат рождения сыновей Ярослава и предположительных — выхода замуж Елизаветы и Анны³ приходится считать наиболее вероятным временем возникновения трехчастного портрета 1044—1045 годы.

Вся совокупность приведенных нами доводов заставляет думать, что первое освящение Софии Киевской имело место в 1046 г. К этому моменту были, повидимому, закончены все мозаики и роспись центрального креста. Это и позволило произвести первое освящение. Работы над росписями хоров и, особенно, приделов могли затянуться до начала 60-х годов, но не подлежит никакому сомнению, что они восходят к той программе, которая была уточнена еще при жизни Ярослава (ум. в 1054 г.).

Затяжка работ над росписями приделов объясняет нам необходимость второго освящения храма, произведенного в 1061 либо 1067 г. Вероятно, Ярослав, обладавший, как известно, незаурядной волей, всячески форсировал темп работы при своей жизни, после же его смерти этот темп сильно снизился.

¹ „Повесть временных лет“, стр. 104.

² Подобные изображения встречаем на портретах князя Ярополка и его супруги, княгини Ирины на миниатюрах „Трирской псалтири“. См. Н. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи на миниатюрах XI века. СПб., 1906, табл. I, IV, VI. На копиях с рисунков Вестерфельда в коронах представлены лишь Ярослав и его супруга Ирина. Если бы портрет был написан после того, как дочери Ярослава сделали королевами, они несомненно были бы изображены в коронах. Это намного усилило бы репрезентативное начало группового портрета и лишнее раз подчеркнуло бы политическое могущество Ярослава.

³ Согласно свидетельству летописи, Владимир родился в 1020 г., Изяслав — в 1024, Святослав — в 1027, Всеволод — в 1030, Вячеслав — в 1034 или 1036 гг. (год рождения Игоря неизвестен). По не вполне надежным данным, Елизавета вышла замуж в 1044 г. (но стала королевой норвежской лишь в 1046—1047 гг.), а Анна — ок. 1050 г. Если принять за время написания группового портрета 1045 г., то Елизавете было к этому времени около 20 лет, Анне — около 17, родившейся в 1032 (?) г. младшей дочери — около 13, Владимиру — около 25, Изяславу — около 21, Святославу — около 18, Всеволоду — около 15, Вячеславу — около 12. Рост представленных на групповом портрете женских и мужских фигур соответствует этой возрастной шкале. М. К. Каргер („Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии“. „УЗЛУГ“, серия исторических наук, 1954, вып. 20, № 160, стр. 174) считает, что группа сыновей Ярослава состояла из пяти фигур, но против этого решительно говорят промеры площади стены (следует учитывать, что две левые фигуры были большими по размеру и потому занимали больше места). Кроме того, нельзя упускать из виду, что группа сыновей на северной стене составляла пандаю к группе дочерей на южной стене и поэтому должна была состоять также из четырех фигур. Вероятнее всего, здесь были изображены Изяслав, Святослав, Всеволод и Вячеслав (старший из сыновей — Владимир был представлен на западной стене, где, как показала последние открытия, находились, помимо фланкировавших Христа фигур Ярослава и Ирины, также по одной фигуре дочери и сына).

Во всяком случае, крайними хронологическими границами исполнения росписи хоров и приделов Софии Киевской являются 1042—1043 и

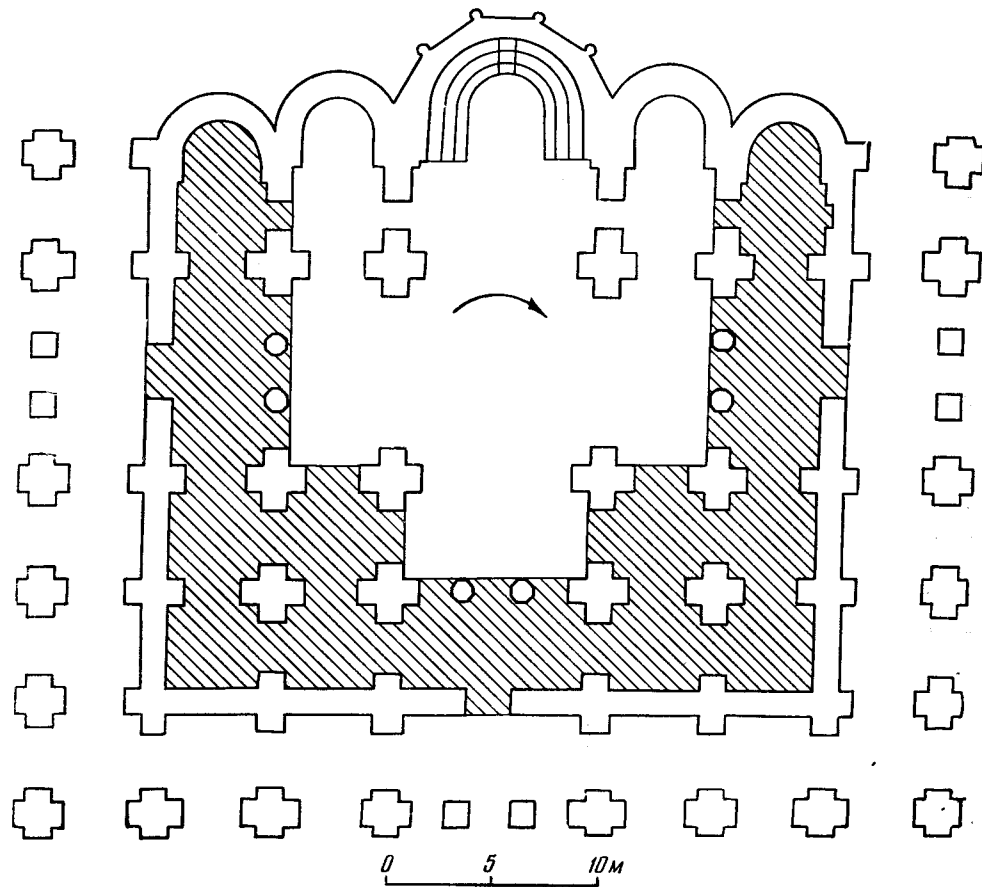

Рис. 1. План Софии Киевской

1061—1067 гг. Уточнение времени исполнения отдельных частей этого декоративного ансамбля возможно лишь на основании тщательного стилистического анализа самих фресок.

СОСТАВ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ЦИКЛА В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОРАБЛЕ И ТРАНСЕПТЕ

По сравнению с мозаиками Софии Киевской, ее фрескам свойственна большая свобода как в подборе сюжетов, так и в их распределении. Здесь уже никак нельзя говорить о точном следовании византийскому канону. Прежде всего это сказалось в самом подборе евангельских сюжетов, обнаруживающих ряд отклонений от принятого византийской церковью цикла „праздников“.

Евангельские сцены расположены в трансепте и в южном и северном крыльях хоров. В сценах, украшающих простенки трансепта, действие разворачивается слева направо (рис. 1), по принципу кругового

движения, причем более ранние эпизоды располагаются в верхнем регистре (в полукружиях, над трехпролетными арками хоров), более позднее — в нижнем (над трехпролетными арками первого яруса).

Все старые исследователи, занимавшиеся росписями Софии Киевской, не учитывали одного весьма важного обстоятельства — факта утраты многих фресок как в трансепте, так и в центральном корабле. Обычно они начинали обзор росписи с самого раннего эпизода, запечатленного среди сохранившихся фресок христологического цикла, — со сцены суда над Христом („Христос перед Каиафой“)¹. При этом никто не обращал внимания на то, что христологический цикл никак не мог начинаться со столь поздней сцены². Ей несомненно предшествовали изображения более ранних событий евангельской истории. Фактически оно так и было, если принять во внимание, что три свода центрального греческого креста в свое время также были украшены фресками. На каждом своде размещалось по две композиции³. Так как евангельский рассказ разворачивается в фресках Софии Киевской по принципу кругового движения сверху вниз, то не подлежит сомнению, что на сводах были изображены более ранние эпизоды евангельской истории. Таким образом, здесь было шесть ныне утраченных евангельских сцен, предшествовавших сцене судилища над Христом. Зная фонд наиболее распространенных сюжетов, вошедших и в „праздничные“ циклы, мы можем утверждать с большой долей вероятности, что на сводах центрального креста Софии Киевской были представлены следующие шесть сцен: „Рождество Христово“, „Сретение“, „Крещение“, „Преображение“, „Воскрешение Лазаря“ и „Вход в Иерусалим“ (рис. 2—4).

В пользу такого единственно мыслимого решения говорит целый ряд фактов и, прежде всего, аналогия с памятниками монументальной живописи XI—XII вв.

В своем капитальном труде „Иконография евангелия“ Г. Милле⁴, специально занимавшийся вопросом о составе „праздничных“ циклов, дал сводную таблицу встречающихся в них сюжетов. При этом он использовал не только иконографические памятники, но и литературные источники (Псевдо-Златоуста, Иоанна Евбейского, Иоанна Евхаитского, Ксантопула). Во всех столбцах интересующей нас таблицы до „Распятия“ приводятся лишь следующие семь сюжетов: „Благовещение“, „Рождество Христово“, „Сретение“, „Крещение“, „Преображение“, „Воскрешение Лазаря“ и „Вход в Иерусалим“⁵. Для Софии Киевской

¹ Ср. Д. Айналов и Е. Редин. Киево-Софийский собор. СПб., 1889, стр. 89 и сл.; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV. СПб., 1891, стр. 139—140; O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst, II, Berlin—Neubabelsberg, 1914, S. 561; Ph. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag, 1930, S. 54.

² Г. Милле был единственным, кто отметил эту „аномалию“: „mais par une anomalie surprenante, le cycle évangélique commence par deux épisodes de la Passion et reste ainsi sans lieu saisissable avec l'Annonciation, partagé entre les deux piliers de l'arc triomphal...“; впрочем, дальше Милле высказал необоснованное предположение о том, что на сводах могли находиться сцены из детства Христа и сцены чудес. См. Histoire de l'art publiée sous la direction de André Michel, I, 1. Paris, 1905, p. 192 (глава III, принадлежащая перу Г. Милле).

³ Этот несомненный факт не может быть подвергнут проверке из-за того, что фрески, некогда украшавшие своды, утрачены вследствие протекания последних. В настоящее время своды покрыты новой штукатуркой.

⁴ G. Millet. Recherches sur l'Iconographie de l'évangile aux XIV-e, XV-e et XVI-e siècle d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont Athos. Paris, 1916, p. 23.

⁵ Иоанн Евхаитский упоминает еще „Обрезание“, но изображение этой сцены не встречается на памятниках XI—XII вв.

из данного ряда сюжетов отпадает „Благовещение“, так как оно изображено на алтарных столбах. Остаются, следовательно, шесть сюжетов. Только их и приходится учитывать при реконструкции росписи трех сводов Софии Киевской.

Памятники монументальной живописи XI в. полностью подтверждают верность произведенного нами отбора евангельских сцен (речь здесь идет лишь о сценах, предшествовавших „Распятию“). Среди мозаик Хозииос Лукас мы находим изображения „Рождества Христова“, „Сретения“ и „Крещения“, среди мозаик Неа Мони — изображения „Рождества Христова“ (погибло), „Сретения“, „Крещения“, „Преображения“, „Воскрешения Лазаря“ и „Входа в Иерусалим“, среди мозаик Дафни — те же сюжеты плюс „Поклонение волхвов“¹, среди росписей Атени — опять те же сюжеты². Последние широко использовались и в росписях XII в., как об этом свидетельствуют фрески церкви св. Пантелеймона в Нерезе, пещерного храма св. Павла на Латмосе, церкви Георгия в Расе, небольшой базилики около монастыря Шино-Мгвине (около Мдхета)³, Нередицы⁴ и мн. др. Все эти сопоставления не оставляют никаких сомнений в том, что три свода центрального креста Софии Киевской были украшены изображениями наиболее популярных сцен „праздничного“ цикла.

Со сводов евангельский рассказ переходил на верхний регистр стен. В пределах центрального греческого креста этот верхний регистр состоял из трех больших простенков, имевших форму полукружия и располагавшихся над трехпролетными арками хоров⁵. На северной стене трансепта размещены две сцены, принадлежащие к циклу „страстей“. Это „Христос перед Каиафой“ и „Отречение Петра“ (рис. 2). Далее следует большая монументальная композиция „Распятия“, находящаяся на южной стене (рис. 3). Ей отведено особо видное место, так как эта сцена изображала центральный и наиболее драматичный эпизод всей евангельской легенды, в наглядной форме передававший идею „крестной жертвы“. Продолжение евангельского рассказа зритель находил в полукружии над трехпролетными арками хоров разобранной западной стены центрального нефа, где было представлено „Снятие со креста“, либо, что менее вероятно, „Положение во гроб“ (рис. 4). Далее следуют две сцены нижнего регистра северной стены трансепта (рис. 2). Здесь мы видим две композиции, относящиеся уже к циклу „воскресения“: „Сошествие во ад“ и „Явление Христа женам мироносцам“. Первая сцена символизировала в средние века легендарную победу Христа над смертью и попрание им власти ада. Поэтому за ней закреплено в Софии Киевской одно из самых выигрышных мест. Две следующие сцены, также входящие в состав цикла „воскресения“, украшают южную стену трансепта. Тут представлены „Уверение Фомы“ и „Отослание учеников на проповедь“ (рис. 3). Этот, довольно редко

¹ См. В. Лазарев. История византийской живописи, I. М., 1947, стр. 91, 92, 118.

² Ш. Амирашавили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 182. В церкви Богоматери в Солуни среди фресок XI в. фигурируют почти те же сюжеты: „Рождество Христово“, „Поклонение волхвов“, „Сретение“, „Преображение“ и „Вход в Иерусалим“. См. D. Evangelides. La restauration de l'église de Théotocos à Thessalonique et ses fresques du XI-e siècle. „Atti del V congresso internazionale di studi bizantini“, II. Roma, 1940, p. 106—108.

³ В. Лазарев. История византийской живописи, I, стр. 122, 130, 134, 137.

⁴ В. Мясоедов — Н. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, стр. 25.

⁵ Как теперь установлено, вся западная стена центрального корабля была разрушена. В свое время она была оформлена так же, как северная и южная стены трансепта.

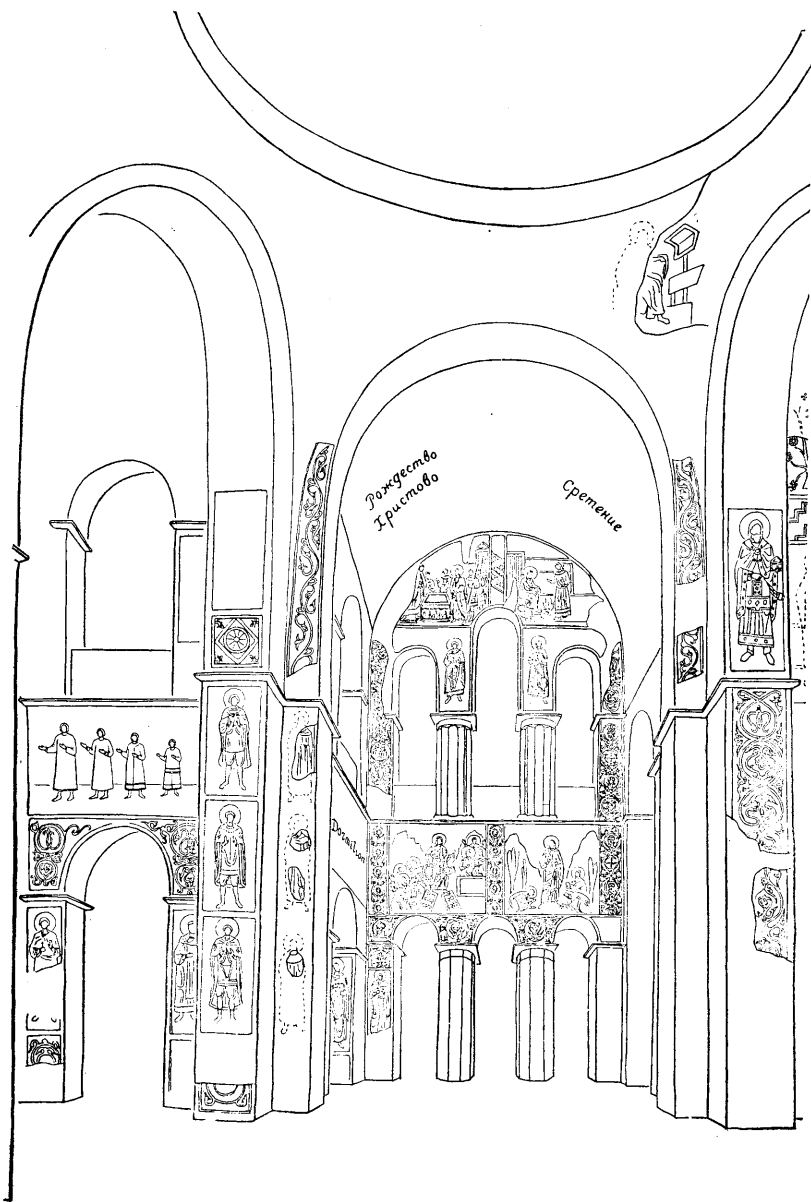

Рис. 2. Схема расположения росписей в северном рукаве трансепта

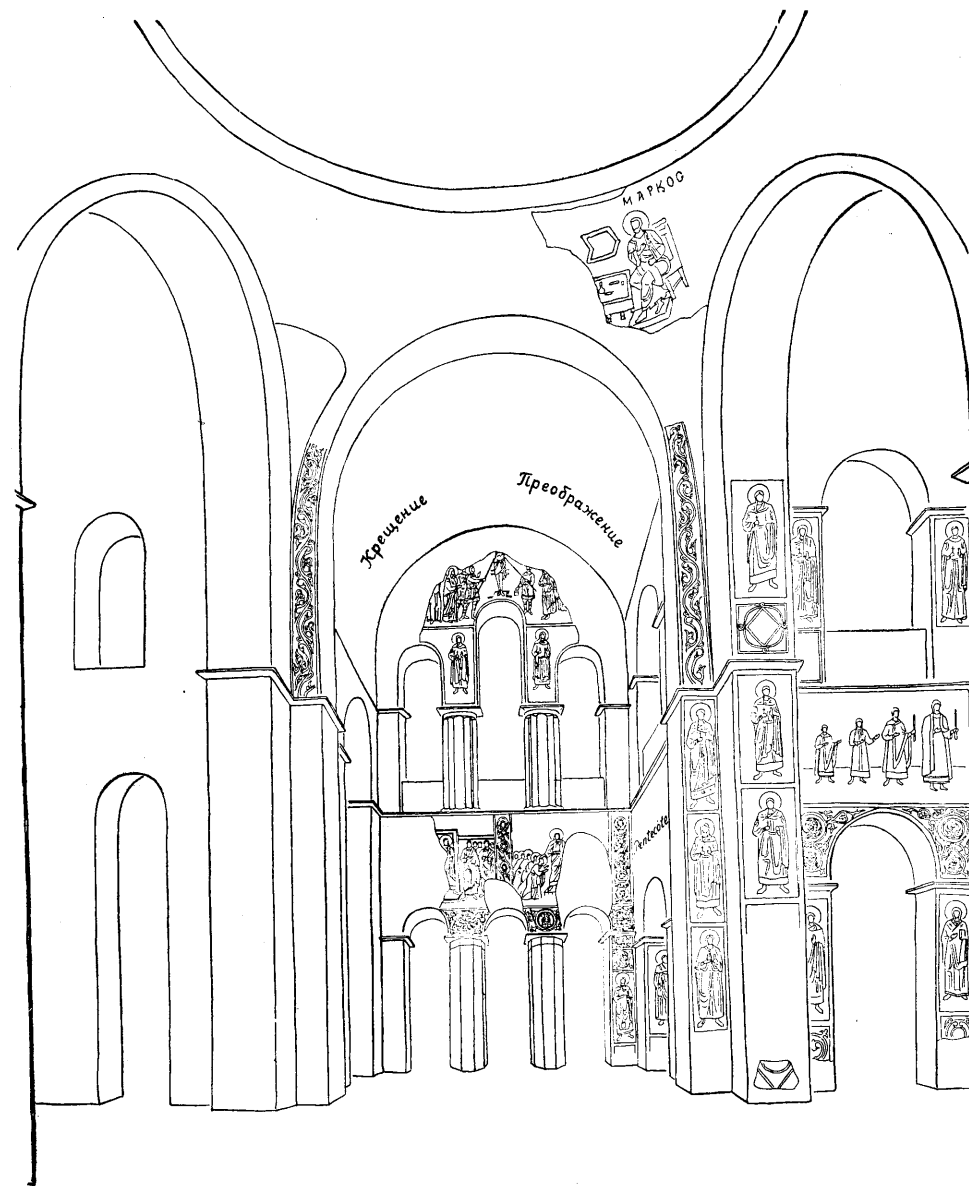

Рис. 3. Схема расположения росписей в южном рукаве трансепта

встречающийся эпизод¹, восходящий к Евангелию от Матфея (XXVIII, 16—20), был сознательно введен в число изображений Софии Киевской, так как он наглядно иллюстрировал слова воскресшего Христа, обращенные им к апостолам: „Итак идите, научите все народы, крестя их...“. Здесь содержался несомненный намек на недавнее крещение Руси.

На западной стене трансепта, над аркой, ведущей в придел Иоакима и Анны, представлена еще одна евангельская сцена — „Сшествие св. духа“. Это изображение идейно тесно связано с предшествующим, — в нем фигурируют те же апостолы, но уже приобщившиеся к „святому духу“. С этого момента, согласно церковному учению, началось распространение веры христианской на земле: обретшие чудесную способность говорить на разных языках, апостолы выступили проповедниками христианства во всех странах мира, в том числе и на Руси, где вел проповедь, согласно сказанию „Повести временных лет“, один из этих апостолов — Андрей².

Таким образом, мы видим, что христологический цикл Софии Киевской состоял не из восьми сцен, как это обычно утверждается, а из шестнадцати (включая сюда утраченные „Рождество Христово“, „Сретение“, „Крещение“, „Преображение“, „Воскрешение Лазаря“ и „Вход в Иерусалим“ — на сводах, „Снятие со креста“ либо „Положение во гроб“ — над трехпролетной аркой хоров разобранной западной стены центрального нефа и „Успение“ — на западной стене трансепта, над аркой, ведущей в придел Петра и Павла).

Составители программы росписи Софии Киевской поступили весьма самостоятельно с традиционным фондом евангельских сюжетов. В подборе последних они стремились к тому, чтобы выявить три основных пункта христианского учения: догму о „крестной жертве“ („Христос перед Каиафой“, „Отречение Петра“, „Распятие“)³, догму о „воскресении“ („Сшествие во ад“, „Явление Христа женам мироносицам“, „Уверение Фомы“) и деятельность апостолов как распространителей христианства („Отослание учеников на проповедь“, „Сшествие св. духа“). В этом, несомненно, отразилось влияние местных интересов, поскольку в Киевской Руси, еще недавно только принявшей христианство, напоминание об его основных догматах и о распространении христианского учения имело особую актуальность как для пришлого греческого, так и для местного киевского духовенства.

В науке неоднократно высказывалось предположение, что евангельский цикл Софии Киевской восходит к мозаикам церкви св. Апостолов в Константинополе⁴. На первый взгляд эта точка зрения может пока-

¹ Он фигурирует лишь в группе ранних монументальных памятников (погибшая мозаика в церкви св. Апостолов, реликварий Свята Санкторум, фреска в церкви Свята Мария Антиква). См. G. Millet. Iconographie de l'évangile, p. 33—54. На миниатюрах эта сцена изображается и в более позднее время (например, парижский кодекс Григория Назианзина ок. 880 г., gr. 510, л. 426 об.; парижское „Евангелие“ XI в., gr. 74, л. 61 об.; „Гелатское Евангелие“ XII в. в Тбилиси, лл. 54 об., 179 и мн. др.). См. В. Лазарев. История византийской живописи, II, табл. 126 а. О. Демус („The Mosaics of Norman Sicily“, London, 1950, p. 271—272) неверно ставит вопрос, когда рассматривает сцену „Отослание учеников на проповедь“ как характерную для одной только западной иконографии. Ср. A. Katzenellenbogen. The Separation of the Apostles. „Gazette des Beaux Arts“, 1949 (XXXV), p. 81—86.

² На западной стене трансепта, над аркой, ведущей в придел Петра и Павла, находилась ныне утраченная фреска, составлявшая пандак к „Сшествию св. духа“. Вероятнее всего, здесь было представлено „Успение“.

³ В эту же группу входило и утраченное „Снятие со креста“ (либо „Положение во гроб“), украшавшее западную стену центрального нефа.

⁴ Ср. G. Millet. Iconographie de l'évangile, p. 45—46, 48, 53; S. Bettini. Mosaici antichi di San Marco a Venezia. Bergamo, 1944, p. 16—17.

заться убедительной, так как в церкви св. Апостолов имелись мозаики с изображением „Христа перед Каиафой“, „Отречения Петра“, „Явления Христа женам мироносицам“, „Уверения Фомы“ и „Отослания учеников на проповедь“, иначе говоря, тех же сцен, которые мы находим

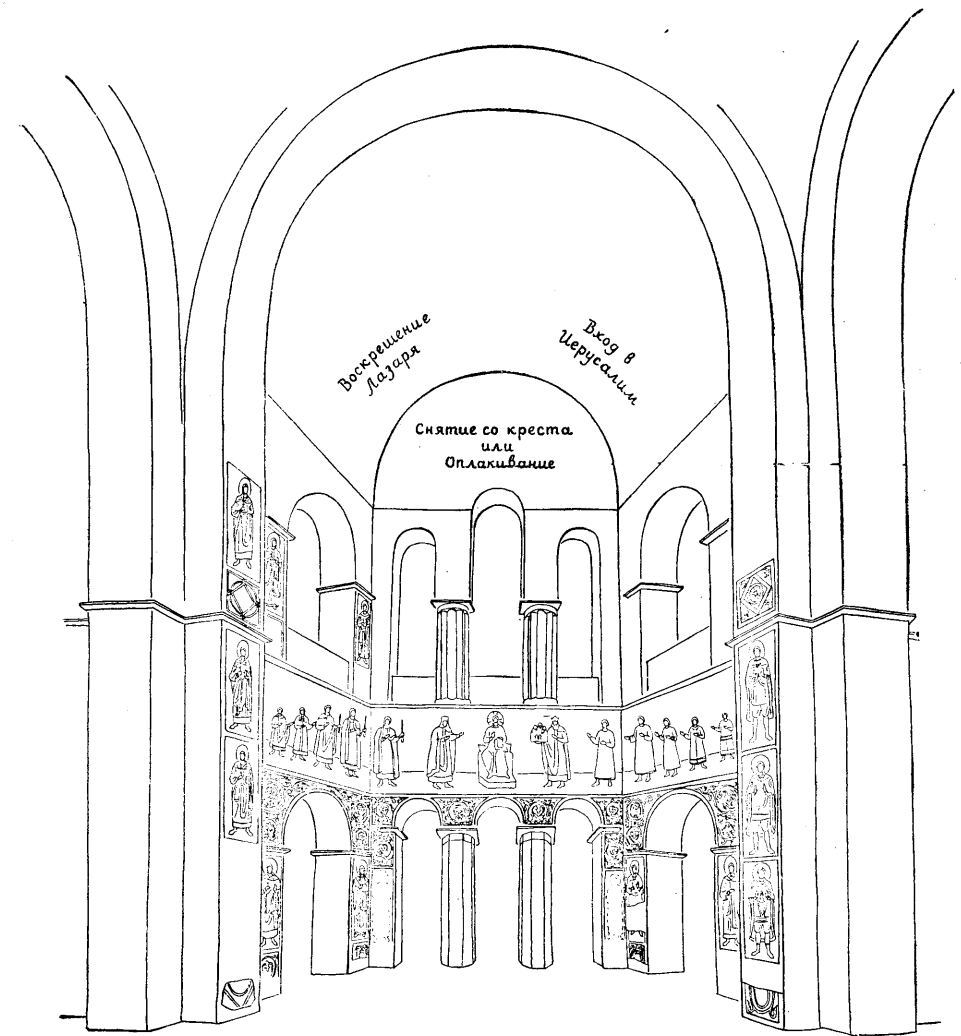

Рис. 4. Схема расположения росписей на погибшей западной стене центрального корабля

и в Софии Киевской. Однако это сходство лишь кажущееся. Нельзя упускать из виду, что в церкви св. Апостолов был представлен ряд сцен, отсутствующих в Софии Киевской, как, например, „Целование Иуды“, „Раскаяние и смерть Иуды“, „Явление Христа на море Тиве-

¹ Милле (Iconographie de l'évangile, p. 48) ошибочно полагает, что эта сцена была изображена в Софии Киевской. Она здесь как раз отсутствует.

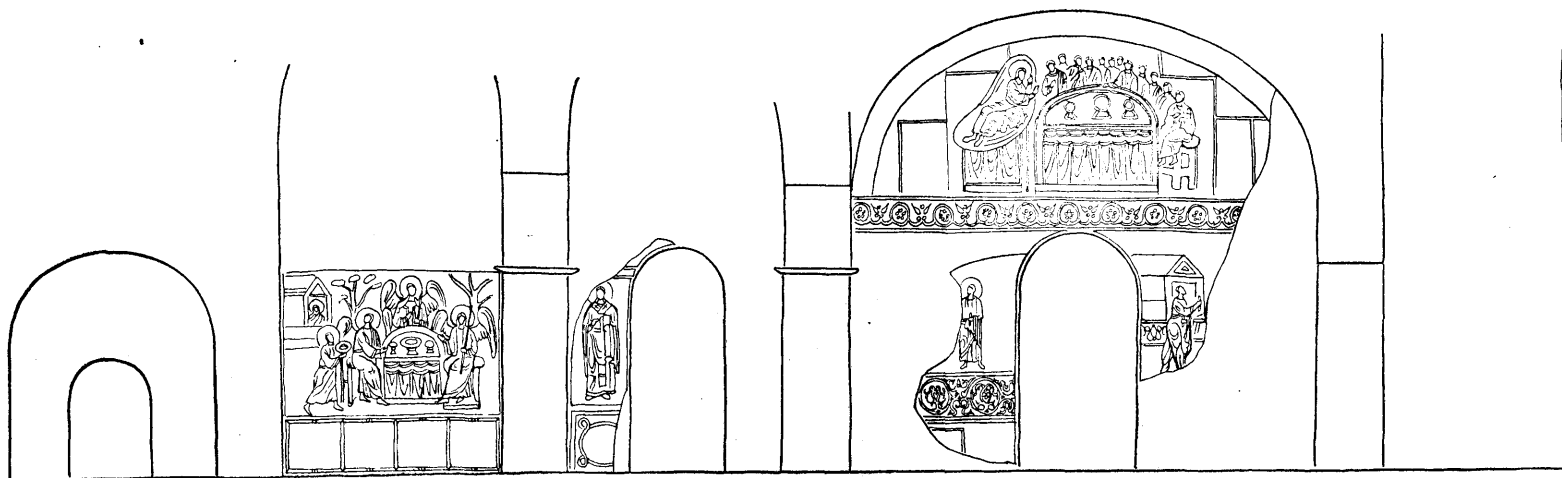

Рис. 5. Схема расположения росписей на северной стене хоров

Рис. 6. Схема расположения росписей на южной стене хоров

риадском¹. Следовательно, константинопольский цикл включал в себя некоторые дополнительные эпизоды по сравнению с киевским. К тому же они давались и в ином расположении. Поэтому мы не склонны рассматривать мозаики церкви св. Апостолов как прототип цикла евангельских сцен в Софии Киевской, тем более, что вопрос о времени возникновения константинопольских мозаик остается и на сегодняшний день одним из самых спорных вопросов в истории византийского искусства. Так, например, Н. В. Малицкий² считал не без основания, что евангельский цикл в церкви св. Апостолов, начиная со сцены „Целования Иуды“, был исполнен не ранее XII в. Если принять эту гипотезу, то царьградские мозаики вообще не могут быть использованы при решении вопроса об истоках евангельского цикла Софии Киевской. Но даже датируя эти мозаики ранним временем, мы все же наблюдаем столь резкие расхождения между константинопольским циклом и киевским, что решительно отказываемся выводить второй из первого. В Киеве, как уже отмечалось, выбор сцен был продиктован влиянием местных интересов. Именно они определяли ту расстановку акцентов, которая, несмотря на традиционность большинства сюжетов, придает христологическому циклу Софии Киевской свой собственный отпечаток.

СИСТЕМА РОСПИСИ ХОРОВ

Весьма своеобразный по своему идейному замыслу комплекс фресок сохранился на хорах Софии Киевской — в северном и южном крыльях. Здесь подбор сюжетов, образующих стройное и глубоко продуманное целое, свидетельствует о том, что составитель программы этой части росписи превосходно разбирался во всех тонкостях средневекового богословия, особенно же в его сложной символике (рис. 5, 6).

На хоры вынесены две евангельские сцены — „Тайная вечеря“ и „Чудо претворения воды в вино на браке в Кане Галилейской“. На первый взгляд может показаться странным отрыв этих двух эпизодов от прочих сцен евангельского цикла и помещение их рядом с четырьмя библейскими сюжетами („Жертвоприношение Исаака“, „Встреча Авраамом трех странников“, „Три отрока в печи огненной“ и „Гостеприимство Авраама“). Но стоит только вникнуть в символический смысл всех этих изображений, как тотчас же их сопоставление станет не только понятным, но и внутренне обоснованным.

Как о том свидетельствуют мозаики апсиды и образ Христа-священника над восточной подпружной аркой³, в Софии Киевской придавалось исключительно большое значение установлению таинства евхаристии. Мысль об евхаристической жертве и ее ветхозаветных прообразах положена в основу и фрескового комплекса на хорах. Своим содержанием эти фрески перекликаются с мозаикой апсиды, изображающей „Евхаристию“.

¹ А. Хейзенберг, основываясь на литературных описаниях, значительно расширяет этот цикл. См. А. Heisenberg. Grabeskirche und Apostelkirche. II. Leipzig, 1908, S. 141 сл.

² N. Malickij. Remarques sur la date des mosaïques de l'église des Saints-Apôtres à Constantinople décrites par Mesarite. „Byz.“, 1926 (II), p. 150—151.

³ В изображении „Евхаристии“ Христос обычно выступал как священник, дающий причастие подходящим к нему апостолам. Здесь иерейство Христа выразилось в его прямых действиях (недаром Христу прислуживают ангелы в чине диаконов). Отсюда становится понятным, почему образ Христа-священника над восточной подпружной аркой находился в теснейшей идейной связи с композицией апсиды.

На северной и южной стенах хоров (рис. 5, 6) представлены две расположенные друг против друга евангельские сцены, символика которых непосредственно указывает на таинство евхаристии. На северной стене зритель видит историческое изображение „Тайной вечери“, на которой Христос, согласно евангельской легенде, установил это таинство. На южной стене, в двух регистрах, размещена сцена „Чуда в Кане Галилейской“: сверху Христос возлежит с тремя сотрапезниками за столом, справа стоит прислуживающий; в нижнем регистре запечатлен момент самого „чуда“ — подходящий к сосудам Христос претворяет воду в вино; слева от арочного проема введен дополнительный эпизод — слуга вытаскивает воду из колодца (здесь в наивной форме выражена мысль о том, что Христос превратил в вино самую обыкновенную воду).

Эта композиция на южной стене получала обычно среди исследователей неверное толкование. Д. В. Айналов и Е. К. Редин¹, а также Н. П. Кондаков² и К. В. Шероцкий³ трактовали ее как „Вечерю Христа с учениками по воскресении в Эммаусе“, тогда как протоиерей Скворцев⁴ и Н. В. Покровский⁵ не менее произвольно усматривали здесь изображение „Вечери в доме Симона“. Оба эти толкования легко могут быть опровергнуты. Против первого из них решительно говорит тот факт, что за столом сидят три, а не две (как обычно в данной сцене) фигуры. Против второго предположения не менее решительно свидетельствует отсутствие фигуры жены, омочившей, согласно евангельскому рассказу, ноги Христа слезами. Таким образом, остается лишь одна возможность — расшифровать интересующую нас композицию как „Чудо в Кане Галилейской“. Эта сцена, когда она включала в себя эпизод с трапезой, давалась в двух иконографических изводах: либо трапеза изображалась над самой сценой чуда, либо рядом с ним, в пределах одного регистра. Оба варианта представлены миниатюрами греческих и грузинских рукописей X—XII вв. Так, на миниатюрах греческого „Евангелия“ X в. в Гос. публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (греч. 21, л. 2; рис. 7)⁶, греческого „Евангелия“ XI в. в Палатинской библиотеке в Парме (Palat. gr. 5, л. 89 об.; рис. 8)⁷ и грузинского „Гелатского Евангелия“ XII в. в Тбилиси (л. 227 об.; рис. 9)⁸ изображение трапезы расположено, как и на киевской фреске, над сценой чуда. На миниатюрах греческого „Евангелия“ в парижской Национальной библиотеке (gr. 74, л. 170 об.)⁹, греческого „Евангелия“ XII в., в Лаврентинской библиотеке во Флоренции (Laurent. VI, 23, л. 170 об.)¹⁰, греческого „Евангелия“ XIII в. в Иверском монастыре на Афоне (5, л. 363 об.)¹¹,

¹ Д. Айналов и Е. Редин. Киево-Софийский собор, стр. 94.

² И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV, стр. 141.

³ К. Шероцкий. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, стр. 70.

⁴ Протоиерей Скворцев. Описание Киево-Софийского собора по обновлению его в 1843—1853 годах. Киев, 1854, стр. 43.

⁵ Н. Покровский. Очерки памятников христианского искусства и иконографии, изд. 3, СПб., 1910, стр. 238.

⁶ Ch. R. Morey. Notes on East Christian Miniatures. „Art Bulletin“, 1929 (XI), p. 65—69.

⁷ В. Лазарев. История византийской живописи, I, стр. 111—112, 314; II, табл. 146.

⁸ Р. Шмерлинг. Образцы декоративного убранства грузинских рукописей. Тбилиси, 1940, стр. 54—55.

⁹ Évangiles avec peintures byzantines du XI-e siècle. Paris, s. d., vol. II, табл. 147.

¹⁰ H. Willoughby. The Four Gospels of Karahissar, II. Chicago, 1936, p. 377.

¹¹ Там же, II, табл. CXVII; В. Лазарев. История византийской живописи, I, табл. XXXIXa.

на мозаике XII в. собора в Монреале¹ и на многих других памятниках встречается вариант с фризообразным построением композиции (т. е. оба эпизода изображаются рядом, на одном уровне). Сопоставление киевской фрески с памятниками первой группы не оставляет никаких сомнений в том, что на ней представлено „Чудо в Кане Галилейской“ как раз в том иконографическом изводе, в котором трапеза занимает верхний регистр, а сама сцена чуда — нижний.

Входящее в состав композиции „Чудо в Кане Галилейской“ изображение трапезы находится в тесном символическом соответствии с представленной на противоположной стене трапезой „Тайной вечери“. Известно, что средневековые теологи сравнивали чудесное претворение воды в вино с евхаристическим претворением вина в кровь². Следовательно, расположение друг против друга „Тайной вечери“ и „Чуда в Кане Галилейской“ имеет глубокий внутренний смысл. Но мы знаем, что в поисках символических параллелей таинству евхаристии средневековые теологи шли еще дальше: они трактовали „Чудо умножения хлебов“ также в смысле евхаристии, рассматривая хлеб этого „чуда“ как символ евхаристического хлеба³. Недаром чудо претворения воды в вино и чудо умножения хлебов изображаются подчас рядом на раннехристианских саркофагах, что объясняется намеком на евхаристические хлеб и вино⁴.

Этот ход мыслей средневековых теологов и художников дает нам ключ к распознаванию той сцены, которая была представлена под „Тайной вечери“ и которая во время реставрации Киево-Софийского собора в 40-х годах XIX в. была произвольно превращена в „Целование Иуды“. Две фигуры, уцелевшие от первоначальной фрески, не оставляют сомнения в том, что здесь было представлено „Чудо умножения хлебов“ (рис. 5). Для этой композиции (рис. 10) как раз характерно центробежное движение (апостол, кормящий народ, обращен вправо, апостолы, получающие хлеба от Христа, обращены влево), в то время как сцена „Целование Иуды“ строится по совсем иному принципу — движение с краев направлено к центру. Повидимому, справа от идущего апостола были представлены короба с хлебом и группы народа, а слева была изображена группа апостолов с Христом.

Против такой реконструкции, казалось бы, говорит наличие здания на втором плане, так как сцена „Чудо умножения хлебов“ обычно размещается на фоне пейзажа (как, например, на миниатюрах греческого „Евангелия“ в парижской Национальной библиотеке, gr. 74, лл. 29 об., 32, 76 об., 80, 127 об., 178 и „Гелатского Евангелия“ в Тбилиси, лл. 53 об., 175 об.)⁵. Но на миниатюре пармского „Евангелия“ (Palat. 5, л. 89 об.) один из эпизодов сцены „Чуда умножения хлебов“ раз-

¹ O. Demus. The Mosaics of Norman Sicily. London, 1950, табл. 66а. Об иконографии „Чуда в Кане Галилейской“ см. Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии. СПб., 1891, стр. 221—227; E. B. Smith. Early Christian Iconography and a School of Ivory-carvers in Provence. Princeton, 1918, p. 85—94; Ch. Morey. Notes on East Christian Miniatures, „Art Bulletin“, 1929 (X), p. 65—69; H. Willoughby. The Four Gospels of Karahissar, p. 374—379.

² Cyrill. Hieros. Catech. Mystag. IV. Ср. Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии, стр. 223.

³ Ambrosius. Expos. evang. sec. Luc., lib. VI. PL. t. XV, col. 1773; Ambrosius. De Virgin., lib. III, c. I. PL. t. XVI, col. 231—232. Ср. Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии, стр. 223.

⁴ См. O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst, I, стр. 93, 106, 109, 110. Ср. Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии, стр. 243.

⁵ Évangiles avec peintures byzantines du XI-e siècle, vol. I, табл. 26, 28, 70, 72; vol. II, табл. 112, 153.

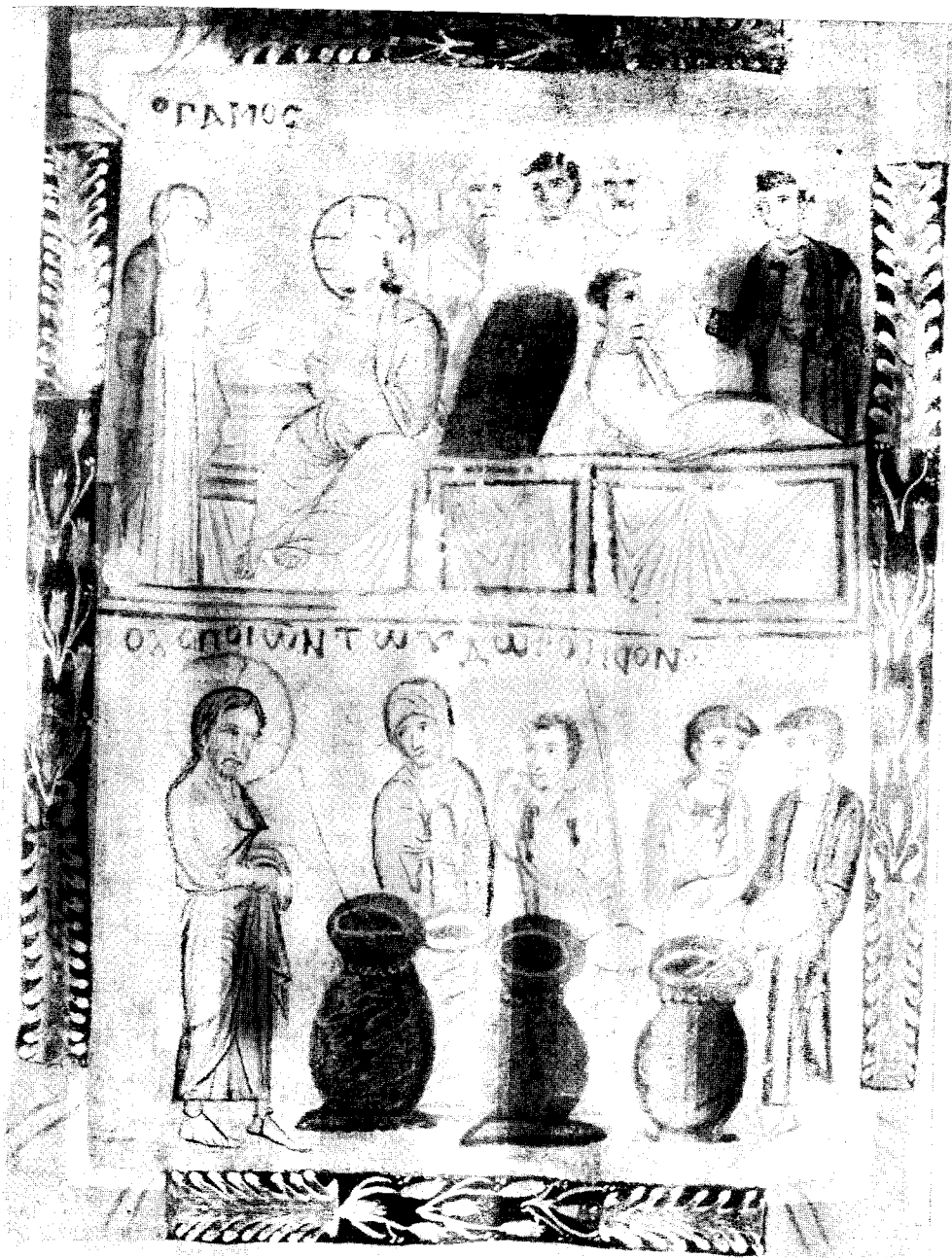

Рис. 7. Чудо в Кане Галилейской

Миниатюра из греческого «Евангелия» (греч. 21) в Гос. Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде

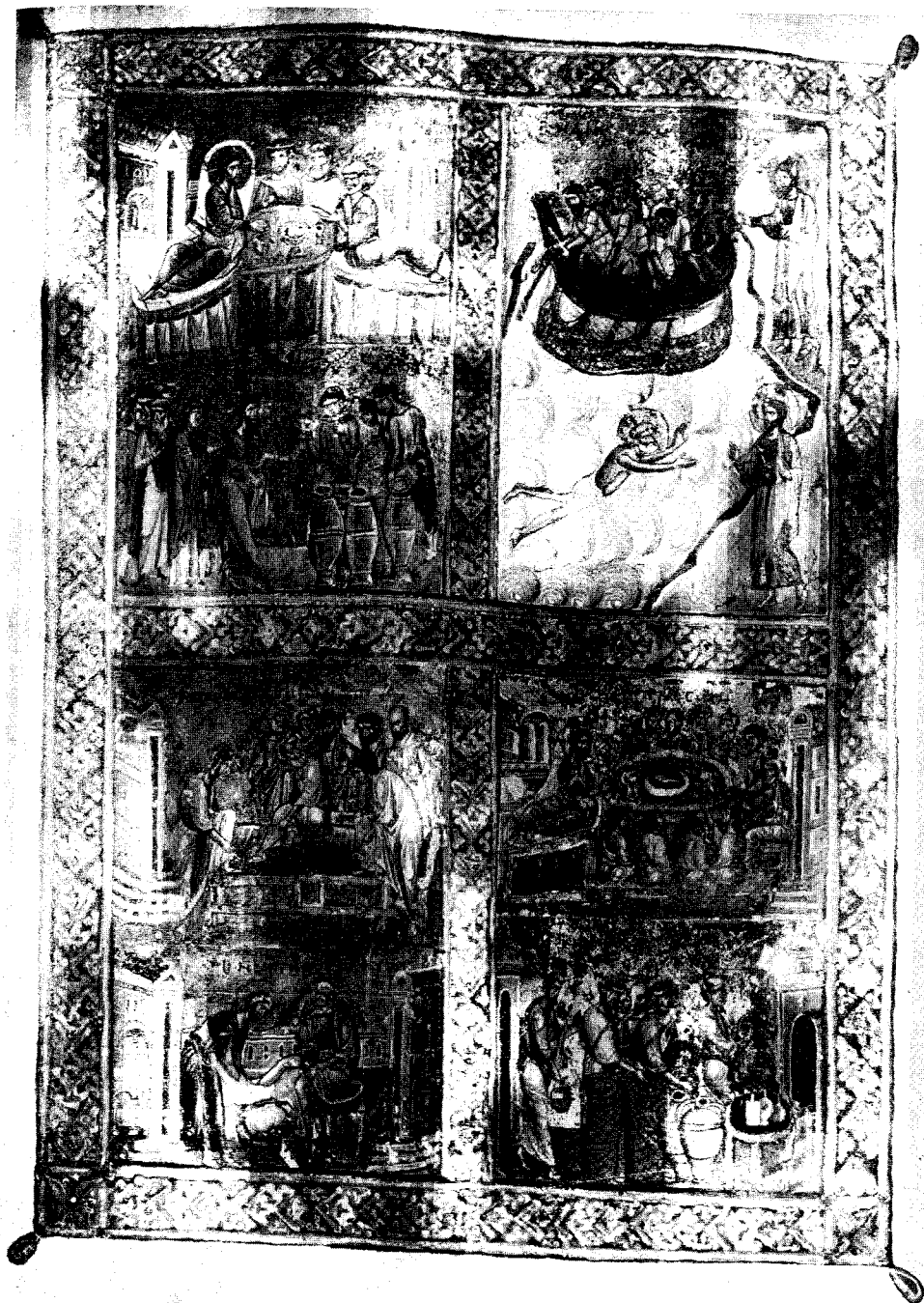

Рис. 8. Чудо в Кане Галилейской

Миниатюра из греческого «Евангелия» (Palat.) в Пармской библиотеке

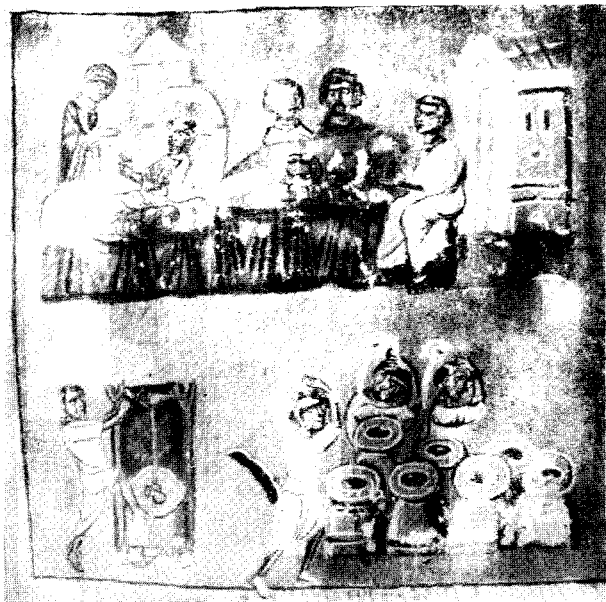

Рис. 9. Чудо в Кане Галилейской

Миниатюра из грузинского «Гелатского Евангелия» в Музее Грузии
в Тбилиси

Рис. 10. Чудо умножения хлебов

Миниатюра грузинского «Гелатского Евангелия» в Музее Грузии

вернут на фоне архитектурных кулис, так что данный аргумент отпадает (рис. 8).

Миниатюра пармского „Евангелия“ весьма поучительна еще в одном отношении. Сцена „Умножения хлебов“ (с сопроводительной греческой надписью: *ἡ τῶν ἄρτων εὐλογία*) написана здесь непосредственно под „Тайной вечерей“¹. При этом обе сцены размещены на одной странице с изображением „Чуда в Кане Галилейской“ (с сопроводительными греческими надписями: *ὁ ἐν κανᾶ γάμος* и *ἡ τοῦ οἴνου εὐλογία*), что вряд ли случайно. Несомненно, здесь имелось в виду символическое соответствие благословения хлеба и благословения вина. Иначе говоря, обе трапезы и находящиеся под ними сцены даются в той же смысловой связи, как и на киевской фреске. Все эти сюжеты фигурируют также и в росписи XIII в. храма в Бертубани в Давид-Гареджи (Кахетия)². Но здесь они лишены сложного символического смысла и скорее обусловлены функциональным назначением трапезной, где монахи принимали пищу.

Таким образом, при правильном восстановлении искаженной безграмотной реставрацией фрески северной стены, роспись той части стен хоров, которая расположена ближе к алтарю, приобретает исключительную стройность замысла: вся она относится к таинству евхаристии, будучи тем самым тесно связанной с центральной композицией апсиды.

На южной и северной стенах хоров, помимо евангельских сцен, размещены еще две ветхозаветных композиции — „Жертвоприношение Исаака“ и „Гостеприимство Авраама“ (рис. 5, 6). Оба эти изображения рассматривались в середине века как ветхозаветные прообразы евхаристической жертвы. Авраам, пошедший на заклание своего сына, приравнивался к богу-отцу, Исаак, безропотно подчинившийся воле своего отца, — к Христу³. При такой иносказательной трактовке устанавливалась самая тесная связь между жертвоприношением Исаака и искупительной жертвой Нового Завета⁴. Более сложная символика лежит в основании сцены „Гостеприимство Авраама“. Три явившиеся Аврааму ангела — это прообраз „Троицы“, т. е. триединого божества⁵. Подносимое Авраамом к трапезе блюдо с тельцом — это прообраз пасхального агнца, иначе

¹ Эта сцена имеет необычную трактовку: представлены пять фигур апостолов, короба, сосуды и столик с бутылками; фигура Христа отсутствует. Следовательно, здесь запечатлен не сам момент чуда, а приготовление к нему. Никакого иного толкования этому пока что уникальному изображению я не в состоянии дать. Г. Милле на нем не останавливается, он только отмечает (*Iconographie de l'évangile*, p. 13—14), что в пармском „Евангелии“ три полостраничных миниатюры в конце текста евангелия от Матфея объединяют в себе эпизоды из цикла „страстей“ и „воскресения“ со сценами чудес. Однако названия этих чудес Милле не уточняет. E. Dobbert [*Das Abendmahl Christi in der bildenden Kunst*, „Repertorium für Kunstwissenschaft“, 1892 (XV) стр. 368, рис. 36], воспроизводящий верхнюю часть пармской миниатюры с изображением „Тайной вечери“, также обходит молчанием сцену нижнего регистра. Ср. E. Martini. *Catalogo di manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane*, I. Milano, 1893, p. 150. Об иконографии „Чуда умножения хлебов“ см. Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии, стр. 242—245; G. Millet. *Iconographie de l'évangile*, p. 646—649; B. Smith. *Early Christian Iconography*..., p. 120—133; H. Willoughby. *The Four Gospels of Karahissar*, II, p. 287—292.

² Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства, стр. 246.

³ Petrus Chrysologus. Sermo 108. PL, t. LII, col. 500; Johannes Chrysostomus. De Lazaro Concio V. PG, t. XLIII, col. 1025; Augustinus. Contra Maximum, lib. II. PL, t. XLII, col. 810. Ср. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV, стр. 141.

⁴ Ср. C. Nordström. *Ravennastudien*. Stockholm, 1953, S. 115—117.

⁵ Ambrosius. De Abraham, lib. I; De excessu fratris sui Satyri. PL, t. XIV, col. 457; t. XVI, col. 1401.

говоря, евхаристической жертвы¹. Поскольку стол трапезы обычно приравнивался к алтарю, постольку аналогия с евхаристией получала лишнее подкрепление².

Две другие ветхозаветные композиции — „Встреча Авраамом трех странников“ и „Три отрока в печи огненной“ украшают западную стену хоров, обращенную к алтарю (рис. 11). В обеих этих сценах содержится намек на Христа — в первой, как на одно из лиц триединого божества, во второй — как на бога, принявшего страдание ради искупления грехов человеческих и затем воскресшего³.

Широкое использование ветхозаветных образов в росписи хоров не должно нас удивлять, так как эти образы были хорошо известны в Киевской Руси. Они постоянно фигурируют в „Повести временных лет“⁴, в проповедях Илариона⁵ и Кирилла Туровского⁶, в послании митрополита Климента⁷. Ветхий Завет не только читали, но и знали многочисленные к нему комментарии, существовавшие в славянских переводах (как, например, „Шестоднев“ Иоанна Пресвитера и экзарха Болгарского, сокращенное толкование на „Книгу Иова“ Олимпиодора Александрийского, два толкования на „Псалтырь“, из которых одно приписывается Афанасию Александрийскому, другое — Феодориту Кирскому, сводное, позаимствованное из различных творений „отцов церкви“, толкование неизвестного автора на большую часть шестнадцати „Книг пророков“, толкование Ипполита Римского на „Книгу пророка Даниила“ и др.)⁸. В этой библейско-истолковательной литературе устанавливались многочисленные символические связи и параллели между явлениями Ветхого и Нового Завета. В средневековом богословии такого рода комментаторская работа поглощала массу энергии и изошряла умы в направлении самых невероятных сопоставлений и натяжек. Из этого литературного фонда и черпали обычно составители программ росписей и

¹ Ambrosius. De Abraham, lib. I. PL, t. XIV, col. 459.

² Ср. С. Nordström. Ravennastudien, S. 115. Изображения „Гостеприимства Авраама“ и „Жертвоприношения Исаака“ даны рядом в люнете пресбитерия в церкви Сан Витале в Равенне, где они имеют тоже евхаристическое значение.

³ Что „Встреча Авраамом трех странников“ действительно намекала на Христа, свидетельствуют следующие слова Кирилла Туровского из его „Слове в новую неделю по Пасце“: „Веруй ми, Фомо, и познай мя, якоже Аврамъ, къ немуже подъ сень съ двѣма Ангеломъ придохъ и ть познавъ мя, Господа мя нарече“ (К. К а л а й д о в и ч. Памятники российской словесности XII века. М., 1821, стр. 25).

Сцена „Три отрока в печи огненной“ была одним из популярнейших сюжетов в ранне-христианском искусстве, поскольку она прославляла стойкость мучеников. Но уже во II в. эта сцена начала получать иносказательное толкование — ее стали рассматривать как символ воскресения (Ириней, Тертуллиан). См. Dictionnaire des antiquités chrétiennes par M. l'Abbé Martigny. Paris, 1877, p. 341; W. Molsdorf. Christliche Symbolik der mittelalterlichen Kunst. Leipzig, 1926, S. 74. Богатый материал по ранней иконографии интересующей нас сцены приведен в статье „Hebreux (Les trois jeunes)“ в „Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie“, VI. Paris, 1925, col. 2107—2126. Интересно, что Кирилл Туровский в том же „Слове в новую неделю по Пасце“ (К. К а л а й д о в и ч. Памятники российской словесности XII века, стр. 25—26) трактует образ ангела в сцене „Трех отроков в печи огненной“ как символ Христа: „И не буди неверьн яко Навъходоносоръ, иже видевъ мя, въ печи отроки от огня спасьша, истиню Сына божия нарече мя, и паки къ своимъ прельстѣмъ уклонивъся, погыбе“.

⁴ „Повесть временных лет“, стр. 16, 45, 64, 89—90, 112—113, 120, 122—123, 152 и мн. др.

⁵ „Памятники древне-русской церковно-учительной литературы“, вып. 1. СПб., 1894, стр. 59—69, 74.

⁶ К. К а л а й д о в и ч. Памятники российской словесности XII века, стр. 68, 12, 19—20, 25—26, 46—47, 58 и мн. др.

⁷ „Памятники древней письменности“, вып. 90. СПб., 1892, стр. 14—19, 23 и др.

⁸ Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I, часть 1, стр. 732—733.

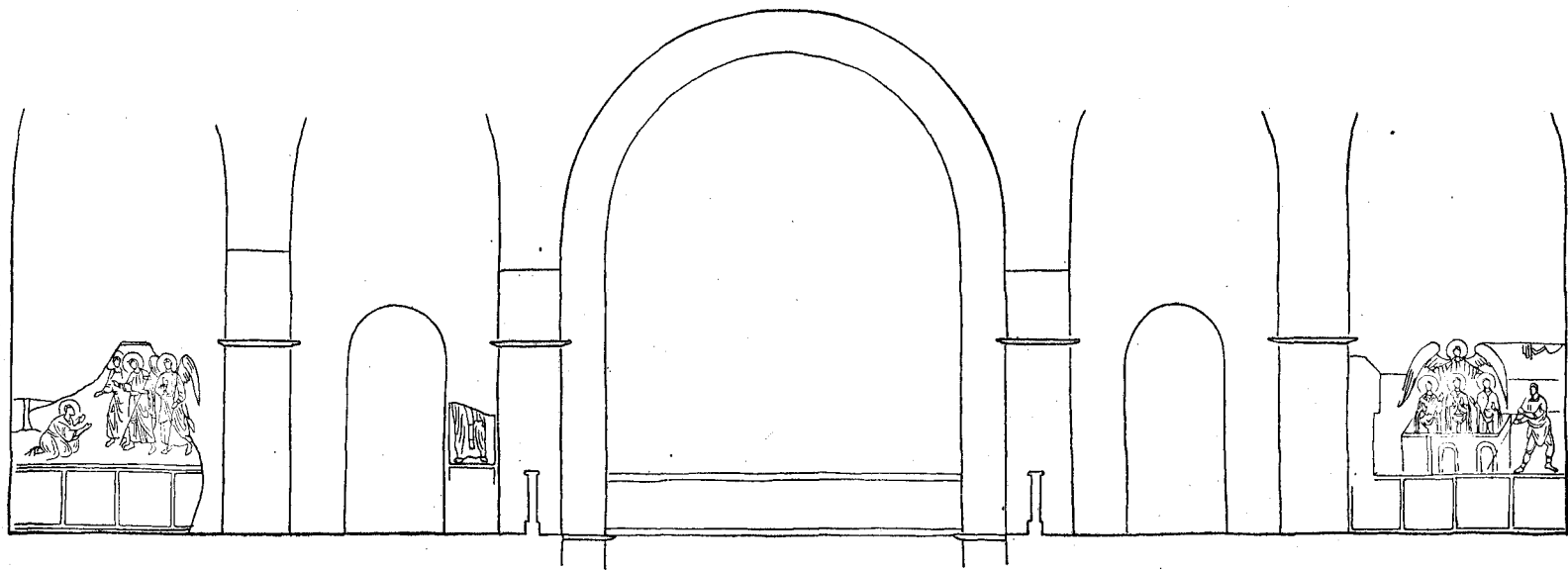

Рис. 11. Схема расположения росписей на западной стене хоров

художники, когда перед ними вставала задача правильного расположения различных сюжетов на основе их символического соответствия.

Перенесение на хоры сцен, содержащих в себе намек на крестную жертву Христа и на таинство евхаристии, далеко не случайно¹. Известно, что в Византии царь и царица слушали богослужение в своих придворных церквах, находясь на хорах. При этом царь стоял на правой стороне, а царица — на левой. Здесь же, на хорах, они принимали причастие². Вероятно, в условиях формирования феодальных отношений этот обычай был занесен в Киевскую Русь, где хоры также были закреплены за княжеским семейством. На хоры вела особая лестница, находившаяся в башне, которая была наглухо изолирована от церкви. Принимая причастие на хорах, великий князь и члены его семьи могли лицезреть ветхозаветные и евангельские сцены, своим содержанием непосредственно намекавшие на таинство евхаристии. Таким образом, весь этот цикл фресок, размещенный на хорах, имел прямое отношение к тому священнодействию, которое совершалось здесь для великого князя и его приближенных.

¹ На хорах Софии Киевской находились еще три простенка, которые были украшены фресками (в свое время, когда отсутствовала возведенная несколько позднее наружная галерея, западная стена хоров была глухой). Эти простенки, расположенные между двумя западными столбами, примыкают к тем боковым простенкам, на которых уцелели старые фрески с изображением „Трех отроков в печи огненной“ и „Встречи Авраамом трех странников“. Что здесь было изображено — неизвестно. Это могли быть ветхозаветные сцены, связанные с символикой евхаристии, но это могла быть и монументальная композиция „Страшного суда“. Обычно такие композиции располагались на западной стене и на западных сводах под хорами, либо в нарфике. Но в Софии Киевской эпохи Ярослава для такой монументальной композиции не было места, так как храм был окружен открытой галереей, испещренной арочными проемами. По этой причине композицию „Страшного Суда“ могли перенести на хоры. В данной связи有必要 вспоминается тот „греческий философ“, который пугал князя Владимира изображением „Страшного Суда“ на „запоне“ („Повесть временных лет“ под 986 г.).

² Д. Айналов и Е. Редин. Киево-Софийский собор, стр. 96. Ср. Д. Беляев. Ежедневные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX—X вв. Записки имп. русского археологического общества, 1893 (VI), стр. 139—140, 173—174.

П. В. ЕРНШТЕДТ

К КОПТСКОМУ ТЕСТУ РОМАНА ОБ АЛЕКСАНДРЕ

В издании О. Э. Лемма коптской версии романа об Александре¹ одно место вызывает недоумение. Это место читается в шестом фрагменте текста² и гласит следующее: *πταισραϊ [ππ] ραϊ πταλαϱνε ρϱϱ πρεμοοτε [π]ναβαλ ρμ πμλα*. Издатель переводит: „Ich habe geschrieben das Schriftstück meines Testamentes unter Tränen meiner Augen mit Tinte“³. Недоумение относится к смысловому составу перевода: неужели говорившему приходилось уверять своего собеседника в том, что при написании текста завещания писавший его пользовался чернилами? К этому присоединяется другое недоумение: неужели справедлив перевод „unter Tränen meiner Augen“? За предлогом ρμ такое, сопроводительное, значение неизвестно. Исконное, местное значение предлога также недопустимо: было бы нелепо переводить „в слезах моих глаз“ в смысле „внутри слез моих глаз“! Остается еще взвесить возможность обозначения предлогом средства данного действия, — считать его выразителем того же, что выражает наш творительный падеж. Получится перевод: „я написал это писание моего завещания слезами моих глаз, чернилами“ — явная нелепица. Вероятно, именно смысловая противоречивость этого перевода, с которым мы считаемся только ввиду его допустимости со стороны грамматических значений предлога, привела О. Э. Лемма к переводу „unter Tränen“, оправдать который, однако, как сводящийся к комитативному пониманию предлога, при общеизвестном значении как предлога, так и существительного, нет возможности. Ясно только, от чего отталкивался О. Э. Лемм, давая этот перевод, — от нелепости оформления „mit den Tränen meiner Augen mit Tinte“! А между тем, значение творительного падежа — это именно то значение, которое напрашивается в первую очередь, когда речь идет о действии писания, и когда тут же упоминаются чернила, как материал для писания. Но ведь все дело в том, что чернила — естественный материал для писания, а слезы только в конце концов мыслимый, но весьма неестественный материал, и что при упоминании процесса писания, происходившего неестественным способом, неизбежно мыслится — но могло быть и особо подчеркнуто, — что применение естественного материала на этот раз отпадало. Если это рассуждение справедливо, то высказать его применительно к нашему случаю значит пред-

положить, что при слове „чернилами“ первоначально читалось отрицание. Итак, дополним его! Дополнить его значит вставить в текст только две буквы: *απ*. Вставив эти две буквы в качестве отрицания, мы получим перевод: „я написал мое завещание¹ слезами моих глаз, (α) не чернилами“. Это очень мало походит на поэзию, но логически оспариванию не подлежит. Не подлежит это оспариванию и филологически. Конъектура конъектуре рознь. Наша конъектура подсказывается не только соображением смысловой связи. Самый буквенный состав рукописного предания идет ей навстречу. Если мы заглянем в коптский текст следующего же предложения, то увидим, что оно начинается, в совершенно неотъемлемой своей части, таким же сочетанием двух букв, какое мы только что дополнили. Полагаем, что перед нами один из обычных типов ошибок переписчиков рукописей: аплографический пропуск букв.

Настоящее место коптской версии сказания об Александре воспроизводит образное выражение, встречающееся как в греческих, так и в коптских источниках в виде следующих вариантов двух основных типов оформления:

А) в одном типе невозможное высказано грамматически и семантически адекватным образом, т. е. при помощи ирреально-условного сложноподчиненного предложения, начинающегося словами: „если бы было возможно...“, а оканчивающегося высказыванием ирреально обусловленного следствия;

В) в другом типе оформления (не содержащем придаточного предложения) несбыточное высказывается в оформлении на изъявительное наклонение аориста, причем характер высказывания как сознательной небылицы вытекает только из его расценки по самому вопросу о его осуществимости, но отнюдь не из языковой формы.

Вот все мне известные примеры того и другого оформления:

А

1) Urkunden der k. Museen zu Berlin. Griechische Urkunden. Bd. 4, 1912, № 1141, частное письмо 13 г. до н. э.

Οἷαν γὰρ ὕβριν μοι πέποιθεν. . . Ἦ ἦν δάκρυά σοι γράφειν, γεγραφήκειν ἂν ἀπὸ τῶν δακρύων — „Какое он учинил надо мной насилие. . .; если бы было возможно письменно сообщать тебе слезы, то эти слезы успели бы мне послужить материалом для написания настоящего письма“.

2) Варсануфий и Иоанн, Вопросыответы (VI в.), издал Агиорит Никодим², стр. 122, *σκη*: *Εἰ ἐδυνάμην γεμίσαι δακρύων ταῦτα τὰ γράμματα καὶ πέμψαι σοί, τῷ σωτῆρι θλίψαντι, συνέφερον ἂν* — „Если бы я мог наполнить слезами это письмо и послать его тебе, огорчившему себя самого, то это принесло бы пользу“.

3) Коптское письмо VI в. н. э. на известняке, хранящееся в Московском Гос. музее изобразительных искусств, № 5425³: *επεοτη шбом есраϊ ρμειν ρι αшадом ешартис, пейнаμερ фепистоли πταшооτε шаро[[π]]ти*. — „Если бы было возможно письменно заносить слезы и вздохи на папирус, то я наполнил бы (ими) это письмо и отправил бы к Вам“.

¹ Дословно: „я написал писание (= текст) моего завещания“.

² Βιβλος ψυχοφελεστατή περιέχουσα ἀποκρίσεις διαφόροις υποθέσεσιν ἀνηκούσας συγγραφείσα μὲν παρὰ τῶν ὁσίων καὶ θεοφόρων πατέρων ἡμῶν Βαρσανουφίου καὶ Ἰωάννου, ἐπιμελῶς δὲ διορθωθείσα. . . παρὰ . . . Νικοδήμου Ἀγιορείτου. . . Ἐφεσίῃσιν, 1816.

³ Английский перевод в книге *The Monastery of Epiphanius at Thebes*. P. 1, 2. Edited by Winlock, Crum and Evelyn White. New York, 1926. В частности: p. 2, стр. 172.

¹ O. Lemm. Der Alexanderroman bei den Kopten. St. Pétersbourg, 1903.

² Ibid., S. 12, fragm. 6 (verso), 13—15.

³ Ibid., S. 87—88.

1) Acta martyris Anastasii Persae graece primum edidit Hermannus Usener. Bonnae, 1894, p. 15b, 20 сл.: Ἐποίησεν ἑαυτῷ ἀλοῦσταν τὴν συνείδησιν, γραφεῖον τὸν στεναγμὸν καὶ τὰ δάκρυα μέλαν. Рукопись дает чтения: ἑαυτὸν вместо ἑαυτῷ, γλώττη вместо ἀλοῦσταν, γραφῶ вместо γραφεῖον, а под конец: τὰ δάκρυα τὸ μέλαν. Такое искажение текста было, разумеется, возможно только при полном его непонимании переписывавшими. Латинская версия гласит: Facit sibi charta<m> conscientiam, stilum gemitum, et lacrimas atramentum (рукописи дают чтения charta, stilo). Перевожу греческий текст: „Он сделал себе сознание пергаменом, вздох — стилем, а слезы — чернилами“. Ср. А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву¹: „...вздохи, колющие предтечи скорби“.

Сюда же, очевидно, примыкает и наш коптский текст сказания об Александре.

Сюда же — и наша современная частушка².

Напишу письмо слезами,
запечатаю тоской,
отошлю по телеграмме,
прочитай, мой дорогой.

В. С. ШАНДРОВСКАЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ БАСНЯ „РАССКАЗ О ЧЕТВЕРОНОГИХ“ (XIV в.).¹ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЯЗЫК ПАМЯТНИКА

„Рассказ о четвероногих“ написан в форме басни, служившей автору орудием социальной сатиры. Используя „наивный“ стиль басенного повествования, автор показывает неблагополучие во внутренней обстановке империи.

Иносказательный смысл произведения раскрывается в кратком вступлении к „Рассказу“:

„...Такого рода (произведения) имеют значение и вес; уразумей только точно тот смысл, который они скрывают: когда народы, чрезмерно уверенные в том, что [своей] силой они нас совершенно погубят, заключают с нами живой мир, нас спасает справедливость и правдивость клятвы, ибо бог как общий судия дает благословение“.

После этого начинается изложение сюжета басни, прерываемое диалогами и монологами героев, так что лицо, от имени которого ведется повествование автора-баснописца, отодвигается на второй план: рассказчик появляется снова только в конце басни. Описывая сцену сражения между мирными и кровожадными зверями, он заключает „Рассказ“ словами, полными глубокого смысла:

„Царь не спасается великой силой,
и великан не будет спасен полнотой телесной мощи“.
„С того времени до настоящего, вспыхнувшее среди всех четвероногих, малых и больших, сражение не прекращается и продолжает существовать во все века“.

Рассматривая художественные особенности памятника, нетрудно заметить, что по характеру своих выразительных приемов автор его ориентируется на классический греческий эпос (главным образом, Гомера).

К числу традиционно-эпических художественных средств относятся широко применяемые в „Рассказе“ постоянно повторяющиеся формулы, сложные эпитеты, самовосхваления героев и поношение ими противника. Отсюда — замедленность действия басни, своеобразная „обстоятельность“ изложения.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1. М.—Л., 1938, стр. 249.

² Сообщена мне в 1942 г. П. Г. Ширяевой.

¹ Перевод этого памятника и комментарии к нему см. ВВ, т. IX, стр. 221—249.

Шаблонные формулы — излюбленный прием эпического повествования. Установлено, например, что третью часть всей „Илиады“ и „Одиссеи“ составляют стихи, повторяющиеся полностью или — с небольшими отклонениями¹.

Автор „Рассказа о четвероногих“ прибегает к повторению одних и тех же фраз во всех случаях, когда ему нужно сказать о появлении или уходе того или иного басенного героя. В первом случае он пользуется выражениями: ἐστάθην εἰς τὸ μέσον — „встал (встала) на середину“ (стихи 122, 183, 647, 663, 831, 904, 934), ἐξέβη (ἐξῆλθε) καὶ ἔστη (ἐστάθηκε) εἰς τὸ μέσον — „вышел и встал на середину“ (стихи 420, 548, 778, 810). Во втором: φεύγει ἀπὸ τῆν μέσην (τὸ μέσον) — „бежит со середины“ (стихи 194, 807, 976), ἀπῆλθεν καὶ ἐστάθηκε εἰς τὸ στασιδίον του — „ушла и встала на свое место“ (стих 180 и с некоторым отклонением стих 520), „вышел и занял свое место вместе с собранием“ — ἐξῆλθεν καὶ ἐστάθηκεν μετὰ τοῦ συνεδρίου (стих 195 и с некоторым отклонением стих 658).

Постоянно повторяются такие слова, как κακότυχος, ἄτυχος, μισρός в значении „несчастный“. Постоянными эпитетами в „Рассказе“ являются: „кровожадные и мерзкие“ звери — αἰμοβόρα καὶ βδελυκτά (стихи 16, 96, 989, 1033, 1038), „чистые и полезные“ — τὰ καθαρά καὶ εὐχρηστά (стихи 15, 32, 39, 62, 96, 990, 1040, 1041).

Как и в поэмах Гомера, эпитеты рассматриваемого памятника, большей частью, многосложные. По способу образования — это сложные прилагательные, состоящие из двух-трех компонентов. Для внешней характеристики царя Льва, например, употреблены два эпитета: „страшноглазый“ — ἀγριόφθαλμος и „имеющий хвост в виде спирали“, „извилистый хвост“ — γαυλαδωράδατος. Волк назван „ночным бродягой“ — ὁ νυκτοβηδιστής и „кровопийцей“ — ὁ αἰματοπότης; лиса — „душительница кур“ — ἡ ὀρνιθοπνίχτρια; мышь — „лизоблюд“ — τζουκχλογλύφος; осел, постоянно подвергающийся побоям, — ὁ πολυρράβδης — „многобитый“.

Самовосхваления и поношения противника занимают ведущее место среди традиционно-художественных средств, используемых автором басни. Это старый прием эпических произведений классической литературы, в частности, эпоса Гомера. В „Рассказе“ каждый из выступающих на собрании зверей обычно возводит хулу на своего противника и представляет себя в более выгодном свете². Собака обвиняет Лису в том, что

„она, негоднейшая, одних ест, у других пьет кровь и причиняет большое зло и еще больший убыток и бесконечную несправедливость бедным людям“.

(стихи 191 слл.)

Собака смеется над ученостью Лисы и считает, что лучше всего

„стащить с тебя (Лисы) шкуру, вытянуть хвост, и отдать это на сукновальню меховщику: пусть тебя обработают негашеной известью и обожгут квасцами, — забудешь свою высокую философию!“

(стихи 210 слл.)

С презрением отмечая, что Лиса проводит свою жизнь в норе и не видит оттуда ни дня, ни солнца, выходит лишь по ночам и постоянно пребывает в страхе, Собака с гордостью говорит:

„Я же воспитываюсь среди людей, в царских домах, при королевских дворах и в [домах] знатных рыцарей, больших охотников;... меня держат [при себе], и гладят, и нежат“.

(стихи 249 слл.)

Лиса, немало не смутившись оскорблениями Собаки, говорит:

„Тебя называют Собакой, поистине ты и есть собака — твоё поведение соответствует твоему имени“

(стихи 200 слл.)

Незаслужено хвастовство Собаки, считает Лиса, и напрасно „...чваннишься ты сильно и хвастаешься много“ (стих 236), — заявляет она ей. Когда хвастовство Собаки переходит всякие границы, Лиса прерывает ее: „Достаточно с тебя, Собака, вздорный, поганый лжец“ (стих 263). Очень характерен также разговор пантеры и леопарда, оспаривающих свое первенство (стихи 860 слл.).

Следует отметить, что в „Рассказе о четвероногих“ нет сложных гомеровских сравнений; вообще автор басни очень редко пользуется сравнениями, — в противоположность поэмам Гомера и другим произведениям античного эпоса. Достаточно сказать, что в „Рассказе“ всего одиннадцать сравнений: стихи 231, 333, 365 слл., 369 сл., 445, 575 сл., 800, 906 сл., 933, 939, 957. Среди них встречаются традиционно-эпические сравнения — с солнцем, звездами, луной.

„Как солнце никогда несравнимо со звездами... так мое мясо не сравнится с вашим“, —

говорит Свинья Оленю и Зайду (стихи 365 слл.). Или:

„... я — солнце, — заявляет Бык, — Буйвол — луна. Вы, бедные, — как крошечные звезды, несчастны и презренны“

(стихи 575 слл.)

Однако встречается сравнение и нового типа, свидетельствующее о том, что автор — христианин по мировоззрению: бег трусливого зайца сравнивается с бегством черта от ладана (стих 333).

Автор греческой басни широко привлекает большой материал бытового характера, благодаря чему читатель, между прочим, получает возможность ознакомиться с массой деталей, касающихся различных видов производства.

Как бы в подтверждение дошедших до нас вещественных памятников мы узнаем из „Рассказа“, что слоновая кость идет на изготовление царских лож, тронов властителей, кресел патриархов; из нее вытачивают шахматы,

„делают ручки для больших ножей, а равно и для маленьких, весьма украшенных, весьма красивые гребни, которые скрепляются золотом, и еще серебром, украшенные смарагдами... делают также и зеркала, которые называются хадрэпта“

(стихи 923 слл.)

¹ И. М. Тронский. История античной литературы, Л., 1946, стр. 55.

² Стихи 130 слл., 153 слл., 160 слл., 177 слл., 285 слл., 293 слл., 322 слл., 337 слл., 340 слл., 360 слл., 436 слл., 443 слл., 474 слл., 525 слл., 530 слл., 537 слл., 572 слл., 612 слл., 681 слл., 691 слл., 753 слл., 757 слл., 783 слл., 795 слл., 833 слл., 906 слл.

Бараньим рогом пользуются „ремесленники, изготовители мечей, кинжалов и ручек для шил“ (стихи 481 сл.). Из овечьей шерсти, в зависимости от способа ее обработки, изготавливают ковры, одежду, войлочные изделия (стихи 481—512). Благодаря окраске шерсти в разные цвета получаются замечательно вышитые занавеси, весьма красочно оформленные ковры, различной расцветки ткани. По цвету одежды можно даже определить общественное положение ее обладателей:

„Цари, знатные люди и все вельможи
носят желтого и красного цвета одежды,
другие, нижестоящие, — всякой окраски и цвета“.

(стихи 500 сл.)

В стихе 513 и следующих говорится о ценности овечьей шкуры:

„Сапожнику она служит для всякой его работы:
для башмаков, сандалий, туфель...
...грамматики одевают книги
в черную, красную или другого цвета [кожу],
часто и седельщик пользуется ею
для седел, для шитья нагрудных и задних ремней,
для узды с недоуздом и тому подобного“

(стихи 513 сл.)

У свиньи весьма ценным является щетина: художник делает из нее кисточки для росписей; „сапожник, седельщик и шиватель кож

никоим образом не могут сделать хотя бы один стежок
без того, чтобы не воспользоваться моими волосами...“

(стихи 389 сл.)

Клыкком „пользуются грамматики и все шляпочники: выглаживают им и шапочки, выглаживают и бумагу“ (стихи 403 сл.). Шкуру оленя используют на шнуры, пояса, из нее делают также мешочки, в которых носят трут для разжигания огня (стихи 343 сл.). Медвежье сало — хорошее лекарство при ревматизме. Оно входит также в состав различных целительных мазей (стихи 851 сл.). Шкура пантеры идет „на кресла и подлокотники, на подушки и подстилки на ложа“ (стихи 880 сл.). Теплая заячья шкурка — хорошее средство защиты от холода, богатые люди носят одежды на меховой подкладке (стихи 303 сл.). Шкура идет также на шапочки, которые носит „всякий важный человек: и врач, и богатый торговец“ (стихи 302 сл.). С помощью заячьей лапки золотых дел мастер собирает отдельные крупинки золота и серебра (стихи 310 сл.). Из козьей шерсти плетут крепкие, очень прочные веревки (стихи 532 сл.). Из рогов буйвола делают пастушки и походные рожки (стихи 605 сл.).

Интересные сведения дают также стихи 210 сл., 295 сл., 370 сл., 384 сл., 597 сл., 617 сл., 623 сл., 638 сл., 667 сл., 759 сл., 794 сл., 909 сл., 955 сл.

Широкое привлечение автором фактов такого рода сообщало басне реалистически бытовой колорит, который делал ее легко доступной для понимания.

По характеру языка, которым написан „Рассказ о четвероногих“, это произведение является памятником народной литературы; ее отличительными чертами являются преобладание новогреческой лексики и морфологии, а также пестрый, смешанный характер языка (т. е. наличие классических греческих форм рядом с новогреческими) и следы иноязычных влияний.

Как отмечал в свое время крупный греческий филолог Г. Хаджидакис¹, в письменных памятниках, начиная с XI в., шла борьба за существование между старыми и новыми элементами языка; с течением времени эта борьба принимала все более острую форму. Весьма ощутимым было различие между народным, живым, разговорным языком и языком письменным, книжным.

Борьба старых и новых форм, слов и конструкций не исключала и их сосуществования².

Смешанный характер языка анализируемого памятника можно подтвердить рядом примеров:

Стих 52: *σὺν τῷ ἀγρίῳ*. Здесь вместо новогреческого предлога *μετὰ* с народным словом *τῷ ἀγρίῳ* сочетается книжный предлог *σὺν*, требующий дательного падежа. Однако *τῷ ἀγρίῳ* стоит в винительном падеже, который является единственно возможным при соединении с новогреческим предлогом.

Стихи 53, 521, 577, 1045: *ἡ αἰῶνα* — „коза“. Это — народное слово; наряду с ним в басне употребляется и древнегреческая форма: *αἰξ*, *-γός*, *ἡ*, в стихе 547 *αἰγός* — родительный падеж.

Стих 46: *ὡς ἴδωσιν*. *ὡς* — подчинительный новогреческий союз „с тем, чтобы; чтобы“ соединен с 3-м лицом множ. числа древнегреческого конъюнктива аориста от глагола *ἴδω* — *ἴδωσιν*. В данном контексте *ὡς* + конъюнктив употребляется в значении инфинитива. В новогреческом языке категории неопределенного наклонения нет, но инфинитив может заменяться сочетанием *ὡς* + конъюнктив.

Ряд союзов и наречий древнегреческого языка сосуществует с союзами и наречиями новогреческого языка. Так, *γάρ* (вместо *διότι*, *διὰ τί*), *οὖν* — древнегреческие союзы и новогреческие — *ὡς*, *ὡστε* (в значении: „до тех пор, пока“), *ὅταν* (временной союз). Новогреческие наречия: *ἀντάμα*, *πάντα* (вместо *πάντοτε*), *ἔδᾶ*. Сюда же относится употребление несклоняемого *ὅπου* вместо относительного местоимения. *Ἀντάμα*, *πάντα*, *πάλλιν*, *ὅπου*, *ὅταν* принадлежат чисто народному языку³.

Стих 429. Наряду с двумя греческими формами *ἡ ἀλώπηξ* (стих 314) (древнегреч.) и *ἡ ἀλεπού* (стихи 188, 196) (новогреч.) можно наблюдать также использование автором увеличительной формы греческого слова *ἰλώπηξ*, снабженного итальянским суффиксом *ουτσα* — *ἰλωπούτσα*.

Стих 606: *κερατοβούκινον*. Это — сложное слово, в состав которого входят: *κέρατον*, *τὸ* (исконно греческое слово) — „рог“ и слово *βουκινον*, *τὸ*, имеющее то же значение. По предположению Триандафилидиса⁴, слово *βουκινον* перешло из греческого языка в латинский, а затем, как латинское заимствование, вернулось в греческий язык.

Одной из особенностей средневекового греческого стихосложения, как это отметил С. Шестаков в работе „Язык „Эротокрита“, со стороны его лексического состава“ является образование отдельного целого стиха путем включения в него, рядом с заимствованным словом, его греческого синонима. Пример этого можно найти в стихе 64 „Рассказа о четвероногих“: *εἰς κάμπον ὄραιότατον, εἰς ὀμάλαν μεγάλην* (текст Вагнера),

¹ G. Hatzidakis. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892, Excurs III, S. 234—284.

² G. Hatzidakis. Kritische Bemerkungen zu einigen mittelgriechischen Autoren. BZ, Bd. I, S. 100.

³ С. Пападимитриу. Стефан Сахликис и его стихотворение „Ἀφήγησις παράξενος“. Одесса, 1896, стр. 122.

⁴ M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärlitteratur. Strassburg, 1909, S. 168.

где наряду с греческим словом *ομαλία* употреблено латинское слово *sampus*, в том же значении: „равнина“.

В „Рассказе“ встречаются слова и выражения, взятые из живого народного языка: в стихе 143 — слово *δαμίν* („немножко“). Это — наречие, которое восходит к уменьшительной форме существительного *δαγμίον* от *δαγμός* (*δαγμάνω*, *δάκνω* — „кусать“). Средневековая греческая форма звучит как *δαγμίιν*, но затем гамма исчезает перед *μ* и остается *δαμίν*. В своем ударении *δαμίν* следует той закономерности, согласно которой уменьшительные слова дактилического размера (— ∪ ∪) имеют ударение всегда на последнем слоге, предшествующем окончанию *ον*: *δαγμίον* (*δαγμίιν*).

В стихе 1063 употреблено новогреческое выражение: *καὶ εἰς τὰ δύο μέρη* — „обе части“.

Ниже приводятся и другие, взятые из текста „Рассказа“ слова новогреческого языка, употребляющиеся в современном разговорном языке (*ἢ δημοτικῇ*)¹.

<i>ἀδελφοποι(η)τός, ὁ</i>	— собрат, названный брат	(стих 434)
<i>ἄλευρι, τό</i>	— мука	(стих 445)
<i>ἄσπρος, 3</i>	— белый	(стих 509)
<i>ἀπομεινάρι(ον), τό</i>	— остаток	(стих 510)
<i>ἀφήνω(ἀφίνω)</i>	— оставлять	(стих 610)
<i>ἄλογον, τό</i>	— лошадь	(стихи 659, 742)
<i>αὐτί, τό</i>	— ухо	(стихи 328, 678)
<i>ἀνάσκεια</i>	— нар. навзничь	(стих 952)
<i>ἀχλάδι, τό</i>	— груша	(стих 847)
<i>ἀρματώνω</i>	— вооружать	(стих 911)
<i>ἀκουμβῶ</i>	— опираться	(стих 948)
<i>ἀπάνω</i>	— нар. наверху	(стих 128)
<i>βαστῶ</i>	— держать	(стих 1039)
<i>βάνω</i>	— ставить, класть	(стихи 679, 695, 784)
<i>βοῦρκος, ὁ</i>	— грязь, болото	(стих 448)
<i>βυζί, τό</i>	— сосок	(стих 469)
<i>βάφω</i>	— красить	(стих 485)
<i>βουβάλι, τό</i>	— буйвол	(стих 544)
<i>βῶδι, τό</i>	— бык	(стихи 591, 1027)
<i>γᾶρισμα, τό</i>	— ослиный крик	(стих 716)
<i>γᾶρνω</i>	— сдирать шкуру	(стихи 787, 793)
<i>γέλ(ο)ιον, τό</i>	— посмешище, смех	(стих 681)
<i>γούνα, ἢ</i>	— мех, шуба	(стих 177)
<i>γουνάρης и γουνάρης, ὁ</i>	— меховщик, скорняк	(стих 211)
<i>δείχνω</i>	— показывать	(стих 1063)
<i>ᾄρνω, ᾄρω</i>	— бить, пороть	(стих 785)
<i>ἐβγάζνω, βγάζνω</i>	— выходить	(стихи 148, 244, 572 и др.)
<i>ἐδικός, 3</i>	— собственный	(стих 342)
<i>ζωνάρι, τό</i>	— пояс	(стих 344)
<i>ἴσμιος, ὁ</i>	— тень, отражение	(стих 929)
<i>κοῦτσα, ἢ</i>	— хромота	(стих 435)
<i>κουνῶ</i>	— трясти, качать	(стих 470)
<i>καλαμχαῖς, ὁ</i>	— щелкопер, писака	(стих 615)
<i>καλαμάρι, τό</i>	— чернильница	(стих 616)

<i>κλαδί, τό</i>	— ветвь, ветка	(стих 332)
<i>κεντιά, ἢ</i>	— укол	(стих 390)
<i>κραιάρι, τό</i>	— ячмень	(стих 667)
<i>κρασί, τό</i>	— вино	(стих 669)
<i>κουβαλῶ</i>	— носить, переносить	(стих 670)
<i>κουρούνα, ἢ</i>	— ворона	(стих 684)
<i>κοντά</i>	— нар. близ, у	(стих 708)
<i>κανακεύω</i>	— ласкать	(стих 754)
<i>κουδοῦνι, τό</i>	— колокольчик	(стих 763)
<i>κόνιδα, ἢ</i>	— гнида	(стих 972)
<i>κέρατο, τό</i>	— рог	(стих 1021)
<i>κοπέλα, ἢ</i>	— девушка, горничная	(стих 867)
<i>κάθε</i>	— каждый	(стих 840)
<i>κυρά, ἢ</i>	— госпожа	(стих 204)
<i>κοντός, 3</i>	— короткий	(стихи 797, 844)
<i>καμνω</i>	— делать	(стих 440)
<i>κεγχρί, τό</i>	— просо	(стих 167)
<i>κούπα, ἢ</i>	— чашка, стакан	(стих 300)
<i>κρύφα</i>	— нар. тайно, тайком	(стих 162)
<i>κου(κ)κιά, ἢ</i>	— бобы	(стих 167)
<i>λιβάδι, τό</i>	— луг	(стих 791)
<i>λουρί, τό</i>	— ремень	(стих 641)
<i>λάδι, τό</i>	— масло	(стих 669)
<i>μυρωδιά, ἢ</i>	— обоняние, запах	(стих 383)
<i>μετάξι, τό</i>	— шелк	(стих 762)
<i>μπροστά</i>	— нар. перед, вперед	(стих 747)
<i>μελίγγι, τό</i>	— висок	(стих 895)
<i>μουστάκι, τό</i>	— усы	(стих 127)
<i>μύτη, ἢ</i>	— нос	(стихи 127, 447, 936)
<i>νερό, τό</i>	— вода	(стихи 243, 670, 685)
<i>νοστιμάδα, ἢ</i>	— приятный вкус	(стих 364)
<i>παστός, 3</i>	— соленый	(стих 374)
<i>πιθάρι, τό</i>	— горшок	(стих 376)
<i>παραγεμίζω</i>	— переполнять	(стих 380)
<i>πλουμίζω</i>	— украшать, вышивать	(стихи 400, 489, 926)
<i>ποδάρι, τό</i>	— ножка	(стихи 310, 748)
<i>παινήγυρι, τό</i>	— торжество, празднество	(стих 765)
<i>παστρευω</i>	— чистить	(стих 766)
<i>παίρνω</i>	— брать	(стих 967)
<i>παίγνιδι, τό</i>	— игра	(стих 921)
<i>πουλάρι, τό</i>	— жеребенок	(стих 816)
<i>παράμερα</i>	— нар. в стороне	(стихи 238, 328)
<i>πιάνω</i>	— брать, хватать	(стихи 165, 290)
<i>πετσί, τό</i>	— кожа, шкура	(стихи 580, 638)
<i>ράχη, ἢ</i>	— спина	(стих 797)
<i>ρουδοῦνι, τό</i>	— ноздря	(стих 651)
<i>ραβδί, τό</i>	— палка, прут	(стих 170)
<i>σηκώνω</i>	— поднимать, задирать	(стих 355)
<i>σταμνί, τό</i>	— кувшин	(стих 376)
<i>στέκω, στέχομαι</i>	— стоять	(стихи 686, 945)
<i>σκουτέλλι, τό</i>	— блюдо, миска	(стихи 299, 620)
<i>σαγίττα, ἢ</i>	— стрела	(стих 625)
<i>σαμαράς, ὁ</i>	— седельщик	(стих 626)
<i>σαμάρι, τό</i>	— вьючное седло	(стих 683)

¹ Принадлежность этих слов к разговорному современному языку можно проследить по новогреческому словарю А. Иоаннидис (М., 1950). Не исключена возможность расширения приведенного списка слов.

σκοτώνω	— убивать	(стихи 234, 956)
στραβός, 3	— кривой	(стих 845)
τυρί, τό	— сыр	(стих 130)
τσακίζω	— разламывать	(стих 749)
ταγίζω	— кормить	(стихи 160, 744)
τιποτένιος, α, ο	— незначительный	(стих 551)
τίποτε, τίποτες	— нечто, ничего (стихи 221, 331, 569, 737, 836)	
φάβα, ή	— бобовое растение	(стих 668)
φεῖδι, φίδι, τό	— змея	(стих 52)
φοράδα, ή	— кобыла	(стих 819)
χλιμιντρῶ	— ржать	(стих 663)
χρυσάφι, τό	— золото	(стих 312)
ψωμί, τό	— хлеб	(стихи 130, 336)
ψέμμα, τό	— ложь	(стихи 649, 958)
ψείρα, ή	— вошь	(стих 972)
ψοφῶ	— издыхать, околевать	(стих 792)

Следует отметить также, что в тексте встречаются порой такие языковые формы, которые находят свое объяснение лишь в особенностях новогреческого языка.

Так, употребление в стихе 69 (в чтении всех рукописей) формы 3 лица множ. числа пассивного аориста; ἀπηλογήθησαν — „ответили“ — само по себе непонятно. Однако наличие этой пассивной формы объясняется тем, что отложительные глаголы с раннего времени составили в новогреческом языке общую с пассивом морфологическую систему, в которой уже не было медиальной формы¹.

Особенностями новогреческого языка объясняется также наличие в стихе 740 аугмента в слове ἀπηλογοῖται, представляющем собой форму 3 лица ед. числа настоящего времени: аугмент прошедшего времени переходит на форму настоящего и будущего времени составных глаголов. Это явление проходит через все средневековье и получает еще большее распространение в новое время².

Глагол τυφλώνω — „ослеплять“, употребляемый в стихе 785, является одним из примеров встречающегося в тексте перехода контрактных глаголов древнегреческого языка на ω в глаголы на οω в новогреческом языке.

В составе эмоционально-экспрессивной лексики „Рассказа“ можно встретить: слова со значением уменьшительности или ласкательности, например, в стихе 782: ἀλογάκιν — „лошаденка“, в стихе 576: μικρούτσικα ἄστρα — „крошечные звезды“; в стихе 591: βωδάκι — „бычок“ и др.; слова, выражающие пренебрежение, как κακός, ταπεινός, ἄτυχος, μιάρος, κακότυχος со значением „несчастный“ (стихи 162, 174, 296, 456 и др.). Особенно часто употребляются грубые и бранные слова: τζουκαλογλύφε — „лизоблюд“ (стих 130), βρομομουζάρεα — „сопливая вонючка“ (стих 414), μωρόχλον — „пустомеля“ (стих 525), „отвратный“ (стих 136), „поганый лжец“ (стих 263), „гнусный, мерзкий“ (стих 159), „куцехвостый“ (стих 353), „сквернозубый“ (стихи 326, 425) и т. д.

Лексика „Рассказа о четвероногих“ отличается большим количеством заимствований³, главным образом романских.

¹ См. G. Hatzidakis. Einleitung... S. 193.

² Ibid., S. 62—71.

³ О заимствованиях см. работы: G. Hatzidakis. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892; Его же. Μεσαιωνικά και Νέα Ἑλληνικά, t. I, 1905; t. II, 1907; M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärlitteratur. Strassburg, 1909; G. Meyer. Neugriechische Studien, SBAW. Wien, Bd. 130, 1893, Bd. 132, 1895.

К числу заимствований относятся следующие слова:

- ή μαῖμου — „обезьяна“ (стих 37). Слово арабского происхождения. См. A. Thumb, Handbuch der neugriechischen Volkssprache. Strassburg, 1895, S. 8; Fr. Miklosisch. Die türkische Elemente in der südost-und osteuropäischen Sprache. „Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften“, philos. — hist. Kl., Bd. XXXV, Wien, 1885, S. 122; J. Perles. Jüdisch-byzantinische Beziehungen. BZ, Bd. II (1893) S. 577.
- λαγγάδι — „долина, луг“ (стих 104). Славянское заимствование (G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 130, S. 37).
- μαχαρίζω — „поганить, марать“ (стих 163, см. также 215, 273). Слово арабского происхождения. См. П. В. Ернштедт. „Этимология новогреческого глагола μαχαρίζω“. Вопросы языкознания, 1952, № 1, стр. 120—132.
- ματζούκα — „дубинка, палица“ (ст. 170). Слово романского происхождения (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter... S. 145; G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 132, VI, S. 50—51). Среднелат. mateo, mateola, maxuca. Итал. — mazza, франц. massue. Как указал нам В. Ф. Шишмарев, исходной формой романских слов являлось вульгарнолатинское слово mattiuca, напоминающее по суффиксу carruca (фр. charrue — „пуг“). Может быть, предполагает В. Ф. Шишмарев, в латынь это слово проникло из Галлии?! В греческий язык оно могло попасть и из поздней латыни.
- Слово ματζούκα является компонентом слов μεγαλοματσουκάτος в стихе 650, ματσουκοκοπῶ или ματσουκοποῶ в стихе 674.
- κοτροζάγαρος — „гончая собака“ (стих 415). Ζάγαρι — арабское sakar, турецкое zagar. См. M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter... S. 145; Fr. Miklosisch. Die türkische Elemente... S. 186.
- σουβλομανικάδες (стих 481). Это сложное слово, состоящее из двух слов, заимствованных из латинского языка: σουβλα — subula — „шило“ и μάνικα — manica — „рука“ (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter... S. 122). Слово μάνικα встречается также в стихах 482, 923 (μαχαίρομανίκα).
- σουλτάνος — „султан“ (стих 494) и ἄμηρᾶς „эмир“ (стих 494) являются словами арабского происхождения.
- σκαρλάτα — „красный“ (стих 501). Слово итальянского происхождения: scarlatto (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter, S. 141). К. Диттерих в рецензии на словарь Мейера-Любке (W. Meyer-Lübke. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911), помещенной в BZ, XXVII (1927), S. 118, утверждает, что „этимологически неясное scarlat (№ 7661) пришло через среднегреческий medium (σκαρλάτος) и, вероятно, оттуда достигло романского языка“.
- ζέντουκλον (стих 511). Латинское заимствование: centuculum — „шерсть, войлок“. M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter... S. 121; G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 132, S. 30.
- καππάσιον (стих 512). Слово латинского происхождения: capra — „шапка, головной убор“. G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 130, S. 26.
- μαχλαβοκοπῶ, μαχλαβοκοποῶ — „бить ремнем“ (стих 636). Слово восходит к латинскому manoclavium — „ремень“ (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter... S. 124; G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 132, S. 40).

βέρα — „ветвь“ (стих 679). Слово латинского происхождения: βέρα — verga (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter..., S. 119).
 κουβερτωμένον, κουβερτιασμένον (стих 764). Это причастие от гл. κουβερτώνω, κουβερτιάζω — „покрывать“. В основе глагола лежит слово κουβέρτα — „покрышка“, „покрыв“, имеющее романское происхождение (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter..., S. 26, 135), итал. coperta, couverte. В словаре Мейера-Любке, стр. 174: итал. coperschio, фр. couvercle.

βίτσα — „ветвь, прут“ (стих 785). По мнению Триандафиллидиса (Die Lehnwörter..., S. 144), это — балкано-романское заимствование; vitā, vitis, vitea. Г. Мейер (Neugriechische Studien, Bd. 130, S. 18) считает его славянским заимствованием: болг. вица, румынское vită.

К числу латинских заимствований относятся такие слова, как χαρτί — „бумага“ (стих 56), πουλία — „птенец, цыпленок“ (стих 189), ρήξ, ὁ или ρήγας — „король“ (стих 297), ἀκούγγιν — „сало“ (стих 852), κάστρον — „укрепление“, „крепость“ (стих 909), σέλλιον — „кресло“ (стих 915) и целый ряд других слов, встречающихся в тексте.

Словами восточного происхождения являются: βαμβάκι — „вата“, „хлопок“ (стих 536), γάδαρος — „осел“ (стих 644), κρημιζή — „красный“ (стих 762), άναχαράς или ναχαρά — „литавры“ (стих 1043) и др.

Проследить время и пути проникновения в греческий язык слов, заимствованных как с Запада, так и с Востока, — решение этого вопроса имеет большое значение для датировки „Рассказа о четвероногих“, — не удалось. В специальной литературе, включая сюда и этимологические словари, не указывается зачастую даже время появления того или иного слова в родном, книжном или разговорном языке (с последним дело обстоит особенно трудно). Тем более сложно отыскать указание на время заимствования слова другими языками.

Из большого числа слов романского происхождения можно остановиться только на одном слове, а именно broz — „щетка“, от которого образовался греческий глагол βουρτζίζω — „чистить щеткой“. Известно, что впервые это слово broz зафиксировано в литературном памятнике „Роман о белой розе“ в XII в.¹ Можно предполагать, что это слово проникло в греческий литературный язык после XII в. Такая гипотеза в случае ее подтверждения могла бы служить в качестве одного из аргументов для датировки „Рассказа“ поздним временем. Однако нельзя сбрасывать со счетов, во-первых, то, что слово могло существовать во французском языке ранее времени его фиксации в литературном памятнике XII в., а, во-вторых, то, что оно могло проникнуть в греческий язык в процессе устного общения.

К сожалению, слова восточного происхождения (арабские, персидские, турецкие) не могут также ничего дать для определения времени их включения в основной словарный фонд памятника и, следовательно, не могут быть использованы для датировки басни.

Таким образом, изучение художественных средств и языка „Рассказа о четвероногих“ показывает, что это произведение представляет собой памятник эпоса особого типа, в котором своеобразно сочетаются тенденции „старого“ и „нового“, а именно: своими изобразительными средствами он как бы следует образцам классического греческого эпоса,

¹ В изысканиях относительно указанного слова, как и в работе над другими словами романского происхождения, большая помощь нам была оказана В. Ф. Шишмаевым.

между тем, как реалистически живая лексика народного памятника сообщает ему новые (по сравнению с „традиционным“ эпосом) черты.

Следует заметить, что буржуазные исследователи не поняли этого своеобразия „Рассказа“, а его равняющая на старый эпос „техника“ (в смысле совокупности выразительных средств) рассматривалась, в частности Ш. Гиделем¹, как проявление беспомощности народного автора, не умеющего разнообразить свой рассказ, растягивающего его и т. д.

Народный характер басенного сюжета „Рассказа“, его язык, также свидетельствующий о народной основе этого памятника, позволяет предполагать, что басня не могла быть достоянием узкого литературного круга, что она несомненно имела значительное распространение в широких кругах читателей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ „РАССКАЗА О ЧЕТВЕРОНОГИХ“

„Рассказ о четвероногих“ относится к числу анонимных произведений. История византийской литературы, подобно литературам других стран эпохи средневековья, знает целый ряд анонимных памятников, написанных в разных жанрах. При этом для определенных хронологических периодов характерны и определенные жанры: можно заметить, например, что в X в. появляется большое число компилятивных сборников и энциклопедий (исторических, медицинских, сельскохозяйственных и т. д.), трактатов, антологий, словарей; в XIII—XIV вв. — многочисленные анонимные греческие романы: „Бельтандр и Хрисанда“, „Либистр и Родамна“, „Каллимах и Хризорова“ и другие. По справедливому замечанию Г. Хаджидакиса, „мы часто находимся в неведении относительно родины, времени, различных обстоятельств, даже имени средневекового автора“². В известной степени это верно и по отношению к интересующему нас памятнику.

Что касается места возникновения „Рассказа“, то единственным исследователем этого вопроса явился греческий ученый С. Ксантудидис, автор работы «Поправки и толкования к „Шуточному рассказу о четвероногих“»³. Считая, что „Рассказ“ возник на Крите, он в подтверждение этого приводит слова критского происхождения, местные идиоматические выражения, а также ссылается на стихи, где дается описание якобы критских обычаев.

Ознакомление с рукописями „Рассказа“ показывает, что С. Ксантудидис строит лингвистические доказательства в пользу критского происхождения памятника на данных одной только Парижской рукописи, действительно сохранившей критский идиоматический элемент, который, однако, неизвестен другим спискам. Представляется весьма вероятным, что Парижская рукопись была написана, если не на Крите, то, во всяком случае, писцом, хорошо знакомым с критским диалектом.

Но происхождение рукописи — это одно, а происхождение самого памятника — совсем иное. Нельзя забывать, что кроме Парижского списка имеются еще три других — Ленинградский, Венский и Лесбосский, дающие другое чтение и восходящие к другой рукописной редакции.

Хотя мы и не останавливаемся на вопросе о том, какая из рукописных ветвей древнее, однако интересно заметить, что в Парижском списке встречаются модернизованные формы, как, например, в стихе 319

¹ Ch. Gidel. Études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1866.

² G. Hatzidakis. Kritische Bemerkungen zu einigen mittelgriechischen Autoren BZ, Bd. I, S. 100.

³ Διορθώσεις καὶ ἐρμηνεύει εἰς Διήγησιν παιδιόφραστων τῶν τετραπόδων ζώων. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. V, Athen, 1926, S. 348—370.

слово ἀνετήρητος, ведущее свое происхождение от слова ἀναντήρητος, представленного Ленинградской, Венской, Лесбосской рукописями, или в стихе 688, где С. Ксантуидис предлагает чтение δοῦδι вместо διδει. Δοῦδι — критская форма, бытующая и до последнего времени, но из истории развития языка известно, что это — вторичная форма, — первоначальной является форма διδο.

В своем увлечении критским элементом С. Ксантуидис под предлогом „исправления“ или „улучшения“ чтения стиха часто предлагает ничем не обоснованную замену слов и выражений. Приведем несколько примеров.

Стих 1028: καὶ τὸ ἴδων ὁ βούβαλος ἐσέβην εἰς τὴν μέσην (текст Вагнера). — „И, увидя это, Бык вошел в середину“ — С. Ксантуидис предлагает заменить τὸ ἴδων критской формой τὸ ἰδεῖν, хотя в предпочтении последней нет необходимости.

Стих 696: διὰ τ'ἀπανωγόμια ποῦ βάνου εἰς τὴν μέσην (Вагнер) „сверхпоклажу, которую кладут на середину“ — С. Ксантуидис говорит о существовании в Парижской рукописи критского слова ἀπανωγόμια, означающего третью часть груза, положенного наверх между двумя другими частями (ἡ)μιγόμεων, и предлагает заменить им слово ἀπανωγόμια, представленное Ленинградской, Венской, Лесбосской рукописями. Никакой надобности в замене не видим, так как ἀπανωγόμια — хорошо объяснимое слово, которое означает „сверхпоклажа“, „сверхноша“.

В стихе 768 ἄγωμαι μὲ τὴν κάμηλον τὴν μακροσφονδύλαττην (Вагнер). — „Меня ведут с длиннопозвоночным Верблюдом“ — С. Ксантуидис предлагает читать ἄγωμε, что придает фразе совершенно иной, не вяжущийся с контекстом смысл; простое повествование заменяется императивной формой: „пойдем с длиннопозвоночным Верблюдом“.

В ряде других мест критские „поправки“ С. Ксантуидиса также совершенно необоснованы. Так, например, обстоит дело в стихе 362: καὶ ψευδεσθε, κομπόνεσθε τοὺς ἀκούοντας πάντας (Вагнер). — „И вы лжете, обманываете всех слушающих“. Окончание глагола κομπόνεσθε определяется предшествующим глаголом. Правильная активная форма представлена Лесбосской рукописью — κομπόνετε, и исправление на κομπόνετε, предложенное С. Ксантуидисом, неуместно. Стих 736: καὶ ὅταν κατοικήσετε, κῦπτεσθε καὶ ὀσμᾶσθε.

„И когда вы мочитесь, наклоняетесь и нюхаете“. Предложенная С. Ксантуидисом вместо κῦπτεσθε критская форма σκῦπτете или σκῦρτετε сама по себе исторически необоснована, не говоря уже о том, что и необходимость этой замены ничем не подкреплена и не оправдана.

Говоря о лингвистических поправках С. Ксантуидиса, нельзя не обратить внимания на один важный, по нашему мнению, момент, которого он не касается. В тексте отсутствуют такие характерные критские формы, как τσῆ вм. τῆς — род. падеж. ж. р., ед. числа, τσοῖ (τσοί) вместо τοὺς винит. падеж. мн. числа и ряд других форм, которыми изобилуют критские тексты („Эротокрит“, поэмы С. Сахликиса и т. д.).

Серьезное возражение вызывает смысловая интерпретация стихов 384—388, выдвинутой С. Ксантуидисом в доказательство критского происхождения „Рассказа о четвероногих“.

Эти стихи обращают на себя особое внимание, ибо в них заключена сатира на католическую церковь и ее священнослужителей. Восхваляя свои достоинства, Свинья не без сарказма замечает:

„... Франкские священнослужители при водосвятии моими волосами окропляют всех святой водой и нисколько не помнят, что я валялась в грязи“.

Комментируя эти стихи, С. Ксантуидис обращает внимание на разницу в совершении церковного обряда окропления в православной и католической церквях: у греков окропление производилось побегом душистого растения, обычно базилика, у франков — свиной щетиной. По мнению С. Ксантуидиса, знание подробностей обряда католической церкви свидетельствует о том, что автор жил в местности, находившейся под властью „латинян“. Но этот вывод подрывается хотя бы тем соображением, что ознакомиться с ритуалом католической церкви можно было и в местности, свободной от франкского владычества.

Как известно, на территории Византийской империи было расположено немало католических церквей, появившихся здесь, главным образом, со времени крестовых походов. Греки имели возможность наблюдать церковную службу в таких церквях, и поэтому знание ими католических церковных обрядов вряд ли вообще может вызывать удивление.

Нам представляется, что преимущественный интерес при исследовании этого вопроса заключается не в выяснении местожительства автора „Рассказа“, — в этом отношении указанные стихи ничего не дают, — а в выявлении причин, вызвавших сатиру на католическую церковь. Причины эти легко найти и не обращаясь к истории тех местностей, где господствовали франкские сеньоры, — их можно отыскать и на „византийской почве“.

Одна из причин, вызвавших появление сатиры на католическую церковь, кроется, как нам кажется, в отрицательном отношении греков к западной церкви, которое, разумеется, имело свои основания. Как известно, в период завоевания Византии крестоносцами папство, преследуя свои цели (создание универсальной теократической монархии, одним из этапов которого должно было служить подчинение греческих областей и т. д.), стремилось добиться унии католической и православной церквей. Однако осуществление унии оказалось сложной проблемой. С одной стороны, против объединения греческой и католической церквей выступили различные слои греческого населения, в частности, духовенство сперва Латинской империи, затем „восстановленной“ Византии. При Михаиле VIII, например, „когда папа послал своего легата, народ отказался повиноваться императору в вопросах веры и богослужения; начались раздоры, преследования; Михаилу до самой смерти (он умер в 1282) приходилось вести со своими подданными более упорную борьбу, чем с турками“¹. С другой стороны, римским папам, старавшимся осуществить унию и видевшим за организационным подчинением православной церкви католической светский протекторат Рима над Константинополем, чинили всяческие препятствия западноевропейские государи, не желавшие усиления светской власти папы. В XIII в. уния не была достигнута.

В XIV в. религиозные вопросы столь тесно сплелись с вопросами политического характера, что разрешение их стало делом большой государственной важности. Ухудшение внешнеполитического положения империи, грозная турецкая опасность вынуждает византийских императоров обратиться за помощью на Запад: именно поэтому Иоанн V в 1369 г. в надежде на военную поддержку со стороны папы соглашается признать первенство римской церкви над всеми церквями мира и высший авторитет римского епископа. Однако „Иоанн не добился от папы ничего, кроме рекомендательных писем“².

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 172.

² Там же, стр. 177.

Вторую причину, обусловившую возникновение сатиры на католическую церковь, следует искать, вероятнее всего, в сфере взаимоотношений византийской империи с итальянскими торговыми республиками. С 1204 г. их флоты господствовали в Черном, Ионическом и Эгейском морях. С конца XIII в. средиземноморская и черноморская торговля перешла в руки Генуи и Венеции, — этим был нанесен большой урон и экономике Византии и ее фиску, ибо внешняя торговля была существенным источником государственных доходов империи. Во времена Палеологов Византия попала в финансовую и экономическую зависимость от итальянских республик, и это, естественно, не могло не вызвать еще более враждебного отношения греков ко всему, что было связано с именем венецианцев и генуэзцев, а также и с католической церковью, адептами которой они являлись.

Отводя доводы С. Ксантудидиса относительно критского происхождения басни, мы склонны думать, что „Рассказ о четвероногих“ имеет византийское происхождение.

Следует заметить, кстати, что утверждение С. Ксантудидиса о критском происхождении „Рассказа“ несколько колеблется его же собственной интерпретацией стихов 9—10. Из этих стихов¹, как замечает С. Ксантудидис, ясно, что стихотворец говорит о собственно византийском государстве, которое, подвергаясь непрерывным нападениям врагов, спасается благодаря справедливости бога. Эта мысль неожиданно подкрепляется и усиливается самим Ксантудидисом: в стихе 10 он предлагает заменить слово *εὐχὴν* — „благословение“ словом *ἰσχύον* — „влияние“, „могущество“. В этом случае изменяется смысл стиха: бог, являясь справедливым судьей, дает благочестивым и справедливым людям могущество. Стало быть, дело не в благословении бога, а в могуществе, даруемом им государству. При предложенном С. Ксантудидисом чтении выходит, что стихотворец говорит о могуществе и силе византийского государства, словно он сам является его подданным. Это весьма смущает С. Ксантудидиса, который пытается объяснить возникшее затруднение следующим образом: критяне продолжали чувствовать себя подданными византийской империи, хотя уже полтора века назад перешли под владычество Венеции. Не считая вообще метод доказательств, приводимых С. Ксантудидисом в пользу критского происхождения „Рассказа“, убедительным, мы, естественно, тем более не можем принять подобного объяснения в качестве сколько-нибудь удовлетворительного.

Нам кажется также, что в произведении, в котором нашел отражение ряд моментов социальной и политической жизни эпохи, должен был быть (в том случае, если оно действительно возникло на Крите, найдя в то время под властью Венеции) как-то отмечен факт иноземного господства. Между тем, мы не находим здесь ничего, что бы говорило о конфликтах между народами, упоминание о которых можно встретить, например, в другой византийской басне того же времени — „Рассказе о птицах“; тем более нет оснований говорить о конфликте между покоренным народом и завоевателями. Вряд ли автор „Рассказа о четвероногих“, сатирического по своему характеру, мог бы обойти молчанием коллизии такого рода, если бы таковые имели место. Суть дела в том, что очевидно наш литературный памятник возник в местности, свободной от власти чужестранцев, т. е. на территории Византии, а не Крита.

¹ Они приведены в самом начале настоящей статьи, см. выше, стр. 183.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Д. АНГЕЛОВ. БОГОМИЛЬСТВО В БОЛГАРИИ

Перевод с болгарского Н. Н. Соколова.

Редакция и предисловие З. В. Удадьцовой.

Издательство иностранной литературы. Москва, 1954

Связь, установившаяся у нас с учеными стран народной демократии, с каждым годом становится все более живой и плодотворной. Выражением этой крепнущей связи служит, в частности, выход в русском переводе значительного количества трудов, принадлежащих перу историков указанных стран. Среди этих трудов одно из первых мест занимают произведения болгарских ученых. Перевод на русский язык книг Жака Натана и Димитра Косева показывает, что советский читатель с большим интересом относится к достижениям ученых демократической Болгарии в области изучения ими истории своей страны.

Нельзя не приветствовать и появления книги Димитра Ангелова, посвященной одному из самых интересных и спорных вопросов истории средневековой Болгарии — движению богомилов.

Известно, какую революционную роль играли еретические движения в средние века, когда „все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси“¹. Не случайно поэтому история богомильского движения занимает такое большое место в историографии как буржуазной, так и демократической Болгарии, хотя и рассматривается там и здесь с разных позиций.

Изучению богомильского движения видным болгарским ученым Димитром Ангеловым предшествовали его долгие исследования экономики и аграрных отношений Византии и Болгарии в XI—XIV вв., о чем свидетельствуют такие фундаментальные труды, как „История болгарского государства и права“, „История Византии“², а также ряд статей и частных исследований, опубликованных в журнале „Исторически преглед“. Д. Ангелов, обширная и плодотворная деятельность которого развернулась уже в период народно-демократической республики, с пристальным вниманием исследует особенности византийского и болгарского феодализма³ и проблемы византийско-болгарских взаимоотношений⁴. В тесной связи с этим общим направлением работы Д. Ангелова стоит

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 34.

² Д. Ангелов. История на Византия, ч. I. София, 1950; ч. II. София, 1948; Д. Ангелов. История на България държава и право. София, 1951.

³ Д. Ангелов. Феодализъм в Византия. ИП, кн. 2, 1946—1947, стр. 217—232; Д. Ангелов. Към въпроса за поземелните отношения в средновековната балканска държава. ИП, кн. 4, 1945, стр. 285—299.

⁴ Д. Ангелов. Византийски влияния върху средновековна България. ИП, кн. 4—5, 1947—1948, стр. 401—416; кн. 5, 1949, стр. 587—601.

и изучение им ереси богомилов как неизбежной при становлении феодализма народной оппозиции. В списке трудов Д. Ангелова исследования по истории богомильского движения занимают значительное место¹.

Предлагаемая русскому читателю книга „Богомилство в Болгарии“ вышла в Софии первым изданием еще в 1947 г.

Большим достоинством русского издания книги Д. Ангелова является включение в нее отдельной статьи того же автора о философских взглядах богомилов.

Нельзя не отметить высокое качество перевода, сделанного Н. Н. Соколовым. Книга читается легко, и даже взыскательный стилист не обнаружит в ней шероховатостей, присущих некоторым переводам научных работ. Несколько опечаток, чаще в греческих терминах (стр. 83, 106, 121) — единственная небрежность, которую можно отметить в этой хорошо изданной книге.

Работа Д. Ангелова охватывает широкий круг проблем, связанных с богомилством в Болгарии. Он рассматривает и вопрос о происхождении богомилства (глава II), и вопрос о сущности учения богомилов (глава III), и вопрос об организации богомильских общин и братств (глава IV), и историю богомильского движения в Болгарии (глава VI).

Во „Введении“ дается краткая характеристика работ болгарских ученых о богомилстве. Следует, однако, высказать сожаление, что эта характеристика не развернута в научную историографию вопроса.

Чрезмерной сжатостью страдает и глава I „Источники по богомилству“. Автор делит имеющиеся источники на анти- и пробогомильские и дает свою оценку важнейших из них. Однако из-за краткости изложения его мнение не всегда представляется достаточно обоснованным. Особенно остро это ощущается в тех случаях, когда Ангелов приводит источники, которые до него никем не использовались (например, „Болгарская апокрифическая летопись“). Для изучения болгарского богомилства Д. Ангелов привлекает ряд сочинений богомилов западного происхождения (например, сочинения Райнера Сакони, Петра Валлия, „Книгу св. Иоанна“ и т. д.), содержащих сведения об альбигойцах, катарах и патаренах, которых он по традиции отождествляет с богомилами². Как справедливо отмечает в своем предисловии З. В. Удальцова, это были родственные явления, порожденные сходными социально-экономическими условиями, но каждое из них имело еще и ряд специфических особенностей. Сказанное означает не возражение против использования западных источников о богомилах вообще, а необходимость очень осторожного привлечения их при весьма критическом отношении к содержащимся в них данным. Иначе у читателя создается впечатление, что все то, что говорится, например, в „Катарском требнике“, имеет самое прямое отношение к богомилскому учению. Отсутствуют источниковедческие замечания и в последующих главах (только на стр. 45 есть несколько слов о Козьме пресвитере), хотя вся работа основана на первоисточниках³.

¹ Д. Ангелов. Влияние на чужди ереси върху богомилство. „Известия на семинарите в историко-филологическият факултет на университет“, 1. София, 1942, стр. 145—180; Д. Ангелов. Апокрифната книжнина като отражение на феодалната действителност и светогледа на експлоатираната класа в средновековна България. ИП, кн. 4—5, 1950, стр. 493—508; Д. Ангелов. Презвитер Козма и беседата му против богомилианте. София, 1947; Д. Ангелов. Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiches. „Годишник на Софийския университет“, т. 44, кн. 2, 1948, стр. 1—72; т. 46, кн. 2, 1949—1950, стр. 1—57.

² Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии, М., 1954, стр. 36, 37.

³ Только в одном случае (на стр. 112) Д. Ангелов цитирует письма Феофилакта Охридского не по изданию Миня, а по II тому „Истории Болгарии“ В. Н. Златарского.

В главе „Происхождение богомилства“ автор исходит из правильного положения о зависимости надстроечных явлений от экономического базиса: „Как и всякое значительное общественное и идейное течение, богомилство было тесно связано с современной ему действительностью. Оно возникло в результате взаимодействия ряда факторов, определяемых экономической, политической и духовной жизнью общества того времени“¹. Д. Ангелов дает характеристику внешнеполитической обстановки и внутреннего социально-экономического положения в Болгарии в период зарождения богомильского движения (X в.)². Он останавливается на классовой структуре болгарского общества и на положении отдельных классов населения. На основе данных „Беседы пресвитера Козьмы“ Д. Ангелов говорит о привилегиях бояр и духовенства, о бедствиях народных масс, на положении которых особенно тяжело отразились голод, засуха и военное разорение в царствование Петра. К сожалению, как изложение взглядов автора на становление феодализма в Болгарии, так и социально-экономическая характеристика отдельных периодов в истории богомилства (гл. II, VI) отличаются излишней краткостью. Как правильно указывается в предисловии, Ангеловым „не показана экономическая сущность процесса разложения сельской общины, не прослежен процесс роста феодальной собственности и закрепощения крестьянства“³.

Д. Ангелов, отказавшись от подробного исследования проблемы генезиса феодализма и сосредоточив все внимание на изучении самого богомильского движения, не смог избежать известной односторонности в изложении вопроса о происхождении богомилства. Характеризуя в главе VI идеологические причины возникновения богомильского учения, он высказывает мнение, что христианство будто бы не привилось в Болгарии, что „языческий образ мыслей“ народа был неискореним, и поэтому болгары, не знаящие ранее особого жреческого сословия, отрицательно отнеслись к духовенству и его привилегиям и особенно чувствительны были к его моральным недостаткам. „Они не желали признавать за духовенством право совершать религиозные обряды и потому менее всего были склонны одобрять внешнюю сторону христианского богослужения и социальные привилегии духовенства“⁴.

Трудно согласиться, однако, с этим утверждением Д. Ангелова. Если бы для болгар действительно было неприемлемо христианство, то они выступали бы против него с позиций язычества. А между тем все учение богомилов исходит из положений Нового и Ветхого Заветов. Если они и вносят в эти положения что-то новое, то последнее имеет апокрифический, а не языческий характер. Затем, если в образовании богомильской доктрины большую роль играли языческие настроения болгар, довольно поздно принявших крещение, то как же следует объяснить распространение родственной богомилам ереси катаров в Италии, где христианство утвердилось несколькими столетиями раньше?

Не подлежит сомнению, что на богомилскую догматику оказало сильное влияние учение павликиан, манихеев и мессалиан. Об этом говорят все источники. Но лучше было бы, нам думается, рассматривать этот вопрос в главе об идеологии богомилов. Тогда не создавалось бы впечатление, что в возникновении богомильской ереси учение указанных сект играло такую же роль, как и факторы социально-экономического

¹ Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии, стр. 41.

² Там же, стр. 41—43, 166.

³ Там же, стр. 17. Предисловие.

⁴ Там же, стр. 48.

порядка. Этот вопрос об идеологии богомилов правильно трактуется Д. Ангеловым в статье „Философские взгляды богомилов“ (стр. 173), где автор отделяет общественно-экономические условия, породившие богомильскую оппозицию, от еретических учений, способствовавших оформлению и систематизации богомильского учения. Следует попутно отметить, что сделанный здесь ad hoc очерк павликианства при всей своей краткости дает ясное представление об истории и учении этой секты.

Глава IV посвящена вопросу об организационных формах богомильского движения. Большое внимание, уделяемое Д. Ангеловым этому вопросу, объясняется тем, что он рассматривает богомильскую ересь не как пассивное, мистическое учение, а как боевую народную оппозицию, борющуюся за свою позитивную программу. Но основная трудность автора исследования — скудость источников. Большинство фактических сведений по этому вопросу относятся к более позднему времени. Можно, однако, допустить, что организационные формы не претерпели серьезных изменений в течение столетий и что сведения XI—XII вв. сохраняют значение для всего периода существования этой ереси.

Несколько богомильских братств составляли общину. Ангелов устанавливает, что центры этих общин находились в крупных городах: Константинополе, Софии, Тырнове, Фессалонике. Во главе братств стояли старейшины и три их помощника; во главе общин („церквей“ — „папы“. Еретики созывали даже свои соборы (например, в 1167 г. в Сан-Фелис).

Тот факт, что „богомилы объединялись в братства и общины по примеру ранних христиан“¹, еще раз показывает, что Д. Ангелов допустил переоценку роли „языческого образа мыслей“ в зарождении богомильства. Это была все-таки средневековая христианская ересь. С ранним христианством богомильство сближает и чрезвычайная простота обряда (не было ни пышного убранства и облачения, ни торжественных литургий, а только общая молитва с преломлением хлеба, общая исповедь и проповедь совершенных), потребительский коммунизм и принцип взаимопомощи в общинах. Демократизм богомилов, принимавших в свою общину всех, независимо от классовой принадлежности, также напоминает нравы ранних христиан.

Говоря о разделении богомилов на три категории — совершенных, верующих и слушателей, Д. Ангелов не ограничивается обычным указанием на различие их обязанностей в общине, но исследует их имущественное положение. Совершенные, отказавшиеся от своего имущества в пользу общины, проповедовали богомильское учение и наставляли верующих и слушателей, которые, сохраняя свое имущество, занимались обработкой земли, принадлежащей как лично им, так и всей общине. Продукты с общественных земель поступали в общую кассу. Таким образом, вопрос о социальном составе еретиков и их отношении к труду приобретает большую полноту и конкретность. Попутно получает объяснение противоречие, имеющееся в „Беседе“ пресвитера Козьмы, который то обвиняет богомилов в лености, то утверждает, что они работают даже по воскресеньям. „Для них, — пишет Д. Ангелов, — не было ничего более постыдного, чем человек, который живет для себя, заботится лишь о собственном спасении и не занимается никаким трудом“².

Касаясь вопроса о внутренней организации и жизни богомильских

общин, болгарский ученый отмечает, что „богомильские братства не имели возможности осуществить свою широко задуманную программу“. Они „находились в тяжелых условиях, подвергались преследованиям и не в состоянии были осуществлять все свои творческие замыслы и стремления“¹.

Сильной стороной исследования Д. Ангелова является то, что он подробно и тщательно прослеживает историческую эволюцию богомильской ереси в тесной связи с социально-экономическими и политическими изменениями в Болгарии. В отличие от своих предшественников автор отказался от точки зрения на богомильство как на застывшее религиозное учение. Для него это живое, многообразное оппозиционное течение, тесно связанное с жизнью самой Болгарии, постоянно и чутко на нее реагирующее. То, что раньше считалось противоречиями этого учения, или относилось на счет плохого состояния источников, теперь дает возможность исследователю показать развитие богомильства и вскрыть, как на учении „еретиков“ отразились и их социальная неоднородность и исторические сдвиги.

Этому основному тезису подчинена композиция VI главы, названной „Распространение богомильства на территории Болгарии“. Такое заглавие не соответствует, на наш взгляд, ее содержанию, так как в ней рассматривается, собственно, история и характер богомильского движения в Болгарии в различные исторические периоды (Первое Болгарское царство, эпоха византийского ига, Второе Болгарское царство). В каждом разделе этой главы дается социально-экономическая и политическая характеристика определенного периода и на основании ее рассматривается история и основные особенности богомильского движения в данную эпоху. „В те времена, когда богомилы выступали против царя Петра... они категорически отказывались признать социальный строй современной им Болгарии, а равно и весь церковный институт. Богомилы обличали царя, бояр и старейшин, подстрекали рабов к неповиновению — словом, были выразителями стихийного классового недовольства в рамках однородного в национальном отношении государства... Новая обстановка заставила болгарский народ осознать свое единство и направить усилия на устранение не только социально-экономического гнета, но и тех политических и духовных цепей, которые налагала на него насильственная эллинизация“. „В результате богомильство все более приобретало черты национального движения, протеста против господства чужеземцев“². „Богомильство было уже не только социальным протестом, облеченным в религиозную форму, как это было прежде, во времена царя Петра, теперь в нем находили выражение и национальные элементы, своего рода „национальная гордость“, источником которой служила память о прошлом болгарского народа, о былой независимости болгарского царства“³.

Надо отметить как положительный момент, что Ангелов всегда указывает на связь богомильства с более широкими народными движениями. В этом и заключалась сила богомилов, что они не замыкались в своей секте. Ни одно из антивизантийских выступлений того времени не обошлось, по мнению Д. Ангелова, без участия богомилов — восстание Петра Деляна (1040 г.), Леки и Добромира (1079 г.), Георгия Войтеха (1072 г.). Жестокие преследования со стороны властей не могли

¹ Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии, стр. 79.

² Там же, стр. 87.

¹ Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии, стр. 90—91.

² Там же, стр. 107—108.

³ Там же, стр. 110—111.

уничтожить богомилов, которые лишь на время сокращали свою активность.

К сожалению, не все периоды истории богомилов разработаны автором в равной степени. Период Второго Болгарского царства невыгодно отличается в этом отношении от византийского периода. Некоторые проблемы здесь остаются неясными, а выводы автора иногда кажутся недостаточно аргументированными. Неубедительным выглядит, например, отрицательное решение вопроса об участии богомилов в восстании Петра и Асеня. Не до конца объяснен также характер отношения богомилов к Калояну. Едва ли можно согласиться с утверждением автора о том, что богомилов могла удовлетворить уния с католической церковью. Если бы они были только против православия, а не против официальной христианской церкви вообще, то на Западе не могли бы так широко распространиться ереси, догматика которых была близка к богомильской (патарены, катары). Хотелось бы узнать также, чем объясняет автор терпимость Ивана Асеня II по отношению к богомилам, и почему богомилы утратили связь с народом, а „боевое оружие богомильства притупилось, богомильство превратилось в чисто сектантское движение, носившее религиозный характер“¹, почему богомилы не принимали участия в восстании Ивайла.

Этот интересный и сложный процесс вырождения богомильства намечен у Д. Ангелова, к сожалению, довольно схематично. А хорошо было бы подробнее остановиться и на характере болгарского феодализма в то время и на конкретных проявлениях оппозиции угнетенных классов.

В конце XIII в. богомильское движение приобретает совершенно новый характер. Теперь его можно сравнить только с тем течением византийского богомильства, которое возникло в середине XII в. и было распространено преимущественно в церковной и монастырской среде (представители этого течения: Константин Хрисомал, епископы Климент и Лев, монах Нифонт). Установление различных течений в богомильском движении позволило Д. Ангелову правильно разрешить запутанный вопрос о характере этой ереси, которая до настоящего времени трактовалась очень односторонне: или как мистико-созерцательное или как боевое антифеодалное движение. Сам Ангелов отмечает, что „этому чрезвычайно важному различию между отдельными течениями богомильства до настоящего времени не придавали должного значения“².

В XIV в. богомильство продолжает вырождаться, превращаясь из широкого народного движения в религиозно-мистическую секту, что свидетельствовало о распространении упадочнических настроений среди населения, обессиленного бесконечными войнами и экономической разрухой. Более простое и понятное, чем исихазм, но по духу близкое ему, такое мистическое богомильское учение вновь проникает в монастыри; в народе же оно нашло мало приверженцев. Изменились и формы борьбы правительства с ересью. В период турецкого ига богомильство совсем исчезает.

Мастерское владение техникой исторического исследования проявляется у Д. Ангелова в том, что он умеет привлечь самые разнообразные источники, в том числе, казалось бы, не содержащие никаких сведений о богомилах, подметить в них мельчайшие штрихи, которые

заставляют нас по-новому увидеть и оценить известные уже факты. Под пером Д. Ангелова история богомильства, особенно ранних периодов, одевается в плоть и кровь, становится очень выпуклой и ясной для читателя. Так, Д. Ангелов не ограничивается, как это делалось обычно, датировкой возникновения богомильской ереси, но очень удачно уточняет место ее возникновения путем использования сведений о восстаниях против царя Петра (стр. 89—99). Определяя социальный состав еретиков, Ангелов констатирует, что „богомильское движение в начальной стадии своего существования было тесно связано с тем недовольством, которое возникло внутри клира и которое было обусловлено существовавшей в его среде резкой социальной дифференциацией“¹. В дальнейшем ряды еретиков пополнялись за счет свободных или уже закрепощенных крестьян, полусвободных батраков, рабов, а также малоимущего городского населения. В более поздние века богомильство распространилось в монашеской среде. Д. Ангелову удалось раскрыть всю сложность социального состава участников богомильского движения, в котором на разных этапах ведущую роль играли представители различных сословий (то крестьянства, то городских масс, то духовенства).

В упрек автору можно поставить только то, что он не изучает последовательно, чем определяется ведущая роль той или иной группировки в различные исторические моменты (за исключением последнего этапа, когда во главе движения оказалось духовенство), и не прослеживает связи между социальным происхождением еретиков и их ролью в богомильской общине (верующие, совершенные). Некоторое недоумение вызывает отношение автора к участию городского населения в богомильской ереси: „Все это показывает, что несмотря на свой массовый, первоначально крестьянский характер, присущий многим средневековым ересям, богомильство зарождалось и развивалось преимущественно в городах, причем в самых крупных и значительных из них“².

Все доводы Д. Ангелова в пользу того, что в городе была более удобная почва для распространения учения и организации богомилов, не кажутся, однако, достаточно обоснованными, тем более, что в книге совершенно не показан болгарский средневековый город. Справедливо только то, что город не мог оставаться в стороне от широкого богомильского движения и что требуется еще более дифференцированный подход к изучению отдельных течений внутри богомильства, которое остается в своей основе крестьянской ересью. Да и сам Д. Ангелов в других местах книги (например, стр. 101), как и в более поздней статье „Философские взгляды богомилов“, дает правильную оценку богомильства как крестьянского антифеодалного движения, которое еще в начальной стадии своего существования перестало быть сектой и превратилось „в мощное движение, проникавшее повсюду, привлекавшее к себе всех униженных и угнетенных“.

Идеология богомилов рассматривается Д. Ангеловым как в главе III рецензируемого труда, так и в специальной статье, приложенной к русскому изданию его книги. Эта статья, в которой философское учение богомилов освещается более глубоко и полно, обнаруживает эволюцию взглядов автора. Д. Ангелов не ограничивается простым изложением идеологии богомилов, но разбирает вопрос о генезисе и причинах возникновения тех или иных взглядов „еретиков“ (стр. 173 и др.).

¹ Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии, стр. 143.

² Там же, стр. 126.

¹ Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии, стр. 100.

² Там же, стр. 131.

За образной формой притч и легенд, в которую богомилы облекали свое учение, автор распознает особенности, составляющие его сущность (идеалистический и метафизический характер взглядов богомилов, их агностицизм и т. п.).

Очень интересна мысль Д. Ангелова о том, что взгляды богомилов на природу и человека не являются полностью заимствованными из учения других гностических сект, но что в них содержатся новые и оригинальные представления, которые „свидетельствуют о непосредственной связи богомилства с окружающей их действительностью, об обусловленности его общественно-экономическим положением болгарского народа, о связи богомилства с народными верованиями, фольклором и т. д.“¹.

Автор подчеркивает также классовый характер философии богомилов, выразившийся в первую очередь в ее дуализме, согласно которому весь видимый мир, феодальное общество с его делением на эксплуататоров и эксплуатируемых есть порождение злого духа — Сатаны. Вера же в конечную победу добра говорит об оптимизме богомилов, поддерживавшем угнетенных в их борьбе.

Д. Ангелов четко выделяет в учении богомилов те передовые, оппозиционные элементы, которые представляли опасность для господствующего класса и придавали боевой, антиклерикальный характер этой секте. Этико-философские и социальные взгляды богомилов „выражали накопившуюся в народе ненависть к богатым и обеспеченным представителям класса феодалов, подобного рода идеи революционизировали угнетенные массы и побуждали их к борьбе против этого класса“². Именно эта сторона учения и деятельности богомилов имела такое положительное значение в истории Болгарии. Аскетизм же их представлял собой „бесплодную, реакционную сторону богомилского учения“³.

В целом книга Д. Ангелова представляет ценный вклад в литературу о богомилстве. Автор совершенно по-новому поставил и разрешил вопрос об объективной революционной роли богомилской ереси. Сильной стороной работы Д. Ангелова следует признать принцип историзма в подходе к богомилству. Очень выгодно отличает Д. Ангелова от предшествующих исследователей и то, что он не ограничивается констатацией противоречий в учении богомилов, но ищет объяснения им в сложном социальном составе „еретиков“, выражавших стремления различных слоев населения, и в изменении исторических условий. Достоинством автора является и умение выделить в гностическом учении богомилов антифеодальные тенденции, имевшие действительное влияние на широкие массы болгарского народа. Несмотря на отдельные недостатки, можно утверждать, что перед нами серьезный марксистский научный труд. Обширная тема истории богомилов в Болгарии, как это показывает и сам факт опубликования Д. Ангеловым статьи „Философские взгляды богомилов“, развивающей и дополняющей соответствующие разделы книги, не может еще считаться исчерпанной. Все еще остаются вопросы, ждущие дальнейшего исследования (в частности, о богомилском движении в период Второго Болгарского царства). В заключение хочется высказать пожелание, чтобы все статьи проф. Д. Ангелова, посвященные вопросам богомилства в Болгарии, при следующем издании книги слились с ней в единое целое.

Т. М. Соколова

¹ Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии, стр. 187.

² Там же, стр. 200.

³ Там же, стр. 201.

О РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ „ИСТОРИИ АРМЕНИИ“ ФАУСТА ВИЗАНТИЙСКОГО

Труд древнеармянского писателя V в., в русской науке традиционно называвшегося Фаустом Византийским, а в армянских публикациях Павстос Бузандац, представляет интерес во многих отношениях. Уместно будет вспомнить, что внимание к труду Фауста в свое время проявил Прокопий Кесарийский, Фаустом пользовался и армянский историк конца V в. Моисей Хоренский. Очень ценный материал по вопросам социально-экономической жизни Армении и соседних с нею стран, содержащийся в труде Фауста, вопросы датировки, а также личности автора неизменно привлекали внимание арменистов и византинистов прошлого и настоящего столетий, как историков, так и филологов.

Историк Византии может найти в „Истории Армении“ Фауста немало сведений, дающих возможность объяснить некоторые явления социально-экономической жизни восточных окраин империи. Для истории возникновения феодализма в Византии у Фауста также имеются данные, косвенно проливающие свет на этот вопрос. Не менее важны для специалистов также текстологические стороны рассматриваемого источника. Произведение Фауста включает в себе, наконец, факты, представляющие существенный интерес с точки зрения истории внешней политики Византии в IV в. на Востоке.

За последние годы труду Фауста был посвящен целый ряд работ советских арменистов. В первом томе своей „Истории древнеармянской литературы“ (армянский оригинал вышел в Ереване в 1944 г., русский перевод — там же в 1948 г.) известный представитель арменоведения М. А. Абебян дал многосторонний анализ памятника и датировал его как произведение второй половины V в. Одновременно исследованием труда Фауста и переводом его на современный армянский язык занимался другой крупный арменист С. С. Малхасянц. Перевод с комментариями был напечатан в Ереване в 1947 г. В 1942 г. в Тбилиси вышла работа Л. М. Меликсет-Бека „Следы истории Армении Фауста Византийского в древнегрузинской литературе“ (сообщения Академии наук Грузинской ССР, т. III, на грузинском и русском языках). В 1947 г. была опубликована работа К. А. Мелик-Оганджяна „Эпос Тиран-Трдата по Фаусту Византийскому“ (на армянском языке, в № 6 „Известий Академии наук Армянской ССР“). И, наконец, в 1953 г. вышел в свет перевод „Истории Армении“ на русский язык, выполненный М. А. Геворкяном¹. Настоятельную необходимость этой публикации нельзя переоценить, если учесть, что труд Фауста до сих пор на русский язык не переводился.

Перевод М. А. Геворкяна подвергся критике А. С. Анасяна, который, отметив положительное значение предпринятой публикации, указал на значительное число встречающихся в переводе неточностей, а также остановился на некоторых текстологических вопросах².

Соглашаясь с критикой А. С. Анасяна, мы хотели бы сделать некоторые дополнительные замечания по переводу.

¹ История Армении Фавстоса Бузанда. Перевод с древнеармянского и комментарии М. А. Геворкяна. Памятники древнеармянской литературы, т. 1. Ереван, 1953.

² А. С. Анасян. О русском переводе „Истории Армении“ Фавстоса Бузанда. Ереван, 1954. Стеклограф (на армянском языке).

При оценке переводов памятников древности всегда возникают в первую очередь два вопроса: на кого рассчитан перевод и с какого текста он сделан. Во вступительной статье указывается прямо, что труд Фауста, „несомненно, привлечет к себе внимание не только историков, но и более широкого круга читателей“. Таким образом, настоящее издание преследует двоякую цель: обслужить научный мир и широкий круг читателей.

Сжато и доступно написанная вступительная статья Л. С. Хачикяна о Фаусте и его времени вполне соответствует популяризаторскому назначению издания. Автор статьи умело вводит читателя в круг вопросов, уяснение которых необходимо для чтения труда Фауста. Однако историки Ближнего Востока, Кавказа, Византии, СССР вправе, конечно, предъявить требования более специального характера. Вопросы о составных частях произведения и самой личности Фауста несомненно интересны для читателей-историков. Об этом свидетельствует уже самый список литературы о Фаусте, приведенный в конце книги. Жаль только, что в библиографии, составленной А. С. Анасяном (кстати, имя составителя не сообщается и мы узнаем его лишь из брошюры А. С. Анасяна, посвященной критике русского перевода Фауста), „указаны лишь основные исследования“, но не приведены многие текстологические исследования, которые в целом ряде случаев могли бы заинтересовать историков в связи хотя бы с вопросами терминологии.

О тексте оригинала можно узнать только в автореферате кандидатской диссертации М. А. Геворкяна, где указано, что приложенный к диссертации русский перевод труда Фауста сделан с венецианского издания 1832 г.¹ До сих пор не существует такого научно-критического издания Фауста, как, например, издания других армянских писателей V в.: Лазаря Парпского, Агафангела и Моисея Хоренского. Предпринятая за последнее время арменистом К. А. Мелик-Оганджяном подготовка критического текста Фауста с разночтениями, к сожалению, пока еще не завершена изданием. Поэтому следовало ожидать, что переводчик на русский язык примет во внимание и текст, опубликованный в 1883 г. в Петербурге К. П. Паткановым, и те разночтения, о которых идет речь во многих текстологических работах о Фаусте. Правда, в библиографии, приложенной к переводу, указаны рукописи труда Фауста, хранящиеся в Государственном хранилище рукописей — Матенадаране, но их использование не отражено в переводе.

Обращаясь к переводу памятника, необходимо, прежде всего, остановиться на имени автора. Автор в книге называется Фавстос Бузанд. Если транслитерировать армянское написание, то получится Phaustos Vuzandatzі. Так, по крайней мере, обозначено имя писателя именно в упомянутом венецианском издании. По поводу имени автора в арменоведении были различные мнения. Некоторые ученые считали, что это псевдоним, который должен был, по их мнению, придать больший авторитет имени автора. Другие ученые пришли к мысли, что имя „Бузанд“ не является производным от названия Византия. Употребление в настоящей книге имени Фавстос Бузанд представляется нам неоправданным по двум соображениям. Во-первых, для читателя остается непонятым, почему издатели предпочитают это название принятому в русской науке и на Западе. Во-вторых, в имени Фавстос обнаруживаются две фонетические неточности, ибо звука „ф“ в древнеармянском языке не было;

¹ М. А. Геворкян. История Армении Фауста Бузанда. Автореферат кандидатской диссертации. Ереван, 1949.

не существовало также чтения дифтонга „ау“ как „ав“. Следовательно, нужно было оставить название Фауст Византийский.

Перевод труда Фауста сделан хорошим языком. М. А. Геворкян стремился передать некоторые особенности языка оригинала. С этой целью в переводе применяются, например, архаизмы, словосочетания, характерные для старинной русской речи. Вполне правильно поступил М. А. Геворкян, оставив без перевода многочисленные социально-экономические и некоторые технические термины. Поскольку в комментариях дается объяснение упомянутых терминов, это не вызывает трудностей три чтения. Употребление же их без перевода придает особый колорит тексту.

Однако перевод страдает некоторыми неточностями. Так, например, термин „бардз“ (стр. 124, 129) местами переводится то как „подушка“ (стр. 24, 56), то как „седалище“ (стр. 19), термин „дарай“ (стр. 64) иногда переводится как „слуга“ (стр. 39). Термин „горцакалутюн“ в двух случаях передан с русским суффиксом, т. е. „горцакалство“ (стр. 56—57), причем армянский аффрикатный „ц“ почему-то передан свойственным западноармянским диалектам „дз“ (гордзакалство). Термин „аван“ (стр. 8) иногда переводится как „местечко“ (стр. 18, 177), а то и „посад“ (стр. 85, 86) и „деревня“ (стр. 32), чем нарушается единство понимания термина.

В переводе заметны и иные расхождения в оформлении слов. Так, например, употреблены формы „Бзуникское море“ (стр. 18) и „Рштунийское море“ (стр. 22). Поскольку эти формы происходят от названий областей Бзуник и Рштуник, в которых „к“ является суффиксом множественности, становится непонятно, почему в одном случае суффикс опущен, а в другом — сохранен. Учитывая, что этот суффикс характерен для слов, обозначающих название области по родовому признаку, подобно русскому „ичи“, правильнее было бы его сохранить.

Отсутствие принципиальной выдержанности при транслитерации вносит противоречия именно в тех случаях, когда переводчик должен быть особенно осторожен — в терминах и именах, т. е. в словах с ограниченными, узким значением. В качестве основного принципа передачи терминов и имен должен служить принцип древнего произношения. Так, на странице 112 в словосочетании „в сторону Басена“ правильно было бы употребить форму „Басеана“, что соответствует Фасиане древних. Хорошо известно, что армяне теперь читают древнеармянский текст в соответствии с современным произношением и потому, например, древние дифтонги звучат как простые гласные. Между тем в передаче названия древней Акилисены мы встречаем у переводчика три формы: „Екеляц“ (стр. 89), „Екелиац“ (стр. 168), „Екелеац“ (стр. 202). Последняя форма — „Екелеац“ — наиболее верная, а и то ее следовало передать как „Экелеац“, что и соответствует Акилисене древних греков. Неправильная передача терминов может вызвать ненужные ассоциации представлений. Так, например, титул „Хайр Мардпет“ передан как „Айр Мардпет“ (стр. 80). „Хайр“ по-армянски означает отец, а „айр“ — муж. Чтобы обойти придыхательный звук, соответствующий латинскому „h“, переводчик опустил его. Между тем употребление русского „х“ взамен придыхательного вполне закономерно с точки зрения фонетики армянского языка. Так, например, в ванском диалекте это слово звучит „хайр“. Вполне прав, далее, переводчик, передав термин „тэр“ — господин (стр. 64) через „э“, так как это приближается к древнему гласному „эй“. Но, вместе с тем, им без достаточного основания употреблена в термине „бдэшх“ — князь окраины — вместо русского „е“

буква „э“ (стр. 19). В известной мере прав переводчик, употребляя форму собственного имени „Ваган“ (стр. 16), хотя, по указанной выше причине (относительно придыхательной), предпочтительнее форма „Вахан“. Ошибочным является употребление переводчиком того же имени как „Ваан“ (стр. 213).

Можно было бы привести еще немало примеров, показывающих, что с филологической точки зрения в переводе имеются уязвимые места. На них справедливо остановил свое внимание А. С. Анасян в упомянутой выше критике перевода.

В тексте Фауста, поскольку пока еще не существует оригинала, изданного строго критически, немало сомнительных мест. Переписчики рукописей делали интерполяции, допускали ошибки и по разным мотивам опускали абзацы. Десятки лет занимавшийся Фаустом армянин С. С. Малхасянц в своем переводе памятника на современный армянский язык некоторые места перевел вольно, как бы интерпретируя писателя. М. А. Геворкян, опираясь на перевод С. С. Малхасянца, в ряде случаев буквально следовал последнему. Известно, что переводить с древнеармянского на современный армянский язык, как это ни странно на первый взгляд, во многих случаях труднее, чем на русский, так как и в морфологическом, и в синтаксическом отношении древнеармянский язык в некоторых случаях ближе к русскому, чем к современному армянскому. Поэтому-то С. С. Малхасянц в отдельных случаях переводит довольно свободно, тем более, что переводчик не ставит своей целью дать строго научный перевод. При переводе на русский язык нужно было проявить больше самостоятельности, отойдя не только от перевода С. С. Малхасянца, но и от французского перевода Н. О. Эмина, которым иногда пользовался М. А. Геворкян.

Уже перевод первых строк из предисловия Фауста к своему труду показывает, что М. А. Геворкян предпочел следовать пониманию С. С. Малхасянца. Так, на стр. 3 мы читаем: „Эта третья книга повестей содержит главы исторических писаний, и к ней приобщаются еще три книги“. Этот перевод весьма точно сделан с перевода С. С. Малхасянца. Если же исходить из оригинала, то необходимо перевести: „А вот что заключается в этих повестях наших, в хронографических писаниях третьей книги, и в приложенных к ним трех книгах“. Наличие точки вместо запятой в армянском оригинале после слова „повестях“ и неправильное истолкование термина „хронографические каноны“, имеющегося не только у Фауста, но и в армянском переводе V в. Евсевия Кесарийского, дали повод переводчику вместо „хронографических писаний“ употребить выражение „исторические писания“.

Следуя С. С. Малхасянцу, переводчик не замечает ляпсусов в его переводе и потому его русский перевод иной раз не соответствует древнеармянскому оригиналу. Так, например, получилось в переводе предложения „знай, царь, что весьма вероломно поступает он (Мушер) по отношению к тебе и ждет твоей смерти...“ (стр. 153). Между тем соответствующее словосочетание означает не пассивное ожидание смерти противника, а активное, т. е. должно быть переведено словами „готовит тебе смерть“.

Копирование перевода С. С. Малхасянца снизило внимание переводчика к оригиналу и в таком предложении: „В эти времена против армянского царя восстал один из его слуг, великий князь Алдзникский, называвшийся бдешхом, который в царском дворце занимал одно из первых четырех седалищ“ (стр. 19). Этот перевод, исключая слова „в царском дворце“, одинаков с переводом С. С. Малхасянца. Между

тем два слова, буквально означающие „именуясь назывался“, переданные переводчиком словом „называвшийся“, представляют *terminus technicus*, который надо было перевести словами „назывался титулом“. Вместе с тем переводчик неправильно понял смысл придаточного предложения. Слова оригинала „один из четырех“ имеют в виду тот общеизвестный факт, что в Армении было четыре окраинных знатных феодала — сатрапа, которые носили титул „бдешх“. Князь Алдзникский был одним из этих четырех бдешхов, который занимал в царском дворце по правилам местничества первое место, о чем и сказано в оригинале: „который был одним из четырех (бдешхов), старшим из занимавших подушки (седалища) в царском дворце“.

К искажению смысла оригинала привело переводчика и недостаточное внимание к синтаксическим деталям. Так, слова персидского царя Шапура переведены следующим образом: „Ибо царь армянский Аршак вот уже тридцать лет воюет с арийцами, и ни разу мы не могли его победить...“ (стр. 128). Такой перевод дает основание считать, что наступающей стороной был армянский царь Аршак. Между тем слова „армянский царь Аршак“, принятые переводчиком за подлежащее, так как это словосочетание стоит в именительном падеже, по нормам синтаксиса представляет собою косвенный объект, а слово „арийцы“, стоящее в дательном падеже, именно и является подлежащим, что вполне отвечает правилам синтаксиса. Поэтому при точном переводе получается обратный смысл, т. е. активной стороной являются персы, и предложение получает следующий вид: „Ибо уже тридцать лет как арийцы воюют против него, царя армянского Аршака, и победить не смогли ни в один год“.

Приведенных нами замечаний достаточно для того, чтобы оценить значение настоящего перевода. Для общего ознакомления с видным памятником армянской письменности V в. настоящее издание, бесспорно, весьма полезно. Широкие круги любителей чтения первоисточников встретят эту книгу с интересом, тем более, что переводчику удалось передать дух произведения, сохранить художественные достоинства оригинала, доходчиво перевести все то, что относится к реалиям. Перевод произведения, построенного в значительной степени на материале древнейшего эпоса, может оказать помощь преподавателям литературы народов СССР в вузах.

Однако историки при пользовании настоящим переводом должны быть очень осторожны, так как текст, с которого сделан перевод, не является научно-критическим. Только отдельные места перевода можно считать безукоризненными. Кстати следует заметить, что по непонятным причинам текст местами сокращен. Так, например, две трети 44-й главы четвертой книги остались без перевода. Между тем эта часть главы основана на материале фольклора.

Несоблюдение определенной системы в употреблении армянских терминов и названий собственных и географических имен, в транслитерации их, конечно, будет ставить историка и вообще научного работника в весьма затруднительное положение. Поэтому хочется пожелать, чтобы вместе с подготовкой научно-критического издания оригинала подготавливался и новый перевод этого очень нужного памятника. При этом важно, чтобы новый перевод был сделан с максимальной точностью, в особенности при передаче терминов, технических выражений и специальных оборотов речи.

Советская общественность с интересом и вниманием встретила выход в свет первого тома „Истории Болгарии“, созданной коллективом болгарских историков. Этот фундаментальный труд как бы подводит итог многочисленным конкретным исследованиям и в то же время является убедительным свидетельством овладения болгарскими учеными марксистско-ленинской методологией.

Истории феодализма посвящены два больших раздела рецензируемого труда: „Ранний феодализм“ (раздел II) и „Болгария в период развития феодализма“ (раздел III). В хронологическом отношении они охватывают значительный отрезок времени — от зарождения феодальных отношений в славяно-болгарском государстве на Балканах до распада болгарского государства непосредственно перед турецким завоеванием. Круг проблем, которые авторам тома надлежало поставить и разрешить, естественно, был весьма широк. Отсутствие источников по некоторым периодам истории Болгарии, недостаток археологического материала, наконец, необходимость преодоления многих традиционных представлений, давно укоренившихся в старой буржуазной историографии, — все это делало работу авторского коллектива весьма сложной и ответственной.

Рассмотрим содержание рецензируемых частей книги каждой в отдельности.

Раздел „Ранний феодализм“ обнимает историю страны от первого появления славян на ее территории до X в. Он обладает рядом несомненных достоинств. Удачно написан подраздел о социальных отношениях у антов и склавинов, тщательно аргументированы положения относительно черт военной демократии, ярко выраженных в общественном строе антов и склавинов, наличия у них рабства патриархального типа (стр. 50—51). Авторы поступили правильно, подчеркнув на материале топонимики этническую близость восточных и южных славян („русско-болгарское племенное единство“) (стр. 56). В качестве одного из основных положений этой части работы справедливо выдвигается принятый марксистской историографией тезис о возрождении общинных отношений на Балканах в результате славянской иммиграции, причем авторы не обходят и вопрос о судьбах дославянского населения. Касаясь пребывания славян на Балканах, авторы отмечают не только успехи, достигнутые славянами в военном деле (это давно известно благодаря свидетельствам византийских авторов), но и — в земледелии (на основании результатов недавних раскопок) (стр. 61).

Закономерен интерес, проявляемый в книге к первым государственным образованиям у славян. Хотя характеристика такого образования, как союз Семи племен (стр. 64—65), слишком кратка, все же следует согласиться с мнением, что именно этот союз положил начало существованию государства у южных славян. Правда, утверждение о том, что славяне вступили в федеративные отношения с протоболгарами, нуждается в дополнительной аргументации. Как известно, в науке существует другая точка зрения, согласно которой объединение обоих народов произошло в рамках централизованного государства (Вс. Николаев). Впрочем, этот вопрос при современном состоянии наших знаний целесообразнее было бы оставить открытым.

¹ В настоящей рецензии рассматриваются разделы книги, посвященные истории феодальной эпохи (стр. 48—241).

Авторы обстоятельно раскрывают причины объединения славян и протоболгар в единое государство. Следует, однако, заметить, что ссыла на одинаковый уровень развития как основную причину объединения тех и других вряд ли может служить в качестве решающего объяснения: славяне находились на более высокой ступени развития, чем протоболгары¹. Родо-племенную знать обоих народов толкнуло на объединение прежде всего наличие общего врага — Византии.

Убедительно показаны причины внутренней борьбы между двумя группировками господствующего класса в славяно-болгарском государстве в VIII в. При рассмотрении деятельности Крума справедливо отмечено, что его войны служили целям укрепления классового господства славянской и болгарской знати.

Правильны выводы авторов о том, что первоначально феодальная рента имела форму дани, которой славяне облагали покоренные народности, что внеэкономическое принуждение в IX—X вв. применялось очень редко, что в системе эксплуатации преобладало экономическое принуждение, основанное на заинтересованности крестьянина в хозяйственной помощи сильного соседа. Ради получения этой помощи он и был вынужден переходить к обработке чужой земли (стр. 81). Нельзя не согласиться и с оценкой, данной в разделе законодательству Крума (стр. 84).

Авторы справедливо подчеркивают уже отмечавшийся в исторической литературе² факт отсутствия антиславянской направленности в политике Омуртага (стр. 91) и считают, что роль славян в государстве все время возрастала. Этим объясняется та легкость, с которой присоединились к Болгарии македонские славяне, число которых в этот период было еще весьма значительным³.

Составители книги уделяют внимание и истории производственных отношений в Болгарии. Так, в работе показано, что, несмотря на еще сравнительно мягкие формы крестьянской зависимости, в X в. уже имеет место явное нарастание классовых противоречий, о чем свидетельствуют, например, бегство болгар из государства Симеона, попытка отложения, предпринятая племенем тимочан (стр. 96).

Весьма удачно написан раздел о принятии христианства в Болгарии. Авторы верно указывают на то, что ни славянская, ни болгарская языческие религии не могли послужить классу феодалов в качестве идеологического орудия укрепления его господства (стр. 101).

Новые и интересные данные сообщаются в главе о предпосылках создания болгарской письменности (стр. 108—109). Бесспорной удачей следует считать изложение самой истории создания этой письменности. Хорошо аргументированы выводы о прогрессивном характере глубоко демократической по своему духу деятельности Кирилла и Мефодия, сыгравшей большую роль в развитии народной культуры (стр. 114—116). В этой связи следует отметить, что одним из наиболее содержательных мест книги является раздел о литературе и зодчестве X в. (стр. 121). Авторы с полным основанием приходят к выводу о важной роли, которую Болгария играла в развитии европейской культуры (стр. 126).

Насыщенный большим фактическим материалом, раздел о раннем феодализме — это, несомненно, удачная часть рецензируемой книги, и,

¹ См. „История Болгарии“. М., 1954, стр. 58.

² Ив. Дуйчев. Славяне и първобългари, ИИБИ. София, кн. 1—2, 1951, стр. 210.

³ См. Р. А. Наследова. Город Фессалоника и македонские славяне. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 7.

высказывая ниже ряд критических замечаний, мы должны сразу же оговориться, что эти замечания не могут умалять достоинств раздела в целом.

Прежде всего необходимо отметить, что авторы несколько „форсируют“ темпы развития феодализма в Болгарии. Конечно, у славян VII в. уже имело место социальное расслоение, шел процесс классового образования и т. д., но было бы неверно изображать дело так, будто в это время уже вполне сложился, наряду с крестьянством, класс крупных землевладельцев. А ведь именно в столь решительных выражениях авторы изображают общественное развитие Болгарии в указанный период (стр. 62). В книге говорится о наличии крестьянства, потерявшего свою землю, но, к сожалению, не ставится вопрос о причинах его обезземливания.

При всем внимании к вопросам экономики и производственных отношений, авторы подчас упускают из виду документальные материалы, обращение к которым помогло бы полнее решить эти проблемы. Например, ими не привлечен „Закон судный людем“ — важный источник для характеристики социальных и политических отношений в Болгарии этого периода. Анализ этого источника позволил бы авторам, с одной стороны, сделать выводы о значении экономического закабаления в процессе формирования отношений феодальной зависимости („мъздъник“ и должник в ст. 19 и 20 Закона), а, с другой стороны, — о наличии еще в этот период в болгарской деревне широких масс „свободников“.

Раскрывая процесс развития феодальных отношений, авторы упускают из виду роль общины как определенного экономического единства и как организации сопротивления крестьянства. Ведь формирование крупной земельной собственности должно было предшествовать возникновению аллода, после чего появление крупного землевладения, по словам Ф. Энгельса, „стало лишь вопросом времени“¹. Между тем в книге выдвигается тезис, с которым трудно согласиться: по мысли авторов, частная собственность на землю становится господствующей формой собственности уже в первой половине VII в. (стр. 62). Однако Земледельческий закон свидетельствует о том, что в это время в производственных отношениях балканской деревни господствует именно общинная собственность². Если бы авторы „Истории Болгарии“ сопоставили данные Земледельческого закона и „Закона судного людем“, они получили бы в свое распоряжение вполне убедительные доводы для того, чтобы показать успехи в развитии частной собственности именно к IX в.

Рост крупного землевладения, естественно, становился угрозой для центральной власти. К тому же и сопротивление старой родо-племенной знати еще не было сломлено репрессиями Бориса. В свете этих фактов нуждается в пересмотре, на наш взгляд, тезис о том, что хан в VIII в. обладал всей полнотой власти (стр. 96—97). В том же разделе о государственном устройстве хотелось бы видеть указание на то, что структура болгарского государства („лагерь“ хана, неразвитость аппарата для сбора налога, самостоятельность князей в отдельных областях) отражала незавершенность процесса феодализации в Болгарии.

Как уже было отмечено, при освещении вопроса о принятии христианства в Болгарии авторы приходят в основном к убедительным выводам. Жаль, однако, что не показано различие побуждений, которыми руководствова-

лись бояре и народные массы, противодействуя введению христианства: в то время, как бояре боролись против христианства, цепляясь за племенные привилегии, народные массы оказывали сопротивление утверждению новой религии, видя в ней орудие своего угнетения и связывая с язычеством представления о старых общинных порядках.

При анализе феодальных усобиц, начавшихся в правление Петра и ослабивших Первое царство, было бы вполне уместно указать, что причину их следует искать в обострении социальных противоречий. Свидетельством этого служат и военные поражения Болгарии в это время, в которых нельзя не видеть проявления своего рода „кризиса“ болгарского войска, комплектовавшегося в известной мере за счет крестьянского ополчения.

Наконец, следует отметить определенные недостатки в расположении фактического материала по разделам. Так, X век отнесен в книге к периоду раннего феодализма, между тем, по собственным утверждениям авторов, феодальные отношения уже складываются в Болгарии к X в., который характеризуется в работе как „период мощи болгарского государства“. Это дает нам основание полагать, что периодизацию рассматриваемой в данном разделе книги эпохи следует изменить: период раннего феодализма правильнее заканчивать принятием Болгарией христианства, а X век должен быть отнесен ко времени развитого феодализма.

Переходим к разделу книги, названному „Болгария в период развития феодализма“. Он интересен уже самим кругом вопросов, которые здесь рассматриваются: от состояния экономики X в. до развития культуры накануне турецкого завоевания.

В начале раздела внимание привлекает содержательный анализ происхождения и социальной сущности богомилства. Это „еретическое“ движение подвергнуто в книге всестороннему исследованию: автор не обходит вопроса о богомилских требованиях возврата к старине, но, вместе с тем, показывает активный, антифеодальный характер ереси, ее массовость и близость программы богомилов к чаяниям широких слоев народа. Непонятно лишь, каким образом аскетизм богомилов можно, как это сделано в книге, относить одновременно и к положительным (со ссылкой на Энгельса на стр. 135) и к отрицательным сторонам движения.

В разделе дан правильный анализ состояния болгарской экономики в середине XI в. (стр. 154—155). Восстание Петра Деляна получило развернутую характеристику, причем справедливо подчеркнута, что в нем приняли участие, кроме болгар, также и греки, албанцы и представители других народностей (стр. 156—157). Важность этого указания тем более велика, что в свое время, как известно, восстание Петра Деляна, а равно и другие народные движения этого периода (стр. 159—161) рассматривались весьма односторонне: в них видели лишь борьбу болгар с византийцами. Достоинством этого раздела является также и то, что в событиях 1040—1041 гг. четко выделены причины поражения восстания, в том числе такое существенное обстоятельство, как отсутствие связи между отдельными областями страны.

Вопросы классовой борьбы вообще занимают большое место в данном разделе книги. В этом мы убедимся, обратившись к страницам, посвященным восстанию Ивайла. Это видно и из тщательности, с которой авторы рассматривают такие сравнительно мало исследованные социальные движения, как восстание 1066 г. Изложен также процесс вождя богомилов врача Василия (1112 г.), несправедливо обойденный во многих наших

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 121—122.

изданиях¹. Это событие поставлено авторами в прямую связь с усилением классовой борьбы в конце XI—начале XII в. (стр. 161—162).

В исторической литературе упускали иногда из виду факт разрушительного влияния крестовых походов на крупные болгарские города: авторы рецензируемой работы исправляют эту ошибку.

Говоря об освобождении Болгарии в 1185—1187 гг., авторы справедливо указывают на две силы, принявшие участие в событиях: на боярство, возглавившее борьбу, и народ, который был решающей силой движения (стр. 163). В книге высказано весьма важное положение о том, что в начале восстания весь народ поднялся с энтузиазмом на освободительную борьбу (стр. 173—174). Но, как нам кажется, авторы недооценили значения этого тезиса и не сделали из него всех нужных выводов.

Для последующих глав особенно характерно стремление проследить, какое влияние окажет на судьбы Второго царства как объективный процесс феодального развития, так и роль боярства в политической жизни страны. В этой связи следует отметить, что в книге нашли верное освещение и мятеж боярина Иванко, и отложение отдельных феодальных магнатов (Добромира Хриза) — симптом наступающей феодальной раздробленности, и собор 1211 г., явившийся ответом на выступления народных масс, участвовавшие в обстановке дальнейшего развития феодальных отношений. Успех, выпавший в этих условиях на долю Ивана II Асеня, правильно объясняется тем, что он активно стремился приспособить к государственным потребностям администрацию, созданную ранее, в том числе и административный аппарат греческих государств (стр. 181).

Несомненный интерес представляет глава VI, посвященная рассмотрению форм болгарского феодализма. Здесь авторы стремятся дать общую характеристику особенностям развития Болгарии в средние века, а затем, поставив этот вопрос в связь с состоянием производительных сил, обрисовать феодальное поместье, выяснить различные категории феодально-зависимого крестьянства, формы ренты и уровень развития ремесла.

В главе сделаны четкие выводы о развитии домениального хозяйства феодала (стр. 186), удачно сформулировано положение о постепенном росте феодальной зависимости (стр. 187—188) баштинников и париков, прослежены тенденции развития их поземельных прав, закономерно поставлен вопрос о расслоении в среде крестьянства (стр. 188), наконец, серьезное внимание уделено проблеме развития вотчинного и городского ремесла. Рассматривая этот вопрос, авторы останавливаются и на проблеме рынков и товарного производства (стр. 190—191). В XIII—XIV вв. значительную роль в экономическом развитии Болгарии играл внешний рынок. Изучение этой проблемы, проведенное в главе IV на большом конкретном материале (договоры с Дубровником, анализ статей ввоза и вывоза, характеристика торговых путей в Италию, Адриатику и Центральную Европу), позволяет авторам наметить важные выводы об отрицательном влиянии внешней торговли на формирование внутреннего рынка, о значении вывоза вотчинного хлеба как фактора, содействовавшего усилению феодальной эксплуатации.

Изложение истории восстания Ивайла (1277—1280 гг.) — одно из лучших мест в рассматриваемом разделе (стр. 204—211). Авторы связывают это восстание с общим усилением феодальной эксплуатации во второй половине XIII в., с ростом феодальной раздробленности страны и опусто-

шением ее татарами. Следовало бы, на наш взгляд, уделить внимание и связи между татарскими набегами и антиболгарской политикой Византии. Характеристика самого хода восстания тщательно иллюстрирована данными из Пахимера. Подробному анализу подвергнуты взаимоотношения борющихся сил (восставшие, византийцы, татары), указаны царистские настроения восставших, отмечено деморализующее влияние на них сближения вождя восставших с феодальными кругами во главе с царицей Марией. Наконец, авторы по достоинству оценили влияние восстания 1277—1280 гг. на развитие классового сознания народных масс: в главе приводятся яркие свидетельства того, какое глубокое уважение к самому имени Ивайла сохранилось среди трудящихся почти через 20 лет после подавления возглавленного им восстания.

Выводы предыдущих исследований болгарских историков отразились на освещении движения под руководством Момчила¹. Авторы отмечают и положительные стороны деятельности Момчила, несмотря на его принадлежность к господствующему классу и преследовавшиеся им личные цели. Момчил оставил по себе память как борец против турецких завоевателей (стр. 219).

Материал последней (VIII) главы этого раздела сконцентрирован вокруг основной, наиболее важной проблемы, возникающей при изучении истории Болгарии в XIV в., именно, — вопроса об изменениях в экономике и социальной структуре, приведших Болгарию к тому политическому ослаблению, в котором она оказалась перед лицом турецких завоевателей. Авторы отмечают и вмешательство византийцев (открытое и замаскированное) в государственную жизнь Болгарии (стр. 212), и ожесточенные усобицы самих болгарских феодалов, но главной причиной, обусловившей в конечном счете невозможность для Болгарии оказать решающее сопротивление туркам, они считают рост феодальной раздробленности (стр. 240—241).

Авторы делают в главе VIII ряд других интересных выводов. Так, они высказывают справедливое мнение о том, что кратковременный подъем внутренней болгарской торговли, обусловленный мирной передышкой в царствование Федора Святослава, не привел и не мог привести даже к временному объединению страны (стр. 216). Верно отмечен подъем болгарской внешней торговли, главное значение в которой имел вывоз продуктов феодальной вотчины Болгарии. В главе показаны различные формы классовой борьбы в XIV в., выразившейся и в уходе крестьян к „разбойникам“, и в бегстве, и в различных социальных движениях, выступавших в религиозной оболочке. Авторы правильно трактуют исихазм как глубоко реакционное течение, отвлекавшее массы от активной борьбы (стр. 225—226). Можно не соглашаться с точкой зрения авторов относительно того, насколько богомилство приобретает теперь характер городского движения (стр. 223), но нельзя отрицать подъема в это время богомилского движения вообще, связанного с резким обострением социальных противоречий в стране.

Специальный подраздел главы VIII освещает культурную жизнь болгарского общества в XIII—XIV вв. Авторы справедливо усматривают наличие двух культур в Болгарии в это время — официальной и народной; они характеризуют такой памятник духовного творчества народа, как апокрифы, в которых нашли отражение трудовая деятельность и быт народных масс. Остается, однако, неясным, почему создание апокрифов,

¹ См., например, М. В. Левченко. История Византии. М., 1940, а также „История Болгарии“, т. I, М., 1954.

¹ Д. Ангелов. Антифеодальные движения в Тракия и Македония през средата на XIV век, ИП. София, № 4—5, 1951—1952, стр. 439—456.

произведений по существу еретических и бунтарских, происходило, по мнению авторов, вопреки, а не в результате ухудшения положения народных масс (стр. 229). Но в целом нарисованную в главе картину культурного расцвета Болгарии, в период которого были созданы фрески Боянской церкви, прекрасные образцы храмового и крепостного зодчества, произведена реформа письменности (при Феодосии Тырновском), получило развитие целое литературное направление, — следует признать правильной и удачной.

Сделанный выше обзор положительных сторон третьего раздела книги дает основание судить о несомненных успехах, которых достиг авторский коллектив.

Но в этом разделе работы есть, на наш взгляд, некоторые недостатки, заслуживающие того, чтобы на них остановиться.

Не может удовлетворить характеристика экономического развития и классовой структуры болгарского общества во второй половине X в. Здесь, во-первых, с особой остротой ощущается недостаток авторской аргументации: ведь свидетельств источников по этому периоду так мало, что их следовало бы непременно привести все, если автор раздела хотел придать убедительность своим выводам. Ссылки на пресвитера Козьму и хрисовулы 1020 г. далеко не в полной мере исправляют этот недостаток, а метод цитирования источников, о детях „гладом измираще“, которые авторы без оговорок включили в текст учебника, вызывают известные возражения. Ничем нельзя оправдать, во-вторых, отсутствие характеристики города, тем более, что X век — это период возникновения городов: сами авторы указывают на отделение ремесла от сельского хозяйства в рассматриваемый период. Следует упомянуть в этой связи, что вряд ли можно вторую половину X в. считать временем почти полного отсутствия денежного обращения. Против этого говорят находки монет византийской чеканки, в изобилии обнаруженных в сокровищнице болгарских царей после захвата в 1018 г. Охриды византийцами. Наконец, читатель так и не может установить, какая степень зависимости крестьянства существовала в Болгарии в это время и какая форма ренты была преобладающей.

Трудно принять в безоговорочной форме тезис о том, что богомилов и правителей западно-болгарского царства сблизила борьба против правительств царя Петра. Ведь участники этой борьбы преследовали принципиально различные цели: народные массы боролись против феодального угнетения со стороны боярства и государственной власти, устремления же „комитопулов“ были чисто сепаратистскими, и их новое государство сразу же возникло, как верно отмечают авторы (стр. 146), на чисто феодальных началах. Если бы авторы поставили вопрос о причинах, заставивших западно-болгарское боярство сплотиться вокруг Шишмановичей, то они должны были бы прийти к выводу, что главной из этих причин была нужда в сильной государственной власти. На западе страны было особенно много свободных крестьян, а правительство царя Петра было явно неспособно справиться с задачей их закрепощения.

Нельзя, конечно, отрицать появления новых и существенных черт в богомильстве XI—XII вв., патриотической окраски — в частности, но было бы неверно придавать этому тезису абсолютный характер, как это делают авторы, говорить о превращении богомильства в патриотическое движение (стр. 154). Кроме того, как уже отмечалось в нашей литературе¹, апокрифы еще не дают основания для того, чтобы приписывать

богомилам XI в. безоговорочную идеализацию царской власти и феодального болгарского государства.

Когда авторы касаются развития процесса феодализации в период византийского господства, они преувеличивают значение пожалований земель в пронию: эти пожалования изображаются не как акт оформления создающихся социальных отношений, а в качестве самой причины появления последних (стр. 158). В то же время, рисуя картину складывания феодальной зависимости, авторы упускают из виду нарушение устойчивости крестьянского хозяйства в результате вражеских набегов: это обстоятельство нередко ставило крестьянина перед необходимостью продать, подарить или отдать свою землю феодалу на прекарных условиях.

В главе о восстании 1185—1187 гг. следовало бы сказать о том, что успех восстания был облегчен деморализацией правящих кругов Византии (послед событий 1183—1185 гг.).

Описание успехов болгарского государства в первые десятилетия после его восстановления занимает немалое место в третьем разделе книги, однако фактический материал здесь явно оттесняет на задний план авторские обобщения. В главе V подробно освещена политика Калояна, но ее успех объясняется лишь победоносными войнами царя-полководца, сочетающимися с его личной энергией.

Нам кажется, что объяснение этих, равно как и последующих событий, следует искать глубже — в отношении отдельных социальных групп к новому государству, и этот вопрос должен быть поставлен в связь с проблемой периодизации болгарской истории.

Асени вовсе не заслуживают имени „освободителей народа от византийского ига“ (стр. 180). Сами авторы учебника правильно считают поддержку, оказанную братьям Асеням народными массами, важнейшим обстоятельством в истории Болгарии конца XII в., сыгравшим решающую роль не только в успехе восстания, но и в последующих событиях. Нам кажется, что этот факт следует особенно подчеркнуть. Внешнеполитическое положение Болгарии в начале XIII в. было не таким, чтобы новая династия могла пренебречь этой поддержкой. По всей видимости, содействие, оказанное Калояну еретиками (porelicains, как их называет Виллардуэн) при взятии Пловдива в 1206 г., и было выражением того, что первые Асени опирались на значительно более широкую социальную базу, чем государи Первого царства. Известные признаки этой внутривнутриполитической ориентации заметны и в деятельности Ивана II Асеня, которого папа открыто обвинял в потворстве еретикам (о чем авторы учебника, кстати, совершенно не упоминают).

Таким образом, почти в течение всей первой половины XIII в. политическое руководство страной осуществлялось той частью феодалов, которая выступала за более или менее прочный союз не только с феодалами средней руки¹, но и отчасти — с известными слоями мелких землевладельцев (вотчинников средней руки, баштинников).

Этот период, период политической централизации, должен был характеризоваться установлением экономических связей, ведущих к образованию внутреннего рынка.

В отличие от этой тенденции, среди господствующих верхов существовала и другая, выражавшаяся в стремлении к политической децентрализации, в ориентации, главным образом, на внешний рынок, наконец, в энергичном закрепощении крестьянства и подавлении его протеста. Интересы этого слоя боярства выразил царь Борил, ответивший на

¹ Э. В. Удальцова. Предисловие к русскому переводу книги Д. Ангелова „Богомильство в Болгарии“. М., 1954, стр. 18.

¹ История Болгарии, т. I, М., 1954, стр. 140.

подъем политической активности масс своим собором и „Синодиком“ против богомилов. Царствование Борила было лишь началом усиления этой тенденции в развитии болгарского феодализма. Ее полное торжество падает на вторую половину XIII и весь XIV вв., когда наиболее характерными чертами социального и государственного развития Болгарии становятся господство крупной вотчины, вывозящей хлеб, рост феодальной эксплуатации и политический распад государства.

Таким образом, представляется возможным выделить в истории Болгарии XI—XIV вв. два периода: период борьбы за освобождение и укрепление нового болгарского государства (начало XI—середина XIII в.) и период развитого феодализма и феодальной раздробленности (середина XIII—конец XIV в.).

Нам кажется, что с этой точки зрения можно найти объяснение целому ряду явлений и, в частности, понять, что обострение социальных противоречий, которое справедливо отмечают авторы, явилось результатом протеста части крестьянства, обманувшегося в своих надеждах на освобождение. Возможно, это были зависимые земледельцы, рассчитывавшие в ходе освободительной борьбы сбросить „иго парикии“.

Следует отметить, что в соответствующих главах раздела ничего не говорится о наличии или отсутствии элементов буржуазного развития Болгарии, которые могли бы сыграть решающую роль в экономическом объединении страны и ее политической централизации. А ведь авторы близко подходят к этой мысли, раскрывая отрицательное влияние преобладающего развития внешнеторговых связей вотчины на создание внутреннего рынка.

Трудно согласиться с той характеристикой, которую дают авторы некоторым феодальным институтам. Право внеэкономического принуждения появляется у феодала, конечно, не в XIII в., ибо в этом случае непонятно, каким образом без его помощи феодалы могли, по утверждению авторов, присваивать себе отработочную ренту уже в период Первого царства. Неверен и тезис о появлении натуральной ренты в XIII—XIV вв.: как известно, Скилица свидетельствует о существовании натуральных взносов еще для начала XI в.¹ Вызывают серьезные сомнения положения авторов о том, что отработочная рента наименее всего была развита в XIII—XIV вв.: если держаться этого взгляда, то трудно объяснить рост доминального хозяйства феодалов² и производство феодальной вотчиной хлеба на вывоз³.

Неверно, что у крестьян („задавленных повинностями“) не было возможности совершенствовать орудия труда (стр. 185). Этот процесс происходил медленно и незаметно, но без него невозможно себе представить развитие производительных сил. Остается пожалеть, что авторы обошли весьма интересный вопрос о том, почему до нас дошли болгарские иммунитетные грамоты лишь от XIII—XIV вв. Не следует ли предположить, что процесс формирования иммунитета фактически происходил уже с X в., и лишь в XIII в. царская канцелярия начала его оформлять?

Недостаточно четко выяснен вопрос о закреплении баштинников (стр. 187). Отроки, скорее всего, не разорившиеся крестьяне, а потомки посаженных на землю рабов (стр. 188).

Читая параграф о городе эпохи Второго Болгарского царства, хотелось бы найти здесь сравнение с городами предшествующей эпохи,

ибо город как центр ремесла и торговли возникает в Болгарии уже в X—XI вв.; для характеристики же городов XIII—XIV вв. авторы находят нужным заметить, что во многих мелких городах ремесло еще не отделилось полностью от сельского хозяйства (стр. 190). Жаль, что авторы не дают полной характеристики развития ремесла. Следовало бы непременно использовать в этой связи приводимые самими же авторами данные о развитии строительной техники и, в частности, о производстве кирпичи и изразцов (стр. 230—231).

Причинами, ослабившими Болгарию в XIV в., авторы считают раздробленность страны и отсутствие единства в балканских государствах. Спорить с этим не приходится, но едва ли не прежде всего здесь следовало бы вновь вернуться к вопросу о крестьянстве, отметить, что, во-первых, силы крестьянства — основы народного ополчения, были серьезно подорваны ростом феодальной эксплуатации, а, во-вторых, феодалы боялись в решающий час опереться на народные массы. Наконец, отметим недочет, присущий как второму, так и третьему разделам книги, — в ряде мест материал излишне растянут за счет обилия данных о государственной или военной деятельности царей (стр. 70—72, 74—77, 102—104, 215—217).

Таким образом, подводя итоги, следует сказать, что в рецензируемой работе отразились определенные трудности, с которыми встречаются болгарские историки, создавая подлинно марксистскую историю своей родины. Недостатком, общим для всей разобранной части книги, является отсутствие критики буржуазной историографии. Следует также пожалеть, что авторы отказались от характеристики состояния историографии по всем основным вопросам, затронутым в книге.

В ряде случаев необходима более основательная аргументация выводов материалом источников. Зачастую изложение исторических фактов в книге преобладает над обобщениями; при этом оно подчас представляет собой нечто вроде истории царей и полководцев. В книге неправомерно смещаются во времени некоторые категории феодальных производственных отношений: феодализм оказывается созревающим уже в XII в., а развитие феодального города относится лишь к XIII—XIV вв. Вопросу об отработочной и продуктовой ренте уделено значительно меньше внимания, чем он, судя по источникам, того заслуживает.

Карты, приложенные к книге, красочны, отличаются подробностью сведений и удобным масштабом. Авторы поступили правильно, выделив на карте, посвященной событиям VI—VII вв., главное направление славянских вторжений — район Константинополя и прилегающих частей Фракии и Македонии. В многоцветном плане и очень подробно выполнена карта территориального расширения болгарского государства с VI по XI в. Отлично иллюстрируют материал книги и карты, характеризующие положение Болгарии под византийским господством и в период феодального распада страны в XIII—XIV вв. Дополнительно к имеющимся была бы полезная карта, рисующая экономическое положение Болгарии в конце XII—начале XIII вв., т. е. времени, от которого дошло наибольшее количество свидетельств.

Недочеты, свойственные рецензируемой книге, объясняются еще недостаточной разработанностью отдельных вопросов средневековой истории Болгарии. Значение этой работы определяется ее несомненными достоинствами. Авторский коллектив добился значительного успеха, реализовав свое стремление представить историю Болгарии в изучаемый период прежде всего как историю определенной социально-экономической формации. Положив в основу своей работы высказывания классиков марксизма,

¹ Cedrenus, II, p. 530. 15—18.

² А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 67, 127.

³ История Болгарии, т. I, стр. 125, 130.

авторы проявили исключительное внимание к характеристике развития болгарского феодализма, раскрытию вопросов формирования феодальной собственности, отношений феодальной зависимости, внеэкономического принуждения, феодальной ренты и ряда других проблем. Большой заслугой авторов является и то, что значительное место в работе они уделили вопросам истории классовой борьбы и народных движений.

Все это позволяет прийти к выводу, что болгарские медиевисты сделали крупный шаг вперед в изучении истории болгарского народа.

М. М. Фрейденберг

G. OSTROGORSKIJ. POUR L'HISTOIRE DE LA FÉODALITÉ BYZANTINE

Bruxelles, 1954, XVI+388 p.

В последние годы за рубежом появился ряд книг и статей, освещающих историю социально-экономических отношений Византийской империи; это — исследование болгарского историка-марксиста Д. Ангелова, посвященное аграрным отношениям в Византии XIII в.¹, посмертно изданная книга французской византинистки Ж. Руйяр², несколько статей П. Хараниса³, статья К. М. Сеттона, поставившего своей задачей дать характеристику основных черт аграрного развития Византии⁴, и некоторые другие. Одной из наиболее интересных работ, затрагивающих важные проблемы социально-экономической истории Византии, является и рецензируемая книга видного югославского историка Георга Острогорского „К истории византийского феодализма“. Она составлена из двух больших работ Г. Острогорского, опубликованных впервые в 1948—1951 гг. (одна на русском, другая на сербском языке)⁵, которые были заново отредактированы автором и снабжены ссылками и критическими замечаниями по поводу новой литературы; перевод этих трудов на французский язык был выполнен под редакцией А. Грегуара и П. Лемерля⁶.

Г. Острогорский — один из крупнейших современных византинистов, автор многочисленных общих работ и специальных исследований, давно уже занимающийся аграрной историей Византии⁷. Рецензируемая книга

¹ Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII век. „Годишник на философско-историческия факултет“, кн. II. София, 1952.

² G. Rouillard. La vie rurale dans l'empire byzantin. Paris, 1953.

³ P. Charanis. The Aristocracy of Byzantium in the XIIIth Century. „Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson“. Princeton, 1951; P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and Later. „Byzantinoslavica“, 12, 1951; P. Charanis. Economic Factors in the Decline of the Byzantine Empire. „Journal of Economic History“, 13, 1953, № 4.

⁴ K. M. Setton. On the Importance of Land Tenure and Agrarian Taxation in the Byzantine Empire from the IVth Century to the IVth Crusade. „American Journal of Philology“, 74, 1953.

⁵ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. „Byzantinoslavica“, 9, 1948; его же. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. Београд, 1951.

⁶ К сожалению, редакторы снабдили книгу Г. Острогорского излишними и не всегда убедительными примечаниями полемического характера, затрагивающими частные вопросы.

⁷ См. его статьи: „Византийский податный устав“. „Сборник в честь Н. П. Кондакова“. Прага, 1926; „Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert“. „Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte“, 20, 1927;

написана на основании тщательного изучения разнообразных источников — как нарративных памятников, так и деловых документов.

Во второй части работы, озаглавленной „Византийские писцовые книги“, Г. Острогорский последовательно разбирает основные сохранившиеся до наших дней византийские поместные описи (практики) XI—XV вв. Изученный автором материал, сводимый им в ряде случаев в удобные таблицы, позволил сделать важные наблюдения, освещающие экономическую жизнь византийской деревни. Интересна, в частности, трактовка вопроса о размерах домениальных земель в византийском феодальном поместье. Самый факт обширности домена и раньше отмечался в исторической литературе — мимоходом говорит о размерах домениальной земли Ф. Дэльгер¹, но в отличие от последнего, полагавшего, что господское поле обрабатывалось трудом париков, Г. Острогорский впервые обратил внимание на незначительность отработочной ренты, не превышавшей в начале XIV в. одного дня в неделю (стр. 364 и сл.). Это наблюдение может быть подтверждено также данными Лампсакской описи, где идет речь о барщине, достигающей всего семи дней в году.

Интересен также анализ видов феодальной ренты и, особенно, наблюдение над тем, что рост феодальной ренты совершается в Византии преимущественно за счет дополнительных поборов (зевгаратикий и пр.) (стр. 357 и сл.). Убедительна трактовка аэрикона (aira), в котором Г. Острогорский видит судебные штрафы (стр. 360 и сл.), — особенно интересно его замечание о связи этой формы повинностей с общинной организацией византийской деревни.

Очень важен раздел работы, посвященный элевтерам (стр. 330 и сл.), в которых Г. Острогорский видит не социальную категорию (свободное крестьянство), но беглых крестьян, оседающих в поместьях новых господ². При этом Г. Острогорский совершенно правильно полемизирует с В. Мошиным, который чрезмерно преувеличил подвижность и текучесть византийского крестьянства; Г. Острогорский прав, когда утверждает, что не приходится сомневаться в существовании крепостного права в византийской деревне XIV в. (стр. 327). Чрезвычайно существенное значение имеют также разбросанные в разных частях его книги наблюдения относительно имущественного неравенства в среде византийского крестьянства (стр. 322 и др.)³.

Особое внимание следует обратить на трактовку Г. Острогорским вопроса о соотношении размеров ренты и облагаемого имущества крестьянина. Большинство византинистов при решении этого вопроса исходило из априорного предположения, что рента находится в функциональной зависимости от размеров имущества — спор шел только о том,

„Agrarian conditions in the Byzantine Empire“. „Cambridge Economic History“, I, 1942; „The Peasant's Pre-emption Right“. „Journal of Roman Studies“, 37, 1947; „Le grand domaine dans l'Empire byzantin“. „Recueil de la Société Jean Bodin“, 4, 1949.

¹ F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. „Bulletin of the International Committee of Historical Sciences“, 5, 1933, S. 8.

² См. его статью: Элевтери. Прилог историји селаштва у Византији. „Зборник философског фак. универзитета у Београду“, I, 1950. Следует лишь отметить, что среди элевтеров изредка могли встретиться и зажиточные крестьяне: так элевтер Феодор Семиак, живший во владениях монастыря богородицы Спилотициссы, платил огромную ренту в 10 перперов — см. Афонские акты. ВВ, т. 6, 1899, стр. 448 и сл.

³ Только недоразумением можно объяснить упрек, брошенный Г. Острогорскому Б. Т. Горьяновым (ВВ, т. III, 1950, стр. 272), в преувеличении благосостояния византийского крестьянина: речь идет лишь об „относительном благосостоянии“ населения одной деревни — Градец (стр. 313. См. стр. 254 русского текста, на которую ссылается Б. Т. Горьянов).

какие виды имущества учитывались при определении суммы ренты. Но уже такой внимательный исследователь, как П. В. Безобразов, хотя и стремился доказать наличие функциональной зависимости между имущественным благосостоянием семьи и размером платимой ею ренты, вынужден был признать „неравномерность и произвольность“ византийской системы обложения. Г. Острогорский, опираясь на гораздо более обширный документальный материал, приходит к более определенному наблюдению: неоднократно говорит он об отсутствии строгого и неизменного мерил, с помощью которого могла бы производиться раскладка податей (стр. 317, 335). Более того, Г. Острогорский делает очень важное наблюдение, когда пишет: „Всматриваясь в налоговые ставки беднейшего сельского населения, мы знакомимся с своеобразной чертой византийского налогового обложения, система которого прямо противоположна естественной для нас системе прогрессивного обложения. . . Получается, что при возрастающем имуществе налоговые ставки не увеличиваются, а, наоборот, сравнительно уменьшаются, т. е. наиболее бедные налогоплательщики платят относительно большую, а наиболее богатые относительно меньшую подворную подать“ (стр. 337. Цитирую по стр. 276—277 русского текста)¹. Таким образом, Г. Острогорский отметил наличие в Византии одной из характерных черт феодальной ренты, которая — и это вполне понятно — имеет коренные отличия как от „естественной для нас“ поземельной ренты, так и от римской системы *capitatio-jugatio*.

Итак, исследование поместных описей, предпринятое Г. Острогорским, дало большое количество принципиально важных и новых выводов, касающихся социальной истории Византии XI—XV вв.; я не говорю уже о том, что благодаря труду Г. Острогорского теперь ярче вырисовывается история отдельных монастырских владений, уточняются даты составления тех или иных практиков [например, Зографский практик № 15 автор датирует 1300 г. (стр. 258), а Лаврскую опись дукса Василия — 1299 г. (стр. 282)]. Тем не менее нужно оговориться, что эта работа содержит в основном лишь материалы для истории аграрных отношений: поэтому в данной статье проблемы ставятся и решаются применительно к содержанию каждого отдельного практика; статья в большой степени является описанием поместных описей, нежели аграрных отношений, — и это несомненно ограничивает возможности автора.

Совершенно иной характер носит первая часть рецензируемой книги, посвященная истории византийской и южнославянской пронии (по недосмотру переводчиков заглавие первой части отсутствует как в тексте, так и в оглавлении).

Вопрос о пронии неоднократно обсуждался в специальной литературе, и тем не менее работа Г. Острогорского является первой попыткой систематического рассмотрения всей той массы источников — на греческом, латинском, славянских языках, — которые так или иначе затрагивают это учреждение. При этом автор детально рассматривает каждое известие, стремясь уточнить дату того или иного документа, проверить текст грамоты и дать, если надо, облегчающую понимание смысла конъектуру. Приведу несколько примеров такого тщательного обращения с источником, характерного для Г. Острогорского.

Давно уже вошла в оборот жалованная грамота критской знати,

¹ Аналогичное явление имело место и в других средневековых государствах, в частности — в Англии XIII в. — см. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.—Л., 1947, стр. 306, 317.

которую издатели Ф. Миклошич и И. Мюллер датировали 1184 г.; эту дату приняли, не проверив, Ф. И. Успенский и Ф. Дэльгер; принята она и в моей книге¹. На самом же деле эта грамота была дана в октябре 6692 г., т. е. в 1183 г. (стр. 43 и сл.). Анализируя грамоту № 47 из собрания актов Афонской лавры, изданного Ж. Руйяр и П. Коломом, Г. Острогорский не только по-новому ее датирует (стр. 46—47), но и дает существенную конъектуру греческого текста.

Рецензируемая работа интересна не только тщательностью методики исследования, но и смелостью подхода к теме. Г. Острогорский рассматривает пронию как определенное явление в социальной истории Византии и соответственно этому исследует ее судьбы в связи с развитием общественной жизни империи (стр. 10). Прония выступает в его изображении как учреждение, связанное со всем социальным и политическим развитием Византии: торжество крупного землевладения, проникновение латинян, натиск турок, — все это по-своему влияло на историю пронии².

Особо должно быть отмечено стремление Г. Острогорского вскрыть классовые корни пронии: совершенно бесспорно проведенное в этой связи разграничение между пронией, которая была учреждением феодального класса, и стратиотскими наделами VII—X вв., связанными с крестьянской общиной (стр. 15). Именно исходя из принципа выяснения классовой сущности того или иного учреждения, Г. Острогорский правильно говорит о социальной однородности пронии и харистикии (стр. 17)³.

Развитие византийской пронии, по Г. Острогорскому, сводится к следующему. Прония возникает в XI в., после поражения политики императоров Македонской династии, направленной на защиту мелкого крестьянского и стратиотского землевладения⁴, — первое упоминание пронии приходится на время Константина IX Мономаха (1042—1055), который передал Константину Лихуду пронию Манганов (стр. 20 и сл.). В XI в. прония еще не имела характера военного держания, поскольку в это время господствовала чиновная, а не военная аристократия (стр. 24)⁵: прония являлась в то время „средством для наделения доходами представителей господствующего класса“ (стр. 27).

В период правления Комнинов прония превращается в особую форму феодальной земельной собственности, связанной с выполнением военной службы (стр. 27). При этом прония времен Комнинов не передавалась по наследству (стр. 31). Институт пронии расширяется и укрепляется в период Латинской и Никейской империи, но и в это время прониар — в отличие от вотчинника — остается временным господином своих париков (стр. 68).

¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 204 и сл.

² Мы могли бы только упрекнуть Г. Острогорского в недостаточной строгости терминологии. Трудно, например, безоговорочно принять его утверждение, что прония была одним из элементов упадка Византии (стр. 16): как во всяком феодальном институте, в пронии — на разных этапах ее истории — воплощались и прогрессивные, и реакционные стороны феодального порядка. Однако важны не отдельные формулировки, а общая тенденция — изучать историю пронии в связи с историей общества.

³ В разделе о харистикии (гл. II) следовало бы учесть работу М. Я. Сюзюмова („Проблемы иконоборчества в Византии“. „УЗ Свердловского государственного педагогического института“, вып. IV, 1948).

⁴ В советской историографии дается иное толкование вопроса об аграрной политике императоров Македонской династии.

⁵ См. также: G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 225. Cp. P. Charanis. On the Social Structure, p. 95.

Впервые принцип наследования прониарских земель был введен в конце XIII в. при императоре Михаиле VIII Палеологе, но и то это мероприятие коснулось лишь отдельных лиц, а в целом прония продолжала оставаться условным и временным военным владением (стр. 93—95; ср. стр. 133). Более того, даже превращенная в наследственную прония не становилась полной собственностью феодала — в частности, не могла быть отчуждена (стр. 134).

Чрезвычайно интересные наблюдения Г. Острогорского за эволюцией прониарского землевладения в середине XIV—начале XV вв. Этот период истории Византии до настоящего времени был плохо изучен, и выводы автора в этой части являются совершенно новыми и свежими. Собранный им материал убедительно свидетельствует, что земельная собственность монастырей сократилась и половина монастырских земель была передана прониарам; более того, на оставшихся землях монастыри перестали быть полными хозяевами и должны были поступиться частью ренты в пользу прониаров (стр. 169). Это обстоятельство, порожденное военной необходимостью, объясняет, по мнению Г. Острогорского, недовольство монашества политикой византийского правительства и позволяет понять, почему византийские монахи так легко смирились с установлением туредкого господства (стр. 173).

Работа завершается анализом известий о пронии в последние годы существования империи, когда распространение проний вело к ослаблению государственной власти (стр. 180), а также рассмотрением особенностей пронии в Сербии и в венецианских владениях в Зете.

Вопрос о пронии — один из самых трудных вопросов в истории Византии. Источники, освещающие его, скудны и противоречивы; поэтому совершенно естественно, что и после работы Г. Острогорского остается немало невыясненных вопросов, а иные из его положений оказываются гипотетическими и спорными. Впрочем, и противоположные взгляды, высказываемые далее, также могут в настоящее время рассматриваться лишь в качестве рабочей гипотезы.

Так как большинство источников, касающихся пронии, относится к XIII и началу XIV в., то я и начну с рассмотрения пронии именно этого времени. Для пронии XIII—XIV вв., по мнению Г. Острогорского, характерны следующие черты.

1. В экономическом отношении прония представляет собой феодальное поместье, не отличающееся в принципе от вотчины (стр. 105). Она отличается только своей подчиненностью государственной власти, которая выступает в качестве *dominus eminentis* (стр. 138).

2. Пронией наделяются стратиоты за военную службу, а также высшие вельможи, включая родственников правящего дома, — эта знать получает пронии в награду за свои „заслуги“ или за знатность (стр. 102). Церковь не могла обладать пронией (стр. 137; ср. также, стр. 60, прим. 4 и стр. 168).

3. Прония имела условный характер: прониары не могли распоряжаться своими землями, не могли их продавать, дарить, передавать монастырям и т. д. (стр. 134 и сл.).

Начну с конца. Представление о византийской пронии как условной земельной собственности было создано не на византийском, а на венецианском материале; в византийских актах встречается немало известий о возможности свободно отчуждать пронию. Сам Г. Острогорский приводит грамоту 1344 г., в которой описание прав прониара таково, что их трудно характеризовать иначе как полную собственность (стр. 131). Г. Острогорский, правда, считает этот акт исключением, но примеров

такого „исключения“ можно было бы привести немало. Хрисовул Андроника II Палеолога от 1325 г. утверждает продажу пронии в 300 перперов (*κτῆμα ποσότητος ὑπερπύρων τριακοσίων*), принадлежавшей родственнице императора Феодоре Палеолог; купивший землю афонский монастырь Зограф уплатил за нее 3000 перперов (Зогр., № 22. 3—10)¹. Меникийский монастырь получил в дар от некоего Маргарита пронию (экономию) в 100 перперов (ММ, V, р. 113. 8). В грамоте, полученной игуменом Гервасием, прямо было оговорено, что он имеет право отчуждать кому угодно (*παράπεραι αὐτὴν πρὸς ὅπερ ἂν ἐθέλωσω πρόσωπον*) принадлежавшую ему пронию (экономию) в 40 перперов (Хил., № 126. 18).

Отчуждать пронию могли и прониары-воины. Пахимер свидетельствует, что к 1282 г., когда Андроник II вступил на престол, одни стратиоты настолько увеличили размеры своих проний, что вовсе перестали нести военную службу, предпочитая подкупать начальников; другие же, лишившись своих экономий, пребывали в бедственном положении².

Далее. Некоторые источники позволяют предположить, что пронии могли входить в состав церковных владений. Сам Г. Острогорский привлекает к исследованию Зографский акт № 53, который упоминает церковные и монастырские пронии (*ἐκκλησιαστικῶν προνοιῶν καὶ μοναστηριακῶν*); однако, по его мнению, терминология этой грамоты является неточной (стр. 104—105, прим. 1): он считает, что монастырские пронии — это бывшие пронии, переданные монастырям и превращенные в полную собственность (стр. 131, 138).

Однако подобная „неточная“ терминология встречается в источниках слишком часто. Обратимся прежде всего к поместной описи 1300 г., составленной податным инспектором Солунской фемы Димитрием Апельмене, т. е. человеком, от которого мы вправе ожидать относительной точности и строгости терминологии. Апельмене говорит в преамбуле, что он получил императорскую простагму, повелевавшую составить опись и „вручить“ каждому его пронию (*τὴν τῆς ἰδίας οἰκονομίας αὐτοῦ ποσότητα*); среди других он нашел пронию (экономию), принадлежавшую святогорскому монастырю великомученика Георгия, именуемому Зографским (Зогр., № 15.1—6). Аналогичную формулировку мы находим и в практике монастыря Ксенофон, составленном в 1318 г. Там говорится, что податные инспекторы Солунской фемы получили распоряжение „вручить“ каждому его пронию (*τὴν τῆς ἰδίας οἰκονομίας αὐτοῦ ποσότητα*) (Ксен., № 6.3); в соответствии с этим была составлена опись ксенофонских владений в Стомии. В 1320 г. была составлена опись владений архонтов, церковей и стратиотов Солунской фемы; в числе этих владений названа и экономия, принадлежавшая Зографскому монастырю (Зогр., № 17. 8). Во владениях Зографского монастыря находилась также обширная прония (экономия) в Иериссе, переданная Андроником III Палеологом за счет владений севаста Девледина (Зогр., № 27. 28—31).

В 1262 г. был составлен практик владений епископии Кефалонии. В нем перечислены хорафии и виноградники, принадлежавшие различным монастырям, а в конце практика названы монастырские „люди пронии“ (*οἱ ἄνθρωποι τῆς προνοίας*) (ММ, V, р. 66.3); практик перечисляет их вместе с женами и детьми, упоминая также их ренту. Пронии были и у трапезундского монастыря Сумела (ММ, V, р. 279.5). Наконец, Пахимер сообщает, что пронии жаловались монастырям, церквам и царским телохранителям³.

¹ Термин *ποσότης* тождественен пронии.

² Pachymeres. De Michaele et Andronico Paleologis, vol. II. 1835, p. 258.13.

³ Ibid., p. 390. 3. Cf. ibid., II, p. 163. 2—4.

Не только монастыри и церкви, но и отдельные представители духовенства получали пронию. Я уже упоминал игумена Хиландарского монастыря Гервазия: ему принадлежала прония в деревне Худина (Хил., № 126.11). По словам Кантакузина, пронией был награжден солунский архиепископ Григорий Палама, бежавший на Лемнос от восставших в Солуни зилотов¹.

Наконец, и женщины могли обладать прониями: уже Г. Острогорский привел два случая (Ксения Султаннина и жена некоего Саракина) (стр. 131); к этому следует прибавить известие Кантакузина о том, что Апокавк обещал пожаловать пронию сестре Асеня².

Если присоединить к этому бесспорный вывод Г. Острогорского о том, что пронии получали представители высшей византийской аристократии (стр. 102), тезис об исключительно военном характере пронии — во всяком случае для XIII—XIV вв. — едва ли может считаться строго доказанным.

Нам остается рассмотреть теперь первый тезис Г. Острогорского. Действительно, прония XIII—XIV вв. являлась по существу формой феодальной собственности, которая экономически реализовалась в феодальной ренте, и в этом смысле прония XIII—XIV вв. не отличалась от обычной феодальной вотчины.

Столь же бесспорно, что по отношению к пронии государство выступало как верховный собственник, располагая, в частности, правом безоговорочной конфискации прониарских владений: Г. Острогорский (стр. 139 и сл.) приводит убедительные примеры таких акций государственной власти.

Возникает вопрос, могло ли государство конфисковать только прониарские владения или же это право распространялось на всякие земельные владения. По мнению Г. Острогорского, „аллодиальная“ собственность подлежала конфискации лишь в исключительных случаях — например, в наказание за измену (стр. 139). Однако, мне кажется, что вопрос этот еще нуждается в дополнительном рассмотрении.

Специальным термином для обозначения такой конфискации служил глагол ἀποσπᾶν. Он встречается уже в послании болгарского архиепископа Феофилакта, писавшего на рубеже XI и XII вв. Феофилакт жалуется, что у его церкви была конфискована (ἀποσπασθέν) деревня, которая с древнейших времен (ἐξ ἀρχαίων τῶν χρόνων) принадлежала болгарской церкви³; недоумевая, спрашивает он о причинах, побудивших согнать с земли „рабов императора“⁴.

В данном случае, естественно, не может быть речи о пронии — и тем не менее право императора конфисковать землю не вызывает у Феофилакта сомнения.

В хрисовуле Иоанна V Палеолога, датированном сентябрем 1360 г., идет речь о земле, конфискованной (ἀπεσπασθη) у ряда архонтов и переданной монастырю Хиландарь (Хил. № 150. 7—13); у нас нет оснований считать владения этих архонтов пронией, а владельцев — стратиотами: один из них назван „сыном каниклея“, т. е. чиновника императорской канцелярии. Георгий Цаусий Мелисин подарил Лемвийскому монастырю землю, которая была пожалована ему императором взамен конфискованных у Мелисина домов (MM, IV, p. 267).

Об аналогичной конфискации говорит и грамота, составленная около 1319 г. игуменом Ватопедского монастыря Нифонтом (Хил., № 44): в ней идет речь о земле близ деревни Аздравикий, которая принадлежала Ватопеду, но затем специальным императорским хрисовулом была передана Хиландарскому монастырю, что привело к возникновению споров и тяжб между монахами обеих обителей.

Эти факты позволяют предположить, что в Византии император выступал как dominus eminens не только прониарских, но и патримониальных, в том числе церковно-монастырских земель. Именно это право давало ему юридическое основание для передачи стратиотам половины монастырских земель, осуществленной, как убедительно показал Г. Острогорский (стр. 161 и сл.), после поражения при Марице в 1371 г.

С представлением Г. Острогорского о пронии как о специфической форме условной собственности (стр. 67 и сл.) связано, как мне кажется, неточное истолкование известного постановления Димитрия Торникия, запрещавшего парикам продавать землю прониарам этой земли (MM, IV, 199); речь идет о конце этого постановления, где сказано: ὡς ὑπὸ τῆν δημοσίου χειρᾶ ἀείποτε τελοῦντα. Обычно это место относят к паричской земле и переводят: „[крестьяне, находящиеся под пронией, не должны были продавать своих наделов прониарам], чтобы земля эта не вышла из подчинения государству“.

Г. Острогорский возражает против традиционного перевода. Он полагает, что чиновник XIII в. не мог требовать, чтобы паричская земля всегда оставалась под контролем государства, ибо в то время существовали парики патримониальные и находившиеся на иммунитетных территориях, т. е. не подчиненные казне. Бесспорно, в Византии XIII в. значительное число париков принадлежало вотчинникам и не находилось „под рукой“ государства — однако постановление Димитрия Торникия не имеет их в виду: там идет речь о зависимых крестьянах, которые имеют землю (τὰ παρ' αὐτῶν κατέχουμενα), находящуюся в то же время под властью прониаров (οἱ κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντες αὐτά). Естественно, что земля этих крестьян считалась государственной (ср., например, анализ тяжбы крестьян-малахиотов и Патмосского монастыря, стр. 69—71), тогда как продав свои наделы прониару, они превратили бы эту землю в патримоний феодала.

Рассматривая пронию как форму условного землевладения, Г. Острогорский стремится установить различие терминологии при определении объема прав прониара и собственника; по его мнению, право прониара характеризуется глаголами ἔχειν, κατέχειν, тогда как для выражения „полной собственности“ употребляется глагол κέκτησθαι (стр. 98). Однако с этой гипотезой трудно согласиться. В кодексе Лемвийского монастыря встречаются — иногда плеонастически — самые различные термины для обозначения собственности. Например: ταῦτα τῆ μονῆ διαφέροντα, παρ' αὐτῆ κατέχοντά τε καὶ νέμονται, а несколько ниже — ἡ ῥηθεῖσα μονῆ ἀκινήτων ἐκέκτητο (MM, IV, p. 62). В купчих грамотах, составленных в XIV в., нередко употребляется для обозначения права собственности термин κατέχειν, а иногда даже — εἰς τὸ ἐξῆς κατέχειν (Хил., № 89.33), что, как мне представляется, противоречит гипотезе Г. Острогорского¹.

Одним из самых серьезных аргументов в защиту представления об условном характере пронии является ее противопоставление гоникону,

¹ Cantacuzenus. Historiarum libri IV, Bonnae, 1828—1832, III, p. 105. 12.

² Ibid., II, p. 278. 5.

³ PG, t. CXXXVI, col. 533. D.

⁴ Ibid., col. 536. A.

¹ Ф. Дэльгер (F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 143) справедливо считает ἔχειν и κέκτησθαι синонимами, противопоставляя их термину νέμσθαι. Однако еще недостаточно ясно, насколько четким на практике XIII—XIV вв. было разграничение между ἔχειν и νέμσθαι.

владению *κατὰ λόγον γονικότητος*, которое рассматривается со времен работы Ф. И. Успенского как вотчина. Г. Острогорский использует этот аргумент, хотя и указывает на трудности, связанные с таким истолкованием термина гоникон: он справедливо отмечает, что применение выражения *κατὰ λόγον γονικότητος* к монастырским владениям является чистой бессмыслицей (стр. 133). Но это не единственная трудность, связанная с многозначным термином гоникон: он может означать и *titulus acquirendi* (земля, полученная от родителей), и состояние привилегированности, — но вовсе не всегда понятие „наследственная земля“¹.

Таким образом, представление Г. Острогорского о военно-условном характере пронии не может быть безоговорочно распространено на византийскую пронию XIII—XIV вв. Что же касается пронии более раннего времени, то она, к сожалению, крайне скудно освещается в источниках.

Известий о пронии XI в. (до Алексея Комнина) Г. Острогорский приводит два: одно — это неопределенное свидетельство Атталиаты о раздачах проний и чинов в правление Михаила VII Дуки (1071—1078) (стр. 22—23); из слов Атталиаты мы не узнаем ни что было роздано, ни кому, ни на каких условиях. Второе известие — Г. Острогорский считает его первым упоминанием пронии (стр. 20) — касается пожалования Константину Лихуду пронии Манганов; однако имеются основания думать, что этот рассказ Скилицы о пронии Манганов имеет в виду не пожалование поместья, а передачу Лихуду куратории Манганов².

Таким образом, нам пока следует воздержаться от суждения о характере пронии в середине XI в.

Для времени правления Комнинов источников, прямо говорящих о пронии, также очень мало. У Анны Комнины мы встречаем неопределенное упоминание „проний на суше и на море“, а Никита Хониат вовсе не пользуется этим термином. Г. Острогорский справедливо отмечает, что в нарративных источниках времени Комнинов мы тщетно будем искать ясные известия о пронии (стр. 31). Поэтому он обращается к актам — прежде всего, к актам Лавры св. Афанасия. Первый из этих актов, упоминающий пронию, датируется только 1162 г. (Lavra, № 57).

Прежде чем рассматривать данные лаврских грамот, я хотел бы обратить внимание на два акта конца XI в., где мы находим упоминание пронии (экономии), но которые не стали однако предметом исследования Г. Острогорского. По приказу Алексея Комнина афонский прот Павел составил в 1083 г. опись владений монастыря Ксенофон; она начинается с владений на самом Афоне, а затем переходит к перечислению собственности за пределами святой горы: здесь опись называет земли, зависимых крестьян, дома в Солуни, скот. Среди других владений названа экономия над монастырем Кекавменов и Ладиры, [приносящая ренту] около 200 перперов (Ксен., № 1.221).

Самая формулировка настолько напоминает клаузулы грамот XIV в. (*οικονομία ποσότητος* столько-то перперов), что у нас отпадают всякие возможности кривотолков: в ксенофской грамоте термин *οικονομία* употреблен не в безразличном значении „забота“, но как технический термин.

¹ Данные актов, изданных Ф. Дэльгером, позволяют уточнить наши представления о гониконе. Земля, находившаяся на праве гоникона (*κατὰ λόγον γονικότητος*), могла быть отнята у монастыря (Афон, № 62.5, 1338 г.) и, следовательно, не являлась вотчиной в полном смысле этого слова. В хрисовуле Иоанна Кантакузина от 1349 г. гоникон — подобно пронии — устанавливается в строго определенном размере: 100 перперов (Афон, № 10.2).

² А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 212 и сл.

Менее четко выступает термин *οικονομία* в другой грамоте. В 1087 г. прот Сава и совет Афона составили описание границ монастыря Халд; в изготовленной по этому случаю грамоте, в частности, было сказано, что монахи халдского монастыря обратились к проту Павлу с просьбой дать им некую экономию для их пропитания (*οικονομίαν γενέσθαι αὐτοῖς τινα εἰς διατροφήν αὐτῶν*) (Фил., № 1.36—37). Вняв их просьбе, прот Павел изучил старые грамоты, в которых речь шла о земле (*τόπος*), отведенной монахам Халда (там же, строка 45), и в соответствии с этими грамотами наделил их (*παρέδοκεν τῷ μέτρῳ τοῦ Χάλδου*) (строка 56).

Если даже мы скептически отнесемся к грамоте 1087 г., то и описи 1083 г. достаточно для того, чтобы предположить, что и во времена Комнинов монастыри могли обладать прониями; следовательно, и в это время прония не была специфически военным держанием. Этот вывод заставляет нас пересмотреть и вопрос о наследственности проний.

Приведенный Г. Острогорским (стр. 31) отрывок из соглашения крестоносных вождей и венецианцев в 1204 г. свидетельствует, что в XII в. на территории Византии могли существовать наследственные феоды — но мы, разумеется, не в праве распространить это положение, относящееся к феодам вообще, на пронию. Обратимся поэтому к византийским актам, упоминающим пронию.

Датированная 1162 г. грамота Иоанна Контостефана, солунского дукса (Lavra, 57), говорит о тяжбе между монахами Лавры Афанасия и стратиотом Панкратием Анемой, в пронии которого находился населенный париками проастий Архонтохорион, расположенный по соседству с монастырскими владениями; до Панкратия эта прония принадлежала трем стратиотам: Роману Рентину и братьям Лукитам (строки 64—67). Этим прониарам монастырь дал участок земли на определенных условиях: парики прониаров могли засеивать его, но не должны были строить там своих жилищ (строки 68—70); кроме того, монастырский участок не должен был переходить к тому, кто будет прониаром проастия Архонтохорион после Романа Рентина и братьев Лукитов (строки 75—78).

Можем ли мы из содержания этой грамоты сделать вывод, что прония была условным владением и не наследовалась? Пожалуй, прямых сведений решение Иоанна Контостефана нам не дает; более того, владение проастием Архонтохорион противопоставляется владению монастырским участком; последнее, действительно, имело условный и пожизненный характер. Как бы то ни было, ничего определенного о наследовании пронии этот акт не сообщает.

Другие лаврские акты, привлеченные Г. Острогорским, либо вовсе не упоминают пронии (Lavra, 45, 51) и, следовательно, их данные могут быть привлечены лишь гипотетично, либо же упоминают пронию в таком контексте, который нуждается в конъектуре (Lavra, 47) и, соответственно, всегда останется спорным. Критская грамота 1183 г., о которой уже шла речь, была привлечена еще Ф. И. Успенским для характеристики пронии — однако в этой грамоте, повидимому, нет противопоставления пронии и вотчины, которое усмотрел в ней Ф. И. Успенский и которое видит также автор рецензируемой книги (стр. 45)¹.

Наконец, Г. Острогорский указывает, что экономию упоминает Михаил Акоминат (стр. 54), — но и это место также достаточно неопределенно.

¹ См. А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 204—205.

GERMAINE ROUILLARD. LA VIE RURALE
DANS L'EMPIRE BYZANTIN

Paris, 1953, 202 p.

Можно видеть, что материал, касающийся пронии XI—XII вв., настолько скуден и спорен, что рисовать эволюцию пронии оказывается делом чрезвычайно трудным; предположение, что прония XI—XII вв. была условным, временным военным держанием, противоречит некоторым источникам и может быть принято лишь в качестве гипотезы.

В чем же следует искать специфические черты пронии? Прежде всего, обращает на себя внимание, что прония обычно выступает как право на определенную сумму (*пооботн*) ренты, измеряемую в перперах. Еще иногда и в XIII в.; как правильно отмечает Г. Острогорский (стр. 71), „пожалование земли в пронию не создавало права собственности“¹.

Именно поэтому прония могла ужиться с иным вещным правом на тот же объект. В изданной Ф. Дэльгером описи 1409 г. отчетливо противопоставлены права землевладельца и прониаров: землевладельцу (монастырю Дохиар) крестьяне были обязаны обычной рентой и барщиной, а также дополнительными поборами с зевгарей, с пчел и т. п. — тогда как прониарам они вносили с той же земли определенную ренту два раза в год (Афон, № 63.20 и сл.).

Итак, прония — это первоначально право на ренту, преимущественно с земли, но также и с других доходных статей (рыбного садка, например); по мере развития феодальной системы хозяйства она сплошь да рядом превращается в феодальное поместье обычного типа, хотя иной раз очень долго сохраняет специфические черты.

Еще совсем недавно вопрос о феодальных учреждениях в Византийской империи не был предметом исследования в зарубежной историографии, самая постановка вопроса о византийском феодализме казалась „ересью“. Объективно это вело к признанию принципиального различия судеб „Запада“ и „Востока“ и должно было служить одним из средств идеологического разобщения Западной и Восточной Европы. Поэтому книга Г. Острогорского, в которой исследуется феодальная рента и положение феодально-зависимого крестьянства, феодальная собственность и структура класса феодалов, книга, где в полный голос говорится о феодализме в Византийской империи, имеет не только научное, но и большое общественно-политическое значение. Она помогает покончить с вредным мифом об особом укладе деспотического „Востока“, будто бы не знавшего феодальной системы; она вскрывает принципиальное единство исторических путей развития Запада и Византии².

Изучение истории Византии крайне трудно: недостаток источников препятствует выяснению многих явлений ее социальной истории. Исследователю, занимающемуся историей общественной жизни, поневоле приходится уделять пристальное внимание филологическим и дипломатическим проблемам, анализу неясных терминов, кропотливому разбору отдельных грамот. И все же многие вопросы — иногда очень существенные — остаются спорными и нерешенными. Однако дискуссионный характер некоторых гипотез Г. Острогорского не помешает высокой оценке его книги.

А. П. Кашдан

¹ Точнее было бы сказать, что юридически прония не составляла собственности на землю. Однако коль скоро прония получила экономическую реализацию в ренте, она по существу была не чем иным, как особой формой феодальной собственности. Ср. А. П. Кашдан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 216. П. Харанис (P. Charanis. On the Social Structure, p. 97) также определяет пронию как пожалование приносящих ренту угодий — обычно, но не всегда земельных.

² Зарубежные рецензенты книги Г. Острогорского скептически относятся к применению термина „феодализм“ для характеристики византийских условий. См. A. Abel. „Le Moyen Age“, 61, 1955, p. 506 sq.; R. Guillard. „Byzantinoslavica“, 16, 1955, p. 352.

Автор рецензируемой книги — известная французская исследовательница, которой принадлежит ряд работ по истории Византии, в том числе монография „L'administration civile de l'Égypte byzantine“ (изд. 2, 1928), а также издания источников (Actes de Lavra, I. Paris, 1937). Книга „Сельская жизнь в Византийской империи“ написана на основе лекций, читанных Руйяр в Коллеж де Франс в мае 1945 г. Автор не успел закончить подготовку рукописи к изданию, вследствие чего в отдельных частях книги чувствуется некоторая незавершенность и имеются немало-важные пробелы, которые, возможно, были бы устранены самой Руйяр, если бы не ее кончина, последовавшая 1 сентября 1946 г. Повидимому, окончательную редакцию получила лишь первая из пяти частей книги. Тем не менее, если учитывать отсутствие специальных работ, освещающих аграрную историю Византии на всем ее протяжении, а также значительное ослабление внимания современных западных историков к этому существенному вопросу, то книга Руйяр, несмотря на то, что она была написана десять лет назад, несомненно, представляет известный интерес. Эта книга в какой-то мере является попыткой обобщить результаты исследований по аграрному развитию Византии, добытые наукой ко времени, предшествующему окончанию второй мировой войны. Руйяр не решается назвать свою книгу „Аграрной историей Византии“. Она считает необходимым сделать оговорку, что полное построение такой истории пока невозможно вследствие недостаточной изученности и неравномерной обеспеченности отдельных ее периодов источниками, — но все же содержание книги позволяет вскрыть определенную концепцию экономического развития византийской деревни на всем протяжении истории империи.

В рецензируемой работе пять частей: 1. „Сельская жизнь в Византийском Египте“. 2. „Сельское общество с VIII века до времени Комнинов“. 3. „Сельские классы при Комнинах и Ангелах“. 4. „Сельские классы в эпоху Палеологов“. 5. „Повседневная жизнь византийского сельского населения“.

В результате подобного построения развитие византийской деревни с VIII до середины XI в. рассматривается в рамках одного периода, тогда как в действительности этот отрезок времени включает в себя явно различные этапы аграрной истории империи. Такое членение материала книги находится в связи с концепцией аграрного развития Византии, выдвигаемой автором. В основе этого развития, по представлению Руйяр, лежит антагонизм, борьба между крупным поместьем и мелкой крестьянской земельной собственностью, проходящая через всю историю Византии (стр. 15). Борьба эта вызвана неуклонным стремлением крупных землевладельцев поглотить, подчинить себе крестьян-собственников, прослойка которых, в одни периоды сокращаясь, в другие увеличиваясь, продолжает существовать до конца истории Византийского государства. Рост крупного поместья представляется автору в виде последовательной смены периодов его усиления и ослабления, своего рода „приливов“ и „отливов“. В первый период аграрного развития империи — до завоевания арабами Египта и некоторых других византийских провинций — наблюдается значительное усиление землевладения крупных

магнатов, затем, начиная с VII—VIII и вплоть до XI вв., вновь укрепляется крестьянское землевладение, возрождается свободная община, — значение землевладения поместного типа несколько падает, хотя к концу этого периода вновь наблюдается интенсивный его рост, создающий угрозу для свободного крестьянства. Наконец, XII—XV вв. — это время окончательного укрепления поместья.

Мысль об антагонизме между крупным землевладением и мелкой крестьянской собственностью как о стержне аграрного развития, несомненно, плодотворна и правильно определяет существенную закономерность аграрной истории Византии. Руйяр, в отличие от многих предшественников буржуазной историографии, не разделяет весьма распространенного тезиса о „сотрудничестве“ между крестьянином и феодалом и отсутствии каких-либо острых противоречий в социальной жизни средневековья. Руйяр принадлежит к числу тех современных буржуазных историков, которые продолжают лучшие традиции исторической науки XIX в.: она примыкает к направлению буржуазной историографии, признающему наличие классовых антагонизмов в средневековом обществе: это течение представлено в византиноведении прежде всего Ш. Дилем.

Однако выдвигаемая Руйяр концепция развития крупного землевладения в Византии в известной мере обесценивается вследствие неисторического подхода автора к вопросу о характере и роли поместья на отдельных этапах его истории. Крупное землевладение в византийском Египте IV—VII вв. и поместье в Малой Азии в XI и последующих столетиях для Руйяра — явления одного и того же порядка, она не усматривает между ними никакого качественного различия. Руйяр чуждо представление об общественно-экономических формациях. На всем протяжении своей книги она рисует по существу все те же две противостоящие одна другой фигуры — крупного собственника и мелкого крестьянина, причем византийские феодалы времени Ангелов и Палеологов уподобляются ему коптской аристократии Египта эпохи византийского владычества (стр. 89, 123 и др.), а византийские па́рики ничем, по ее мнению, не отличаются от позднеримских колонов (стр. 106, 125—126). Вследствие этого аграрная история Византии лишается движения, развитие ее сельской экономики, с точки зрения автора, имеет своим конечным результатом отношения, подобные тем, которые господствовали еще в первые века существования империи. Эта картина какого-то бесперспективного круговорота, в известной степени, повидимому, навеяна старыми представлениями о застое и неподвижности, как якобы характерных чертах истории Византии, сохранившихся под внешним покровом перемен, которые не затрагивали ее существа.

Познакомимся несколько ближе с конкретным содержанием рецензируемой книги. Наиболее обширным (стр. 11—79), законченным и самым интересным является первый раздел, посвященный византийскому Египту. В данном случае Руйяр опирается на результаты своих собственных изысканий, изложенные в упомянутой выше работе. Интерес автора к Египту IV—VII вв. при изучении проблем аграрной истории Византии в ранний период ее существования оправдывается той большой ролью, которую играла эта провинция в экономике Византии: Египет был житницей империи. Автор показывает господство крупных *οἰκοί* в хозяйстве Египта, особенно характерное для VI—начала VII в., но отмечает, что наряду с крупным землевладением сохранялась и мелкая свободная собственность, неустойчивая и подверженная многим опасностям. Руйяр на значительном материале демонстрирует тяжелое положение крестьянства, задавленного государственными налогами, вследствие чего многие

из задолжавших крестьян были принуждены передавать свои владельческие права крупным землевладельцам (путем залога или дарений своих участков) и превращались в колонов (стр. 15). В результате подобного поглощения земель крестьян владения крупных собственников — потомков коптской аристократии и выходцев из византийского чиновничества — часто оказывались разбросанными по разным областям. Значительная часть этих владений сдавалась в аренду, тогда как *οἶκος* собственника обрабатывалась, по мнению Руйяра, руками сельскохозяйственных работников, статуса которых она, однако, не уточняет (стр. 27). Интересные сведения приводятся автором относительно методов ведения хозяйства в византийском Египте. Здесь применялись преимущественно старинные способы обработки земли. Что касается скотоводства, то новым здесь явилось значительное развитие коневодства. Немалое распространение получили ремесло и торговля; занятые в этих отраслях хозяйства люди объединялись в корпорации, выход из которых был воспрещен.

Привлекая обширный папириологический материал, Руйяр тем не менее очень кратко останавливается на таком существенном для понимания египетской экономики вопросе, как способ эксплуатации зависимого населения. Остается, к сожалению, не выясненным и происхождение общины (*τὸ κοινὸν τῶν γεωργῶν*), хотя ее существование автором отмечается. Роль рабов, как полагает Руйяр, в производстве была незначительна, — впрочем, и этот вопрос в книге не получает должного освещения. В гораздо большей мере автора интересует вопрос об управлении имениями. В этой связи она приводит немало сведений о тяжелом положении сельского населения, что нашло свое отражение, например, в жалобах крестьян, адресованных императорским наместникам (стр. 43 и сл.). Ценность этой главы и состоит, пожалуй, главным образом в том, что автором собраны в ней интересные данные, свидетельствующие об остроте классовых антагонизмов в Египте этого периода. Автор упоминает случаи отказа колонов платить подати и налоги, говорит об их побегах и восстаниях, для подавления которых крупные собственники использовали буккелариев. Вместе с тем, Руйяр подчеркивает, что факты такого рода были исключением (стр. 39, 44, 60) и что важную роль в смягчении положения угнетенного населения играло духовенство. Более того, волнения народных масс автор подчас склонен объяснять не их угнетенным положением, а религиозной борьбой, социальная сущность которой остается в книге не раскрытой (стр. 60). Руйяр обнаруживает в византийском Египте также „средний слой“ земельных собственников, наличие которого, как она пишет, можно проследить на протяжении всей истории Византии. В состав этой „сельской буржуазии“ (стр. 50) входили отчасти ремесленники и торговцы, принадлежавшие к корпорациям.

В целом рисуемая Руйяр картина аграрного строя византийского Египта, содержащая целый ряд интересных наблюдений, лишена определенности и четкости; автор не вскрывает системы эксплуатации населения, подчиненного крупным собственникам и государству.

Обширный период с VIII до середины XI вв., отнюдь не представляющий собой единого целого с точки зрения развития аграрных отношений, назван автором „переходным“ (стр. 83). „В эту эпоху, — пишет Руйяр, — глубокие перемены все более и более уничтожали римскую традицию в Византии“ (стр. 111). Автор не знакомит нас ближе с тем, какое содержание вкладывается им в понятие „римской традиции“, но, повидимому, смена рабовладельческого способа производства феодальным не представляется ему все-таки основным процессом, происходившим в этот период. В начале этого „переходного“ периода наблюдаются

ослабление значения крупного поместья и одновременно рост свободной крестьянской собственности, увеличение роли сельской общины. Руйяр подчеркивает, что свободная община существовала в Византии еще задолго до переселений на ее территорию славян (стр. 85), но она не отрицает того, что именно с появлением последних, а также в связи с раздачей солдатам земель государством, слой мелких землевладельцев значительно усилился (стр. 86). Руйяр не разделяет мнения тех современных западных историков, которые стремятся доказать, что славянская колонизация якобы не имела никакого значения для дальнейшего социально-экономического развития Византии, что она не способствовала будто бы укреплению общинных форм землевладения и т. д. (правда, нужно заметить, что подобная точка зрения стала особенно настойчиво выдвигаться уже после написания рецензируемой книги). Не присоединяется Руйяр — во всяком случае определенно — и к так называемой фискальной теории происхождения византийской общины; однако она подчеркивает значение общины как административно-фискальной организации, в то же время обходя молчанием вопрос о действительных источниках ее роста (стр. 90, 98—99). Это нежелание ясно определить свое отношение к наиболее острым и спорным вопросам аграрного развития Византии вообще характерно для автора. Так, Руйяр указывает на расхождения, существующие в оценке значения Земледельческого закона и в определении времени его возникновения, но сама не занимает какой-либо четкой позиции в этих вопросах.

Рассматривая Земледельческий закон и Податный устав, Руйяр подчеркивает значение свободной крестьянской собственности в аграрных отношениях в Византии этого периода и обращает внимание на тот факт, что в этих памятниках единицей фискального обложения выступает не поместье, а селение (стр. 90). Отмечает она и то, что источники, относящиеся к этому времени, не упоминают о колонах; однако Руйяр не объясняет причин этого в высшей степени важного явления (стр. 103—104). Нужно отметить, что анализ Земледельческого закона дан в книге бегло и довольно поверхностно; в особенности это касается тех статей закона, которые свидетельствуют о пережитках коллективной собственности на землю. Автор допускает и прямо ошибочные толкования, например, не видит разницы между *μωδοτης* и *δοϋλος*, приравнивая последнего к свободному слуге (стр. 97). Интересно замечание Руйяр о том, что в этот период крестьяне, в отличие от римских колоннов, стали ценить землю как источник своего существования и не смотрели на нее как на обузу, от которой следует избавиться (стр. 91). Однако Руйяр не раскрывает подлинного смысла этого изменения отношения непосредственного производителя к земле, которое свидетельствует об исторической прогрессивности феодального способа производства по сравнению с рабовладельческим: Руйяр не замечает, что ее собственное наблюдение противоречит ее же выводу о сходстве между средневековым париком и римским колоном. Кроме того, это в общем верное наблюдение нуждается в уточнении в свете данных Земледельческого закона и других источников, приводимых в рецензируемой книге и содержащих сведения о побегах крестьян, которые бросали свои земли, будучи не в силах вынести тяжесть податного гнета.

Повидимому, искусственно суженным подходом к проблемам аграрного развития Византии можно объяснить тот факт, что Руйяр не сочла нужным даже упомянуть о столь важном по своим последствиям явлении, как иконоборчество, с одной стороны, само порожденное глубокими изменениями в экономической и социальной жизни империи, а с другой —

сопровождавшееся серьезными перемещениями земельной собственности и новым обострением классовой борьбы.

Рассуждения Руйяр о *décadence des cultivateurs libres* (стр. 103) вызывают возражение вследствие того, что, с ее точки зрения, поглощение свободных крестьянских земель в поздней Римской империи и закрепощение общинников в обстановке развития феодального строя в VIII—X вв. представляют собой один и тот же лишь временно прерванный процесс.

Результаты этого процесса полностью сказались в следующий период истории Византии, которому посвящена третья часть работы (стр. 109—140). При Комнинах и Ангелах, пишет Руйяр, происходит укрепление крупного светского и церковного землевладения, землевладельческая аристократия пополняется новыми собственниками. пожалования земельным магнатам иммунитетных привилегий, распространение системы бенефициев-проний придает аграрным отношениям в Византии „новый характер“. Здесь, а также в четвертой части своей работы (стр. 141—171), Руйяр несколько раз обращается к вопросу о том, можно ли говорить о существовании в Византии феодализма и в какой мере социальные отношения в империи напоминают западноевропейский феодализм. Суждения ее и по этому вопросу отличаются неопределенностью и противоречивостью. Боязнь впасть в „односторонность“ приводит автора к отказу от сколько-нибудь ясно выраженной точки зрения.

Руйяр считает неправильным думать, что феодальные учреждения уже победили в Византии ко времени четвертого крестового похода (стр. 140). Более того, по ее мнению, и после завоевания крестоносцами Константинополя и образования Латинской империи „византийская традиция“ оказалась сильнее, нежели западноевропейское феодальное влияние (стр. 147). Она отмечает также, что „латинские“ феодалы нашли на Балканах и в Малой Азии аграрную организацию, мало чем отличавшуюся от западноевропейского строя того времени (стр. 111—112). Разумеется, говоря о феодализме, Руйяр имеет в виду лишь политический и социальный строй, систему вассально-ленных отношений. Она исходит из господствующей в буржуазной историографии теории, согласно которой феодализм возник во Франкском государстве и лишь оттуда распространился по разным странам Запада; западноевропейские колонизаторы и завоеватели „заносили“ его с собою в страны, расположенные далеко от главного очага феодального развития¹. Таким образом, Руйяр полагает, что до четвертого крестового похода в Византии существовали в лучшем случае некоторые предпосылки феодализма, который, однако, был установлен лишь „латинскими“ феодалами (стр. 147). Но полное сходства с западноевропейским феодализмом, представляющимся ей образцом, феодализм византийский все же не достиг, так как в Византии не сложилось развитых отношений между сюзеренами и вассалами, стройной феодальной иерархии и т. д. (стр. 143).

Руйяр ставит вопрос о сходстве и различии между византийским париком и западноевропейским вилланом, но и этот вопрос также не решается ею сколько-нибудь определенным образом. Она указывает, что „латиняне“ называли париков „vilains grecs“ (в Романских ассизах), но вместе с тем считает важным то, что повинности парика долгое время носили государственно-публичный податный характер, который они якобы не утрачивали и после передачи парика государством под власть частного

¹ См. С. W. Previtte-Orton. The Shorter Cambridge Medieval History. vol. I. Cambridge, 1952, p. 418.

лица — крупного дината, причем вследствие этой передачи положение пэрика не менялось (стр. 123). Руйяр настаивает на чисто фискальном характере *παροικία*, не учитывая того, что, во-первых, уже сама зависимость пэриков от государственной власти в условиях торжествующего феодализма неминуемо приобретала характер феодальной зависимости и что, во-вторых, передача служилым людям, приближенным императора, монастырям и другим представителям господствующего класса права собирать доходы с пэриков означала дальнейшее укрепление отношений феодальной эксплуатации. Вследствие этого Руйяр не замечает эволюции, которую претерпела прония, развивавшаяся в сторону приближения к феодальной вотчине. Руйяр считает, что пэрик на пронии становился похожим на западноевропейского виллана лишь тогда, когда собственник пронии получал сверх всего иммунитетное пожалование, и находит больше сходства между пэриком и римским колоном, прикрепленным к земле на основе государственного эдикта, нежели между пэриком и вилланом (стр. 125—126).

Отмечая изменения, происшедшие в аграрной политике государства, которое после смены Македонской династии не было в состоянии более защитить крестьянство от динатов, автор не показывает причин этой перемены, хотя и говорит, что она отразилась на положении крестьянства (стр. 112).

Свободное крестьянство при Палеологах, продолжает Руйяр, подвергалось большей опасности разорения и закрепощения, нежели прежде, вследствие дальнейшего укрепления и роста крупного землевладения. Конкретные данные о росте церковного землевладения Руйяр черпает не только из опубликованных, но частично и из неопубликованных актов, из архива Лавры. Автор приходит к выводу, что монастырское землевладение росло быстрее, чем светское.

Руйяр отмечает возросший контраст между роскошью и блеском Константинополя и нищетою византийской деревни. Она справедливо указывает на то, что причинами бедственного положения крестьян были обремененность налогами, вымогательства чиновников, военные наборы и постой солдат, войны и грабежи, притеснения со стороны знати (стр. 135—140). Приводимый в этой связи фактический материал представляет значительный интерес. Эти условия вызывали обострение классовой борьбы, которая, как признает Руйяр, при Палеологах приобрела большой размах и остроту. Автор останавливается, в частности, на восстановлении зилотов (стр. 169). Однако сочувствие к тяжелому положению угнетенного крестьянства, неоднократно выражаемое автором, не может возместить бедности сведений о реальном положении крестьян, о формах их эксплуатации, об их социальном составе и имущественном расслоении.

В заключительной, пятой части своей книги (стр. 173—202) Руйяр приводит некоторые сведения о сельскохозяйственной технике, о культурах, возделывавшихся византийскими крестьянами, о скотоводстве и деревенском ремесле. Здесь же бегло затрагиваются религиозные представления и „интеллектуальная жизнь“ византийской деревни. В этой части материал особенно беден и отрывочен. Автор не устанавливает никакой связи между положением трудящихся масс деревни и распространением в Византийской империи религиозных ересей.

Руйяр, как мы могли убедиться, свойственно стремление уклониться от постановки ряда важнейших вопросов истории византийской деревни. И хотя метод описания, преобладающий в книге, не дает автору возможности совсем уйти от тех проблем, необходимость постановки которых вытекает из самого материала источников, однако эти проблемы решаются

в рецензируемой работе крайне неопределенно. Не желая в ряде случаев разделить воззрения некоторых реакционных историков (отрицание роли славян в истории Византии, игнорирование существования коллективных форм землевладения в VI—VIII вв., „фискальная теория“ возникновения общины и др.), Руйяр в то же время не отвергает их решительно и не противопоставляет им иной, последовательно обоснованной концепции. Намеченная же ею теория (конкуренция крупной и мелкой собственности как основа „сельской жизни“ империи на всем протяжении ее истории) в той трактовке, какую она получает при изложении конкретно-исторического материала, оказывается абстрактной схемой, не отражающей прогресса в экономической истории Византии. Признание Руйяр классовой борьбы между крестьянами и крупными землевладельцами все же не приводит ее к мысли о том, что эта борьба в значительной мере определяла развитие византийской „сельской жизни“ и что непрекращавшееся сопротивление крестьянства угнетению и закрепощению имело прогрессивное значение.

При всех серьезных недостатках работы Руйяр советский историк с интересом прочтет те ее разделы (особенно части, относящиеся к византийскому Египту), в которых содержатся конкретные факты по истории крестьянства.

А. Я. Гуревич

ХРОНИКА

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В ИСТАМБУЛЕ

Международные конгрессы византинистов собираются периодически через каждые два-три года. В последнее время такие конгрессы проводились в Париже, Брюсселе, Палермо, Фессалонике.

X конгресс византинистов состоялся в Истамбуле 15—21 сентября 1955 г. Древняя столица Византии стала местом наиболее выдающихся ученых мира, изучающих историю и блестящую культуру некогда могущественной империи. Заседания конгресса происходили в обширном, построенном в конструктивистском стиле, новом здании Истамбульского университета. На конгрессе присутствовали делегации более 20 стран Запада и Востока, в том числе — Австрии, Алжира, Англии, Бельгии, Болгарии, Германской Демократической Республики, Федеральной Республики Германии, Голландии, Дании, Египта, Израиля, Испании, Италии, Ливана, Нидерландов, СССР, США, Турции, Франции, Швейцарии, Швеции, Югославии.

К сожалению, в заседаниях конгресса не приняли участия греческие ученые, много и плодотворно работающие в области изучения социально-экономической и политической истории Византии, ее культуры и искусства.

Советские ученые участвовали в работе конгресса византинистов впервые. Советская делегация состояла из трех человек — члена-корреспондента Академии наук СССР В. Н. Лазарева, кандидата исторических наук Э. В. Удальцовой и кандидата искусствоведческих наук Д. В. Сарабьянова. Появление на конгрессе советских делегатов было одобрительно встречено подавляющим большинством участников конгресса.

Работа конгресса происходила как на пленарных заседаниях, так и на заседаниях пяти секций: 1) искусства и археологии, 2) истории, 3) литературы, 4) права и 5) теологии.

На конгрессе были заслушаны многочисленные доклады. Большая часть их была посвящена узким, сугубо специальным темам; доклады, в которых бы ставились и разрешались широкие проблемы большой научной значимости, к сожалению, были редки.

Значительный интерес представлял доклад крупного болгарского ученого профессора Димитра Ангелова об аграрных отношениях в Македонии в XIV в. Труды профессора Д. Ангелова по социально-экономической истории Византии и Болгарии, а также по истории одного из крупнейших народных движений средневековья — движения богомилов пользуются заслуженной известностью в нашей стране.

Доклад профессора Димитра Ангелова на тему: „Аграрные отношения и феодальная рента в Средней и Северной Македонии в XIV в.“ представлял собой краткое изложение основных выводов обширного

труда, подготовляемого в настоящее время автором. Это ценное исследование основывается на изучении большого документального материала (грамот сербских правителей Милутина, Стефана Дечанского, Стефана Душана, местных феодальных господарей Углеша, Вылкашина, братьев Деяновичей и др.). В центре внимания автора — исследование роста и характера крупного феодального землевладения; при этом он приходит к выводу, что в Македонии XIV в. происходил интенсивный рост в первую очередь крупного монастырского землевладения. Продолжало расти и светское землевладение как крупных феодалов (владельцев), так и более мелких (владельцев). В Македонии имение феодала так же, как и в Византии, состояло из двух основных частей — крестьянской и господской земли, причем господская земля в подавляющем большинстве случаев была больших размеров, чем крестьянская. Светские и церковные феодалы владели имуществом не только в деревнях, но и в городах. Далее автор переходит к исследованию характера иммунитета и феодальных привилегий в Македонии того времени и делает вывод о том, что за редким исключением монастыри обладали полным иммунитетом в своих владениях. Большое внимание уделяет профессор Д. Ангелов вопросу о положении крестьянства и его повинностях. Он проводит четкое разграничение между государственным и частновладельческими феодально-зависимыми крестьянами, известными под названием „люди“. В докладе содержалась яркая характеристика положения отдельных групп феодально-зависимого крестьянства (парики, отроки, технитари, влахи). Значительный интерес представляют выводы автора о характере феодальной ренты. Документы той эпохи свидетельствуют о наличии в Македонии XIV в. всех трех видов феодальной ренты, но привлекает особое внимание довольно большое распространение ангарий. Автор отмечает существенные различия в формах и размерах ренты в отдельных имениях феодалов, в частности, монастырей, что было обусловлено богатством и влиянием того или иного монастыря и характером его хозяйства.

Существовали также различия в нормах ренты как для отдельных категорий феодально-зависимого крестьянства, так иногда и для крестьян одной и той же категории.

Общий вывод автора состоит в том, что в Македонии XIV в. не существовало единой для всех областей системы феодальных привилегий и феодальных повинностей, которые отличались большим разнообразием. В этом феодальном строй в Северной и Средней Македонии имел определенное сходство с феодальными отношениями того времени в других областях Балканского полуострова, входивших в состав Византии, Болгарии и Сербии.

Ценным вкладом в разработку истории поздней Византии явился доклад академика Г. А. Острогорского (Югославия), посвященный анализу новых, найденных на Афоне, документов, характеризующих финансовое положение Византийской империи в последние столетия ее существования и позволяющих определить размеры дани, уплачивавшейся Византией туркам.

Особенно значительный интерес для исследователя имеет грамота Мануила II от 29 сентября 1404 г. Димитрию Вулиоту, посылаемому в качестве императорского уполномоченного на Афон. Из нее явствует, что до недавнего времени все византийские землевладельцы, не исключая афонских монастырей, были обязаны платить в пользу турок харач. Точно так же южно-славянские и венецианские документы показывают, что в южно-славянских и албанских землях, находившихся в вассальной зависимости от турок, харач вносило все население, и от его уплаты

не освобождались даже землевладельцы, пользовавшиеся самыми широкими имущественными правами.

Став свободным от своих вассальных обязательств, в силу договора 1403 г., византийское правительство не освободило своих подданных от всех тягот, наложенных на них в эпоху турецкого суверенитета. Оно возвратило афонским монастырям, как и другим землевладельцам, лишь $\frac{2}{3}$ их бывших владений и освободило их от уплаты $\frac{2}{3}$ харача, тогда как $\frac{1}{3}$ харача, платившегося при султанах Баязете, взималась и далее — в пользу византийской казны. Но если крупные землевладельцы после освобождения Византии от турецкой зависимости хоть в определенной степени были восстановлены в своих правах, то для их крестьян, фактически плативших харач, в сущности ничего не изменилось. Они продолжали платить харач, внося его частично императорскому правительству, частично своему сеньору. Турецкий харач был заменен византийским харачем, не изменившим даже своего названия.

Много новых, ценных наблюдений по социально-экономической истории византийского Египта VI в., сделанных на основе изучения данных папирусов, содержалось в весьма интересном докладе австрийского ученого профессора Г. Герстингера (Грац).

Ряд докладов по вопросам социально-экономической истории Византии был прочитан на заседаниях секции права. Среди них привлекает особое внимание содержательный доклад французского ученого Луи Арманда (профессора университета в Клермон-Ферране), касающийся истории аграрных отношений в Сирии в эпоху Поздней империи. Анализируя речь Либания о патронате (Orat., XLVII), автор подчеркивает, что Либаний различает в Сирии IV в. два вида патроната: 1) когда под патронатом находится население больших деревень, земли которых разделены между многочисленными мелкими собственниками, владеющими небольшими парцеллами; 2) когда под патронатом находится население домена, зависящее от одного владельца. Профессор Луи Арманд указывает, что это деление на *loci publici*, занятые свободными крестьянами, и *loci privati*, принадлежащие частным лицам, засвидетельствовано не только законодательными и нарративными источниками той эпохи, но и подтверждается новейшими археологическими изысканиями. Дав весьма ценный анализ аграрного строя Сирии IV в., автор далее прибегает к несколько рискованному историческим параллелям, настаивая на том, что в Сирии и поныне сохраняются описанные Либанием две экономические системы и отношения патроната.

Характеристике форм землевладения во франкских государствах Греции был посвящен доклад американского ученого Питера Топпинга. Автор провел сравнительный анализ аграрных отношений во франкских княжествах Греции и греческом деспотате в Морее, выдвинув при этом тезис об устойчивости византийской системы землевладения в завоеванной крестоносцами Греции.

Израильский ученый М. Ави-Иоган (Иерусалим) сделал доклад об экономике Палестины в византийскую эпоху.

Немецкий ученый Герман Келленбенц (ФРГ, Вюрцбург) выступил в секции истории с докладом на экономическую тему, в хронологическом отношении выходящую за рамки византийской истории: был рассмотрен вопрос о международной торговле по Балтийскому торговому пути в XVII—XVIII вв. Келленбенц показал, что соперничество между Голландией и Англией в торговле с Ираном и затруднения в левантской торговле, возникавшие в результате разногласий между Турцией и Ираном, способствовали развитию торговых сношений с Востоком через При-

балтику и Россию. В установлении этих связей были заинтересованы Дания, Швеция, Гольштейн, Курляндия и особенно Россия, которая при Петре I открыла путь гамбургским купцам в Иран через свою территорию.

Несколько особняком по своей тематике стоял доклад известного немецкого византиниста Франца Дэльгера (Мюнхен) о принципах создания научной библиографии византиноведческих работ на основе опыта журнала „Byzantinische Zeitschrift“. Докладчик сообщил о некоторых пожеланиях, касающихся улучшения ведения отдела библиографии и отдела хроники в этом журнале. Кроме того, он доложил конгрессу о работе, ведущейся в настоящее время по составлению сводной библиографии византиноведческих трудов, вышедших в свет за последние пять лет (1951—1955 гг.). Профессором Ф. Дэльгером было внесено предложение заменить ее алфавитным предметным указателем к библиографическому отделу журнала „Byzantinische Zeitschrift“ за соответствующий период.

Заслуживает быть особо отмеченным то обстоятельство, что на конгрессе были довольно широко представлены доклады по истории взаимоотношений Византии со славянскими странами. Доклад профессора Анри Грегуара (Брюссель), подвергнувшего анализу источники по истории взаимоотношений Византии и Руси в IX—X вв., свидетельствовал о большой эрудиции автора и высокой технике исследования.

Свежие, хорошо аргументированные выводы и обильный фактический материал содержал доклад югославского историка Франьо Баришича (Белград) об осаде славянами и аvaraми Константинополя в 626 г.

В его докладе был сделан глубокий анализ письменных источников, содержащих известия об этом важном историческом событии (произведений Писиды, Феодора Синкелла, „Бревиария“ патриарха Никифора, Пасхальной хроники, хроник Феофана и Скилицы и др.).

Ф. Баришич считает поход кагана на Константинополь важным звеном общей политики авар, а не результатом совместных действий персидско-аварской коалиции. Излагая ход осады, автор вскрывает причины поражения 80-тысячной, хорошо снаряженной армии кагана. Он усматривает их в неудачной стратегии аварского командования и в этнической пестроте войск кагана (в состав его армии входили славяне, авары, болгары, гепиды и другие племена). Одной из главных причин поражения кагана Ф. Баришич считает вражду между славянами и аvaraми, вызванную пренебрежительным отношением авар к славянам, составившим основную массу войска. Поэтому прямым следствием поражения кагана под Константинополем, по его мнению, явились междоусобные столкновения авар и славян в 626—629 гг., о которых сообщает Писида.

В докладе профессора Александра Соловьева (Женева) вновь рассматривался сложный вопрос, привлекавший внимание многих русских исследователей, — о „византийском имени Руси“. При этом профессор А. Соловьев, на основании изучения большого лингвистического материала, проследил появление имени „Русь“ в византийских источниках и дал анализ различных его вариантов и производных. Большое место в докладе было также уделено изучению вопроса об имени *Rosia* и его распространении на Руси и у средневековых западноевропейских авторов.

Французский ученый Ж. Девейк-Навакас (Париж) сделал на пленарном заседании конгресса доклад о распространении юстиниановского и послеюстиниановского права в странах Восточной Европы. По мнению докладчика, влияние греко-римского права было особенно сильно в Литве. Он считает, что из 100 статей Литовского статута 1566 г.

30 были римско-византийского происхождения. При этом профессор Девейк-Навакас явно недооценивает значение литовского обычного права в создании статута Литвы XVI в. Кроме того, оттеняя влияние статута Литвы 1588 г. на Соборное Уложение царя Алексея Михайловича (1648—1649 гг.), докладчик приходит к несколько поспешному выводу, согласно которому „римско-византийское право было источником и права москвитов“. Однако сам автор доклада признает, что сравнение статута 1588 г. с римско-византийскими правовыми нормами еще не проведено. В целом в докладе явно чувствовалось стремление автора несколько преувеличить влияние греко-римского права на законодательство стран Восточной Европы.

Югославский историк Владимир Мошин (Загреб) посвятил свое интересное исследование славянской редакции митрополита Константина Мокиусского. Административное устройство Далматинского архонтата было освещено в содержательном, основанном на хорошем знании источников докладе молодого югославского ученого Ядрана Ферлуги, прочитанном им на заседании секции права.

На заседании той же секции права было заслушано сообщение итальянского византиниста Антонио д'Эмиллиа о трех ответах (решениях) болгарского архиепископа первой половины XIII в. Дмитрия Хоматиана относительно права совместного наследования супругов (*αλληλοκληρονομία*). Признавая большое историко-юридическое значение этих решений, автор вместе с тем подчеркивает, что они являлись не только отражением норм византийского права, но и местного права балканских стран.

Турецкий ученый Т. Окич (Анкара) выступил с сообщением по истории богомилов.

Алжирский ученый Мариус Канар прочитал на заседании секции истории доклад на тему: „Приключения византийского патриция в стране болгар по рассказу арабского писателя“. Исследуя труды арабского писателя X в. ат-Танûkhî, автор нашел в одном из них интересный рассказ об освобождении византийским патрицием пленного араба, жившего в Болгарии. Хотя в этом рассказе налицо фантастические и романтические элементы, он содержит вместе с тем и некоторые новые исторические сведения относительно войн Болгарии и Византии в X в.

Необходимо отметить, что наряду с ценными докладами по славянской тематике на конгрессе были представлены отдельные доклады, отражающие реакционные тенденции в разработке вопроса о взаимоотношениях Византии и славян. Так, например, в докладе немецкого ученого Эрнста Кирстена (Бонн) ясно чувствовалось стремление возродить устаревшие теории относительно славянской колонизации Балканского полуострова и ее значения. Пытаясь сузить масштабы колонизации славянами территории Византийской империи, докладчик стремился доказать, что славяне не заселяли окрестности больших крепостей, и сами эти крепости оставались в руках византийцев, иногда даже лишенных связей с империей. По мнению Кирстена, славянские по происхождению названия таких крепостей якобы еще не доказывают заселения этих мест славянами. Подобное же явление, полагает докладчик, наблюдалось и во время заселения албанцами отдельных областей Средней и Северо-Западной Греции в XIV—XV вв. Сохранение этих крепостей в руках византийцев служило, с его точки зрения, предпосылкой для „приобщения славян и албанцев к греческой культуре и церкви“.

Довольно значительное число докладов, прочитанных на конгрессе, касалось вопросов международных связей византийского государства со странами Востока и Запада.

Среди этих докладов значительный научный интерес представлял доклад французского исследователя Марена Тадена (Париж) по вопросу о том, посетили ли Грузию „славянские апостолы“ Константин (Кирилл) и Мефодий. На основании нового толкования текста из „Жития Константина“ автор доклада дает положительный ответ на этот вопрос. Свой вывод Марен Таден аргументирует тем, что в 8 главе „Жития Константина“ рассказывается о хазарском князе, осаждавшем христианский город, спасенный от разрушения благодаря вмешательству Константина. Это место „Жития Константина“ вызывало сомнения ученых, ибо трудно было согласовать враждебные действия хазарского князя по отношению к христианам с общей политикой хазарского каганата, искавшего в то время поддержки Византии в борьбе с арабами. Профессор Таден считает, что в хазарском князе, упомянутом в „Житии Константина“, следует видеть независимого от кагана князя Bougha al-Kabîr'a, тюрка по происхождению. По данным грузинских хроник, летом 861 г. этот князь Bougha действительно осаждал город Тбилиси, столицу Грузии, дружественной по отношению к Византии. Сведения относительно князя Bougha, а также изучение политических и религиозных интересов империи в Закавказье привели автора к выводу о том, что „славянские апостолы“ Константин (Кирилл) и Мефодий действительно посетили в 860—861 гг. Грузию по пути в Хазарию.

Взаимоотношения Византии и Хазарии и сложная проблема крещения хазар были рассмотрены в докладе французского ученого S. Szysmann (Париж). Исследуя проблему крещения хазар, докладчик стремился согласовать между собой две теории, существующие в науке по этому вопросу. Согласно первой теории, миссионеры, участвовавшие в крещении хазар, прибыли в Хазарию из Византии через Крым и Кавказ. Другая теория, выдвинутая советским ученым С. П. Толстовым, показывает, что обращение хазар произошло при посредстве хорезмитов. По мнению автора доклада, процесс обращения хазар имел несколько этапов и завершился в результате деятельности миссионеров различных стран.

Церковные и дипломатические связи между Константинопольским патриархатом и Римом в правление императора Юстиниана I были рассмотрены в представленном конгрессу докладе немецкого ученого Вильгельма Энсслина (Вюрцбург).

Голландский ученый Г. Бланкен (Роттердам) исследовал вопрос об эмиграции греков на Запад до и после 1453 г. Первая часть его интересного сообщения содержала анализ известных разнообразных источников об эмиграции из Византии в Италию в византийскую эпоху. Г. Бланкен отметил два вида греческой эмиграции в то время: 1) бегство населения, спасавшегося от нашествия врагов; 2) переселение византийским правительством колонистов в Италию, в частности, в Лангобардию. Вторая часть доклада была посвящена изучению греческой эмиграции после турецкого завоевания, вплоть до XVIII—XX вв. Профессор Г. Бланкен изучил документальные материалы, хранящиеся в архивах Рима, Генуи, Турина, Флоренции, Палермо, Аяччо и Парижа и на основании рассмотрения многочисленных документов пришел к выводу о тяжелом положении греческих эмигрантов на новых местах жительства. Он привел свидетельство документов о стремлении греческих эмигрантов сохранить и в Италии свой язык, религию и культуру.

туру. В настоящее время профессор Г. Бланкен подготавливает большую работу о греческих колониях в послевизантийское время на Корсике, в Сардинии, Алжире, Сицилии, Тоскане и даже в Америке.

Английский ученый Э. Д. Таппе (Лондон) заинтересовался историей греческого колледжа в Оксфорде (1699—1705 гг.) и доложил конгрессу результаты своих изысканий в английских архивах частных лиц относительно судеб этого учебного заведения.

Французский исследователь Джон Девейк-Навакас (Париж) в своем втором сообщении на конгрессе выдвинул тезис о распространении в период средневековья во многих странах Западной и Восточной Европы византийского принципа диархии, принимавшего в каждой стране свои особые, национальные формы.

Среди докладов, в которых рассматривались международные связи Византии с различными странами средневекового мира, имелись сообщения, отличающиеся известной тенденциозностью. Так, например, испанский ученый Себастьян Цирак-Эстопани (Барселона) поставил задачей показать в своем докладе „Турки, греки и испанцы“ исконные дружественные связи, существовавшие между Османской Турцией и католической Испанией еще с начала XVI в.

Отдельные доклады, прочитанные на конгрессе, содержали сообщения об открытии новых, доселе неизвестных в науке источников. В этом отношении выделялся доклад французской византистки М. А. Конкасти (Париж) о сделанном ею открытии в Парижской Национальной библиотеке новой рукописи „Донесений“ флорентийца Якова Тедадьди, повествующих о взятии Константинополя турками. В этой рукописи, как показала М. А. Конкасти, имеются важные дополнительные сведения, отсутствующие в ранее известных списках труда Тедадьди и расширяющие наши познания о событиях 1453 г. Большой интерес представляет украшающая рукопись миниатюра XV в., на которой изображена осада Константинополя турецкими войсками.

Новые ценные сведения по исторической географии и топонимике Пелопоннеса в XIII—XV вв. были использованы в докладе известного французского исследователя истории средневекового Пелопоннеса профессора Антуана Бона (Монпелье).

Английский ученый В. Фрэнд (Кембридж) на заседании секции истории сделал весьма интересное сообщение о новых эпиграфических открытиях в Малой Азии. В докладе был дан анализ надписи, недавно открытой в Сульменли (Центральная Фригия), относящейся к *cursus publicus* в Поздней Римской империи. Содержание документа отражает длительную борьбу, происходившую в III в. между двумя фригийскими деревнями из-за размера ангарий, которыми была обязана каждая деревня. Надпись дает возможность не только ознакомиться с размерами ангарий, выполняемых в III в. фригийскими крестьянами, но и уточняет наши представления об организации местной администрации во Фригии; кроме того, эпиграфический памятник сообщает некоторые дополнительные сведения по исторической географии этой провинции в эпоху Поздней Римской империи.

Анализ новых данных источников о посольстве в Вену в 1460—1461 гг. византийского ученого и политического деятеля XV в. Виссариона Никейского был сделан в сообщении австрийского ученого профессора П. К. Энепекидеса (Вена). Профессор П. К. Энепекидес обнаружил в Государственном архиве Вены и в Венской национальной библиотеке девять документов, относящихся ко времени пребывания в Вене кардинала Виссариона. Среди этих документов имеются жало-

ванные грамоты церквям и монастырям Вены, Винер-Нейштадта, Зальцбурга и других мест. Обнаруженные документы важны для изучения истории австрийской, главным образом венской церкви.

Тот же автор представил конгрессу еще один доклад об открытом им в Государственном архиве Вены документе, содержащем завещание последнего претендента на византийский престол Андрея Палеолога от 7 апреля 1562 г. По мнению автора, этот документ проливает некоторый дополнительный свет на судьбы династии Палеологов после падения Византийской империи.

Английский ученый А. Джонс (Кембридж) рассмотрел в своем докладе послание императора Гонория к испанской армии. Послание это было изучено автором по недавно открытой новой рукописи IX в. Сохранность рукописи, как показал докладчик, в целом хорошая, однако в ней имеются некоторые повреждения и лакуны. Профессор А. Джонс в своем исследовании пытается полностью восстановить первоначальный текст послания императора Гонория, содержащий, повидимому, известие о прибытии в Испанию *magister militum*, обещающего об увеличении жалования и перечислении других „милостей“, даруемых воинам испанской армии.

Тот же автор на заседании секции истории сделал еще одно сообщение, вносящее хронологические уточнения в разработку истории Восточной Римской империи IV в. На основании анализа известий современников, в частности, Афанасия, профессор Джонс пришел к выводу о том, что в Кодексе Феодосия перепутаны даты двух законов: одного, адресованного на имя префекта претория Востока Филиппа в 353 г., и другого — на имя Сильвана в 349 г. Докладчик доказывает ошибочность даты закона 353 г. на основании того, что, по свидетельству других источников, Флавий Филипп, префект претория Востока, умер во второй половине 351 г. А. Джонс предлагает поменять местами даты этих двух законов, и тогда, по его мнению, будет восстановлена точная хронология. Проверка и уточнение дат Кодекса Феодосия данными других современных ему источников поможет, как полагает автор, разрешению ряда сложных проблем, встающих при изучении этого законодательного памятника.

Анализу некоторых статей Кодекса Феодосия было также посвящено представленное конгрессу сообщение французской византистки Эмили Демужо (Тулуза). В своем докладе Э. Демужо остановилась на вопросе об упорном сопротивлении язычников, особенно в Сирии и Палестине, церковной политике императора Феодосия II в 20-х годах V в.

Французский ученый К. Маринеско (Париж) доложил на заседании секции истории о результатах своих разысканий в королевском архиве Арагона и в историческом архиве Барселоны. В этих архивах им были обнаружены новые документы, касающиеся политики византийских императоров Мануила II и Константина XI Палеолога по отношению к Испании. Документы свидетельствуют о наличии в XV в. политических и экономических связей между Византийской империей, с одной стороны, Каталонией и королевством Арагон, с другой.

Английский ученый Э. Д. Таппе (Лондон) посвятил свое исследование некоторым уточнениям топографического характера, относящимся к турецкому походу в Валахию при Мехмеде II. На основе анализа одного еще неопубликованного документа он доказывает, что „столицей“ Валахии, которую Мехмед II нашел окруженной тысячами трупов людей, посаженных на кол, была не *Târgoviște*, а *Brâila*. Эти коррективы топографического характера дают возможность нарисовать не-

сколькo иную, чем это обычно принято, картину всего похода турок в Валахию.

Турецкий историк Халил Инальчик (Анкара) осветил в своем докладе результаты исследования обнаруженного им турецкого документа XV в. об экспедиции султана Баязета I в 1394 г. в Венгрию и Валахию.

Другой турецкий ученый П. Демирджиоглу (Истамбул) доложил о своей монографии, посвященной изучению истории правления императора Ираклия. Он остановился в докладе на итогах изучения им первых лет правления этого императора.

Бельгийский ученый Ф. Халкин (Брюссель) в своем выступлении обратил внимание ученых на необходимость изучения незаслуженно забытого, но весьма важного источника — Константинопольского синаксаря.

На заседании секции истории итальянский исследователь А. Пертузи (Милан) сделал сообщение о некоторых особенностях византийской историографии IV—XII вв.

Среди докладов, касающихся административного устройства византийской империи, следует отметить доклад немецкого историка Г. Бека о византийском „министре координации“, должность которого была посредствующим звеном между императором и чиновниками низших рангов.

Ряд докладов, прочитанных на конгрессе, был посвящен вопросам исторической географии и топонимики.

Немецкий ученый Г. Штадтмюллер (Мюнхен) остановился на исторической географии Пелопоннеса в турецкое время.

Египетский ученый Ш. Башатли (Каир) представил конгрессу составленную им карту христианского Египта, уделив особое внимание выяснению расположения епископий и монастырей.

В исторической секции наряду с ценными в научном отношении докладами были поставлены и доклады, отличавшиеся крайней узостью своей тематики. Примером этого может служить доклад молодого византиниста Ж. Теодоридеса (Париж) об императорских зверинцах в Константинополе. Сугубо „специальный“ характер носило и сообщение И. В. Ауфхаузера (Мюнхен) о том, „где находится подлинная гробница богородицы“, причем автору так и не удалось установить ее местонахождение. Отдельные доклады, прочитанные в исторической секции, имели реакционную направленность и были явно ненаучными по своему характеру. Так, например, в докладе профессора П. Губера (Рим) о „революции 602 года, ее причинах и последствиях“ широкое народное движение в Византии на рубеже VI—VII вв. изображалось исключительно как династический переворот: роль народных масс в событиях полностью игнорировалась докладчиком. Кроме того, автор всячески стремился доказать, что правление Фоки якобы имело лишь крайне отрицательные последствия для дальнейших судеб византийского государства, оттолкнуло от Византии население Сирии и Египта и способствовало успеху арабского завоевания.

На конгрессе было заслушано много докладов по искусству и археологии Византии и сопредельных с ней стран. Среди этих докладов также преобладали сообщения на узко специальные темы, вплоть до исследования о „старых византийских замках“. Однако некоторые сообщения представляли определенный научный интерес. Наибольшую ценность имели те доклады, которые содержали публикацию новых памятников или выдвигали принципиально новые точки зрения.

К первой группе следует отнести прежде всего доклад английского ученого профессора Д. Тальбот-Райса, об открытых им мозаиках Боль-

шого Дворца, датируемых V в. Эти мозаики являются не только одним из шедевров византийского искусства, но и ценным историческим источником, помогающим историку наглядно ознакомиться с сельским бытом и техникой сельского хозяйства в Византии того времени. О новых открытиях в Софии Константинопольской сообщил в своем докладе профессор П. А. Эндервуд (Вашингтон). Особое внимание среди открытых в этом храме мозаик привлекают орнаментальные мозаики VI в., включавшие в себя полуфигуры святых, изображения которых иконоборцы впоследствии заменили крестами, и фрагменты замечательных по силе эмоционального воздействия и колориту мозаик „Деисуса“ (IX в.).

Югославские ученые профессора Д. Коцо и Р. Миљкович-Пепек посвятили свой доклад характеристике открытого ими памятника XI в. — базилике св. Николая в деревне Манастир в области Мариово в Македонии. В этой базилике сохранились фрески, датируемые 1271 г. Они являются ценным памятником, позволяющим выяснить некоторые стилистические особенности живописи XIII в.

Ко второй группе докладов, поднимающих новые важные вопросы, следует отнести прежде всего весьма ценный доклад югославского ученого профессора Дж. Бошковича (Белград) на тему: „Византийская археология в Югославии перед новыми проблемами“. Опровергая ошибочную точку зрения, сторонники которой настаивают на исключительно большом значении византийских влияний в сербском искусстве, профессор Дж. Бошкович убедительно показал выдающуюся роль местных славянских традиций в процессе формирования и развития культуры сербского народа.

Значительный научный интерес представлял также доклад профессора Александра Соловьева (Женева) о символизме надгробных памятников богомилов и катаров, основанный на изучении главным образом новейших археологических находок в Югославии (преимущественно в Боснии).

Историк византийского искусства К. Вейцман (Принстонский университет, Нью-Джерси) на основе анализа миниатюр Серальского кодекса и их позднейших переработок доказал существование иллюстрированного Восьмикнижия еще ранее 256 г. н. э.

Югославский ученый А. Дероко (Белград) обратился в своих исследованиях к изучению жилых построек византийских городов и высказал интересные наблюдения об особенностях византийской городской архитектуры. Некоторых вопросов византийского „урбанизма“ коснулся также и французский историк византийского искусства профессор П. Лаведан (Булонь).

На пленарном заседании конгресса итальянский ученый Б. Паче (Рим) рассказал о своих новых исследованиях в области изучения такого выдающегося памятника византийского зодчества, как базилика Марии в Эфесе, в которой происходили Эфесские церковные соборы.

Значительное число докладов, прочитанных на конгрессе, касалось вопросов филологии и лингвистики. На заседании секции литературы немецкий ученый Иоганн Ирмшер (ГДР, Берлин) прочитал весьма содержательный и яркий по форме изложения доклад о развитии византийского нововедения в Берлине, уделив особое внимание вопросу изучения греческой филологии и изданию византийских источников в Берлинской Академии наук и Берлинском университете. Профессор И. Ирмшер подчеркнул, что научные традиции в области византиноведения сохраняются не только на юге Германии, где работал Карл Крумбахер, но

и на севере, в частности, в Берлине. Среди крупных ученых-византистов и специалистов по греческой филологии, истории и праву, работавших в Берлине в эпоху Просвещения, профессор И. Ирмшер упомянул Я. Вегелина, в XIX в. — Ф. Вилькена и Цахариэ фон Лингенталя. Берлинской Академии наук принадлежат немалые заслуги в продолжении издания Боннского корпуса византийских авторов (после смерти Б. Нибура), в издании трудов греческих христианских писателей первых веков новой эры. Берлинская Академия наук издает ряд специальных журналов, публикующих памятники византийской литературы и исследования в области византиноведения. Большое значение для изучения византийского и восточнохристианского искусства имеет собрание уникальных памятников в Берлинском музее императора Фридриха.

Среди многочисленных докладов, прочитанных на заседаниях секции литературы, особо выделялись доклады, посвященные описанию недавно открытых новых памятников византийской литературы, преимущественно агнографической.

Итальянский ученый Ч. Джаннелли (Рим) рассказал об открытом им в Ватиканской библиотеке ранее неизвестном науке метрическом календаре, приписываемом Феодору Продрому (Cod. Vat. gr. 1702). Эпиграммы, содержащиеся в этом календаре, порою рисуют картины большой художественной силы. Особый интерес имеет эпиграмма на папу Сильверия, отражающая политико-религиозные теории того времени.

Другой итальянский ученый Джузеппе Широ (Рим) дал в своем докладе описание и исследование неизданного канона Иосифа Гимнографа по наиболее древней рукописи Гроттафerratа, подчеркнув, что это произведение обогащает наши представления о сицилийской гимнографии.

Английская исследовательница Р. Вербур (Оксфорд) сообщила о результатах изучения рукописи трудов Дионисия Псевдо-Ареопагита, скопированной Робертом Гроссетесте, епископом Лиона (1235—1255 гг.). О неизданных греческих лингвистических текстах, обнаруженных в архивах Южной Италии, рассказал итальянский ученый О. Парлангелли (Наволи).

Исследование афинской рукописи Гесиода представил конгрессу итальянский ученый А. Пертузи (Милан).

О византийских папирусах, хранящихся в архивах Вены, сообщил австрийский ученый Г. Герстингер (Грац). Исследованию византийских папирусов под углом зрения выяснения их значения в развитии греческой филологии был посвящен доклад другого австрийского ученого филолога А. Штейнвентера (Грац).

Анализ неизвестных неолатинских топонимических названий, встречающихся в „Войне с готами“ Прокопия Кесарийского (De bello Gothico, III, 28, 7), был дан в докладе итальянского ученого Бруно Лаваньини (Палермо).

Новые данные о судьбах Александрийской библиотеки в VII в. содержались в докладе египетского ученого Феодора Москонаса (Александрия). Профессор Ф. Москонас, основываясь на данных источников, полагает, что Александрийская библиотека не была полностью уничтожена арабами в 642 г., а была частично вывезена византийцами во время перемирия с арабами в ноябре 641 г. — сентябре 642 г.

Ряд докладов, прочитанных как на пленарных заседаниях конгресса, так и на заседаниях секции теологии, был посвящен вопросам истории византийской церкви. Среди них особое внимание привлек доклад профессора Анри Грегуара (Брюссель) о „схизме“ Фотия, в котором он полемизировал с профессором Ф. Дворником. Большинство докла-

дов, прочитанных в секции теологии, затрагивало весьма узкие и сугубо специальные темы.

Советская делегация выступила на конгрессе с тремя докладами. 18 сентября на заседании секции искусства и археологии состоялся первый доклад советского делегата на конгрессе Д. В. Сарабянова на тему „К вопросу о взаимоотношениях древнерусского и византийского искусства“. На основании изучения большого фактического материала докладчик показал взаимосвязи и взаимные влияния древнерусского и византийского искусства, подчеркнув самобытность искусства Древнерусского государства и высокую художественную ценность произведений русских мастеров.

Доклад получил положительную оценку со стороны большинства ученых, присутствовавших на этом заседании. С замечаниями по докладу выступил, однако, профессор А. М. Амманн (Рим), высказавший ошибочную, но еще распространенную точку зрения, согласно которой византийское искусство якобы оказало решающее влияние на искусство Древней Руси. Развернутый ответ на замечания А. М. Аммана был дан Д. В. Сарабяновым и В. Н. Лазаревым. Основные тезисы доклада Д. В. Сарабянова поддержал также югославский ученый Дж. Бошкович.

20 сентября на заседании секции истории был заслушан доклад советского делегата Э. В. Удадьцовой на тему „Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке“. В докладе была дана характеристика важнейших работ советских ученых в области изучения социально-экономической и политической истории Византии, идеологии и культуры византийского общества.

В прениях по докладу Э. В. Удадьцовой выступил видный бельгийский ученый, редактор журнала „Byzantion“, профессор Анри Грегуар. В своем весьма обстоятельном выступлении профессор А. Грегуар признал значительные заслуги русской науки в области византиноведения и дал высокую оценку работам советских византистов. Особенно положительно он оценил работы П. О. Карышковского, посвященные изучению Балканских походов русского князя Святослава, М. В. Левченко — по истории русско-византийских отношений, Н. В. Пигулевской — в области изучения взаимоотношений Византии со странами Востока, В. Н. Лазарева — по истории византийского искусства и Э. В. Удадьцовой — по вопросам взаимоотношений Византии и Запада в XIII—XV вв.

Профессор А. Грегуар высказал свое несогласие с советскими учеными в отношении понимания термина „феодализм“ и применения этого термина к истории Византии. В заключение А. Грегуар выразил большое удовлетворение по поводу участия советских ученых в работах конгресса.

21 сентября на пленарном заседании конгресса был заслушан доклад советского делегата В. Н. Лазарева на тему „Новые открытия в Софии Киевской“. Доклад сопровождался показом многочисленных диапозитивов и дал представление о значительном размахе реставрационных работ, проводимых советскими учеными в Софии Киевской. Доклад был прослушан с большим интересом и получил одобрение большинства ученых.

В ходе работы конгресса и во время многочисленных встреч в кулуарах советские делегаты установили тесный научный контакт со многими делегациями других стран и с отдельными учеными. Оживленный обмен мнениями по различным научным вопросам, в дружеской атмосфере

взаимного понимания и доверия, происходил между советской делегацией и делегацией Югославии (академик Г. А. Острогорский, профессора Дж. Бошковиц, А. Дероко, Д. Коцо, молодые ученые Франьо Баришич, Ядран Ферлуга, Мила Райкович и др.). Весьма дружеские отношения у нас сложились с профессором Димитром Ангеловым (Болгария) и профессором Иоганном Ирмшером из Германской Демократической Республики.

Тесный научный контакт установился между советскими учеными и известным датским археологом профессором Эйнар Диггве, профессорами Д. Тальбот-Райсом, Ф. Фольбахом, Мартином Винклером и многими другими.

Немало интересных бесед и споров на различные научные темы вели советские ученые и с „патриархом“ современного западноевропейского византиноведения Анри Грегуаром, а также с известным французским историком античности профессором А. Пиганьолем. В беседах с нами профессор А. Пиганьоль дал высокую оценку советского журнала „Вестник древней истории“, в котором печатаются ценные работы советских и зарубежных ученых.

Во время многочисленных бесед с зарубежными учеными выяснился их значительный интерес к трудам советских византистов и особенно к журналу „Византийский Временник“. Многие ученые различных стран просили организовать за рубежом подписку на „Византийский Временник“ и установить постоянный книгообмен в области византиноведческой литературы между научными учреждениями Советского Союза и других стран.

Большую роль в установлении научного контакта с зарубежными византистами сыграла организованная советской делегацией выставка вышедшей в свет за последние годы в Советском Союзе научной литературы по византиноведению и истории Древней Руси. На выставке были представлены работы советских ученых в области изучения византийской истории, культуры, искусства, археологии, а также труды крупнейших советских исследователей (Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, М. В. Левченко и др.) по истории Древней Руси и ее взаимоотношений с Византией. Выставка открыла глаза некоторым ученым, слабо информированным о работах советских историков, на развитие нашей науки, в частности, показала достижения советских ученых в области византиноведения и изучения исторического прошлого нашей страны. Все выставленные нами книги были принесены в дар библиотеке Истамбульского университета.

Практическими результатами X Международного конгресса византистов явилось следующее:

1. Советский Союз вошел в Международную Ассоциацию византистов.

2. В. Н. Лазарев и Э. В. Удадьцова были приглашены на заседания Оргкомитета этой Ассоциации, на которых, в частности, обсуждался вопрос о месте созыва ближайших конгрессов [следующий конгресс состоится в 1958 г. в Мюнхене, а затем через 2—3 года в Охриде (Югославия)].

3. Русский язык признан четвертым официальным языком конгресса.

4. Местом созыва одного из очередных конгрессов намечена Москва.

В свободное от заседаний конгресса время советская делегация знакомилась с Истамбулом и его памятниками. Неизгладимое впечатление

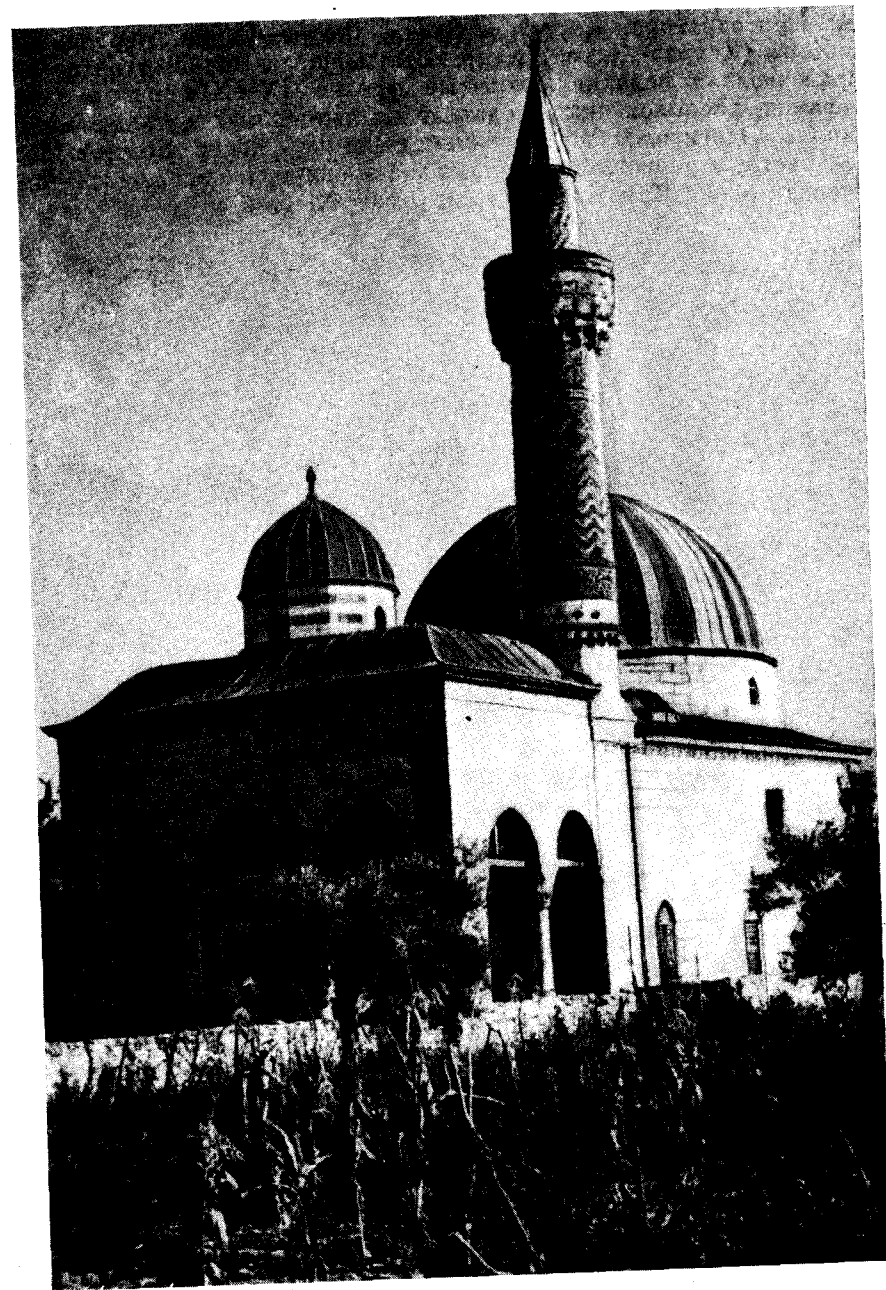

Рис. 1. Мечеть в Никее.

на нас произвело бессмертное творение византийских мастеров — знаменитый храм Софии Константинопольской. Кроме того, мы осмотрели такие прекрасные памятники византийского зодчества, как храмы Ирины, Пантократора, Сергия и Вакха, Фетив-Джами, церковь монастыря Хоры (Кахриэ-Джами) и др. Выдающийся научный интерес для нас представляли недавно открытые фрески IX—XIV вв. в капелле св. Евфимии, расположенной недалеко от ипподрома, а также мозаическая икона Одигитрии, перенесенная ныне из церкви Божьей Матери Паммакаристы в церковь св. Георгия на Фанаре, и хранящаяся там же мозаическая икона Крестителя, датируемая XI в.

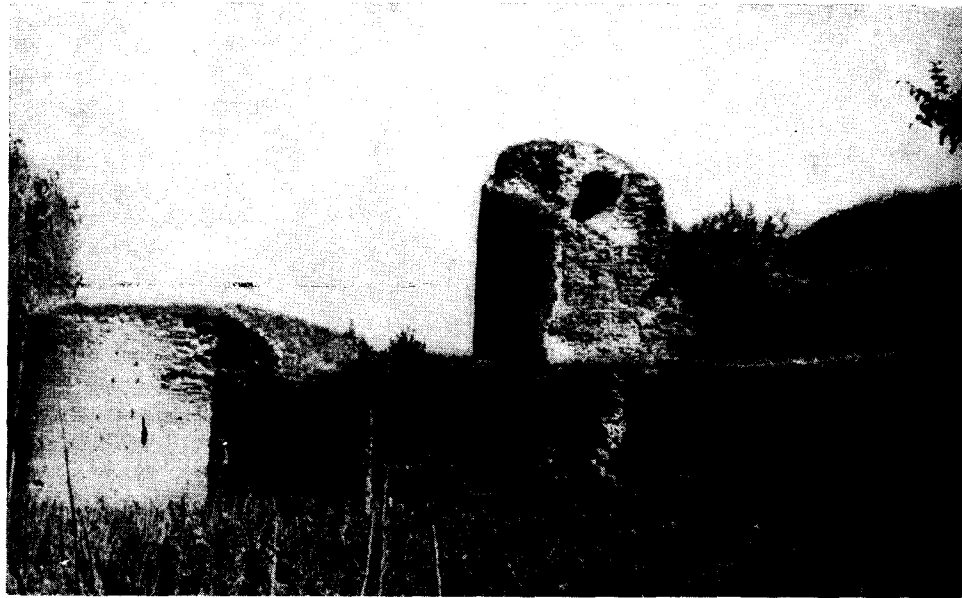

Рис. 2. Развалины крепостной стены Никеи.

Наиболее сильное впечатление произвели на нас знаменитые мозаики начала XIV в. в Кахриэ-Джами. Зрелое мастерство, исключительная красота и свежесть колорита, экспрессивность изображений, — все это делает мозаики Кахриэ-Джами одним из наиболее выдающихся памятников византийской живописи в период ее последнего расцвета. Из других произведений византийских мозаичистов большой художественный и исторический интерес представляли для нас мозаики V в., украшавшие некогда полы многочисленных зал Большого Дворца в Константинополе. Эти замечательные мозаики были нам любезно показаны профессором Д. Тальбот-Райсом, производящим раскопки Большого Дворца — древней резиденции византийских императоров.

Много ярких впечатлений принесло нам и посещение Истамбульского Археологического музея, где мы любовались прекрасными творениями греческого гения, в первую очередь, превосходными памятниками античной скульптуры. Византийское искусство представлено в этом музее великолепными образцами пластики и несколькими фрагментами фресок.

Наше внимание привлек также отдел музея, в котором хранятся ценные произведения искусства древнего Вавилона и Ассирии.

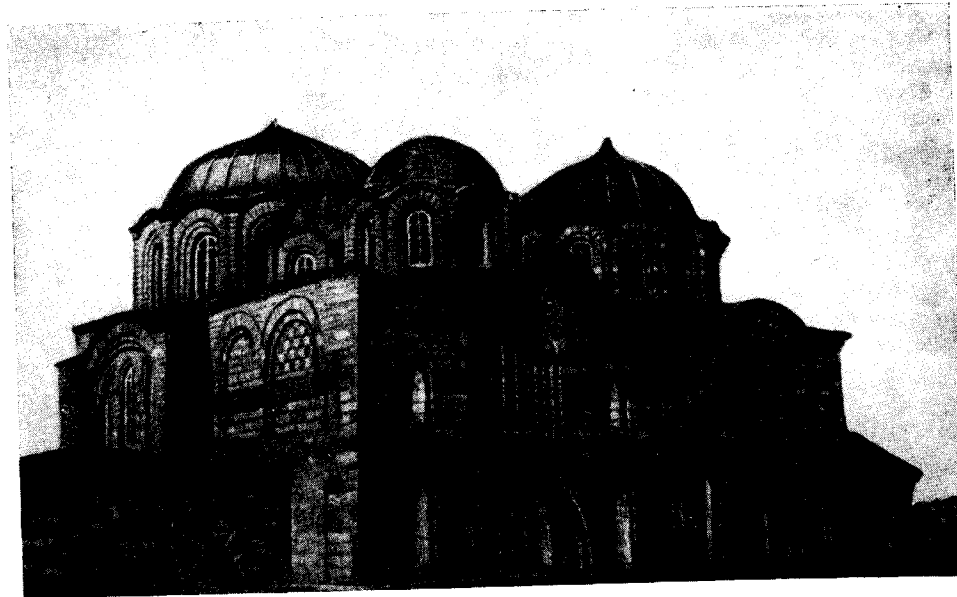

Рис. 3. Истамбул. Фетив-Джами.

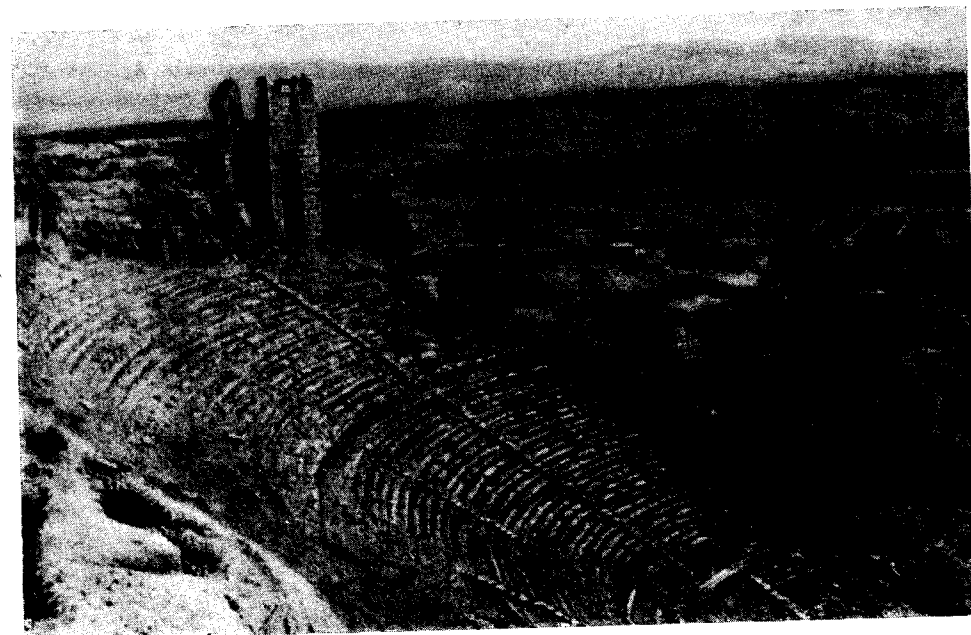

Рис. 4. Развалины театра в Пергаме.

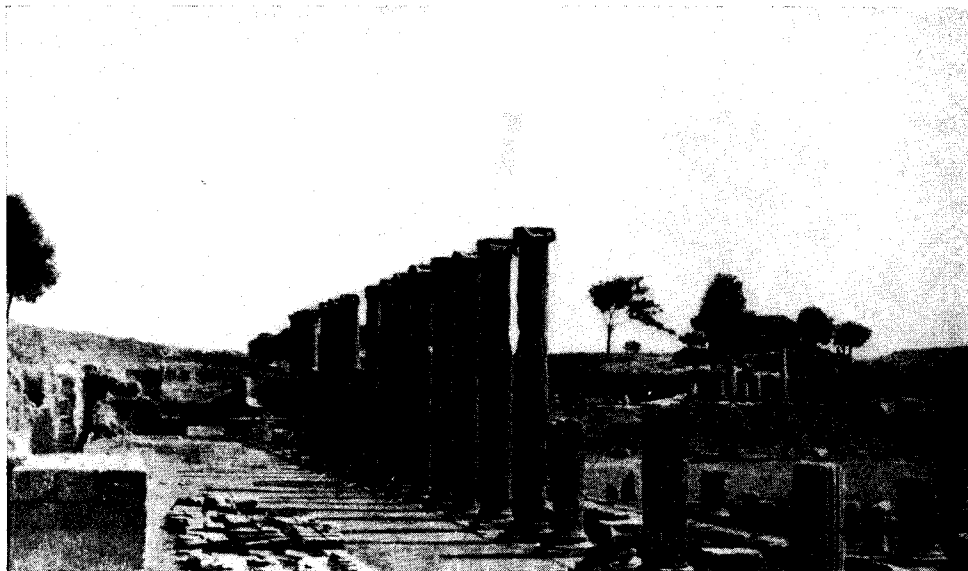

Рис. 5. Пергам. Асклепион (Галерея).

Рис. 6. Базилика св. Иоанна в Эфесе.

Познакомившись с наиболее интересными византийскими памятниками Истамбула, мы совершили небольшую экскурсию по Босфору и на Принцевы острова. После торжественного закрытия конгресса для ученых, прибывших в Истамбул, были организованы две экскурсии по Малой Азии. Советская делегация приняла участие в экскурсии по Западной Анатолии. Эта экскурсия длилась 6 дней (22—27 сентября). Переправившись на азиатский берег и прибыв на пароходе в порт Ялова, мы далее отправились на автобусе в Никею — древнюю столицу Никейской империи. По пути экскурсанты любовались исключительно живописным пейзажем Никейского озера в рамке оливковых рощ.

В Никее мы осмотрели древние стены и городские ворота, базилику, где происходил Никейский собор 325 г., с грустью взглянули на развалины храма Успения, под которым безвозвратно погребены дивные мозаики VII в. Из Никей мы отправились в Бурсу — древнюю Бруссу, столицу османов. После ночевки в Бурсе наш путь лежал в Измир (Смирну). По дороге мы посетили Магнезию и осмотрели превосходные произведения античной скульптуры, хранящиеся в ее небольшом музее.

Из Измира, где была сделана трехдневная остановка, мы отправились в Эфес и Пергам.

В Эфесе огромное впечатление произвел на нас общий вид развалин античного города, руины знаменитого храма Сераписа с его ныне поверженными колоссальными колоннами, остатки большого театра на 24 500 зрителей, древняя библиотека, под развалинами которой хранится саркофаг с прахом ее основателя, руины Артемизия (храма Артемиды), гимнасий, стадион, агора, Одеон, термы и многие другие памятники античного времени. Из византийских памятников Эфеса большой научный интерес для нас представляли церковь св. Иоанна, датируемая временем правления императора Юстиниана (527—565) и базилика Марии, где происходили церковные соборы. В Пергаме мы осмотрели руины античного театра, Асклепион, побывали на Акрополе и ознакомились с остатками жилых кварталов города и многими памятниками греческого зодчества. В Эфесе, Пергаме и Измире (Смирне) мы посетили музеи античного искусства, в которых хранятся редкие произведения греческой скульптуры, зачастую мало известные даже узкому кругу специалистов.

Осмотрев на обратном пути памятники мусульманского искусства в Бурсе, мы возвратились в Истамбул, а затем и в Москву.

Нет сомнения, что участие советских ученых в работе периодически созываемых международных конгрессов византистов внесет ценный вклад в дело развития научных связей между нашими и зарубежными исследователями и будет способствовать разрешению многих еще неразработанных проблем современного византиноведения.

З. В. Удальцова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В X т. ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕННОКА

AASS	— Acta Sanctorum Bollandiana
AB	— Analecta Bollandiana
BB	— Византийский Временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
BCH	— Bulletin de Correspondence Hellénique
BC	— Византийский сборник, М.—Л., 1945
Byz.	— Byzantion
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
Dig	— Digesta. Corpus Juris Civilis, recog. P. Krueger et Th. Mommsen
ETH	— Edictum Theodorici regis, ed. F. Bluhme. MGH. Legum sectio I, vol. V
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН	— Записки Академии наук
ЗИВ	— Записки Института востоковедения
ИЖ	— Исторический журнал
ИИАК	— Известия Императорской Археологической Комиссии
ИИБИ	— Известия на Института за българска история
ИМ	— Историк-марксист
ИП	— Исторически преглед
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
JHS	— Journal of Hellenic Studies
КСИВ	— Краткие сообщения Института востоковедения
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИС	— Краткие сообщения Института славяноведения
MGH	— Monumenta Germaniae Historica
МКНЕ	— Μεσαιωνικά καὶ Νέα Ἑλληνικά
MM	— Acta et diplomata Graeca medii aevi... Ed. F. Miklosich et I. Müller
Nov. Just	— Novellae Justiniani
ОИДР	— Чтения Общества истории и древностей российских
ПСРА	— Полное собрание русских летописей
PG	— J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
PL	— J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina
RE	— Paulys-Wissowa. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, hrsg. von W. Kroll
СА	— Советская археология
СВ	— Советское востоковедение
СС	— Славянский сборник
СЭ	— Советская этнография
Cassiod. Variar	— Cassiodori Senatoris Variar, MGH. Auct. ant., vol. XII
Cod. Just.	— Codex Justinianus
Cod. Theod.	— Codex Theodosianus
SBAW	— Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
ТОДРА	— Труды отдела древнерусской литературы
VfSWG	— Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и исследования	Стр.
Н. В. Пигулевская (Ленинград). Производство шелка в Византии и Иране в IV в.	3
Э. В. Удальцова (Москва). Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания	9
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону	27
А. П. Каждан (Великие Луки). К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв.	48
К. А. Осипова (Москва). Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии X в.	66
Г. Г. Литаврин (Москва). Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг.	81
Б. Т. Горянов (Москва). Крупное феодальное землевладение в Византии в XIII—XV вв.	111
Е. Б. Веселаго (Москва). Известия Лаоника Халкокондила об албанцах	133
В. Н. Лазарев (Москва). Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской	161
П. В. Ериштедт (Ленинград). К коптскому тексту романа об Александре	178
В. С. Шандровская (Ленинград). Византийская басня „Рассказ о четвероногих“ (XIV в.). Художественные особенности и язык памятника	181
Критика и библиография	
Т. М. Соколова (Москва). Д. Ангелов. „Богомилство в Болгарии“. М. 1954.	195
И. К. Кусикьян (Москва). О русском переводе „Истории Армении“ Фауста Византийского	203
М. М. Фрейденберг (Великие Луки). „История на България“. Том първи. София, 1954	208
А. П. Каждан (Великие Луки). G. Ostrogorskij. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954	218
А. Я. Гуревич (Калинин). G. Rouillard. La vie rurale dans l'empire Byzantin. Paris, 1953	229
Хроника	
Э. В. Удальцова (Москва). X Международный конгресс византистов в Истамбуле	236